

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

**МОДЕЛИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ
РЕГИОНОВ РОССИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Международная научно-практическая конференция

(24–25 ноября 2017 года)

Сборник статей

*Проект реализуется при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (№ 17-06-20582)*

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2017

УДК 338.1
ББК 65.У
М74

Ответственный редактор

А.П. Шихвердиев – д. э. н., профессор, академик РАЕН, руководитель Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования, зав. кафедрой экономической теории и корпоративного управления ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», член Российского сообщества корпоративных директоров

Редакционная коллегия

А.А. Вишняков – к. э. н., доцент, заместитель руководителя Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»;

Л.В. Гудырева – к. ф. н., доцент, руководитель издательского центра ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»;

Н.И. Обрезков – эксперт Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Рецензенты

В.И. Кузнецов – д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;

С.Н. Большаков – д. э. н., д. полит. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета

М74 **Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях** : международная научно-практическая конференция (24–25 ноября 2017 г.): сборник статей / отв. ред. А.П. Шихвердиев. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – 324 с.

ISBN 978-5-87661-536-7

УДК 338.1
ББК 65.У

ISBN 978-5-87661-536-7

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима
Сорокина», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Блынская Т.А., Малинина К.О. Научно-исследовательская деятельность как индикатор социокультурной ситуации в Арктической зоне РФ (на примере г. Архангельска)	5
Большаков Н.М., Гурьева Л.А., Рауш Е.А. Корпоративно-общественная интеграция как новый институт устойчивого развития северных регионов	12
Большаков Н.М., Еремеева Л.Э., Рауш Е.А. Институт совокупных ценностей: новая парадигма устойчивого развития северных регионов	15
Большаков С.Н. Формирование инновационного кластера в системе территориального развития	23
Бочкова С.В., Размыслова Ю.К. Реализация жилищной политики северных регионов	32
Бушуева Л.И., Попова Ю.Ф. Адаптационная модель управления взаимодействием вуза с регионом по вопросам социального проектирования	36
Вишняков А.А. Моделирование инновационных сценариев биосферно-совместимого развития экономики Севера	46
Вишняков А.А., Шихвердиев П.А. Проблемы развития инновационной инфраструктуры северных регионов России в современных условиях	53
Жаров В. С. Сценарии инновационного развития промышленности регионов Севера и Арктики	61
Жуковец М. В. Новые направления развития туристского продукта для повышения привлекательности северных территорий	65
Зоркальцев В.И. Климат и экономика: результаты сравнительного анализа стран северного полушария	70
Иванов В.А. Концептуальные положения управления продовольственной безопасностью населения Арктической зоны России	85
Иванова Е.В. Предпосылки формирования института сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми	92
Каюков В.В., Гудырева Л.В. Механизмы повышения производительности труда в условиях Севера	101
Ким Хе Чжин. Корпоративная социальная ответственность нефтяных компаний перед коренными народами Севера России	104
Клепиков Н.В. Бухгалтерский учет как элемент системы экономической безопасности в обеспечении устойчивого развития предприятий	109
Князева Г.А., Князева Е.Б., Кирушева Н.Ю. Модель управления северным (арктическим) регионом на основе интеграционно-сбалансированного взаимодействия в интересах устойчивого развития	111
Колечков Д.В. Финансовая устойчивость фонда социального страхования как фактор благополучия социальной сферы северного региона	118
Корепанов Н.А. Экологический фактор в развитии северных регионов	124
Корепанов Н.А., Чалышева Л.В. Современные экологические вызовы и роль образования и экологического просвещения в обеспечении развития Севера	130
Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Ткачев С.А. Нужен ли «Главсевморпуть» России XXI века?	136
Лаженцев В.Н. Проблемы развития территориально-хозяйственных систем Севера ...	141
Мальцева И.С. Оптимизация использования земельных ресурсов как фактор устойчивого развития	145

Микушева Т.Ю. Дифференциация районов Крайнего Севера по потреблению основных продуктов питания	154
Найденова Т.А., Швецова И.Н. Алгоритм оценки возможности саморазвития северного региона и его апробация (на материалах Республики Коми)	159
Новокшонова Е. Н., Оганезова Н. А. Формирование трудового потенциала как механизма устойчивого развития экономики промышленных отраслей северного региона (на материалах Республики Коми)	168
Носков В.А. Направления и механизмы развития лесного комплекса сельских территорий с учетом принципов «зеленой экономики»	173
Ольшевская Е.В. Внутренний туризм как фактор устойчивого развития региона	180
Панарина И.А. Здоровье населения северных регионов России в контексте целей устойчивого развития	187
Садов С.Л. Выбор критериев и методов оценки энергоэффективности для регионов Севера	198
Сивкова А.А. Средний класс в контексте обеспечения устойчивого развития	203
Спирягин В.И. Моделирование бюджетного предприятия (организации) в северном регионе	207
Суворова Л.А., Щербинин В.Н. Внедрение системы аукционов по продаже лесных участков как условие экономической безопасности по развитию ЛПК Кировской области	212
Терентьева М.А. Оценка трудовых ресурсов в регионах Европейского Севера России	220
Тимушев Е.Н. Сценарии изменения методики межбюджетного выравнивания (на данных бюджетной системы Республики Коми)	225
Ткачев С.А. Развитие системы межведомственного взаимодействия как фактор совершенствования институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства в Республике Коми	232
Товмсян В.В. Финансовая безопасность личности как условие устойчивого воспроизводства человеческого капитала Республики Коми	240
Трушкова Е.А., Воронина Л.В. Реализация программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства в Архангельской области	251
Уляшева Л.Г. Развитие учета лесных ресурсов для целей совершенствования управления лесозаготовительными предприятиями Республики Коми	260
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России	268
Фомина В.Ф., Фомин А.В. На пути к «зеленой» экономике: внедрение стандартов НДТ (наилучших доступных технологий)	277
Чужмаров А.И., Чужмарова А.А. Роль частно-государственного партнерства в развитии предпринимательства в субарктических регионах европейской зоны российской Арктики	288
Шеломенцев А.Г., Трушкова Е.А. Современные подходы к разработке стратегий–2030: межрегиональный анализ	293
Шишкина М.А. Измерение факторов детерминации современных тенденций рождаемости в северных регионах России	309
Шихвердиев А.П. Механизмы управления предпринимательскими рисками и обеспечения надлежащего уровня корпоративного управления как факторы устойчивого развития экономики российского Севера	316

*Т.А. Блынская,
к.с.-х.н., старший научный сотрудник;
К.О. Малинина,
к.соц.н., заведующая лабораторией
обеспечения жизнедеятельности населения,
Институт комплексных исследований Арктики Федерального
исследовательского центра комплексного изучения Арктики
им. акад. Н.П. Лаверова РАН,
г. Архангельск*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РФ (НА ПРИМЕРЕ Г. АРХАНГЕЛЬСКА)

Одним из стратегических приоритетов государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации (далее АЗРФ) выступает необходимость развития науки и технологий, в том числе за счет расширения фундаментальных и прикладных научных исследований в Арктике. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» предполагает задействовать для построения новой социальной политики такие значимые факторы, как человеческий и научный потенциал [9]. Д.А. Медведев отмечает, что для достижения устойчивого экономического роста необходимо обеспечить повышение совокупной производительности таких двух факторов, как труд и капитал, и выделяет инвестиции в человека как один из глобальных инвестиционных трендов [6]. Стратегии развития Арктики, принимаемые в различных циркумполярных странах, определяют науку как основной инструмент обеспечения национальных геополитических интересов [10].

Трудно переоценить влияние социокультурной среды на общество и личность. В широком толковании социокультурная среда представляет собой совокупность культурных ценностей, общепринятых норм, законов, правил, научных данных и технологий, которыми располагает человек в социуме для построения взаимодействий со всеми компонентами своей жизненной среды [1]. Несомненно, в создании полноценной социокультурной среды важную роль играет развитие науки. Известно о взаимовлиянии культуры, общества и науки, при котором наука, представляя собой социокультурный феномен, выступает стержнем развития культуры и общества. Соответственно, функционирование науки как составной части духовной жизни социума является одним из индикаторов социокультурной ситуации – состояния культуры общества.

В настоящее время термин «социокультурная ситуация» стал приобретать категориальный статус, но его содержание в какой-то степени раскрывалось в работах классиков философии и социологии – М. Вебера, Т. Парсонса, П. Сорокина, М. Хайдеггера, Э. Шпенглера, Н. Бердяева, И. Ильина, В. Ленина, В. Соловьева и т. д.

Современная социокультурная ситуация может быть охарактеризована как завершение перехода от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу. Изучением современной социокультурной ситуации в России занимались многие исследователи: А. Ядов, Ж. Тощенко, В. Бойков, М. Горшков, Ю. Давыдова, В. Иванов, Ю. Красин, Н. Моисеев, П. Оснгюв, Г. Здравомыслов, А. Каменец, В. Сапрыкин и другие.

Под социокультурной ситуацией понимается совокупность тенденций, определяющих состояние культуры данного общества на определенном этапе его развития. В свою очередь, в обществе огромное значение имеет развитие личности, которое базируется на трех составляющих капитала личности (здоровье, образование и собственность) [12].

Во всем мире научные сообщества являются важнейшим элементом социальной структуры динамичного развивающегося общества. Научное сообщество, обладающее достаточным внутренним потенциалом, можно рассматривать как модель гражданского общества, которое может служить стимулом общественного развития. Как отмечает в своих исследованиях О.В. Гаман-Голутвина [3], институционализация научного сообщества в России являлась следствием жестких рамок государственной политики, которая отличалась фрагментарностью и доминированием идеологического начала, с одной стороны, и, с другой стороны, оформила мощнейший социокультурный потенциал, который сделал представителей научной сферы активными участниками социально-политического развития России.

В России насчитывается около 3,5 тыс. организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, и около 70% этих организаций принадлежат государству. К сожалению, среди перспективных российских учёных очень популярны иммиграционные настроения. Социологические исследования последних лет показывают, что из числа студентов, собирающихся посвятить себя научной деятельности, только немногим более половины (56%) связывают свои планы с отечественной наукой. При этом 10% биологов, 11% физиков и 13% химиков за несколько месяцев до окончания университета уже имеют предложения работы за рубежом. Аналогичная ситуация выявилась и по результатам опроса молодых ученых, работающих в научных организациях Москвы: планы выезда за рубеж с какими-либо профессиональными целями имеют 44% респондентов, в том числе уехать на постоянное место жительства намеревались в 2003 г. 7% [2, 7].

А.В. Юревич и И.П. Цапенко [14] считают, что в основе тяжелого положения отечественной науки лежит ее функциональный кризис, состоящий в том, что в советские годы на долю ВПК приходилось более 70% расходов на отечественную науку, а общественные дисциплины специализировались на идеологической концепции в рамках исторического материализма, что оказалось невостребованным и неконкурентоспособным в 1990-х годах, в условиях дефицита государственного бюджета. А к использованию науки, характерному для западных стран, наше общество не готово. Поэтому уровень развития российской науки за последние 20–25 лет продолжает снижаться, хотя правительство пытается финансово поддерживать

развитие данной сферы. Развитие научной сферы самым тесным образом связано с системой образования, и та и другая области сейчас находятся в стадии реформ.

Системный кризис общества в 90-е годы прошлого века создал российской науке существенные трудности: крайне недостаточное финансирование НИОКР не обеспечивает своевременного обновления материально-технической базы науки и создания нормальных условий жизни и труда ученых [8]. Как отмечает в своей работе А.К. Леонов [5], это обстоятельство усугубляется территориальной удаленностью региональных сообществ ученых от научного центра, неравномерностью государственного финансирования научной деятельности, что приводит к неравномерности распределения ресурсов института науки по регионам, их дефициту и в целом к материально-технической необеспеченности отдельных периферийных региональных научных организаций.

Исходя из большого разнообразия типологий региональных систем, нельзя не упомянуть попытку выработки интегрального подхода к типологическому анализу регионов России, предпринятую в исследовании территориального поведения россиян [13]. Авторы сгруппировали семь типов регионов по уровню развития производительных сил, месту в межрегиональном разделении труда, преобладающим моделям территориального социально-экономического поведения населения. По этой классификации Архангельская область отнесена к периферийному региону второго уровня.

По данным Росстата, в Архангельской области на 1 января 2016 года (без НАО) проживает 1,13 млн чел на территории 413,1 тыс. кв. км, уровень доходов населения (31,145 тыс. руб. в месяц) практически совпадает со среднероссийским (30,4 тыс. руб.), среднемесячная заработная плата составляет 35,5 тыс. руб. при потребительских расходах 21,7 тыс. руб. В числе основных ограничений развития – низкий уровень инноваций в знаниях. Так, доля затрат на НИОКР составила 0,24 % ВРП, число ученых и инженеров – 7,1 чел. на 10 тыс., а число жителей, подавших патентные заявки – 75,7 на 1 млн. В регионе высок уровень урбанизации (76,6% населения живет в городах), показатель трансляции знаний достиг 99,1 % уровня развитых стран, качества жизни – 98,1 % нормы, но это не привело к адекватному росту индекса качества экономики. Так, доля занятых в материальной сфере в общей занятости составила 36,4 % при норме 26 %; индекс доли добавленной стоимости материальной сферы (сельского хозяйства и промышленности) в ВРП составил 48,1 % нормы [11].

Как отмечает в своей работе И.А. Фролова [14], инновации и развитие высоких технологий связаны прежде всего с молодыми, инициативными, компетентными, способными решать большие задачи кадрами. А важнейшим фактором оценки человеком своего будущего статуса и перспектив при выборе места учебы или работы является престижность и солидность организации, причем не только в финансовом смысле, но и в смысле её репутации и качества деятельности в целом.

В 2017 году нами было проведено социологическое исследование на тему «Удовлетворенность работников, занятых научно-исследовательской деятельно-

стью, условиями и результатами своего труда» в ФГБУН ФИЦКИА им. акад. Н.П. Лаврова РАН и ФГАОУ ВПО САФУ им. М.В. Ломоносова. Генеральная совокупность – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 году в Архангельской области численность исследователей, занятых в научной сфере, составила 747 человек, в основном кадровый потенциал сосредоточен в г. Архангельске.

Как показало исследование, основными критериями привлекательности работы в научной сфере выступают интересная творческая работа и психологическая атмосфера в коллективе, комфортные условия труда, и социальные гарантии (см. рис. 1).

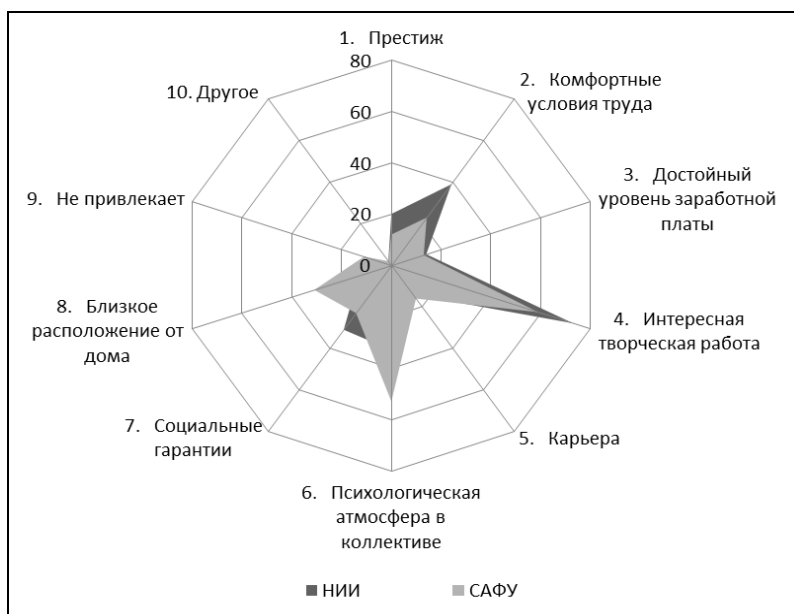

Рис. 1. Критерии привлекательности работы в организации, % от числа ответивших

При оценке удовлетворенности работы в организации, наибольший процент представителей академической науки полностью удовлетворены отношениями с коллегами (57%), социальными гарантиями (54%), соблюдением трудового законодательства (48%) и комфортом рабочего места (44%), что совпадает с приоритетными, по мнению респондентов, критериями привлекательности работы в организации. Такие важные критерии работы в сфере науки как «признание успехов и достижений» большинство респондентов (46%) ответили, что «частично удовлетворены», «не удовлетворены» и «затруднились ответить» – 18% и 16% соответственно, практически половина из опрошенных респондентов (46%) частично удовлетворены условиями оплаты труда.

Представители вузовской науки по степени удовлетворенности также на первое место поставили отношения с коллегами (62%), что совпадает с выявленными в исследовании тенденциями в академическом сообществе, а самые негативные оценки получил такой критерий, как «условия оплаты труда», не удовлетворены 74%. Почти 2/3 из опрошенных респондентов частично или полностью удовлетворены соблюдением трудового законодательства, охраной труда и социальными гарантиями.

С целью выявления насущных проблем в научных организациях измерялись следующие переменные: недостаток новой методической литературы, слабая оснащенность современным оборудованием, низкая оплата труда, трудовая дисциплина, старение кадров, уровень научных исследований, финансирование, высокая степень бюрократизации научного (учебного) процесса (рис. 2).

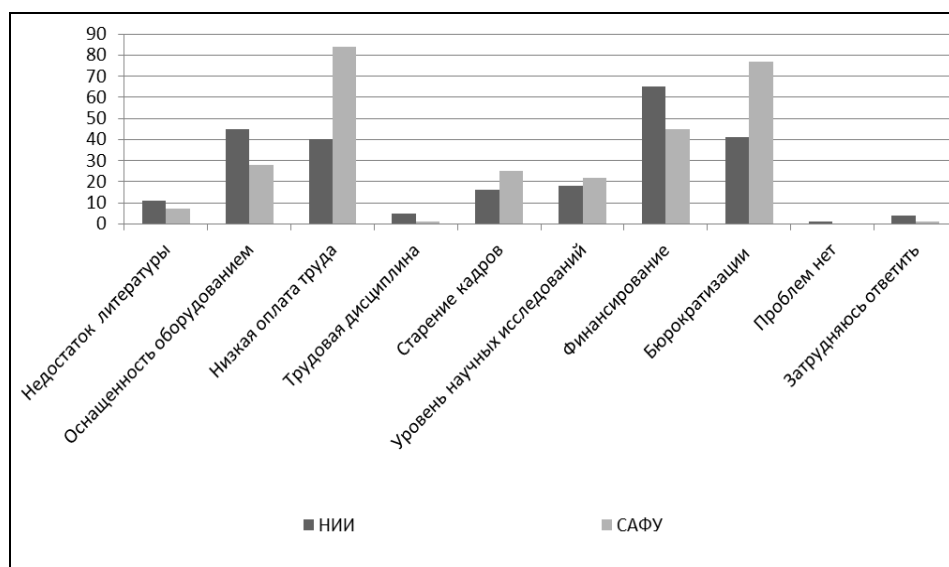

Рис. 2. Распределение ответов работников, занятых научно-исследовательской деятельностью на вопрос: «Какие проблемы в организации требуют первоочередного решения?», % к числу ответивших

Анализируя данные диаграммы, можно сделать вывод, что первоочередные проблемы академического сообщества – это финансирование научных работ и слабая оснащенность современным оборудованием, в то время как для вузовской науки – это низкая оплата труда и высокая степень бюрократизации учебного процесса. Данная тенденция подтверждается исследованиями среди молодежи, занятой научной деятельностью [4].

Около 44% представителей академической науки считают, что в учреждении сохранена преемственность кадров, в вузовской науке так считают 36%. Основной способ сохранения преемственности большинство видят в наличие научной школы (аспирантуры) – 58–63% опрошенных. Представители вузовской науки на второе

место поставили психологический климат (28%), а сотрудники НИИ – здоровую конкуренцию (15%). При оценке реальных возможностей организации большая часть отмечает социальные гарантии (42–47%), а 64% представителей вузовской науки отдельно отмечают – гибкий график работы (рис. 3).

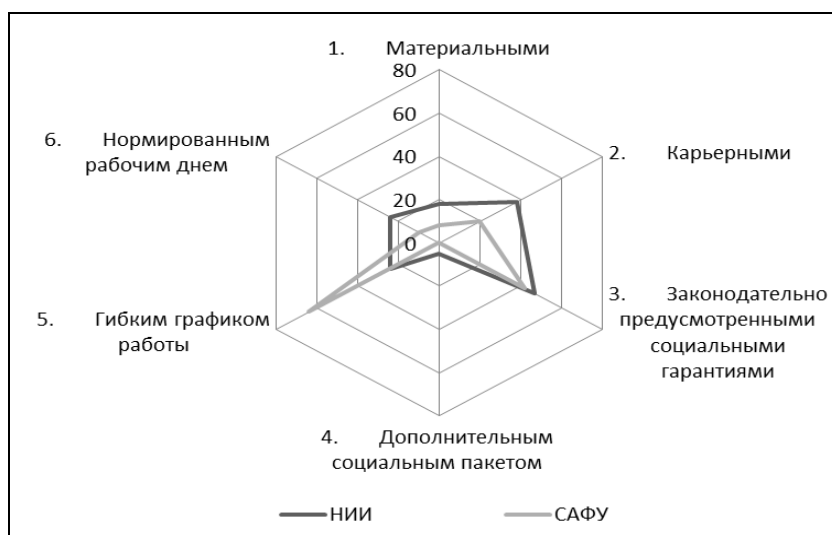

Рис. 3. Возможности организации для привлечения и сохранения кадров, % от числа опрошенных

Рассматривая научно-исследовательскую деятельность, в качестве индикатора социокультурной ситуации, можно отметить, что работа в научной сфере способствует развитию личности, одной из составляющих личностного капитала, но при этом не может полностью удовлетворить материальные потребности человека, поэтому большое значение имеют законодательно предусмотренные социальные гарантии. Большая проблема всей научной сферы, и особенно региональной науки, состоит в диспропорции усилий и времени, затраченных на образование для занятости в научной сфере, и получаемым за эту работу вознаграждением. Как следствие, снижается результативность труда, из науки уходят самые перспективные кадры, снижаются требования к личностным знаниям и компетенциям вновь принимаемых работников.

На наш взгляд, в современных условиях статус государства определяется прежде всего не количеством вооружения и численностью армии, а экономическим и социокультурным капиталом, привлекательностью и уровнем жизни в стране, наличием социальных лифтов и гарантий. Соответственно, один из первоочередных шагов модернизации общества – наращивание потенциала в сфере образования, науки, технологии и инноваций.

1. Адамьянц Т.З. Влияние современной социокультурной среды на духовное и физическое здоровье общества // Доклад на конференции «Общество и здоровье» 19–20 сентября 2013 г. URL: http://www.isras.ru/blog_ad_23.html (дата обращения: 14.07.2017).
2. Аллахвердян А., Дежина И., Юревич А. Зарубежные спонсоры российской науки: вампиры или Санта-Клаусы? // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 5. С. 35–45.
3. Гаман-Голутвина О.В. Соотношение политики и морали :[рос. версия] // Pronunc. 2005. №1(3). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-politiki-i-morali-rossiyskaya-versiya-1> (дата обращения: 22.12.2016).
4. Гвоздева Г.П., Гвоздева Е.С. Выявление моделей трудового поведения научной молодежи на основе оценки ожиданий // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-modeley-trudovogo-povedeniya-nauchnoy-molodezhi-na-osnove-otsenki-ozhidaniy> (дата обращения: 28.03.2017).
5. Леонов А.К. Региональные особенности современной российской науки как социального института: дис. ... канд. социол. наук. Благовещенск, 2014. 2015 с.
6. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. №10. С. 5–30.
7. Некипелова Е., Леденева Л. Охота на умы: проигранный раунд // Поиск. 2003. № 46. С. 11–14.
8. О доктрине развития Российской науки : Указ Президента РФ № 884 от 13.06.1996 (с изм. от 01.08.2003 № 866, от 25.08.2004 № 1114). URL: https://znavtovar.ru/gost/2/Ukaz_884_O_doktrine_razvitiya.html (дата обращения 10.05.2016).
9. Павленко В.И., Дрегалю А.А., Ульяновский В.И., Куценко С.Ю., Малинина К.О., Балицкая С.М. Методологические особенности социологического исследования Арктической зоны Российской Федерации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2017. №1(29) С. 109–115.
10. Павленко В.И., Подоплекин А.О., Куценко С.Ю. Система фундаментальных научных исследований в Арктике и реализация геополитических интересов циркумполярных стран // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 86–92.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 22.05.2016).
12. Роль науки и образования в модернизации экономики России: коллективная монография /А.И. Шишкин [и др.]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та упр. и экономики, 2012. 142 с.
13. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2006. 456 с.
14. Фролова И. А. Обновление научных кадров современного российского общества // Вестник Казанского технол. ун-та. 2011. № 13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obnovlenie-nauchnyh-kadrov-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 30.03.2017).
15. Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 335 с.

*Н.М. Большаков,
д.э.н., профессор кафедры менеджмента и маркетинга;
Л.А. Гурьева,
к.ю.н., доцент, директор СЛИ;
Е.А. Рауш,
соискатель, замдиректора по экономике СЛИ,
Сыктывкарский лесной институт
(филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет имени С.М. Кирова» (СЛИ),
г. Сыктывкар*

КОРПОРАТИВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Переход на проектную модель управления по результатам в рамках совершенствования системы государственного управления позволяет надеяться на перспективы реализации в Республике Коми крупного пилотного проекта, связанного с социальной ответственностью бизнеса на новой концептуальной базе совокупных ценностей. Одним из основных противоречий рыночной действительности выступает противоречие между общественными (социальными) ценностями (благополучие), с одной стороны, и экономическими ценностями бизнеса (прибыль) – с другой.

Общество заинтересовано в повышении благосостояния и качества жизни, а бизнес заинтересован в прибыли. Для разрешения этого противоречия требуется разработать новую экономическую модель рыночных отношений в концепции совокупных ценностей.

Концепция создания совокупной ценности, являющаяся материализованной формой концептуализации корпоративно-общественной интеграции, не может состояться в результате простой адаптации теоретических положений к определению существенных качеств интеграционной формы организации взаимоотношений бизнеса и общества и ее места в экономической теории. Вектор методологического осмысления интеграции учитывает отдельные аспекты современных научных взглядов и генерирует совокупную производную концепцию, позволяющую наметить подход не только к концептуализации, но и к политэкономическому анализу современного состояния экономической теории в целом, главным направлением развития которой является метод диалектического противоречия.

Процесс корпоративно-общественной интеграции должен быть транспарентным (открытым, прозрачным), доступным пониманию. Целостная трактовка понятия «корпоративно-общественная интеграция» может быть представлена как феномен социального устройства и экономической деятельности, обладающий специфическим набором видовых качеств, обусловленных ее местом и ролью в эволюции

существующего способа производства. Сила корпоративно-общественной интеграции в разнообразии ее форм.

Взаимодействие с заинтересованными сторонами является важнейшим аспектом корпоративно-общественной интеграции и рассматривается в качестве одного из управленческих процессов, позволяющих ее персонифицировать и обеспечить адресность. Диалектическое противоречие между бизнесом и обществом, выступающее как компонента производственных отношений, все больше расширяется под действием существующей экономической системы. Именно этот разрыв, это подорванное и разорванное в самой своей основе отношение бизнеса к своему окружению, ставшее образом социальных отношений, как раз и оказывается обоснованием необходимости корпоративно-общественной интеграции.

Определенное развитие производительных сил сумело на уровне социальных отношений исключить если не всякий конфликт вообще, то хотя бы очевидные антагонизмы. В современной системе социальное принуждение к удовлетворению начинает играть функцию подъема системы производства. Благодаря приоритету потребления современной экономической системе удастся не только эксплуатировать силы людей, но и заставлять их участвовать в продлении своей собственной жизни. Это весьма заметный успех. Именно в такой системе формируется стратегия, рассматриваемая в модусе бесконечного умножения потребительных стоимостей (совокупных ценностей), выполняющих функцию подъема системы производства, в создании развитой формы управляемого социального участия.

Единство производительных сил и производственных отношений в каждый данный момент представляет собой конкретный общественный организм на определенной ступени органического развития. С появлением социальных отношений обе составные части способа производства эволюционируют во взаимодействии и взаимовлиянии, между ними существует как бы прямо пропорциональная зависимость: чем большее развитие получает материальное производство, тем выше уровень социальных отношений, позволяющий снижать социальную напряженность в обществе. Поэтому центральной идеей нового подхода к корпоративно-общественной интеграции является создание социально направленной совокупной ценности бизнеса и общества, основанной на росте национальных производительных сил, на стремлении к экономическому развитию страны, которое станет опорой для всех. Экономика находит прямое отражение в плотности социальных связей в обществе.

Повышать социальную ответственность бизнеса необходимо постоянно, тем более что и современная конкуренция, и устойчивое развитие принуждают заинтересованные стороны идти на сотрудничество и взаимопомощь, совместное планирование и прогнозирование, развитие воспроизводственной корпоративно-общественной интеграции для снижения издержек и защиты от разрушительной конкуренции. Совокупная ценность представляет собой источник роста благосостояния и повышения качества жизни местного сообщества. Она не только результат совместного производства, но и объект распределения, обмена и потребления, т.е. охватывает все моменты общественного воспроизводства. Категория совокуп-

ной ценности наиболее богата по содержанию, в ней заложены все важнейшие экономические противоречия существующей формации.

Любая компания, приняв за основу ведения хозяйственной деятельности концепцию создания совокупной ценности, подразумевающую такое ведение операций, которое улучшает экономические и социальные условия местных сообществ, одновременно увеличивает свою коммерческую выгоду. Переход на новые условия взаимодействия бизнеса и общества необходим при освоении новых территорий и дальнейшем развитии местных сообществ северных регионов. Именно корпоративно-общественная интеграция поможет учесть специфические особенности развития данных территорий, поскольку ей присущ целый ряд специфических свойств.

Во-первых, корпоративно-общественная интеграция приобретает качество генератора атмосферы нравственного благополучия, что крайне необходимо для малых северных народов, представители которых проживают в достаточно изолированных и сложных экономических условиях.

Во-вторых, неотъемлемой чертой интеграции является построение деятельности на основе принципов добровольности и прямой демократии.

В-третьих, интеграция благотворно влияет на развитие проектных, процессных, продуктовых и маркетинговых инноваций, изначально увязываемых с решением конкретных социальных и экологических проблем при создании совокупной ценности. В настоящее время необходимо уделять повышенное внимание решению экологических проблем на северных территориях, долгие годы использующихся как промышленная зона более развитых в экономическом и социальном плане регионов.

В этой связи концепция корпоративно-общественной интеграции в значительной степени совпадает со стратегической задачей использования научных исследований для выработки представления о пространстве экономической перспективы общественного развития, в том числе северных регионов.

Классическая модель рыночных отношений, отраженная в учебниках и многих научных публикациях, выражает достаточно узкий взгляд на сами рыночные отношения. Тем не менее в условиях системного кризиса экономики она приносит достаточно полезные социальные выгоды. Имея целью получение прибыли, бизнес обеспечивает занятость, реализует закупки, инвестиции, платит налоги и заработную плату. Сложившееся в обществе мнение, что компании процветают за счет общества в целом, привело к тому, что бизнес рассматривается как одна из причин социальных, экологических и экономических проблем. И часто, чем больше бизнес охватывается корпоративной социальной ответственностью, тем больше его обвиняют в неудачах общества.

Механизм достижения единства ценностей бизнеса и общества, консолидация заинтересованных сторон является основой нового подхода – корпоративно-общественной интеграции, определяющей социальную перспективу.

Целостная трактовка понятия корпоративно-общественной интеграции может быть представлена как общественный институт, создаваемый на добровольной основе бизнесом и местным сообществом, являющийся неотъемлемой частью экономиче-

ского механизма хозяйствования, необходимым условием развития производительных сил страны для достижения социальных целей и устойчивого развития, обеспечения ее национальной безопасности, включая здоровье и благосостояние общества.

Благосостояние включает как экономические ресурсы, такие как доход, так и неэкономические аспекты жизни людей (что они делают и что могут сделать, как они чувствуют себя, в какой природной среде они живут). Устойчивость этих уровней благосостояния зависит от нашей способности передать будущим поколениям накопленные активы, которые имеют значение для нашей жизни (природные, физические, человеческие, социальные) [1].

Таким образом, новые методологические подходы, используемые для формирования и дальнейшей реализации стратегии развития северных территорий, столь активно обсуждаемых обществом, имеют не академический характер, а прикладной. Новая концепция позволяет не противопоставлять цели и интересы бизнеса и общества, а наоборот, рассматривать и решать их вместе, используя все преимущества синергии.

1. Доклад Франции об изменении эффективности экономики и социального прогресса на 42-й сессии Статистической комиссии ООН, состоявшейся 22–25 февраля 2011 г. Номер документа: E/CH.3/2011/35/C.2. URL: <http://unstats.un.org/unsd/statcom/doc11/2011-35-France-R.pdf>

Н.М. Большаков

д.э.н., профессор кафедры менеджмента и маркетинга

Л.Э. Еремеева

доцент

Е.А. Рауш

соискатель, замдиректора по экономике СЛИ

Сыктывкарский лесной институт

(филиал федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения

высшего образования «Санкт-Петербургский государственный

лесотехнический университет имени С.М. Кирова» (СЛИ),

г. Сыктывкар

ИНСТИТУТ СОВОКУПНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НОВАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

В современных условиях для любого территориального образования важна устойчивость развития, и когда вектор развития России в значительной степени направлен на северные регионы, особую актуальность приобретают методологиче-

ские основы обеспечения их устойчивого развития. Устойчивое развитие мы трактуем как общий принцип корпоративной общественной интеграции, который направлен на разрешение одного из основных противоречий современной социально-экономической действительности – разрыв между финансовыми ценностями бизнеса и ценностями общества, связанными с высоким качеством жизни, здоровья и благополучия населения.

На разрешение указанного противоречия направлены самые разнообразные рычаги и инструменты, как правовые, так и экономические. Это и государственные программы содействия инновациям и поддержке территорий, налоговая политика, ряд добровольных инициатив (глобальный договор ООН, публикация социальной отчетности, благотворительные пожертвования и др.). Многие страны мирового сообщества, в том числе страны Европейского союза разработали и реализуют национальные стратегии устойчивого развития.

В Российской Федерации также были приняты ключевые документы в области развития национальной стратегии устойчивого развития (1996, 2008, 2017 гг.) [1, 2, 3]. Особое место среди документов в области устойчивого развития занимает международный стандарт ИСО 26000 «Руководство по социальной ответственности» [4]. Данный стандарт содержит рекомендации для любой организации по реализации семи принципов социальной ответственности, практикам, основным темам и проблемам в данной области, а также способам интеграции социально ответственного поведения в реализуемые стратегии, функционирующие системы и процессы. Особое внимание в документе уделено вопросам социального партнерства.

Современный этап развития России характеризуется возрастанием роли бизнеса в обеспечении устойчивого социально-экономического развития территорий страны. Вместе с тем отечественные компании имеют поверхностное представление о содержании положений устойчивого развития, связывая его только с решением экологических задач. Что же касается социально ответственного поведения, то, несмотря на определенные позитивные тенденции в данном направлении, большинство отечественных корпораций считают себя ответственными лишь в рамках действующего законодательства [5, 6].

Понимание социальной ответственности все еще ориентируется на филантропическую деятельность, такую как благотворительные пожертвования. Однако она не может служить в качестве замены объединения ценностей бизнеса и общества в рамках «институциональной оболочки» (ИО) корпоративно-общественной интеграции в концепции создания совокупных ценностей.

Поскольку капитал мощнее денег, так как он создает деньги путем проектного финансирования, то эффективно решать социальные проблемы территории присутствия бизнеса возможно путем реализации целевых инвестиционных проектов, а не посредством денежных пожертвований. Инвестиционный проект влиятельнее капитала, он высвобождает заблокированный капитал через залоговое кредитование.

В общих чертах корпоративную социальную ответственность можно понимать как ответственность компании перед сотрудниками, акционерами, партнерами, в

особенности перед населением регионов, на территории которых работает данная компания.

До настоящего времени в стране сохраняется недостаточное понимание бизнесом значимости и содержания вопросов социальной ответственности, в связи с этим решение социальных проблем по-прежнему остается задачей государства. Такое поведение отечественного бизнеса сложилось еще в 1990-е годы в ходе формирования российской модели общественного воспроизводства. Значительную роль в данном процессе сыграла приватизация, которая не была направлена на решение социальных вопросов, а в большей степени нацелена на перераспределение крупной собственности. В этих условиях в России произошла трансформация понимания значимости социального капитала в обеспечении жизнедеятельности и повышении конкурентоспособности бизнеса. В число приоритетных были выдвинуты вопросы финансовой устойчивости и прибыльности предприятий и организаций, что привело к *росту социальной напряженности*.

Стандартный способ экономического мышления, называемый *классической экономической теорией*, не позволяет понять новое явление, связанное с социальной ответственностью бизнеса. Стандартная модель классической экономики является мысленным конструктором. В ней всем управляет безликий механизм ценообразования, который автоматически регулирует спрос и предложение при реализации товаров на рынках. Главное условие равновесия состоит в том, что равновесие эффективно, то есть никто ничего не может получить в системе «свободного рынка», не забрав у кого-то. Если подобные явления приводят к социально неприемлемым различиям в доходах, то считается, что все можно *исправить с помощью налогов и перераспределения доходов*. Классическая теория достигла высокого уровня развития, на нее затрачено свыше двух столетий труда ученых, ее элегантность и сила обобщений широко признаны. На основе этого *любая другая теория не может без риска для себя выступить против нее*.

В условиях современной экономической действительности отношения между системами ценностей бизнеса и общества обострились и создают социальную напряженность. Сегодня социальные вопросы столь же важны, что и прибыль, хотя классическая модель, как и в прежние времена, нацелена только на вопросы финансовой устойчивости и увеличения прибыли. Бизнес теряет легитимность и вынужден заниматься проблемами общества. Если компания не способствует укреплению ценностей общества, ей грозит опасность, подобное положение принуждает бизнес принимать на себя бóльшие социальные обязательства в прогрессе общества. Социальная ответственность стала преобладать над экономической выгодой. Это отрицательно сказывается в краткосрочной перспективе на прибылях бизнеса. Бизнес, воспитанный в духе традиционной экономической мысли, не знает, как брать на себя ответственность перед обществом. Налицо глубокое противоречие между ценностями бизнеса и общества. Ныне *фактор социальной организации экономической модели стал одним из определяющих как для общества, так и для бизнеса*. Самое главное в определении направления развития экономической теории – это метод

диалектического противоречия. Россия настойчиво ищет свой путь к созидательному типу социально-экономического развития. Это новая проблема. Осознание социальной ответственности становится новым и центральным пунктом решений бизнеса на политическом уровне. Решение проблем согласования ценностей бизнеса и общества в значительной мере связано с преодолением экономического детерминизма, имманентного рыночным отношением.

Здесь уместно принять во внимание позиции академиков О.Т. Богомолова, Б.Н. Кузика, член-корр. РАН Б.Н. Порфирьева (2010) и многих обществоведов, освещающих неэкономические грани экономики [7]. По их мнению, решающее значение для экономического успеха постепенно приобретает *качество социальных отношений, позволяющее преобразовать ресурсы, находящиеся в распоряжении бизнеса, в устойчивое благосостояние.*

Представляется, что рост бизнес-инноваций, экономическое и социальное развитие компаний и особенно территорий их присутствия связано именно с такого рода идеями. Они служат предпосылкой для обеспечения *единства бизнеса и общества как одной из самых мощных движущих сил роста в современной экономике, основанной на знаниях.* Экономическая наука находится в процессе перехода от стадии анализа (специализации) к стадии синтеза (интеграции), гегелевского синтеза, ориентированного на снятие *«противоположностей».*

Понятие корпоративной политики и существующие формы корпоративной социальной ответственности бизнеса Green paper Европейского союза определяет корпоративную социальную ответственность (КСО) как концепцию, в рамках которой компании на добровольной основе объединяют социальную и экономическую политику в бизнес-операции и их взаимоотношения со всем кругом связанных с компанией организаций и людей [8]. Такой подход был принят большинством стран Европейского союза.

Всемирный бизнес-конгресс за устойчивое развитие в докладе «*Making Good Business Sense*» (создавая смысл для бизнеса), использовал следующее определение: «Корпоративная социальная ответственность – это постоянная приверженность бизнеса вести дела на основах этики и вносить свой вклад в экономическое развитие, в то же время улучшая качество жизни своих работников и их семей, как и общества в целом».

Политика корпоративной социальной ответственности, по мнению ведущего объединения США «Бизнес за социальную ответственность», – это взаимосвязанный набор политик, практик и программ, которые интегрированы в процессе бизнеса, цепочки поставок, процедуры принятия решений на всех уровнях компании и включают ответственность за текущую и прошлую деятельность и будущее влияние деятельности компаний на внешнюю среду» [8].

Самая широкая трактовка КСО включает в это понятие:

- корпоративную этику;
- корпоративную социальную политику в отношении общества;
- политику в сфере окружающей среды;

- принципы и подходы к корпоративному управлению;
- вопросы соблюдения прав человека в отношениях с поставщиками, потребителями, персоналом;
- политику в отношении персонала.

На сегодняшний день не существует единого общепринятого определения понятия «корпоративная социальная ответственность». Однако все представленные подходы едины в одном: корпоративная социальная ответственность – это ответственность компании перед всеми людьми и организациями, с которыми она сталкивается в процессе деятельности, и перед обществом в целом. Все объединения предпринимателей и исследователей включают сюда:

- ответственность компании во взаимоотношениях с партнерами;
- ответственность в отношении потребителей;
- ответственную политику в отношении работников;
- экологическую ответственность;
- ответственность компании перед обществом в целом.

В концепции КСО особое внимание уделяется отношениям с работниками и взаимодействию с обществом. Традиционная практика благотворительности и филантропии компаний постепенно уходит в прошлое. Ведущие корпорации выходят за рамки классической филантропии – денежной или товарной помощи от компании благотворительным, социальным, культурным организациям.

Существующие подходы к КСО настолько раздроблены и настолько отделены от бизнеса и его стратегии, что не позволяет компаниям увидеть имеющиеся возможности помощи бизнесу.

Филантропические инициативы компаний обычно оглашаются через призму потраченных средств, но почти никогда не представляются через те социальные последствия, которые возникают в результате их деятельности.

Компании руководствуются узким мышлением «корпоративной социальной ответственности», согласно которому социальные вопросы территории присутствия – благосостояние населения, недостатки в образовании, истощение необходимых бизнесу природных ресурсов, потребность в приемлемой для жизни окружающей среде – определяются как безответственное использование денег акционеров, поскольку бизнес вносит свой вклад в развитие общества, предоставляя занятость, заработную плату, закупки, инвестиции и налоги.

К началу XXI века большинство крупных компаний США и Западной Европы сформировали собственную политику корпоративной ответственности перед обществом (КОО) как обязательное условие для руководителей деловых структур в каждой стране [9]. Более того, были созданы объединения компаний, целью которых стало развитие и продвижение концепции корпоративной ответственности перед обществом, а изучение концепции КОО вошло во все учебные курсы по корпоративному менеджменту ведущих экономических вузов.

Введение понятия корпоративной ответственности перед обществом (КОО), как считают разработчики, позволит вывести компании из неразберихи, которую создало их нынешнее понимание корпоративной социальной ответственности.

Если посмотреть на новый подход с точки зрения стратегии компании, то КОО может стать источником социального прогресса, так как крупный бизнес вкладывает огромные ресурсы, ноу-хау и аналитические данные в те виды деятельности, которые приносят пользу обществу.

Особенности политики КСО в России. В России компании еще не озадачены общественной реакцией на социальные проблемы, которые они не считают частью своей деловой ответственности. Необходим новый подход для более эффективной интеграции социальных факторов с основной деятельностью и стратегией предприятий. Филантропия может способствовать устойчивости общества, однако она не обеспечивает долгосрочную устойчивость экономики посредством решения краткосрочных задач, которые по сути своей социально вредны или экологически неэффективны.

В России также начинает внедряться концепция КСО, которая содержит все перечисленные выше пять элементов, но пока *особое внимание уделяется в российских компаниях отношениям с работниками и взаимоотношениям с обществом* [10].

Среди общепринятых подходов компаний к КСО можно выделить *подходы, имеющие более широкое применение*:

- механизм социального партнерства – трехсторонняя комиссия по урегулированию социально-трудовых отношений (профсоюз, работодатели, правительство);
- программы корпоративной социальной ответственности (КСО) – рефлексия бизнеса на внешнее давление общества для улучшения репутации компаний;
- капиталистическая благотворительность – прибыльные компании жертвуют часть своих средств на благо общества;
- меценатство – помощь собственника компании учреждениям культуры, образования, социальной защиты и т. п.;
- благотворительные фонды (согласно законодательству о благотворительности).

Прежде всего важно отметить, что всерьез о политике социальной ответственности и стратегии участия в жизни общества задумываются преимущественно крупные общенациональные компании. Подобное характерно и для северных регионов. Средний бизнес, за редким исключением, работает «по старинке», ведя бизнес-процесс как придется и занимаясь разовой благотворительностью [10].

Несмотря на активное продвижение принятых за рубежом принципов социальной ответственности в бизнес-сообществе России, социально-экономическая и политическая ситуация в стране, а также и содержание российского бизнеса накладывают свои особенности на развитие концепции КСО в России. Эти особенности необходимо учитывать как при выработке индивидуального подхода компаний, так и в разработке единых принципов КСО российского бизнеса.

Особенности, связанные с социальной и политической ситуацией в стране:

- высокий уровень бедности в регионах;

- огромное количество и большой разброс социальных проблем на территориях присутствия крупного бизнеса;
- непонятно «за что хвататься»;
- отсутствие опыта и государственной инфраструктуры для решения «новых» проблем: наркомании, бездомности, проблемы СПИДа;
- давление местных властей, вынуждающих компании выделять ресурсы не на те программы, которые связаны с нуждами и интересами компании, а на приоритеты местных властей;
- репутационные эффекты продолжают составлять основу определения ответственности бизнеса, а реализация принципов социальной ответственности все еще находится в рамках теории достаточности/недостаточности ресурсов;
- фрагментарность инкорпорирования принципов социальной ответственности в деятельность компаний;
- благотворительность рассматривается как основа социальных инвестиций.

Российский бизнес, с одной стороны, стремится к выработке индивидуальных и общих подходов к социальной ответственности, внедрить в практику международные принципы прозрачности, экологической безопасности, социализации трудовых отношений, поддержки общества, а с другой стороны, он вынужден содержать разваливающуюся социальную инфраструктуру на территориях присутствия, сохранять большое количество прежних, доперестроечных льгот для персонала, противостоять «благотворительному рэкету местных властей». В этой ситуации выходом может являться *разработка нового подхода к социальной ответственности компаний*, который был бы основан на учете общепринятых международных принципов социальной ответственности с учетом особенностей России. Сегодня парадигма социальной ответственности требует изменения, гармонизация социальных отношений бизнеса и общества может быть достигнута только на основе модели «институциональной оболочки» корпоративно-общественной интеграции в концепции создания совокупных ценностей, с участием всех общностей. Исследования по выработке такого подхода уже идут, и если начать процесс разрешения социальных проблем посредством реализации модели «ИО» КОИ в части создания совокупных ценностей как единого образа (идеала), то это приведет к самостоятельным решениям, не зависящим от частных или государственных субсидий, и позволит перейти на *новый тип экономического роста* за счет получения *возобновляемого эмерджентного ресурса*. Поэтому страна, которая первая это поймет и *перестроит свою систему корпоративно-общественной интеграции*, выиграет XXI век [11].

Таким образом, решение *проблемы устойчивого развития территорий в значительной мере связано с преодолением сложившегося противоречия (неравенства) через формирование модели «институциональной оболочки» корпоративно-общественной интеграции деловых и общественных интересов путем реализации концепции создания совокупных единых ценностей*. Механизм достижения единства ценностей бизнеса и общества, их консолидации является основой разрешения противоречия (неравенства) между ними и направлением эволюции общественной и

политической сфер, определяющим социальную перспективу современных экономических трендов. При этом ресурсный, институциональный и политический факторы, специфичные для страны и северных регионов, а не характеристики различных благ как бизнеса или общества, влияют на реальные процессы создания совокупной ценности. Вот почему создание теории «институциональной оболочки» корпоративно-общественной интеграции через создание совокупных ценностей должно базироваться на этих факторах, а не на свойствах благ.

1. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : утвержд. указом Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 // СПС КонсультантПлюс. Законодательство.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года : утвержд. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СПС КонсультантПлюс. Законодательство.
3. Стратегия национальной безопасности до 2025 г. : утвержд. указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 // СПС КонсультантПлюс Коми. Законодательство.
4. ИСО 26000 – социальная ответственность. URL: <http://www.uicc.ru/186> (дата обращения: 02.06.2017).
5. Шамардин Д.Н. Социально-экономическое развитие региона через кластеры // Российское предпринимательство. 2013. № 13. С. 30–37. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/29113>.
6. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. 3-е изд. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.
7. Неэкономические грани экономики: неопознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисциплинарного проекта и науч. О.Г. Богомолов, зам. рук. междисциплинарного проекта Б.Н. Кузюка. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.
8. Green paper European Commission EC: поддержка принципов корпоративной социальной ответственности. Business for social responsibility «Overview of Corporate social responsibility». USA, 2003.
9. Porter, V. Strategy and society: The junk Bet Uren Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility [Text] / M. Kramer // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. № 12. P. 78–92.
10. Алексеева О. Социальная ответственность компаний – опыт Запада и России. // Информационный центр «Меценат»: интернет-портал. URL: http://www.maecenas.ru/doc/2004_3_5.html.
11. Большаков Н. М., Гурьева Л. А., Жиделева В. В., Хохлова Е. В. Корпоративно-общественная интеграция в форме проектного подхода как фактор устойчивого управления лесами // Леса России: политика, промышленность, наука, образование : материалы второй международной научно-технической конференции: Т. 2 / под. ред. В.М. Гедьо. СПб.: СПбГЛТУ, 2017. С. 24–27.

С.Н. Большаков,
д.полит.н., д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО КЛАСТЕРА В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Процессы широкомасштабного дерегулирования, в том числе на ведущем для финской экономики рынке телекоммуникаций, позволили информационно-телекоммуникационному кластеру Финляндии воспользоваться преимуществами того, чтобы стать мировыми лидерами в научно-инновационных и образовательных стандартах. Анализ тенденций экономического развития Финляндии позволяет отметить, что последние 10 лет отмечались достаточно устойчивыми тенденциями развития, активности промышленных кластеров.

Гибкость финской экономики и ее адаптивность к внешним и внутренним вызовам способна вывести на новую траекторию экономического развития, оправиться от экономических проблем, которые нанесли определенный удар по ее международной репутации в октябре 2015 года, когда рейтинговое агентство «S & P» понизило свой экономический прогноз от статуса AAA до AA+ на основе оценки показателей сокращения экспорта, старения населения и сокращения рабочей силы. Вследствие того что доминирующая корпорация Nokia в 2014 году реализовала сделку по продаже бизнеса Microsoft, экономика Финляндии подвергается большему воздействию глобальных тенденций экономики, чем любая другая страна еврозоны, к падению спроса со стороны России, ввиду санкций ЕС.

Показатели повышения конкурентоспособности экономики Финляндии ежегодно подтверждаются в ведущих международных рейтингах. Так, Международный институт управления в своем «Ежегоднике по конкурентоспособности в области развития (IMD)», ставит на второе место Финляндию по уровню конкурентоспособности экономики в мире после США [11].

Показателем макроэкономической стабильности Финляндии является ее наивысший рейтинг AAA по оценкам мировых рейтинговых агентств Fitch Ratings, Moody`s и Standard & Poor`s, например, Финляндия в глобальных рейтингах занимает первое место в позициях: здравоохранение и начальное образование, высшее образование и подготовка, доступность ученых и инженеров, права собственности и защита прав интеллектуальной собственности, защита интересов миноритарных акционеров; второе место – инновациях, качестве образовательной системы, степени подготовки персонала [11].

Правительство Финляндии сосредоточило усилия в формировании благоприятной деловой среды для бизнеса, обеспечении успешного взаимодействия частного и государственного секторов IT-индустрии.

Майкл Портер, крупнейший специалист в области конкурентоспособности и методолог международного индекса конкурентоспособности, отмечает, что для повышения конкурентоспособности, национальный бизнес должен перейти от конкуренции, основанной на сравнительных преимуществах (низкой стоимости рабочей силы или природных ресурсов), к конкуренции, связанной с инновациями, уникальными продуктами и услугами [8]. М. Портер был одним из первых экономистов, который подчеркивал, что кластеры являются ключевыми агентами национального экономического развития, его отраслевыми драйверами [18]. В Финляндии кластерная политика экономического развития видится идеальным соответствием стратегических задач и инструментом диверсификации от экономики лесной и металлургической промышленности к новым высокотехнологичным отраслям IT-индустрии.

В 2012 году валовые расходы Финляндии на НИОКР составили 3,6% ВВП, что ставит Финляндию наравне со странами, имеющими аналогичный высокий международный уровень по сравнению с другими странами с развитой экономикой, такими как Япония (3,3% расходов на НИОК от ВВП) и США (2,8%). Экономика Финляндии преодолела спад и кризис 2009–2010 гг.

Рис. 1. Темпы роста ВВП Финляндии, %. Источник – CIA World Factbook

Совет по исследованиям и инновациям Финляндии является ответственным органом государственного управления для решения задач в области стратегического развития IT-индустрии, в принятых «Руководящих принципах исследований и инновационной политики на 2011–2015 годы» расставлены соответствующие стратегические приоритеты государственной политики, а именно: а) определение приоритетности ресурсов в соответствующих областях (например, содействие научным

исследованиям и патентным заявкам); б) создание благоприятной инновационной среды путем модернизации исследовательских инфраструктур и улучшения качества образовательной среды и исследований в университетской среде; с) укрепление человеческого капитала путем проектирования профессиональной карьеры для научных сотрудников, исследователей и привлечения иностранных студентов и экспертов. Совет по исследованиям и инновациям Финляндии вместе с Правительством Финляндии поставил перед собой целью увеличить расходы на НИОКР до 4% от ВВП Финляндии к 2020 году в качестве дополнительной меры укрепления инновационного потенциала страны [10].

В Финляндии правительство приняло за основу кластерный подход к объединению усилий региональных властей в области НИОКР в единую сеть инноваций, стимулируя региональные сообщества путем налаживания сотрудничества между университетами, научно-исследовательскими институтами и бизнесом. Нельзя не отметить две важные инициативы правительства Финляндии по развитию IT-индустрии и стимулированию региональной конкурентоспособности – это единый Центр экспертизы и активно действующая программа, направленная на муниципальный уровень экономики, – «Программа инновационных городов» (INKA) [4].

В рамках принятой программы «ИНКА», которая финансируется совместно правительством Финляндии и региональными властями, были определены пять приоритетных национальных тем: био-экономика, кибербезопасность, инновационные разработки городов и промышленный рециклинг, здравоохранение и устойчивые энергетические решения. Нельзя не отметить усилия органов власти поощрению участия частного сектора бизнеса в стимулирование инвестиционных вложений бизнеса Финляндии в IT-индустрию, его усилия оцениваются в 69% валовых расходов на НИОКР Финляндии в 2012 году.

Основой методологии кластерного подхода является стимулирование создания цепочки добавленной стоимости, когда кластеры являются основными стратегическими целями развития промышленности и технологий. Эффективно функционирующие сети в кластерах являются естественными результатами рационального поведения само-интегрирующихся фирм, производителей сырья, поставщиков комплектующих и работодателей, исследовательских фирм и проектно-инновационных лабораторий [5, 7]. Межотраслевая торговля и плотность связей в кластере показывает, как эффективно используются в процессе факторы производства, насколько глубоко каждая отрасль связана с другими секторами финской промышленности.

Экономику Финляндия всегда отличала активность во внедрении передовых технологий в индустриальный сектор экономики, развитии промышленного сектора экономики, который традиционно является особенностью многих передовых экономик мира. Финский производственный сектор по-прежнему является двигателем роста национального ВВП, поскольку его способность активизировать рост за счет экспортных рынков способствует росту доходности ряда секторов экономики,

обновлению структуры производственных секторов и создания индустрии технологических инноваций [7].

Именно эта кластерная инновационная стратегия позволила Финляндии достичь передовых показателей в международной конкурентоспособности, и кластер, который больше всего выиграл в этой глобальной конкуренции – информационно-коммуникационный. В 2000-е годы кластер был в основном сосредоточен вокруг корпорации Nokia, которая в 2001 составляла 2,8% ВВП Финляндии и 47% всех инноваций и НИОКР частного сектора [1, с. 2].

Доля информационно-телекоммуникационного кластера в ВВП Финляндии выросла с 4 до 10% в 1990-х гг., в 2000-е годы финская экономика смогла создать условия для привлечения крупных технологических компаний и стимулировать последних к активной научно-исследовательской деятельности. В частности, Ericsson создала центр исследований и разработок в 2012 году, ориентируясь на перспективное развитие мобильных сетей, Fujitsu через свое совместное предприятие Nokia Nice-Business Solutions, которое специализируется на разработке мобильных приложений. Крупнейшая в мире компания Intel имеет подразделения по разработке продуктов в городах Эспоо и Тампере, IBM создала собственный инновационный инкубатор в 2011 году; Huawei последовала поданному примеру корпораций и в 2012 году вложила инвестиций в размере 70 миллионов евро для создания центра, ориентированного на разработку программного обеспечения для смартфонов, планшетов и мультимедийных устройств [9].

В среднем экономическая оценка финской ИТ-индустрии оценивается в 9,5 млрд долл. США; в данном секторе финской экономики занято 55 000 человек, и ИТ-индустрия демонстрирует постоянную способность достаточно гибко адаптироваться к новым технологиям, использует облачные технологии и программное обеспечение, контентные приложения.

Нельзя не отметить усилия региональных и муниципальных властей Финляндии по поддержке традиционно устойчивых торгово-экономических связей с Россией, росту приграничного сотрудничества.

Основными направлениями научных исследований в Финляндии являются лесная, металлургическая промышленность и индустрия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Другие области исследований включают:

- биотехнологию;
- продукты питания и сельское хозяйство;
- нанотехнологии;
- материалы и новые технологии производства.

Регионы, такие как Тампере, находятся в центре этого процесса, движения к более инновационной экономике, ориентированной на прикладные навыки и передовые технологии. Значительное количество иностранных инвесторов и партнеров, таких как Intel и Qualcomm, активно инвестируют в экономику Тампере, местные высоко-технологичные компании, так, например, компании по дата-менеджменту

M-Files и Jolla в 2015 году привлекли 1 млн долл. инвестиций США, способствуя активному росту информационно-телекоммуникационного кластера, привлекая внимание бизнеса в данный сектор экономики [10].

Бизнес-инкубатор New Factory, расположенный в Тампере, является победителем в конкурсе «Европейские инновации», ведущим европейским стартап-акселератором и лабораторией по созданию демо-проектов. Многогранная диверсифицированная деятельность по стимулированию инноваций, высокий уровень образования и сотрудничество бизнеса с вузами способствовали росту конкурентоспособности региона. В рамках данного бизнес-инкубатора функционируют 3 крупнейшие инновационные платформы, на которых студенты различных вузов различных профилей занимаются разработкой продуктов и услуг вместе с компаниями и организациями государственного сектора. Так, на платформе Demola зарегистрировано 1500 студентов и более 250 проектов, на платформе Protomo, в сообществе для стартап-компаний объединились более 1000 молодых специалистов, работающих над совместными проектами, и с 2009 годы последних было введено более 215.

Специализированный бизнес в области создания игр для мобильных телефонов, такой как Jukka Kortesiani, является жизненно важным ресурсом для муниципального экономического развития. Например, в Университете Тампере в рамках направления подготовки в области IT-технологий и интернета изучают в рамках магистерских программ индустрия мобильных игр, их социальный смысл и качества процесса. А в Университете прикладных наук Тампере обучаются более 10 000 студентов, из них 3600 специалистов по техническим направлениям в сфере машиностроения и организации производства, интеллектуальных технологий, автоматизации производства, технологий в области энергетики и охраны окружающей среды. В Технологическом университете Тампере работают исследовательские группы в сфере систем устойчивого производства и сети, интегрированных продуктов и разработки процессов производства, инноваций и исследований технологий, передачи энергии и трибологии.

В 2016 году финская индустрия разработки мобильных игр установила рекордный оборот в 2,5 миллиарда евро. Годовые темпы роста оборота составляли 4% с 2015 по 2016 год. Количество занятых в индустрии мобильных игр неуклонно растет, и у компаний есть положительные ожидания от прогноза экономической конъюнктуры. Новые игровые технологии и платформы увеличивают темпы роста. Около 20% занятых в секторе индустрии мобильных игр являются иностранцами [10].

В Технологическом университете Тампере ведутся совместные проекты в области программного и аппаратного обеспечения. Муниципальная экономика значительно выигрывает от результатов комплексного технологического развития. Затраты на инновации и передовые технологии финских компаний, университетов и государства составили в 2013 году более 6,6 млрд евро. После показателей Израиля это самые высокие затраты из стран ОЭСР в процентах к ВВП, так в г. Тампере доля расходов на инновации и научные разработки составляет 7% ВВП. Открытые инновационные платформы являются ключевым инструментом в развитии концеп-

ции смарт-сити. Некоторые из открытых инновационных платформ в Тампере работают уже в течение длительного времени, в то время как некоторые из них находятся в стадии пуска.

Формируемый кластер интеллектуальных технологий – это формирование производственного сектора, сосредоточенного на активном вовлечении в процесс интеллектуальных машин и машинных систем, добавленная стоимость которых обеспечена информационными технологиями, электроникой, программным обеспечением и коммуникациями. Кластер интеллектуальных технологий Тампере стремится отвечать перспективным требованиям в отраслях машиностроения путем развития технологий, бизнес-моделей, инновационной среды, конкурентоспособности и эффективности. Официальный кластер ФРГ в области машиностроения OstWestFallenLippe Maschinenbau, выбрал кластер интеллектуальных технологий Тампере в качестве своего первого международного партнера (рис. 3).

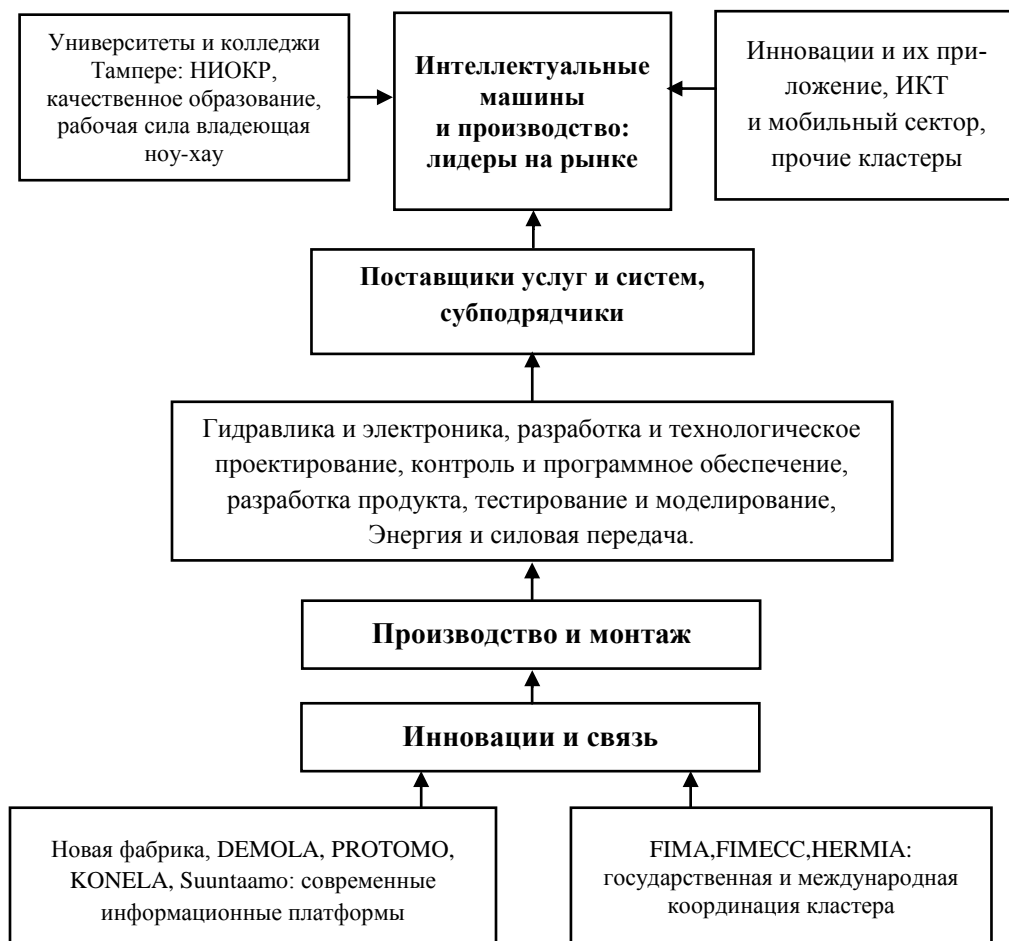

Рис. 2. Контур кластера интеллектуальных технологий г. Тампере (составлено автором)

В регионе Тампере сосредоточено большое количество компаний, специализирующихся на предоставлении систем и продуктов для интеллектуальных технологий, которые сотрудничают с ведущими на рынке компаниями, субподрядчиками специализирующимися на специальных услугах в области интеллектуальных технологий: гидравлике и электронике, технологическом проектировании, программном обеспечении, силовой передаче.

Перечислим ведущие предприятия на рынке региона и муниципалитета Тампере.

Таблица 1

Предприятия представленные на рынке и работающие в регионе Тампере (Финляндия), 2016 г.

<i>Наименование</i>	<i>Описание</i>	<i>Доля мирового рынка, в %</i>
AGCO POWER	Крупнейший в мире производитель дизель-генераторных установок и дизельных насосных станций. Компания поставляет 50% дизельных двигателей для крупнейшего в мире производителя с/х техники AGCO	50
AVANT TECNO	Ведущий производитель малых и средних многофункциональных погрузчиков, доля на рынке мини-погрузчиков – 40%	40
BRONTO SCY-LIFT	Лидирующая в мире компания по выпуску гидроподъемников предназначенных для пожаротушения и спасения людей – 60%	60
CARGOTEC	Лидирующая с мире компания в области решений для обработки грузов на земле и море. Доля на рынке погрузочного оборудования для контейнеров – более 50%	50
FASTEMS	Крупнейший в мире поставщик систем автоматизации для машиностроительной промышленности. Доля на рынке многоуровневых гибких производственных систем – 70%	50
GLASTON	Ведущая компания в области разработки технологий обработки стекла. Доля на рынке бесосколочного стекла – 40%	40
JOHN DEERE	Ведущая компания по разработке, производству, распределению лесозаготовительного оборудования. Доля на рынке оборудования для лесозаготовки – 30%	30
METSO AUTOMATION	Лидер на рынке решений для автоматизации целлюлозно-бумажной промышленности, доля на мировом рынке 15%	15
METSO MINING AND CONSTRUCTION	Ведущий поставщик технологий и услуг для горнодобывающей промышленности и строительства, доля на рынке мобильных дробильных установок – 15%	15
SANDVIK	Предлагает широкий спектр оборудования для ведения открытых и подземных горных работ, геологической разведки, транспортировки горной массы – 35%	35

Тампере и другие финские регионы также все больше сосредотачиваются на стимулировании индустрии промышленных программных приложений, интеллектуальных разработках. Местная технологическая индустрия достигает экономической оценки в 9 миллиардов долларов США в год и насчитывает занятых 34 000 человек в почти 3000 компаниях. Крупная компания в сфере логистики Cargotec, перенесла центр технологий в сфере моделирования портов в Тампере, подчеркивая, что сочетание опыта, навыков в области производства и ИКТ, а также активность местной исследовательской среды создают уникальные условия для развития бизнеса [10,9].

Программа новой экономической политики города Тампере на перспективу 2017–2021 была представлена на международных выставках «MindTrek» и «Smart City Event». Муниципальная программа «Smart-сити Тампере» объединяет усилия бизнеса, университетов, общественных организаций, граждан и городских властей. Развитие электронного управления и технологий цифровизации стало возможным путем выявления каждого конкретного гражданина в его повседневной жизни и преобразовать усилия городских властей в программу сотрудничества для решения возможных проблем. Сам город имеет несколько функциональных ролей в данной концепции муниципального города. В дополнении к традиционной роли местного самоуправления городское пространство выступает в качестве полигона инноваций, который интегрирует усилия всех заинтересованных сторон в оптимизации городского пространства, включая поиск новых решений в планировании городского развития. В то же время муниципальные органы власти разрабатывают свои собственные способы решения общественных задач в муниципальном сообществе, разрабатывая экспериментальные и устойчивые направления развития. Ключевой целью smart-программы Тампере является твердая убежденность, что интеллектуальные инвестиции используются для расширения городского пространства и способствуют экономическому росту последнего. Важнейшие задачи smart-программы Тампере в сфере smart-здравоохранение, smart-образование и ноу-хау, smart-индустриальные технологии, smart-интеллектуальные здания и smart-инфраструктура, smart-мобильность электронное государственное управление.

В заключении нельзя не отметить, что Тампере занимает центральное место в развитии мобильных технологий Nokia благодаря участию исследований и образовательной среды, сложившейся в местных университетах. Управляющая компания Hermia New Factory, расположенная в Тампере, является важной частью локальной технологической сети, предоставляя базу для начинающих и студенческих проектов и инноваций, аккумулируя исследовательский ресурс для компаний, нуждающихся в инновационных партнерах.

Международный опыт показывает, что не существует единых правил, по которым можно выстроить эффективную стратегию развития регионов. Здесь все зависит от внутренних факторов и внешних условий: для одного региона подходит монопрофильная модель, для другого нужно искать диверсифицированные подходы. С финансовой точки зрения, это очевидным образом снижает экономические и со-

циальные риски. К тому же все отрасли живут разными циклами, и для того, чтобы экономика была стабильной, необходима диверсификация, вопрос – какая. Многие зависят от региональных и муниципальных органов власти.

Фаза структурной перестройки экономики во многих странах уже завершается и интересна тем, что старые источники роста не работают, а новые еще не сформировались. Экономика проходит через десятилетнюю или пятнадцатилетнюю депрессию, в ходе которой совершается отток капитала из устаревших производств в производство нового технологического уклада.

Страны, которые отстают и ждут, пока из-за рубежа не придут новые технологии, вынуждены довольствоваться политикой догоняющего развития, тратя природную ренту на оплату интеллектуальной ренты, которая формируется у стран-лидеров. Поэтому простой в фазе структурной перестройки чреват очень серьезным отставанием в дальнейшем.

Если говорить о политике устойчивого роста, то сегодня уже видны контуры нового технологического уклада. Пройдет еще 3-4 года, и технологическая революция в экономике приведет к появлению совершенно другой структуры спроса, приведет к необходимости поиска новых драйверов экономического роста, переходу к инновационным кластерам в экономике.

1. Ali-Yrkko, Jyrki, and Raine Hermans. 2002. Nokia in the Finnish innovation system (Discussion Paper no. 811). Helsinki: ETLA (The Research Institute of the Finnish Economy).

2. Bolshakov S.N., Economic Policy in Russia: factors and constraints (Экономическая политика в России: факторы и показатели) / S.N. Bolshakov, Y.M. Bolshakova // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Romania. 2016. № 6. P. 7–12.

3. Cornelius, Peter K., Jennifer Blanke, and Fiona Paua. 2002. The growth competitiveness index: Recent economic developments and the prospects for a sustained recovery. In The World Economic Forum's Global Competitiveness Report 2002–2003. Oxford: Oxford University Press.

4. Innovation and technology industry in Finland. Legislative Council Secretariat FSC41/13-14// <http://www.legco.gov.hk/research-publications/english/1314fsc41-innovation-technology-industry-in-finland-20140902-e.pdf> [дата обращения: 05.06.2017]

5. Luukkainen, S., Niininen, P. 2000. Technology Intensive Services and National Competitiveness. VTT Group for Technology Studies Working Papers 46

6. Niininen, P. 2000. Effect of Publicly and Privately Financed R&D on Total Factor Productivity Growth. Finnish Economic Papers, Vol 13, No 1., pp 56-68.

7. Pentikäinen T., Luukkainen S. Trade-flow Based Industrial Clusters in the Finnish Economy – Growth Through National Synergies// Outline version for the OECD Cluster Focus Group Workshop 8-9.5. 2000.p.17

8. Porter, Michael. 2002. Building the microeconomic foundations of prosperity: Findings from the microeconomic competitiveness index. In The World Economic Forum's Global Competitiveness Report 2002-2003. Oxford: Oxford University Press, 23-45.

9. Research and Innovation Policy Guidelines for 2011-2015. (2011) Available from: http://www.tem.fi/files/30413/Research_and_Innovation_Policy_Guidelines_for_2011_2015.pdf [дата обращения: 05.06.2017]

10. Semple A. ICT hubs like Tampere offer a unique mix of skills, research and innovation// Site selection magazine. Aprile. 2015. <http://siteselection.com/ssinternational/2015/apr/industry-clusters.cfm> [дата обращения: 05.06.2017]
11. The Finnish Innovation Fund. (2014) Available from: <http://www.sitra.fi/> [дата посещения 05.06.2017]
12. Werne R. Finland: A European Model of Successful Innovation// CHAZEN WEB JOURNAL OF INTERNATIONAL BUSINESS FALL. Columbia University in the City of New York. 2003 www.gsb.columbia.edu/chazenjournal <https://ru.tradingeconomics.com/finland/ease-of-doing-business> [дата обращения: 05.06.2017]
13. Абрамов А.В. Механизм устойчивого регулирования инновационного потенциала промышленного предприятия // Креативная экономика. М.: Экономика. 2015. Т. 9. № 4. С. 485–494.
14. Большаков С.Н. Кластеры и государственное управление структурными преобразованиями в народном хозяйстве // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 3. С. 15–21.
15. Большаков С.Н. Политика регионального экономического развития: методы и механизмы. М.: Московский общественный научный фонд, 2005. С. 343.
16. Индекс легкости ведения бизнеса // <https://ru.tradingeconomics.com/finland/ease-of-doing-business> (дата обращения: 05.06.2017)
17. Мустаев М.М., Мамбетова М.А. Сетевая форма организации экономики как эффективная модель взаимодействия субъектов инновационной системы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 6. С. 15–21.
18. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Изд-ский дом «Вильямс», 2005. С. 608.
19. Регион Тампере в Финляндии. Интеллектуальный город с возобновляемой промышленностью // URL: www.investtampere.fi (дата обращения: 05.06.2017)
20. Шихвердиев А.П., Шеломенцев А.Г., Беляев В.Н., Еремеев Е.И. Методология развития промышленно-сырьевых агломераций в Северных регионах // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 3. С. 120–141.

С.В. Бочкова,

к.э.н., доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита;

Ю.К. Размыслова,

магистрант кафедры финансового менеджмента,

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

г. Сыктывкар

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Градостроительство остается важным стимулом для экономического развития. Чтобы удовлетворить в первую очередь потребности населения такие как пища, одежда и приобретение других товаров, необходимо считаться со сбережением денежных средств на строительство жилья. Оптимизация производительных сил, эко-

номическая реструктуризация требует от государства выделения средств для строительства жилья. Разработка градостроения обуславливает необходимость для развития многих отраслей, таких как производство строительных материалов, проектирование, строительство инфраструктуры, торговли, дорожного строительства, городского транспорта, в которых трудятся множество граждан нашей страны. При всем этом жилищное строительство и соответствующие отрасли в силу своей специфики занимают население не кратковременно, а постоянно, стабильно вовлекая в трудовой процесс исходя из того, что возведение любой жилой недвижимости требует больших временных затрат, нежели в сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности.

В течение длительного периода времени в нашей стране возможности макроэкономического анализа сектора жилищного строительства отсутствовали. Это произошло в основном из-за того, что экономика Советского Союза опровергала товарную составляющую жилья, находившегося в государственной собственности. Разделение жилья исходило исключительно от правительства, поэтому не было возможности его дальнейшей продажи. Квартиры выступали в первую очередь как объект потребления.

Переход к новому типу экономики в России привел к необходимости отмены этого положения. Квартира приобрела объективные свойства продукта, причем довольно дорогого и необходимого.

В этом смысле особую актуальность находят теоретические знания о работе рынка жилья и жилищного строительства в экономике как условие для экономического развития, особенно в контексте воспроизводства населения и богатства.

На протяжении многих лет на Севере сложилось одностороннее формирование экономики при преобладании добывающих отраслей, при существенной «слабости» промышленности и социальной инфраструктуры. Показатели качества жизни населения Севера находятся гораздо ниже среднего уровня в России, и это происходит в результате сильной зависимости от России в плане экономического развития сырьевого сектора экономики в регионе. Из этого следует, что проблемы регулирования государственной экономической и социальной политики и компонент жилищной политики усугубляются из-за определенного географического местоположения.

Трудясь в непростых географо-климатических условиях, население не имеет возможности обеспечить себе нужные жизненные стандарты, которые могло бы иметь, работая в более мягких условиях.

Решение социально-экономических проблем Севера неразрывно связано с развитием ситуации с градостроительством. Жилищный вопрос является не только важным фактором при принятии решения таких социальных проблем, как сохранение здоровья, повышение рождаемости, снижение высвобождения трудоспособного населения, занятости, а также является мощным толчком для экономического роста. Как на Севере, так и в приравненных к нему местностях население рассматривается как ресурс рабочей силы, которому необходимо создать все условия, при-

чем наличие собственного жилья является одной из главных проблем как для работодателя, так и органов власти.

Специфика регионов Севера заключается в том, что они не могут развиваться без активного участия государства, которое обязано воздействовать на жилищное строительство. Рост объемов строительства жилья на Севере возможен только при поддержке региональных властей. Это гарантирует, с одной стороны, рост регионального развития, главной задачей которого является повышение уровня жизни населения, с другой – увеличение налоговых поступлений в бюджеты регионального и местного уровней за счет развития предприятий строительной отрасли, строительства и других смежных отраслей.

Государственная политика в северных регионах предусматривает стабилизацию экономического и социального положения, сохранение промышленного и личного потенциала, создание конкурентоспособной экономики, которая сочетает предпринимательскую деятельность с государственным регулированием. Кроме того:

- жилищная политика предусматривает постепенный переход от строительства в режиме самофинансирования. Финансирование из бюджета жилищно-коммунального хозяйства и изменение механизма перераспределения средств из общественных фондов потребления в пользу нетрудоспособных граждан с низкими доходами;

- приватизация жилого помещения осуществляется с учетом особенностей формирования рынка жилья на Севере и перспективы для развития городов и районов северных регионов;

- стимулирует активность инвестиций в жилищное строительство и создание общественных фондов для этих целей.

Основными приоритетами государственной политики в северных регионах в области снабжения населения недорогим, качественным жильем в период до 2020 года являются:

- 1) повышение доступности жилья для граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий;

- 2) содействие в осуществлении жилищного строительства, увеличение количества жилья;

- 3) повышение эффективности, устойчивости и надежности, полезности систем жизнеобеспечения населения;

- 4) государственная поддержка в обеспечении жильем отдельных категорий граждан, установленных законодательством.

Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие проблемы:

- создание условий качественного улучшения технических характеристик квартиры;

- обеспечение эффективности градостроения;

- планирование мероприятий по реализации жилищной политики;

- соблюдение прав граждан по отношению к жилищно-коммунальному хозяйству;
- соблюдение обязательств государства по обеспечению жильем установленного для определенных категорий граждан федеральным законодательством;
- содействие развитию жилищного строительства, увеличение строительства жилья, повышение доступности для обычных граждан, и граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и обеспечение комфортных и безопасных условий;
- обеспечение населения в северных регионах питьевой водой, соответствующей требованиям безопасности и санитарно-эпидемиологическим правилам;
- увеличение степени дисперсности населенных пунктов в северных регионах и создание условий для повышения уровня жизни населения.

Но принятие законов и нормативных актов, правильно определяющих цели и приоритеты, не являются залогом их дальнейшей реализации. Из-за пространственной изоляции, большого расстояния от центра, многие проблемы жилищной политики кажутся еще острее и менее достижимыми. Это связано с множеством существующих проблем, например с обеспечением надежной работы для предприятий строительства, с доставкой и качеством строительных материалов, сокращением сроков строительства и многим другим, что препятствует выполнению законодательных инициатив в области жилищной политики для развития регионов Севера.

Целью развития инфраструктуры в северных регионах является экономическая, энергетическая и экологическая эффективность, устойчивость, надежность системы государственных услуг в стране. Для достижения этой цели особое внимание будет уделено следующим областям:

- повышению качества государственных услуг;
- наличию стимулов к снижению производственных затрат на предоставление государственной услуги;
- созданию условий для привлечения инвестиций в государственный сектор услуг.

Это требует решения основных задач, таких как:

- реконструкция, модернизация и техническое переоснащение государственных услуг;
- обеспечение надежности технических систем, из-за обновления, использования резерва для источников водоснабжения (водопровода);
- введение альтернативного отопления и устранение его неэффективности.

Реализация данных задач позволит улучшить качество коммунальных услуг; повысить надежность и бесперебойность предоставления коммунальных услуг; улучшить показатели эффективности использования ресурсов; снизить аварийность в работе коммунальных систем; провести работу по оптимизации издержек при предоставлении коммунальных услуг; снизить расходы бюджетов всех уровней на содержание коммунальных объектов, что, в свою очередь, повысит благосостояние граждан северных регионов, а следственно приведет к повышению таких показате-

лей, как уровень инвестиций в жилищное строительство, уровень рождаемости, количество занятого населения, и в целом повлечет за собой экономический рост развития регионов.

1. Бочкова С.В., Размыслова Ю.К. Экономический анализ социальных условий и использования человеческого фактора // Обеспечение высокого качества жизни населения на основе устойчивого экономического роста : сборник материалов научно-практической конференции в рамках XII Международного северного социально-экологического конгресса (Москва – Сыктывкар, 2 апреля 2016 года) : в 2 ч. Ч. 1. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 186 с.

Л.И. Бушуева,

д.э.н., доцент, директор института менеджмента и предпринимательства;

Ю.Ф. Попова,

*д.э.н., профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

АДАПТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ВУЗА С РЕГИОНОМ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В современных условиях развитие социальной сферы сопровождаются адекватными изменениями сущности, форм, организационных структур, методов и моделей управления социальными проектами. В этой связи возрастает интерес к подобным проектам как со стороны государства в лице федеральных и региональных органов власти, так и со стороны бизнеса и научной среды.

Дополнительные возможности по разработке и реализации социально значимых проектов предоставляют опорные вузы регионов, помогая региональным органам власти выполнять функции по развитию социальной сферы. Совершенствование управления взаимодействием вузов с регионом – проблема многоаспектная, сложный процесс поиска новых концепций, аналитических инструментов, моделей и подходов к реализации социальных проектов. Системы управления должны обладать гибкостью, мобильностью, способностью адаптироваться к внешней среде, возможностью быстро перестраиваться на реализацию новых задач.

Система управления взаимодействием включает в себя субъекты и объекты управления, концепцию управления взаимодействием, механизмы управления (распорядительные, финансовые, ресурсные, информационные, инфраструктурные и др.), организационную структуру управления.

Существует множество определений моделей управления, которые включают ряд параметров, позволяющих их классифицировать и сравнивать по уровню гене-

рируемого дохода [Amit, Zott, 2001; Chesbrough, Rosenbloom, 2002; Mahadevan, 2000; Osterwalder, Pigneur, Tucci, 2005; Shafer, Smith, Linder, 2005; Slywotsky, 1996; Stewart, Zhao, 2000; Timmers, 1998; Остервальдер, Пинье, 2012 и др.].

Несмотря на значительные результаты в развитии бизнес-моделей управления взаимоотношениями, в настоящее время остаются нерешенными многие теоретико-методические аспекты формирования моделей управления взаимоотношениями вуза со всеми заинтересованными сторонами. Требуется также создание базового инструментария для внедрения его в практику. Рассмотрим подробнее составляющие системы управления взаимодействием вуза с регионом по вопросам социального проектирования.

В качестве **субъектов** управления взаимодействием вуза с регионом выступают органы государственной власти (федеральные, региональные и муниципальные), а также гражданское общество, население, бизнес-сообщество и другие вузы. Все они передают управляющее воздействие на управляемую систему для достижения поставленной цели.

Вуз, как субъект управления взаимодействием с регионом по вопросам социального проектирования, разрабатывает программу развития системы социального проектирования, которая включает следующие основные элементы: миссию, видение, цели политики региональных партнерств, организационно-структурный формат, формирование нормативной базы, ресурсного обеспечения и др.

Объектом в системе управления является то, на что направлено управленческое воздействие, то есть развитие системы региональных партнерств вуза по вопросам социального проектирования, результатом которого должно стать привлечение молодежи активной жизненной позиции и закрепление ее в регионе, которые способствуют снижению миграционного потока молодых людей из республики в центральные регионы России. В настоящее время региональные органы власти принимают нормативно-правовые акты для создания условий по развитию территории, но необходимо создать механизмы для более активного вовлечения предприятий и организаций в реализацию региональной политики по сокращению миграционного потока. В этой связи инициатива СГУ им. Питирима Сорокина по созданию регионального партнерства опорного вуза по вопросам социального проектирования является актуальной, поскольку необходимы новые механизмы вовлечения молодежи в управление территорией.

В рамках системы управления взаимодействием между субъектами и объектами управления существуют разнообразные связи, которые могут быть описаны с помощью **модели управления** как совокупности представлений о том, что представляет система управления, и через которые осуществляется действие механизма управления.

Модель управления взаимодействием опорного вуза с регионом по вопросам социального проектирования представлена на рис. 1.

Рисунок 1. Модель управления взаимодействием опорного вуза с регионом по вопросам социального проектирования

В модели отражена система управления взаимодействием опорного университета – СГУ имени Питирима Сорокина – с органами государственной власти, бизнес-сообщества и населения по вопросам социального проектирования. В процессе взаимодействия данная система должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям внешней и внутренней среды.

В модели представлены укрупненные группы элементов системы управления взаимодействием вуза с регионом:

- концепция управления взаимодействием;
- механизмы управления (распорядительные, финансовые, ресурсные, информационные, инфраструктурные и др.);
- организационная структура управления.

Общая концепция формирования модели управления внешними взаимодействиями ВУЗа предусматривает определение идентичности элементов модели, формулирование миссии, видения, политики региональных партнерств, необходимых для реализации социальных проектов.

Механизм управления как совокупность процедур принятия управленческих решений должен описывать распорядительный, ресурсный (в том числе финансовый, информационный, инфраструктурный и др.) инструментарий по отношению к развитию системы управления взаимодействием вуза с регионом по вопросам социального проектирования.

Распорядительный инструментарий обеспечивает нормативно-правовое регулирование системы управления взаимодействием вуза с регионом по социальному проектированию.

Ресурсное обеспечение связано, в первую очередь, с поиском основных источников финансирования социальных проектов, в том числе бюджетными и внебюджетными источниками финансирования разработок и их реализации, включая государственный заказ, гранты на научные исследования и разработки, премии и т.п.

С позиции основания источника дохода для реализации социальных проектов можно выделить:

- проекты с внутренней самостоятельной способностью генерировать доходы за счет получения платежей от реализации товаров или услуг;
- проекты, где исполнитель непосредственно обеспечивает предоставление услуг в области государственного управления в сферах общественных работ (тюрьмы, больницы, детские дома), управляет предоставлением этих услуг, получая взамен вознаграждение за счет выплат от государства;
- проекты, которые направлены на создание социальных благ и требуют финансирования со стороны государства (или частного бизнеса), поскольку не предполагают получение коммерческих доходов.

Для развития социального проектирования необходимо наличие специалистов высокой квалификации, что предполагает владение вопросами социального проектирования, коммерциализации социальных проектов, их продвижения на рынок, оценки их эффективности, значимости для развития региона, использования прав интеллектуальной собственности и др.

Необходимые предпосылки для развития системы управления внешними взаимодействиями вуза во многом создают внутренние условия (материально-техническая база, информационно-коммуникационные технологии и т.п.), обеспечивающих создание и использование собственных, а также покупных (или предоставляемых бесплатно) информационных ресурсов организаций. Поэтому важным элементом модели является имеющаяся в распоряжении вуза *инфраструктура* для разработки и реализации социального проектирования.

Организационная структура управления

В настоящее время все социальные проекты, реализуемые в СГУ имени Питирима Сорокина, использует модель, при которой вуз помимо функций по проектированию, созданию/реконструкции, финансированию объекта принимает на себя функции по управлению объектом в целях организации его дальнейшей эксплуатации государственным органом или учреждением. Аналогичные примеры такой модели, только коммерческие, известны как частная финансовая инициатива (PFI – private finance initiative).

Для выстраивания и развития системы внешнего взаимодействия опорного вуза с регионом первым шагом требуется сформировать отлаженное управление отдельными социальными проектами (проектное управление). Оно предполагает, что создание продукта или услуги реализуется как уникальный комплекс взаимосвязанных целенаправленных мероприятий при определенных требованиях, касающихся сроков, бюджета и характеристик ожидаемого результата. В качестве руководителей проекта, как правило, выступают структурные подразделения вуза (факультеты, институты, научно-образовательные центры (НОЦ), департаменты, управления и т.д.), органы студенческого самоуправления и др. Организационная структура самого социального проекта представлена командой проекта, его кураторами, партнерами, исполнителями (образовательные структуры, административные службы), волонтерами и др.

Для системного решения проблем и задач, стоящих перед регионом в социальной сфере, достижения стратегических целей необходимо рассмотреть вопрос об управлении портфелем проектов, что особенно актуально в условиях ограниченности ресурсов. Именно формирование и планирование портфели (набора) проектов может отразить наиболее эффективное их сочетание для достижения соответствующих целей и наиболее оптимально распределить ресурсы на их реализацию.

Развитие системы взаимодействия вуза с регионом по вопросам социального проектирования

Развитие системы взаимодействия СГУ имени Питирима Сорокина с регионом по вопросам социального проектирования может строиться на основе эволюции стратегии маркетинга взаимоотношений (рис. 2).

Рисунок 2. Эволюция стратегии маркетинга взаимоотношений в рамках модели управления взаимодействием вуза с регионом по вопросам социального проектирования

Рассмотрим подробнее этапы развития стратегии маркетинга взаимоотношений:

1. Построение взаимоотношений. На этой стадии происходит осознание существующей потребности в развитии взаимоотношений, производится оценка потенциальных партнеров, составляются сценарии развития отношений, прогнозируется степень выгоды и прибыльности взаимоотношений.

2. Создание дополнительных конкурентных преимуществ. В процессе взаимоотношений реализуется возможность объединять и совместно использовать как общедоступные, так и редкие ресурсы, что создает дополнительные конкурентные преимущества для всех участников отношений. Необходимо заметить, что речь в данном случае идет не только о материальных ресурсах, но и о таких наиболее трудновоспроизводимых, как технологии, опыт, квалификация персонала и т.д.

3. Укрепление и развитие взаимодействия в рамках сети. В процессе взаимодействия создаются трудновоспроизводимые конкурентными, поэтому наиболее ценные конкурентные преимущества. Происходит процесс интеграции стратегии во внутреннюю структуру компании.

Результаты развития системы взаимодействия с регионом в СГУ имени Питирима Сорокина по вопросам социального проектирования

Наименее разработанной и наиболее дискуссионной проблемой в сетевой теории является оценка результативности управления взаимодействием [3]. Повышение результативности должно способствовать достижению целей всех заинтересованных сторон, сопровождаться увеличением ценности взаимоотношений и повышением удовлетворенности их участников. Взаимоотношения организаций являются их нематериальным ресурсом, а повышение результативности взаимоотношений сопровождается увеличением ценности организаций. Взаимозависимость понятий позволяет нам в дальнейшем использовать показатель ценности взаимоотношений

для построения концептуальной модели оценки результативности управления межфирменными сетями.

Ценность взаимоотношений с регионом для СГУ имени Питирима Сорокина является многомерной переменной, сочетающей в себе несколько аспектов, в том числе: экономический, стратегический, социальный.

Экономический аспект оценки взаимоотношений

Экономическая ценность определяется выгодами, которые партнеры получают в процессе взаимоотношений. Основная выгода от взаимоотношений – получение доступа к ресурсам, технологиям, информации компании-партнера.

Стоимость проекта имеет значение не только в абсолютных показателях (крупные проекты, без сомнения, представляют наибольший интерес для консультанта), но и в относительных, в частности, в сопоставлении с затратами на его выполнение. Доход от покупателя или проекта сопоставляется с затратами на данного покупателя или данный заказ. В затраты на поддержание отношений могут входить представительские расходы, сумма скидок, затраты на кредитование партнера, потери от невыполнения условий договора и т.д. Имеет также значение и возможность заказов в будущем, а также динамика заказов.

Экономические результаты от развития системы внешнего взаимодействиями СГУ имени Питирима Сорокина по вопросам социального проектирования следующие:

- ✓ повышение качества производимых услуг и рост конкурентоспособности вуза;
- ✓ доступ к ресурсам, технологиям, информации партнеров;
- ✓ формирование инкубатора социальных проектов и развитие социального предпринимательства;
- ✓ повышение частоты и рост портфеля заказов;
- ✓ снижение уровня миграции молодежи из региона в мегаполисы.

Стратегическая ценность взаимоотношений определяется тем, насколько взаимоотношения способствуют достижению стратегических целей компании. Успешные взаимоотношения позволяют компании получить стратегические преимущества, сосредоточить усилия на развитии ключевых компетенций, рационально распределить ресурсы.

В качестве стратегических результатов можно выделить следующие:

- ✓ реализация стратегических целей организации;
- ✓ формирование имиджа университета как социально ответственного участника развития региона, ключевого партнера органов государственной власти, бизнес-сообщества, гражданского общества и населения в реализации социальных проектов;
- ✓ оптимальное распределение ресурсов;
- ✓ развитие ключевых компетенций.

Социальный аспект взаимодействия связан с возможностями создания доверительных, открытых и, следовательно, более эффективных взаимоотношений. Например, ориентация на достижение конкурентного преимущества на основе взаимодействия между партнерами ведет к постепенному созданию уникальной культуры взаимоотношений, оказывающей поддержку, облегчающей решение конфликтных ситуаций, ускоряющей решение вопросов, требующих согласования.

Основные социальные результаты, которые достигаются СГУ имени Питирима Сорокина от развития системы внешних взаимоотношений с регионом по вопросам социального проектирования:

- высокая социальная активность студентов, готовность принять личное участие в улучшении социальной ситуации в местном сообществе;
- формирование общей системы ценностей;
- рост уровня доверия между участниками взаимодействия. Готовность органов государственной власти принимать совместные решения по улучшению социальной ситуации в регионе;
- развитие навыков коллективной работы у членов проектных групп и др.

Рассмотрим выделенные в рамках модели характеристики организационных элементов, оказывающих основное влияние на формирование модели управления внешними взаимодействиями вуза (таблица 1).

Таблица 1

Характеристика организационных элементов, оказывающих основное влияние на формирование модели управления внешними взаимодействиями вуза

<i>Основные элементы управленческой модели вуза</i>	<i>Характеристика элементов модели</i>	<i>Комментарии</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Концептуальное описание	Идентичность, видение, миссия	Идентичность – формирование имиджа университета как ключевого партнера региональных органов власти и бизнес-сообщества, гражданского сообщества в реализации социальных проектов. Видение – активная позиция университета в социально-экономическом развитии территории через создание и реализацию социальных проектов. Миссия – воспитание и привлечение молодежи активной жизненной позиции и закрепление в регионе (борьба с миграцией молодежи в мегаполисы).
	Позиционирование, ареал деятельности	Позиционирование – СГУ как центр образовательного, социального и культурного развития региона. Единственный вуз в регионе, который готовит специалистов для социальной сферы – врачей и педагогов.

1	2	3
	Политика региональных партнерств, необходимых для реализации стратегии	Соответствие реализуемых практик интересам региональных партнеров: - органов государственной власти; - бизнес-сообществ; - гражданского общества, населения.
Проектная реализация	Пространственная модель	Муниципальные образования, на территории которых реализуется проект и будет развиваться проект в будущем
	Люди, группы	Целевые группы (потребители, благополучатели), на которые направлен проект (дети, школьники, студенты, многодетные, малообеспеченные семьи, осужденные и др.)
	Взаимоотношения, климат	- Долгосрочность, опыт сотрудничества, развитие взаимоотношений и перспективы, доверие к партнерам; - групповые проекты, партнеры, которые уже вовлечены в проект и которых планируется вовлечь (в качестве соисполнителей, заказчиков и т.д.)
Организационно-структурный формат	Органы управления	Руководство проекта – структурные подразделения вуза (институты, НОЦ, департаменты, управления и т.д.), органы студенческое самоуправления и др.
	Организационная структура	Команда проекта, его кураторы, партнеры, исполнители (образовательные структуры, административные службы), волонтеры
Нормативная база	Академический персонал и другие категории работников	- Положения, документы по привлечению персонала к проекту; - приказы о назначении руководителей и исполнителей.
	Структуры	- Положения, документы по структурным подразделениям, участвующим в реализации; - перечень и формы нормативных документов (приказы о проведении мероприятий); - договоры о сотрудничестве и др.
	Виды деятельности: (исследовательская, образовательная, инновационная и др.)	- Положения, документы по видам деятельности в проекте. - Документы по развитию информационных платформ и др.
Ресурсное обеспечение	Структура финансовых источников	Источники финансирования: денежные средства (бюджетные и внебюджетные средства), доступ к фондам финансирования, гранты и т.п.
	Качество инфраструктуры	Материально-техническая база (оборудование, программное обеспечение, аудиторный фонд, связь, транспорт, Интернет и др.)

1	2	3
	Компетенции и человеческий потенциал	- Опыт участников проекта (ППС, студентов, партнеров), в том числе их участие в научных и социальных проектах, публикации, стажировки, конференции, созданные научные лаборатории по заявленной проблематике; - опыт волонтерства; - репутационный капитал участников проекта.

Предложенный авторами подход к построению модели управления взаимодействием ВУЗа с региональными партнерами по вопросам социального проектирования может стать основой для практических разработок, направленных на реализацию современных методов управления взаимодействием ВУЗа с регионом, в том числе в образовательной, научной, просветительской, инновационной и других областях деятельности.

1. Дебелак Д. Бизнес-модели. Принципы создания процветающей организации / пер. И. Коваленко. М.: Гребенников, 2009. 256 с.

2. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей. Настольная книга стратега и новатора. / пер. Марии Кульневой. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288с.

3. Попова Ю.Ф. К вопросу об измерении эффективности управления взаимоотношениями в цепочке создания ценности // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 1. С. 35–55.

4. Швайцер, Л. Концепция и эволюция бизнес-моделей. 2007. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/2007n2r01.pdf> (дата обращения: 07.03.2016).

5. Amit R., Zott C. Value creation in e-business // Strategic management journal. 2001. Vol. 22. № 6/7. P. 493–520.

6. Chesbrough H. Business model innovation: it's not just about technology anymore // Strategy & leadership. 2007. Vol. 35. № 6. P. 12–17.

7. Osterwalder A., Pigneur Y., Tucci C. Clarifying business models: origins, present, and future of the concept // Communications of the association for information systems. 2005. Vol. 15. May. P. 1–43.

8. Shafer S., Smith H. J., Linder J. The power of business-models // Business horizons. 2005. Vol. 48. №3. P. 199–207.

*А.А. Вишняков,
к.э.н., доцент кафедры экономической теории и корпоративного управления
института менеджмента и предпринимательства,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СЦЕНАРИЕВ БИОСФЕРНО-СОВМЕСТИМОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА

Динамизм изменений, происходящих в начале нового тысячелетия, обусловленный во многом развитием процесса информатизации и глобализации, выдвигает на первый план разработку научных подходов и методов исследования инновационной деятельности в условиях Севера, поиск критериев оценки ее безопасности. Сегодня очевиден тот факт, что сохранение и дальнейшее устойчивое развитие северных регионов возможно лишь при разворачивании систем жизнедеятельности социума в «экологически ориентированном пространстве», то есть должна быть установлена такая предельно допустимая оптимальная интенсивность потребления природных ресурсов и накопления отходов, при которой нынешние и грядущие поколения сохраняют право на здоровую окружающую среду и достаточно высокий уровень развития социума в ней.

В современном мире в силу охвата и масштабности протекающих социально-экономических процессов недостаточно рассматривать их в симбиотическом единстве и взаимозависимости с природным миром, необходима экологически ориентированная стратегия инновационных действий для сохранения биобезопасности и стабильности антропобиосферы. В связи с этим требует конкретизации и уточнения понятие устойчивого развития, а социальные, экономические и политические динамики должны рассматриваться только в комплексе с экологическими для достижения их равновесного, поддерживающего состояния. На наш взгляд, проводимых социально-экономических и правовых мер, ориентированных преимущественно на эффективную экономию невозобновляемых природных ресурсов и разработку новых экотехнологий с учетом вызовов и рисков Севера, принципиально недостаточно. Необходимо все социально-экономические нововведения планировать и «выстраивать» с учетом экологической канвы, иначе говоря, социально-инновационная деятельность в условиях Севера должна быть экологически ориентированной.

Распространенный ныне ресурсный подход в социально-экономическом развитии северных регионов, скорее всего, утратил свою актуальность в силу того, что дестабилизирует социоэкологические системы, нарушая стабильность биосферы и ее способность к самовосстановлению.

Большинство сценариев инновационного развития демонстрируют на сегодняшний день приоритет экономических ценностей, а экологические остаются вторичными, догоняющими, директивными. Сохранение подобных тенденций в условиях Севера чревато глубокими и глобальными кризисными ситуациями. К приме-

ру, серьезные экологические угрозы сохраняют свою актуальность для всех ресурсно-сырьевых и промышленно развитых регионов России. В силу того, что производственные мощности многих российских предприятий сократились за последние десятилетия, это снизило негативное техногенное воздействие на региональные экосистемы, но долгожданного переоборудования производства не происходит, а внедрение экологически чистых технологий идет медленно. Это чревато тем, что северные регионы России не только не сократят свою экологическую загрязненность в ближайшем будущем, но даже увеличат ее. Таким образом, всякий вид инновационной хозяйственной деятельности должен быть экологически приемлемым, а в идеале экологически безопасным.

По нашему мнению, сценарии внедрения и реализации инноваций на Севере в социально-экологическом аспекте должны учитывать два ключевых момента.

Во-первых, социальный эффект, отражающий повышение степени их безопасности, рост квалификационного уровня работающих, увеличение числа рабочих мест и, как следствие, прирост доходов работников предприятий.

Во-вторых, экологический эффект, направленный на стабилизацию и антикризисность антропоэкологических комплексов, на сокращение отходов производства, снижение выбросов в атмосферу, почву, воду вредных компонентов, улучшение эргономичности (уровень шума, вибрации и т.п.) выпускаемой предприятием продукции и т.д.

В итоге интегральный эффект, представляющий собой агрегированный результат полученных в ходе реализации инновации эффектов, реализуется в виде образцов экологически безопасной деятельности.

Социально-экологические инновации сопряжены в первую очередь с рационализацией природопользования и усилением контроля за этими процессами как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества. Тем самым инновационные решения социального характера должны приниматься коллегиально, с учетом не только экономической выгоды, но и на основании анализа экологических возможностей северного региона.

Основываясь на анализе мирового опыта внедрения эко-ориентированных технологий, можно заключить, что, с одной стороны, это весьма эффективные, щадящие технологии, значительно снижающие антропогенную нагрузку на среду, с другой стороны, эти инновации увеличивают экономические издержки, что влечет за собой удорожание продукции и снижение ее конкурентоспособности. Как разрешить данную дилемму?

Очевидно, что не только назрела необходимость локальных технологических изменений в отраслях и сферах экономики, но требованием времени становится концептуальная переориентация всей инновационной деятельности на принципах биобезопасности.

Многие современные экономические теории, определяющие развитие экономики северных регионов России, исходят из механических отношений человечества

и окружающей среды. Считается, что человечество изымает из этой среды природные ресурсы и возвращает в неё отходы производства и быта.

Однако не исключено, что в действительности – отношения людей и Биосферы – иерархические, функциональные, коэволюционные, биологические, информационные. Особенно ярко это заметно в условиях повышенных рисков и вызовов Севера.

Соответственно, именно в условиях Севера особо остро проявляется дилемма, определяющая, что у человечества есть два пути развития: патологический и непатологический. Для первого характерно расширенное воспроизводство по типу вируса или раковой клетки – за счёт более сложного и совершенного организма, каким для людей является природа. Для второго, необходимого и возможного, характерным станет развитие по типу саморазвивающейся биосферы. Конечно, если человечество в полной мере осознает гибельность своего техногенного пути и его причины, коренящиеся в извращенном понимании своего места и роли в процессе эволюции.

В звене «человечество–природа» системы «Космос – Биосфера – общество – семья – человек – мышление – труд» идёт скорее не расширенное, а суженное, сокращающееся воспроизводство. И у человечества для выживания и развития стоит, по сути дела, одна задача: перевести это суженное воспроизводство в истинно расширенное, что предполагает опережающее приращение главной производительной силы. И это возможно на основе смены типа жизнедеятельности [3].

Ранее нашу страну увлекали приоритетом общественных интересов. Теперь на основе отрицания проявленных пороков прежней системы включился механизм увлечения приоритетом личных интересов. Поэтому проблема рынка рассматривается через призму идеализируемого либо прошлого, либо будущего, но не на основе функционального понимания настоящего. Общепринятые теория и практика не в состоянии обеспечить приоритет выживания и конкурентоспособного развития, на основе которого только и можно удовлетворять личные и общественные интересы.

Непатологический выбор – это биосферосовместимый путь развития, способный экономически разорить своего нынешнего оппонента за счёт эколого-ноосферных преобразований, на основе целевых высокоэффективных программ в различных областях деятельности, позволяющих перейти к экономической модели с собственным российским лицом.

«Социализм» и «капитализм» в их традиционном толковании – лишь разная политическая редакция патологического пути развития, основанного на принципе «взять больше, чем отдать».

Конкурентоспособный переход к другому, непатологическому принципу «отдать больше, чтобы получить больше», предполагает другую логику, а стало быть и иной тип мышления, отличный от традиционного осмысления имеющихся знаний, в том числе в области экономики [3].

Необходимость разработки сценариев инновационного развития северных регионов требует комплексного рассмотрения глобальных проблем социально-экономического развития с учетом экологических приоритетов. Проведенный авто-

ром на базе Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина анализ выявил возможные ключевые направления и концептуальные основы стратегического развития.

Так, на наш взгляд, необходимо отказаться от попыток модернизировать существующую социально-экономическую систему, развитие которой построено по «вирусному» паразитарно ориентированному принципу. Существует опасность ориентации региональной экономики на динамику роста макроэкономических показателей, получение прибыли без учета интересов окружающего мира, как биосферы в целом, так и ее отдельных компонентов.

В основу сценариев инновационного развития Севера предлагается заложить следующие аксиомы, ранее предложенные Ю. Забродецким и Г. Живановым в работе «Видеология сотворения» [3]:

Во-первых: биосфера Земли – главная ценность и главная производительная сила. Условия живой природы Планеты и существования человека определяются естественными законами единой глобальной экосистемы земного шара – биосферы, имеющими для человечества и его деятельности первичное значение и абсолютный характер.

Природа – среда обитания и основа здоровья человека, первичный ресурс духовного, социального развития и производительных сил – выступает базисом нравственной, экономической, политической, культурной жизни и отношений людей настоящего и будущего поколений.

Общепризнанные экономические теории исходят из утверждения о наличии в экономике преимущественно такого типа воспроизводства, как расширенное. Доказательством считают рост численности занятых, количества основных фондов, объёмов сырья и продукции в расчёте на душу населения, а также ряд других показателей и процессов. На этом аксиоматичном утверждении построены теория и практика расширенного воспроизводства на всех уровнях иерархии от предприятия, отрасли, народного хозяйства до всей мировой экономики.

Реально в условиях Севера сегодня вряд ли есть место расширенному воспроизводству, так как происходит сокращающееся воспроизводство всех незагрязнённых производственных ресурсов – воздуха, воды, почвы, растений, животных.

Неоспоримым фактом является сокращающееся воспроизводство чистой части биосферы северных регионов и увеличение объёма загрязнённой части биосферы.

Происходит фактическое убывание главной производительной силы, когда никакое общественное воспроизводство не может быть расширенным. Иллюзию такой расширенности создает увеличение человеческой популяции и возрастающий объём производства товаров и услуг для людей и против людей [1].

Развитие за счёт главной производительной силы – производительной силы биосферы в условиях Севера, то есть конфискационный характер присвоения человеком природного продукта, ведёт к деградации, свидетельством которой является

нарастание остроты, усугубление тяжести так называемых глобальных проблем современности. На самом деле – это не проблемы, а следствия развития за счёт биосферы.

Такой путь развития можно назвать патологическим. В основе его лежит принцип «взять больше, чем отдать», начиная с характера присвоения природного продукта и далее во всех звеньях отношений между людьми, между человеком и государством, между государствами.

Эксплуатация человека человеком, социальные и межгосударственные конфликты неуничтожимы, а все так называемые глобальные проблемы неразрешимы без изменения характера присвоения природного продукта.

Во-вторых: вопрос о производственных отношениях вторичен по отношению к вопросу о типе жизнедеятельности.

С тех пор как человек стал брать у природы больше, чем отдавать, эксплуатация превратилась в феномен социальной практики, независимо от того, сводится она к эксплуатации человека человеком, общества человеком или человека обществом. Отчуждение прав, энергии и вещей происходит сегодня трижды: первый раз – у биосферы, второй – у человека, третий – у общества. Второе и третье – следствие первого.

Люди не заметили, как перешагнули черту, до которой они отдавали природе столько, сколько забирали, и за которой они стали забирать больше, чем отдавать. Последнее характерно сегодня для любой социальной системы. Поэтому любая из них, независимо от общественного строя, развивается по патологическому пути. Но особенно остро это проявляется в условиях экономики Севера.

Вопрос о производственных отношениях вторичен по отношению к вопросу о типе жизнедеятельности. Любые производственные отношения при патологическом выборе ведут к самоотрицанию, к гибели. И наоборот, любые производственные отношения при непатологическом выборе ведут к саморазвитию, к спасению.

Программы по восстановлению природных основ биосферного круговорота путём преобразования способа взаимодействия системы «человечество – Биосфера» не имеют отношения к традиционным политическим или идеологическим программам, концепциям и доктринам. Это программы, способствующие практическому осуществлению бескризисного, экономически выгодного перехода человечества в качественно новое эволюционное состояние и его возвращения в ноосферу – область разума.

В целях прекращения опасных для жизни глобальных изменений биосферы, выживания народов и государств конкурентоспособное проведение эколого-ноосферных преобразований – задача любой государственной власти.

В третьих: только используя патологию как ресурс развития, можно вернуться к норме. Пока не будет повсеместного спроса на сохранение биосферы, так называемые глобальные проблемы не решить. Чисто экономический аспект этих проблем состоит в том, чтобы включить природную компоненту в себестоимость товаров в полном объёме.

Сделать это можно, создав параллельную промышленность, использующую в качестве сырьевых ресурсов все виды отходов и получающую за это ещё до реализации товаров плату за ликвидацию свалки, террикона, топляка, горельника, рудных отвалов, дымов, «нефтяных туманов», различных загрязнений вод, почв и т. п. Во многих случаях это выгодно делать даже бесплатно, ибо во всех случаях можно так организовать работу, чтобы получать товары, более конкурентоспособные на рынке, нежели те, которые производятся предприятиями, зашлаковывающими окружающую среду. Критерии отбора соответствующих проектов и разработки на их основе высококонкурентоспособных территориальных и отраслевых программ имеются.

Широкое продвижение и тиражирование таких программ способно вытеснить с рынка всех отравителей природы и инициировать принципиально иной – биосферосовместимый путь развития, ориентируя на его обеспечение все формы собственности на основе фондовых механизмов хозяйствования и проблемно-целевых подходов [1].

Глобальные проблемы – это следствие патологического способа жизнедеятельности. Решая эти проблемы как глобальные, человечество может решить их только ценой собственной гибели.

Патологическое мышление всегда имеет дело со следствием. Поэтому в решении так называемых проблем, а на самом деле – следствий, человечество переходит на всё более высокий уровень. Так, для решения глобальных проблем предлагаются уже различные космические проекты захоронения отходов хозяйственной деятельности, выноса индустрии на околоземные орбиты и т. п., что породит последствия в виде космических проблем, для которых не будет более высокого уровня их решения. Мысль должна идти к первопричине бытия и сознания, тогда от неё развяжется весь узел проблем.

Социально-экономическое строительство наиболее эффективно тогда, когда патология хозяйственной и социальной практики делается ресурсом развития. Расстройство системы денежного обращения в стране может служить источником финансирования эколого-ноосферных программ с фондовой (производственной отложенной) конвертацией на основе продукции и услуг, конкурентоспособных на мировом рынке.

Самый большой ресурс, как самой жизнедеятельности, так и её патологии, у северных регионов России, поэтому у них – наибольшие ресурсы развития.

При моделировании инновационных сценариев биосферно-совместимого развития северных регионов России представляется правильным использовать:

1. Новую логику, основанную на принципе «отдать больше, чтобы получить больше».
2. Новый системный анализ, признающий вычитание и сложение только как комплементарные случаи, сопряжённые с делением и умножением.
3. Новую политэкономия частно-общественных производственных отношений.

Необходимо умение решать проблемы не только с помощью денег, но и за счёт асимметричных проблем.

Требуется способность обращать любую патологию хозяйственной деятельности в ресурс развития.

Должна использоваться возможность гармоничного сочетания интересов личных и общественных, отраслевых и территориальных, государственных и межгосударственных, бизнеса и политики.

На практике для обеспечения инновационного биосферно-совместимого развития предлагается взять за основу:

1. Высокоэффективные проекты и программы создания продукции и услуг, конкурентоспособных на мировом рынке.

2. Систему целевого управления налогами, кредитами, отчислениями в проблемно-целевые фонды, включая благотворительные, филантропические и социальные – страховые, медицинские, жилищные, пенсионные и др.

3. Систему управления высокотехнологичными видами хозяйственно-финансовых операций с исключением отношений купли-продажи до получения конечного результата (производство конкурентоспособных на внутреннем и международном рынках товаров и услуг).

Необходимо обеспечить участие частного капитала в государственных проектах и программах, в том числе зарубежных, а государственного – в частных.

Положенные в основу сценариев так называемые «фондовые механизмы» смогут преобразовать всю систему управления народным хозяйством северных регионов России, деидеологизировать это управление и обеспечить переход от административно-командной системы к управлению функцией развития и ориентированию всех форм собственности на участие в обеспечении этого развития на основе знаний природного операционализма [1].

Таким образом, анализ и синтез положений приведённых аксиом и постулатов позволяют обобщить принципы социально-экономического развития в условиях повышенных рисков Севера:

– принцип приоритетности типа жизнедеятельности над производственными отношениями;

– принцип абсолютного приоритета здоровья биосферы (составной частью которой является человечество) над свойствами техносферы;

– принцип необходимости, обязательности приращения животворных сил природы в реализуемых инновационных планах, программах, трансформах;

– сеятельный принцип животворной природы – «отдать больше, чтобы получить больше»;

– принцип обращения патологии хозяйственной деятельности в ресурс развития;

– принцип учёта истинных расходов на реализацию инвестиционного проекта, включая полное воспроизводство использованных природных ресурсов;

– принцип развития познавательных способностей человека, его интеллекта и нравственности;

– принцип прогрессивного развития техники и технологии, гармонично сочетающегося с развитием человека;

– принцип использования частно-общественных производственных отношений.

Эффективная и здоровая экономика, как и здоровая биосфера, должна быть безотходной. Отходы – это выбросы веществ и энергии в окружающую среду и выбросы из нормального общества так называемых маргинальных элементов. Если через новые технологии, отвечающие требованиям биосферосовместимости, соединить производственные и социальные выбросы, то патология развития становится его ресурсом и обеспечивает решение задач социально-экономического развития за счёт оздоровления социальной и природной среды.

Проекты, не удовлетворяющие названным аксиомам, принципам и требованиям прогрессивного развития людей, техники и технологий, не относятся к развивающим и не должны быть реализованы.

1. Вишняков А.А. Комплексный подход в стратегическом планировании социально-экономического развития северного региона (на примере Республики Коми) // Обеспечение высокого качества жизни населения на основе устойчивого экономического роста: сборник материалов научно-практической конференции в рамках XII Международного северного социально-экологического конгресса (Москва – Сыктывкар, 2 апреля 2016 года): в 2 ч. Ч. 2. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 22–29.

2. Вишняков А.А. Стабильная нестабильность: мемы адаптивного управления венчурным бизнесом // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2012. № 4. URL: <http://vestnik-ku.ru/>

3. Забродоцкий Ю., Живанов Г. Videология сотворения. Слово образа и подобия. М.: Эском, 2005. 504 с.

*А.А. Вишняков,
к.э.н., доцент кафедры экономической теории и корпоративного управления
института менеджмента и предпринимательства,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина;*

*П.А. Шихвердиев
исполнительный директор
ООО «Коми региональный Инновационно-технологический центр»,
г. Сыктывкар*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Одним из главных направлений развития и стимулирования инновационной деятельности на Российском Севере является создание инновационной инфраструктуры.

Под инфраструктурой инновационной системы понимается совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции.

Развитие инновационной инфраструктуры предусматривает создание сети организаций, оказывающих консалтинговые, информационные, финансовые и другие виды услуг, направленных на поддержку и развитие инновационной деятельности в регионе. В зависимости от объемов спроса на инфраструктурном рынке со стороны научно-технического комплекса инфраструктурные функции могут выполнять как малые организации, созданные на базе действующих научных и образовательных учреждений, так и специализированные организации, располагающие собственной материальной и кадровой базой [1].

Зарубежный опыт показывает, что инфраструктура инновационного бизнеса является реальным полем государственного и муниципального предпринимательства. В данном направлении роль власти как «механизма запуска» в условиях северных регионов особенно значительна.

Научно-исследовательским центром корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина совместно с Коми региональным Инновационно-технологическим центром неоднократно проводилось исследование **по проблемам организации и развития инфраструктуры инновационной деятельности в Республике Коми.**

По результатам сделаны выводы, что в северном регионе наиболее нуждаются в привлечении инвестиций и инновационных разработках такие сферы, как жилищно-коммунальное хозяйство, информационные технологии, здравоохранение, промышленность, образование, сельское хозяйство, строительство, предпринимательство, транспорт, наука, государственное и муниципальное управление.

Наука и научные исследования в Республике Коми на данный момент развиваются очень медленно. **Спротивляемость к инновациям и новым технологиям** в Республике Коми в основном значительна.

Причинами сопротивляемости к инновациям и новым технологиям являются:

- высокий уровень бюрократии в процессе принятия решений;
- малое количество разработок, готовых к коммерческой реализации;
- отсутствие интереса у администрации;
- отсутствие законодательной базы;
- недостаточное представление о выгодах диверсификации производства;
- высокий риск и, как следствие, отчуждение новых решений;
- краткосрочное планирование развития региона;
- достаточные поступления от сырьевых ресурсов (нефть, газ и т.п.).

Недостаточное развитие инноваций в Республике Коми обусловлено:

- слабым финансированием;
- недостаточным вниманием и поддержкой со стороны государства;

- слаборазвитой инфраструктурой;
- отсутствием связующих звеньев между высшей школой и производством;
- низким уровнем управления предприятиями и организациями;
- недостаточным кадровым обеспечением;
- отсутствием спроса на новые разработки.

Стимулировать процессы создания инновационных производств в Республике Коми могли бы следующие меры:

- экономическое стимулирование;
- прямая государственная поддержка;
- укрепление связей с ведущими инновационными центрами;
- развитие сферы образования;
- развитие информационных технологий;
- развитие региональной науки.

Способствовать развитию инновационной деятельности могли бы следующие факторы:

- создание региональной программы развития инновационной инфраструктуры;
- подготовка пакета региональных законов, содействующих занятию инновационным бизнесом;
- создание некоммерческих фондов инвестирования в инновационную деятельность – венчурных фондов;
- популяризация коммерческого использования новых научных достижений;
- организация ярмарок высоких технологий, центров обмена (трансфера) технологиями, проведение тендеров на новые инвестиционно-привлекательные научные проекты;
- инвестирование в небольшие (пилотные), но быстрые по времени окупаемости инновационные проекты;
- проведение конференций и форумов на базе вузов с привлечением представителей высокой науки и реального производства.

Для поддержки инновационной деятельности организациям региона не хватает таких объектов инфраструктуры, как:

- производственно-технические структуры (технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и др.);
- кадровые структуры;
- консалтинговые организации (бухгалтерские, юридические, финансовые и др.);
- образовательные структуры;
- финансовые структуры;
- информационно-аналитические объекты;
- сбытовые организации;
- специализированные подразделения органов государственной власти и местного самоуправления.

Необходимо создание **производственно-технических объектов** инновационной инфраструктуры:

- инновационно-промышленные комплексов;
- бизнес-инкубаторов;
- инновационно-технологических центров;
- технико-внедренческих зон;
- центров коллективного пользования высокотехнологичным оборудованием;
- технопарков.

Не хватает таких **объектов финансовой составляющей** инновационной инфраструктуры Республики Коми, как:

- бюджетные ресурсы инновационного развития;
- венчурные фонды;
- фонды прямых инвестиций (инвестиционные фонды);
- индивидуальные инвесторы (сбережения населения);
- бизнес-ангельское сообщество;
- паевые инвестиционные фонды.

Особое внимание следует уделить таким направлениям в развитии **кадровых и образовательных объектов** инновационной инфраструктуры Республики Коми.

В Республике Коми практически отсутствуют следующие **объекты информационной инфраструктуры**:

- каталог (банк) инновационных проектов;
- электронная база потенциальных инвесторов и лиц, нуждающихся в высокотехнологичных инвестиционных ресурсах;
- специализированный электронный журнал;
- региональные информационные сети.

Наибольший эффект, по мнению экспертов, могут дать такие **формы поддержки инновационной активности организаций**, как:

- содействие коммерциализации разработок;
- предоставление материально-технической базы;
- трансфер (передача) технологий, предоставление гарантий;
- подготовка бизнес-плана инновационного проекта;
- обеспечение финансирования инновационной деятельности;
- мониторинг инновационного потенциала;
- маркетинговый консалтинг;
- обучение персонала;
- правовой консалтинг;
- оценка инновационной активности организации как основы для государственной поддержки;
- информационная поддержка;
- конкурс инновационных проектов Республики Коми;
- сотрудничество с отечественными и международными организациями, коллегиальными органами по вопросам развития научной и инновационной деятельности, в том числе путем информационного обмена.

Сделан вывод о том, что **государственное вмешательство в развитие инновационной инфраструктуры** в первую очередь должно предусматривать как выполнение государством регулирующей функции на уровне законодательства, так и наличие частных и государственных субъектов управления инновационным развитием.

На государственном и муниципальном уровне в Республике Коми **должны эффективно решаться такие задачи по поддержке инновационной деятельности**, как:

- создание финансовых стимулов для инвесторов, вкладывающих средства в инновационные предприятия;
- обеспечение рационального сочетания механизмов государственного прямого и косвенного стимулирования и рыночных механизмов при осуществлении инновационной деятельности;
- финансовая поддержка в форме целевых грантов, а также налоговых льгот на исследования и разработки;
- содействие повышению образования в области инновационной деятельности;
- обеспечение активного развития инновационной деятельности предприятий и организаций, работающих в области коммерциализации технологий;
- разработка механизмов снижения процентных ставок при кредитовании инновационных компаний;
- воспитание инновационной культуры среди предпринимателей;
- разработка приемлемых методов прогноза эффекта от инноваций;
- прозрачность в отношении налогообложения доходов и прироста капитала с целью избежания двойного налогообложения в инновационные проекты;
- развитие информационной среды;
- создание правовой основы для деятельности венчурных фондов и активизация фондового рынка для обеспечения ликвидности инвестиций в инновации.

К положительным результатам в развитии экономики региона приведет использование таких типов инвестиций в инновации, как:

- прямые государственные инвестиции;
- частные инвестиции через фондовые государственные структуры;
- частные инвестиции через фондовые негосударственные (самостоятельные, коммерческие) структуры;
- государственные инвестиции через фондовые негосударственные (самостоятельные, коммерческие) структуры;
- государственные инвестиции через фондовые государственные структуры.

По результатам исследования авторами разработаны основные направления по совершенствованию **государственной инновационной политики Республики Коми**.

Главное внимание уделено вопросам развития инновационной инфраструктуры в рамках совершенствования региональной государственной инновационной политики.

Отмечено, что основной **целью инновационной политики** Республики Коми должно быть увеличение научно-технического потенциала и его эффективное использование для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, улучшения качества жизни населения [2].

Основные **задачи инновационной политики** Республики Коми:

- формирование правовых, организационных, экономических условий для осуществления научно-технической деятельности, развития научно-технического потенциала;

- выбор и периодическая корректировка приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Республики Коми и концентрация ресурсов на выбранных направлениях;

- развитие инновационной деятельности, укрепление связей между научно-технической сферой и сферой производства;

- разработка инновационных прогнозов для региона с учетом перспектив научно-технической деятельности;

- формирование инфраструктуры научно-технической и инновационной деятельности;

- обеспечение воспроизводства кадрового потенциала для научно-технической и инновационной сферы региона, включая подготовку управленческих кадров;

- повышение эффективности использования бюджетных средств в научно-технической сфере;

- повышение конкурентоспособности организаций и предприятий научно-технической и инновационной сфер региона;

- обеспечение условий свободной конкуренции для всех субъектов научно-технической и инновационной сфер.

Инструментом концентрации ресурсов региона на важнейших направлениях социального и экономического развития должно стать установление приоритетных направлений инновационной и научно-технической деятельности [2].

При установлении региональных приоритетов инновационной деятельности необходимо исходить из перспектив освоения промышленностью рыночных ниш с помощью внедрения новых технологий, а также решения наиболее острых проблем региона (социальных, экологических).

Утверждение региональных приоритетов является основанием для формирования государственного заказа на исследования и разработки, на поддержку инновационной деятельности, на применение других мер государственной поддержки.

Методы государственного регулирования инновационной деятельности должны учитывать специфику этой сферы, заключающуюся в том, что она одновременно является сферой производства и социальной сферой. Входящие в состав научного комплекса организации могут производить товарную продукцию, способную найти покупателей на рынках, и могут производить знания, не поддающиеся коммерциализации. Государство должно строить отношения с организациями

научно-технического комплекса с учетом указанных особенностей. Это означает необходимость сочетания рыночных и административных методов регулирования в данной сфере:

- создание и поддержание конкурентной среды, предупреждение образования монополий ведущих организаций;
- целенаправленное формирование рынка научных услуг и рынка наукоемкой продукции, содействие образованию недостающих элементов рынка;
- поддержание устойчивого спроса на услуги научных организаций со стороны государства, стабильного бюджетного финансирования научных учреждений некоммерческого типа;
- привлечение научных организаций региона и представителей научной общественности к решению задач государственного регулирования (разработка научно-технических программ, программ социального и экономического развития, разработка приоритетных для региона направлений научно-технической деятельности, формирование и реализация государственной научно-технической политики, выполнение заказов администрации).

Необходимо предусматривать финансирование из бюджета Республики Коми, региональных научно-технических программ, включающих исследования фундаментального и прикладного характера, инновационную деятельность на предконкурентной стадии, использовать косвенные методы поддержки научно-технической и инновационной деятельности. За счет бюджетных средств федерации и Республики Коми своевременно финансировать содержание уникального научного оборудования, стимулируя в то же время его коммерческое использование [2].

Важнейшим механизмом реализации региональной инновационной политики является государственный заказ, реализуемый в виде:

- региональных научно-технических целевых программ;
- важнейших инновационных проектов регионального значения;
- регионального заказа на прикладные исследования и научно-техническую продукцию;
- создания объектов инфраструктуры научно-технической и инновационной деятельности.

Финансирование важнейших инновационных проектов регионального значения должно осуществляться на конкурсной основе с обязательным проведением экспертной оценки. Основным критерием отбора таких проектов должна быть предполагаемая бюджетная и научно-техническая эффективность.

Недостаточная привлекательность инновационных проектов для инвесторов может быть компенсирована с помощью специализированных финансовых организаций. Стимулирование спроса на научно-технические услуги предполагает участие государства в их оплате соответственно ожидаемой эффективности этих услуг в перспективе.

То обстоятельство, что инновационная деятельность является ценной компонентой социальной жизни в регионе, должно учитываться при планировании госу-

дарственной научно-технической политики. В связи с этим в некоторых случаях меры поддержки научно-технического комплекса должны быть отражены как социальные (расходные) мероприятия в региональных программах развития и в принимаемых годовых бюджетах.

Инновационная политика Республики Коми направлена на организацию и стимулирование инновационной деятельности, превращение ее в устойчивый источник экономического роста региона. Следует исходить из перспективы перехода от отдельных мер поддержки инновационной деятельности к развитию региональной инновационной системы [3].

Из общих **принципов формирования инновационной инфраструктуры** Республики Коми необходимо выделить следующие:

- инновационная инфраструктура должна носить комплексный характер, оказывать услуги на всех этапах инновационного процесса;
- организации инновационной инфраструктуры должны координировать свои действия при оказании услуг (работать не как отдельные организации, а как единый механизм), а также взаимодействовать для обмена опытом с аналогичными организациями из других субъектов Российской Федерации;
- при формировании инфраструктуры необходимо опираться на отечественный и зарубежный опыт.

По стоимости создания, необходимым для этого ресурсам и времени, инфраструктура должна быть адекватной реально имеющемуся научно-техническому, производственному и образовательному потенциалу. При этом следует иметь в виду, что в связи с ограниченностью бюджетных и иных средств немедленное создание инновационной инфраструктуры, отвечающей требованиям сегодняшнего дня, невозможно. Поэтому необходимо прежде всего создать основы комплексной инфраструктуры, обеспечить выполнение всего набора инфраструктурных услуг, а также создать условия и предпосылки для ее саморазвития, в том числе за счет привлечения средств частных инвесторов.

Важным направлением является **развитие регионального фондового рынка** как инструмента реализации эффективной инвестиционной и кредитно-денежной политики. В современных условиях сокращения объема денежной массы, санкционной политики и ограничений доступа к финансовым рынкам, нехватки денег для инновационной деятельности, развитие рынка ценных бумаг, использование современных финансовых инструментов является одним из решений проблем.

Особую значимость и актуальность приобретают вопросы формирования и развития системы управления развитием **государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства**, ориентированной на создание развитого регионального рынка ценных бумаг для обеспечения трансформации сбережений в инвестиции и на обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона в целом.

1. Шихвердиев А.П., Вишняков А.А. Инфраструктура инвестиционной деятельности: проблемы и пути решения. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2010. 130 с.

2. Шихвердиев А.П., Вишняков А.А. Инфраструктура инновационной деятельности: проблемы и пути решения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар: СыктГУ, 2010. № 4. URL: <http://vestnik-ku.ru/>

3. Шихвердиев А.П., Вишняков А.А., Шихвердиев П.А. Разработка механизма реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Коми до 2030 года // Обеспечение высокого качества жизни населения на основе устойчивого экономического роста: сборник материалов научно-практической конференции в рамках XII Международного северного социально-экологического конгресса (Москва – Сыктывкар, 2 апреля 2016 года): в 2 ч. Ч. 2. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 170–179.

В.С. Жаров,

д.э.н., профессор, г.н.с.,

Филиал Мурманского арктического государственного университета

Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН,

г. Апатиты

СЦЕНАРИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Возможности и перспективы инновационного развития промышленного производства в регионах Севера и Арктики, как и в целом в РФ, определяются сложившимися в экономике страны условиями, основным из которых является структурный кризис. На его глубину существенное влияние оказывают два фактора. Во-первых, резкое снижение мировых цен на нефть и соответствующее снижение поступлений финансовых ресурсов в Федеральный бюджет как следствие уменьшение объема таможенных пошлин от экспорта нефти. Во-вторых, кризис усугубило введение санкций развитых стран против российской экономики. При этом резко снизилась возможность получения за рубежом относительно дешевых валютных кредитов и приобретения новых машин и оборудования, которые в России не производятся. Последнее обстоятельство в сильной степени повлияло на перспективы освоения арктического шельфа и на обновление оборудования горнодобывающей промышленности, которая занимает ведущее место в экономике регионов Севера и Арктики.

В результате влияния структурного кризиса и отягощающих его течение факторов объем ВВП в 2015 и 2016 гг. снижался. Возможно, что в 2017 г. начнется его рост, но без структурных реформ большинство экономистов (ученых и практиков) прогнозируют темпы роста ВВП на ближайшие годы на уровне не более 1–2% в год.

Предполагается, что реформирование экономики может быть осуществлено двумя основными путями. Первый путь олицетворяет бывший министр финансов А. Кудрин и его команда экономистов-либералов. Второй путь предлагает реализовать группа экономистов под руководством акад. С.Ю. Глазьева и члены Столыпинского клуба во главе с лидером «Партии роста» Б.Ю. Титовым. Первый путь – это дальнейшая либерализация экономики России с развитием конкуренции, а второй – путь с увеличением элементов госрегулирования экономики, в основе которого должно быть стратегическое планирование и прогнозирование.

Таким образом, развитие российской экономики, в том числе и инновационное развитие промышленности регионов Севера и Арктики, будет в значительной степени определяться выбранным направлением реализации реформ. Дело в том, что при либеральном пути реформирования основные усилия будут направлены на развитие конкуренции между предприятиями за потребителей на различных рынках ресурсов, товаров и услуг как в развитых странах Запада. Однако в России с ее исторически сложившейся структурой экономики и результатами приватизации 90-х годов, где большинство отраслей промышленности монополизированы и в них либо существуют олигополии, либо действуют госкорпорации, развитие свободной конкуренции является длительным процессом, который может занять десятки лет. Соответственно при такой экономической политике государства темпы роста ВВП не будут превышать 4% в год. Так как государство будет минимизировать свое вмешательство в экономику, то и стимулирование инновационной активности промышленных предприятий будет отсутствовать. Предполагается, что предприятия будут использовать дешевые кредиты банков и самофинансирование.

Если же государство будет усиливать регулирование экономики, что исторически более свойственно России, то тогда темпы роста ВВП могут достигать 6–7% в год и более, что в том числе будет обеспечиваться за счет государственного стимулирования приоритетных отраслей промышленности, преимущественно обеспечивающих инновационный путь развития.

В таких условиях первоочередной задачей будет обеспечение инновационного промышленного развития регионов Севера, Арктики и Дальнего Востока. Это значит, что должна быть разработана система стимулирования инновационного развития. Однако при любом направлении проведения реформ на перспективы инновационного развития промышленности этих регионов свой отпечаток будет накладывать возможность отмены западных санкций.

Если санкции будут отменены в ближайшие 2–3 года, что маловероятно, то тогда при либерализации экономики в свободном порядке госкорпорации и частные крупные промышленные предприятия будут продолжать закупать технику и оборудование за рубежом и никакого стимулирования инновационной деятельности не будет. В случае же усиления госрегулирования экономики закупки за рубежом должны нормироваться правительством страны для развития возможностей импортозамещения с целью поддержки собственного машиностроения, поэтому систему стимулирования нужно обязательно вводить. При этом малый промышлен-

ный бизнес нужно стимулировать только к производству новых инновационных товаров путем реализации региональных льгот по основным налогам.

Если же санкции будут существовать до пяти лет и более, что более вероятно, то либерализация экономики не будет успешной, поэтому все равно придется усиливать госрегулирование экономики страны. Соответственно, промышленным госкорпорациям придется ориентироваться на импортозамещение современной техники и оборудования, поэтому Правительству РФ придется проводить в отношении их «жесткую» политику «кнута и пряника», то есть оказывать финансовую поддержку при выполнении ими определенных требований по внедрению технологических инноваций. При этом частные крупные промышленные предприятия для активизации ими инновационной деятельности нужно будет поддерживать через реализацию предлагаемой нами системы «квазисамофинансирования» [1], что, по сути дела, представляет собой «мягкую» инновационную промышленную политику государства. В таких условиях малые промышленные предприятия в регионах должны стать «спутниками» крупных предприятий. Соответственно, инновационно активные малые предприятия нужно стимулировать путем отмены всех основных региональных налогов хотя бы в первые 2–3 года их деятельности либо только при производстве инновационных товаров.

«Квазисамофинансирование» представляет собой возможность предприятий, которую могут предоставить государство и регионы, использовать для финансирования инвестиций в реализацию технологических инноваций определенный объем основных налогов, которые предприятия формируют в процессе активизации своей инновационной деятельности в предыдущие годы либо могут сформировать в ближайшей перспективе. Дело в том, что при внедрении технологических инноваций увеличивается доля добавленной стоимости (ДС) в структуре стоимости продукции (при соблюдении сопоставимости цен на товары до и после внедрения инноваций) и возникает открытый нами эффект инновационного налогового рычага (ИНР), то есть возможность увеличения налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и страховых взносов в социальные фонды, а также налога на прибыль, с каждого рубля продаж более чем на 1% при однопроцентном увеличении доли ДС в структуре стоимости продукции. Также может более чем на 1% увеличиваться с каждого рубля продаж налог на добавленную стоимость (НДС) при 1%-ном уменьшении доли материальных затрат в структуре стоимости продукции, то есть при 1%-ном снижении материалоемкости.

Практический интерес представляет то обстоятельство, что чем меньше доля ДС в структуре стоимости продукции, тем существеннее будет прирост НДС даже при незначительном снижении материалоемкости, то есть в таком случае возможность полного «квазисамофинансирования» значительно повышается.

В этом плане можно полагать, что при реализации государством такой «мягкой» инновационной промышленной политики, то есть политики «пряника», стимулирование инновационной деятельности при предоставлении предприятиям возможности «квазисамофинансирования» в первую очередь инновационно развивать-

ся должны регионы с высокой долей обрабатывающей промышленности в структуре промышленного производства, то есть на Севере – это Архангельская и Мурманская области и Камчатский край. Это связано с тем, что обрабатывающие производства во всех регионах Севера имеют значение доли ДС менее 0,5 в отличие от добычи полезных ископаемых, где доля ДС более 0,5.

Таким образом, по нашему мнению, определяются три основных сценария развития событий. По первому сценарию (инерционному, пессимистическому) инновационная деятельность промышленных предприятий в регионах Севера и Арктики, как и в стране в целом, активизироваться не будет, так как при отсутствии реформирования экономики стимулирования инновационной деятельности тоже не будет.

Второй сценарий предполагает дальнейшую либерализацию экономики России, то есть усиление действия рыночных сил с развитием конкуренции, в том числе и в промышленности регионов Севера и Арктики. Реализация такого сценария более вероятна при снятии с России в ближайшие два года западных санкций. В таком случае снова появятся дешевые западные банковские кредиты и стимулирования инновационной деятельности не будет. Госкорпорации и крупные промышленные предприятия, работающие на Севере и в Арктике, будут закупать новые технологии и оборудование за рубежом, а средние и малые предприятия будут работать так же, как и сейчас, то есть инновационная деятельность будет активизироваться у них только с появлением существенной конкуренции, а это дело далекого будущего (десяти лет и более).

Третий сценарий – оптимистический, то есть предполагается существенное реформирование экономики с усилением ее государственного регулирования. Он более вероятен в том случае, если в ближайшие два года западные санкции не отменят. Соответственно, Федеральный центр и регионы – субъекты Федерации в отсутствие дешевых западных кредитов будут вынуждены стимулировать инновационную деятельность промышленных предприятий, прежде всего в регионах Севера и Арктики и на Дальнем Востоке, в том числе и за счет системы «квзисамофинансирования». При этом, по нашему мнению, наибольшая инновационная активность промышленных предприятий будет в обрабатывающих производствах с низкой долей добавленной стоимости. Следовательно, инновационная деятельность в первую очередь будет развиваться в регионах с преобладанием обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства – Архангельской и Мурманской областях и в Камчатском крае. При этом, по всей видимости, госкорпорации, осваивающие углеводороды в регионах Арктики и на шельфе арктических морей, будут дополнительно стимулироваться государством путем осуществления «жесткой» инновационной промышленной политики.

С целью реализации положений Федерального Закона № 488 «О промышленной политике в Российской Федерации» нами также предложена система приоритетов инновационной промышленной политики Федерального центра и регионов-

субъектов Федерации и система критериев для отбора промышленных предприятий, которым может быть оказана финансовая поддержка [2].

1. Жаров В.С. Финансовое обеспечение регионального инновационного экономического роста // Проблемы моделирования финансово-инвестиционной стратегии развития экономики регионов: материалы форума (КРФИФ-2016) в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Вызовы и возможности финансового обеспечения стабильного экономического роста» (7-10 сентября 2016 г): сборник научных трудов. Севастополь: СевГУ, 2016. С. 74–79.

2. Жаров В.С. Методика определения финансовой поддержки инновационной деятельности промышленных предприятий // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики: материалы научного форума (XXI международной научно-практической конференции) (Алушта, 19–24 сентября 2016 г.) Симферополь: Научно-технический союз Крыма; Москва: Изд-во «ЭкООнис», 2016. С. 136–140.

М. В. Жуковец

*Сыктывкарский государственного университета имени Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИСТКОГО ПРОДУКТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Привлекательность территории определяется наличием объектов показа для потенциальных туристов. Развитие внутреннего туризма в последние годы становится новым вектором развития территорий Российской Федерации и новым источником финансовых доходов. Интересным данное направление может стать и для малого и среднего бизнеса в плане предложения новых инвестиционных проектов.

Данные Всемирной туристской организации при ООН показывают, что туристы отдают явное предпочтение маршрутам в пределах их собственного региона, в частности, 4 из 5 туристских прибытий в мире происходит в пределах одного региона. Более половины прибытий (52%) были совершены с целью отдыха и досуга, около 14% – ради деловых и профессиональных целей, 27% – для других целей, в том числе в целях поездки в гости к друзьям и родственникам, по религиозным причинам, в целях паломничества, для укрепления здоровья и лечения и др. [1].

Тенденции последних лет показывают привлекательность новых направлений для развития внутреннего туризма. Российские территории все активнее начинают развивать наиболее интересные и привлекательные туристские проекты. По словам О. Сафонова, руководителя Ростуризма, «современный туризм – важнейшая сфера жизнеобеспечения деятельности человека, направленная на восстановление и развитие его физических, духовных и интеллектуальных сил». В настоящее время доля туризма в ВВП Российской Федерации составляет 1,5%, его развитие имеет боль-

шое значение для страны и является одной из задач импортозамещения. Туризм способствует созданию рабочих мест и развитию региональной экономики: одно рабочее место в сфере туризма влечет создание до 5 рабочих мест в смежных отраслях и является катализатором социально-экономического развития регионов. Он уверен, что въездной и внутренний туризм имеют «все шансы превратиться в высокодоходную отрасль народного хозяйства» [2]. Туризм рассматривается как источник финансовых доходов бюджетной системы Российской Федерации, средство повышения занятости и качества жизни населения, способ поддержания здоровья граждан, основа для развития социокультурной среды и воспитания патриотизма, а также мощный инструмент просвещения и формирования нравственной платформы развития гражданского общества. Стимулирование развития туристской инфраструктуры на региональном уровне осуществляется в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [3].

В сложившихся социально-экономических условиях развитие туристской индустрии регионов становится все более актуальным аспектом, поскольку это напрямую связано с социально-экономическим развитием, модернизацией и экологической безопасностью современной инфраструктуры, качеством и безопасностью туристских услуг, а также вовлечением местного населения в развитие туристской индустрии.

Следует устранять такие причины, сдерживающие развитие внутреннего и въездного туризма, как все еще низкий уровень и неравномерное развитие туристской инфраструктуры, недостаточно высокий уровень сервиса и завышенные цены на услуги для туристов, проблемы с продвижением России как туристского направления на международном рынке, проблемы с менеджментом и предпринимательством в сфере туризма и т.п. Тем не менее можно с достаточно высокой уверенностью говорить о начале нового этапа в развитии индустрии туризма России [7].

Сегодня туристов, инвесторов все больше интересуют не столько традиционные и статичные достопримечательности и услуги, сколько то, чем живет территория, какие уникальные события на ней происходят. Важно грамотно встроить эти события в социокультурный ландшафт и умело продвигать бренды или территорию. Брендинг регионов многие эксперты связывают сегодня с развитием событийного туризма [6].

Потенциальных туристов привлекают новые и незнакомые места и территории России, их традиции и культура. Таким новым направлением привлекательности может стать и Республика Коми, которая располагает интересными местами для посещения и показа. Республика Коми имеет все возможности для развития туризма: уникальные природные территории, 240 особо охраняемых природных территорий, жемчужинами которых являются Национальный парк «Югыд ва» и Печоро-Илычский государственный природный заповедник, которые первыми в России включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО под объединенным названием «Девственные леса Коми», уникальные виды флоры и фауны, внесенные в Красную

книгу России, 1345 объектов культурного наследия. Республика отличается богатством водных ресурсов, на территории республики более 70 тысяч озер, живописные ландшафты и природные памятники (более 350). Большой популярностью у туристов и посетителей пользуются проводимые в республике событийные мероприятия, в основе которых традиционные культура, история, быт и уклад жизни населения, старинные обряды, песни, танцы («Луд» в Ижемском районе, «Усть-Цилемская горка» в с. Усть-Цильма, «Праздник охотника» в д. Еремеево Троицко-Печорского района, «Национальное своеборье» в с. Ласты Ижемского района, «Заполярные игры» в г. Воркута, фестиваль традиционной культуры коми народа в Усть-Вымском районе, «Коми книга» в Удорском районе и др.). Количество посетителей данных мероприятий, по оценкам, составляет от 3000 до 30000 человек ежегодно в зависимости от масштабности мероприятия и транспортной доступности [9].

Интерес туристов вызывают необычные традиции народов Севера, их быт и культура, формировавшиеся поколениями предков. Суровый климат и специфика жизни на Севере создали уникальные культурные и национальные черты народа. Республика Коми не располагает древними историческими архитектурными сооружениями и памятниками и это также её специфическая особенность. Именно этим и объясняется особый интерес к продвижению национальной культуры коренных народов Севера, их традиций и мероприятий событийного туризма.

В электронный каталог объектов нематериального культурного наследия включены 19 объектов, находящихся в Республике Коми, многие из которых являются уникальными и не имеющими аналогов в мире. Среди них можно выделить наиболее известные и привлекательные.

Современный праздник «Луд» – красочное, многогранное, сложное по структуре явление культурной жизни северных этнографических групп коми. Праздник состоит из традиционного комплекса летних луговых игрищ. Началом праздника является «Ворота́н мунём» (вход и выход через ритуальные ворота) – хореографический цикл «Ворота».

Усть-Цилемская горка – Хороводно-игровое уличное гуляние «Горка» – весенне-летний обрядовый праздник, корни которого уходят в языческое поклонение людей солнцу – «яриле-божеству». Современная «Горка» устраивается несколькими фольклорными коллективами Усть-Цилемского района с массовым участием местного населения в административном центре района (с. Усть-Цильма) в Иванов (7 июля) или Петров (12 июля) день на Народной поляне. В исторический период своего бытования «горку» играли в дни весенних праздников в период от Николина до Петрова дня на открытых возвышенных местах (берег реки, площадки в центре поселений).

Народный праздник на воде «Пыжа гаж» с. Керчомья. «Пыжа гаж» – созданный на основе местных традиций праздничный комплекс в с. Керчомья, включающий инструментальное исполнительство, песни и танцы, характерные для вычегодских коми. Центральными праздничными действиями являются: выступление мужских ансамблей гармонистов, исполнение коми народных песен женщинами, кото-

рые устраивают традиционное «гулянье на лодках» по озеру Вад. В ходе праздника проходят соревнования местных мастеров-лодочников: чья лодка более качественно сделана, более устойчива на воде и быстрее на ходу. Праздник завершается коллективными катаниями на лодках, луговыми гуляниями и дегустацией разнообразных блюд традиционной коми кухни. На праздник съезжаются народные гармонисты, певцы, частушечники, танцоры, многочисленные гости из различных сел Республики Коми [8].

Наибольшая часть объектов каталога культурного наследия России связана с событийным туризмом. Именно событийный туризм может стать точкой развития туризма и якорным туристским продуктом для привлечения потенциальных туристов. Событийный туризм в этом плане способен привлечь туристов за относительно короткий период времени и с минимальным количеством затрат, являясь одним из способов эффективного использования туристского потенциала территории [4].

Вместе с тем для туриста очень важен качественный и информационно наполненный туристский продукт, а также туристская инфраструктура. Недостаточное внимание развитию туристских объектов привело к возникновению ряда проблем. Развитие отрасли туризма в Республике Коми сталкивается с рядом проблем: ограниченность информации о туристских ресурсах и продуктах Республики Коми, ориентированной на туристов из России и зарубежья, недостаточность публикаций о туристском потенциале Республики Коми в различных информационных источниках. Важную информационную роль в продвижении северных территорий роль играет участие в проводимых международных туристских выставках и ярмарках. Все это положительно отражается на посещении региона жителями Российской Федерации и зарубежными гостями, а также узнаваемости региона и формировании его имиджа среди потенциальных клиентов. Поддержку могут оказать и научные исследования территории, оценка существующего туристского потенциала и перспектив его развития, что позволит прогнозировать развитие туристского рынка. Дальнейшему развитию отрасли способствует и кадровая политика, связанная с подготовкой необходимых для отрасли туризма специалистов. Пока еще в отрасли ощущается нехватка компетентного персонала, владеющего всеми необходимыми навыками и умениями для организации туристского бизнеса в регионе. Но наиболее серьезной проблемой является большая территориальная отдаленность городов и населенных пунктов, отсутствие развитой туристской инфраструктуры, необходимой для дальнейшего эффективного функционирования отрасли, что связано, в первую очередь, с небольшим количеством средств размещения, соответствующих общепринятым стандартам. Географическое расположение северных территорий создает сложности с транспортной доступностью и логистикой перемещения туристов.

Особую роль для повышения привлекательности северных территорий для потенциальных туристов выполняет маркетинг туристских услуг. При этом особая роль отводится формированию бренда территории и продвижению существующих и формируемых туристских продуктов. Создание единого информационного пространства и использование его как инструмента продвижения туристского потенци-

ала позволит сформировать привлекательный имидж территории и привлечь новых потребителей туристских услуг, что будет способствовать привлечению инвестиций в социально-экономическое развитие и развитие внутреннего туризма северных территорий.

Отметим, что пока формирование политики продвижения туристских услуг на региональном уровне находится на начальном этапе развития. Многими регионами предпринимаются различные способы продвижения имеющегося туристского потенциала, и здесь особую актуальность приобретает процесс выявления туристской идентичности региона и разработка наиболее эффективных способов продвижения туристских услуг на внутреннем и международном рынках. Каждая территория обладает различными исходными туристскими ресурсами. Разработка стратегии продвижения туристских услуг, в основу которой положена туристская идентичность региона, способствует расширению информационного ресурса о туристском потенциале региона, привлечению инвестиций в туристскую сферу, поиску необходимых финансовых ресурсов под целевые программы развития внутреннего туризма и аудитории, выбору эффективных способов продвижения туристского потенциала региона.

Продвижение туристского потенциала региона, как правило, включает в себя комплекс различных ресурсов, в том числе ассоциативный ряд, связанный с конкретной территорией и её туристским брендом. Важно само наличие яркого и запоминающегося туристского бренда, идентифицирующего территории. Проблемой въездного туризма является недостаточно комфортная туристская информационная среда, это касается знаков туристской навигации, недостатка и разрозненности информационных ресурсов о туристских программах регионов России [5].

Регионы самостоятельно занимаются продвижением туристских продуктов, имеющих собственные региональные различия. Такие различия обусловлены уровнем развития региона, в том числе и транспортной доступностью, что особенно характерно для северных территорий. Сложно предложить комфортную логистику и современные удобства в средствах размещения, которые не создавались на таких отдаленных территориях. Такую помощь и поддержку могут оказать предприниматели, активно развивающие гостевые дома и предлагая уникальные предложения и услуги для туристов. Тем самым создаются условия для вовлечения местного населения в развитие туризма и создания новых рабочих мест.

Каждая территория отличается своими территориальными, экономическими, социальными, экологическими, национальными, гастрономическими и другими особенностями развития. Все территории привлекательны своими уникальными объектами туристского показа. Не все регионы сегодня могут привлечь большое количество туристов, и это не способствует развитию новых туристских продуктов в менее привлекательных регионах.

Наполнение информационных ресурсов содержательной характеристикой помогает туристам заранее сформировать ожидания от предстоящих посещений туристских объектов. Северные территории длительное время не рассматривались как объекты туристской привлекательности и поэтому не имеют сформированных турист-

ских продуктов. Желание туристов познакомиться с новыми и необычными объектами дают таким территориям возможности для развития туристского потенциала.

Хорошую поддержку развитию новых направлений развития туризма могут дать содержательные туристские сайты, с подробным описанием и характеристикой объектов показа, что в дальнейшем может обеспечить возможность бронирования пакетных туров и организации трансферта.

1. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года URL: <https://www.russiatourism.ru/news/3053/>.

2. Официальный сайт Федерального Агентства по туризму. URL: <http://www.russia-tourism.ru/>.

3. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р г. Москва. URL: <https://rg.ru/2014/06/09/turizm-site-dok.html>.

4. Алексеева О.В. Событийный туризм и инвент-менеджмент // Рос. предпринимательство. 2013. С. 167–172.

5. Гаджиева Е.А., Сергеев А.А., Харлампиева А.С., Харчистова Е.Л., Шаброва Е.С. О стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2020 года // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сборник трудов участников международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 50–53.

6. Как привлечь туристов на свою территорию. URL: <http://rustur.ru/kak-privlech-turistov-na-svoyu-territoriyu>.

7. Кульгачёв И.П., Лепешкин В.А., Христов Т.Т. Национальный туризм России: новые реалии или временная адаптация туристского бизнеса // *Вестник Академии*. Социально-гуманитарные вопросы. 2016. № 4. С. 155–165.

8. Об утверждении региональной программы «Развитие туризма в Республике Коми (2014–2016 годы)» (с изменениями на: 02.10.2015) URL: <http://docs.cntd.ru/document/412305066>.

9. Электронный каталог объектов нематериального культурного наследия. URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/?86127>.

В.И. Зоркальцев,
*д.т.н., зав. лабораторией методов математического моделирования
и оптимизации в энергетике,
Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева
Сибирского отделения РАН,
г. Иркутск*

КЛИМАТ И ЭКОНОМИКА: РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СТРАН СЕВЕРНОГО ПОЛУШАРИЯ

Очевидно, что после 2014 г. российская внутриэкономическая политика должна существенно измениться. Необходимо проанализировать, в чем причины наших неудач в реализации рыночных преобразований экономики, почему европейские и

североамериканские страны с развитой рыночной экономикой заняли конфронтационную позицию по отношению к России, что полезно было бы делать в сложившейся ситуации.

В чем наши отличия от других, более развитых стран? Одно из возможных объяснений дано в книге А.П. Паршева «Почему Россия не Америка» [1]. Россия расположена на территории с суровыми климатическими условиями, поэтому в ней объективно необходимы иной уклад жизни, иные формы организации экономики, чем в западноевропейских странах. Наша цель состоит в попытке (не претендующей на полноту) рассмотреть различия климатических условий в разных странах и их взаимосвязь с развитием экономики. Насколько существен этот фактор?

Две особенности российской экономики

Можно выделить много исторически устойчиво сложившихся особенностей у России (или более широко – у «евразийского пространства», основную часть которого составляет современная Россия). Одной из них является, по всей видимости, высокая концентрация власти, большая роль столицы при довольно пассивном участии в организации экономической жизни страны жителей обширных российских пространств. Это касается и политической, и судебной, и экономической власти. Можно ли считать такого рода факты случайными? Нет ли каких-то глубинных объективных причин в особой организации российской экономической и политической жизни?

Условия функционирования российской экономики в большой мере складываются под влиянием сурового климата и низкой плотности населения при обширных российских пространствах, сильно влияющих на ее организацию и эффективность.

Эти особенности обуславливают огромное инфраструктурное значение для всей экономики двух ее секторов – энергетики и транспорта. Из истории России можно видеть, что часто именно успехи в развитии этих сфер, в том числе в создании новых энергетических баз и новых транспортных магистралей, давали импульс для развития страны.

Между этими двумя факторами существует взаимосвязь. Плотность населения можно рассматривать как функцию от климатических условий. Данные о среднегодовых температурах в столицах отдельных стран и плотность населения этих стран приведены в табл. 1.

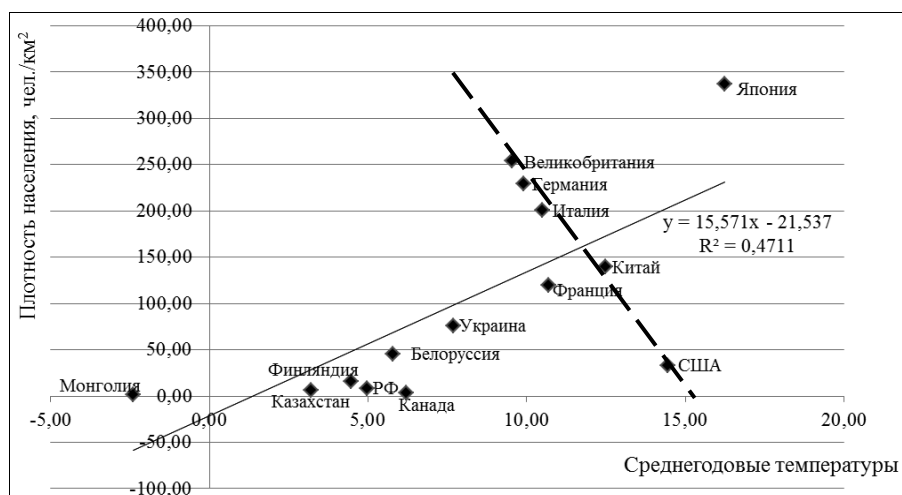
Эти данные по плотности населения были взяты из географического веб-справочника «О странах», раздел «Плотность населения стран мира» [2] по состоянию на июль 2009 г. Используются посуточные температуры атмосферного воздуха за 1900–2014 гг., предоставленные электронным ресурсом метеоклиматического и гидрологического мониторинга «Температурные данные» [3].

Страны в этой и в последующих таблицах упорядочены в порядке возрастания среднегодовых температур в их столицах.

**Среднегодовые температуры в столицах и плотность населения
некоторых стран**

Страна	Среднегодовые температуры	Плотность населения, чел./км ²
Монголия	-2,4	1,77
Казахстан	3,2	5,96
Финляндия	4,5	15,87
РФ	5,0	8,39
Белоруссия	5,8	45,61
Канада	6,2	3,43
Украина	7,7	75,98
Великобритания	9,5	254,03
Германия	9,9	229,12
Италия	10,5	200,52
Франция	10,7	119,64
Китай	12,5	139,57
США	14,5	33,10
Япония	16,3	337,16

Из данных этой таблицы видно, что повышение среднегодовой температуры сопровождается, как правило, ростом плотности населения. Имеющиеся исключения объясняются другими, дополнительными факторами, в том числе степенью «континентальности» страны, а также тем, что среднегодовые температуры столицы отличаются от климатических условий всего государства. Указанную выше связь наглядно иллюстрирует рис. 1, на котором графически представлена полученная положительная регрессионная зависимость плотности населения от среднегодовых температур.

**Рисунок 1. Распределение стран по плотности населения (чел./км²)
и среднегодовым температурам в столицах (t °C)**

Ряд стран существенно отклоняются от построенной линейной зависимости. Причем отклонения некоторых из них образуют ортогональную прямую к исходной общей зависимости. Это Великобритания, Германия, Италия, Китай и США. Эта ортогональная зависимость представлена на рис. 1.1 пунктирной линией. Выявленное отклонение означает, что связь плотности населения и среднегодовых температур не строго функциональная. На плотность населения в разных странах сказываются и другие факторы.

В качестве одного из таких факторов можно рассматривать степень континентальности государств. Сильное отклонение от регрессионной зависимости Японии, Великобритании и Италии объясняется островным и полуостровным характером этих государств, близостью основной массы населения этих государств к морским портам.

Другим фактором, оказывающим влияние на указанную зависимость, является неоднородность природно-климатических условий внутри стран. Например, сильное «выпадение» из приводимой линейной зависимости США отражает, в том числе, и тот факт, что 20 % ее территории занимает Аляска, где практически не живут американцы, а также большой удельный вес на остальной территории США пустынь, полупустынь, горной местности.

Отклонение «вверх» от исходной регрессионной зависимости Германии объясняется высоким уровнем экономического развития этого государства, историческими причинами.

Климатические показатели

Кроме среднегодовых температур могут использоваться и другие показатели степени «суровости-мягкости» климата, в том числе средние температуры самого холодного месяца – января и самого теплого – июля, а также диапазоны сезонных колебаний температур. Как видно из данных табл. 2, все три показателя по разным странам тесно связаны с показателем среднегодовой температуры. Эти взаимосвязи наглядно представлены на рис. 2 и 3.

Таблица 2

Основные температурные показатели по странам

Страна	Город	Средняя температура		Среднегодовые температуры	Диапазон сезонных колебаний температуры
		января	июля		
1	2	3	4	5	6
Монголия	Улан-Батор	-24,6	16,6	-2,4	41,2
Казахстан	Астана	-14,2	20,1	3,2	34,3
Финляндия	Хельсинки	-6,8	16,5	4,5	23,3
РФ	Москва	-9,3	18,2	5,0	27,5
Белоруссия	Минск	-6,8	17,2	5,8	24,0
Канада	Оттава	-10,4	21,0	6,2	31,4
Украина	Киев	-5,5	19,2	7,7	24,7
Великобритания	Лондон	3,5	16,4	9,5	12,9

1	2	3	4	5	6
Германия	Берлин	0,7	19,8	9,9	19,1
Италия	Рим	3,3	18,5	10,5	15,2
Франция	Париж	4,2	19,6	10,7	15,4
Китай	Пекин	-3,1	26,1	12,5	29,2
США	Вашингтон	1,4	26,7	14,5	25,3
Япония	Токио	6,1	25,8	16,3	19,7

В странах с более низкой среднегодовой температурой, как правило, существенно ниже температуры и января, и июля. При этом понижение температуры июля оказывается меньшим, чем января. Если понижение на 1 °С среднегодовой температуры соответствует понижению температуры января на 1,6 °С, то понижение температуры июля, согласно полученным регрессионным зависимостям, равно всего 0,5 °С (рис. 2). В итоге при переходе от стран с холодным к более теплому климату диапазон сезонных колебаний температур (разница между средней температурой июля и января) сокращается (рис. 3). Причем диапазон сезонных колебаний температур сокращается примерно на 1 °С при увеличении среднегодовой температуры на 1 °С, как это и можно было ожидать из данных рис. 2.

На рис. 2,а наглядно показана положительная корреляционная зависимость между средней температурой января и средней годовой температурой, на рис. 2,б – между средней температурой июля и средней годовой температурой. Коэффициент детерминации в первом случае равен 82,18%, во втором он существенно меньше – 52,51%. Это позволяет утверждать, что показатель «средняя температура января» является вполне объективным для оценки степени «суровости-мягкости» климата и может быть использован вместо среднегодовых температур. Летние температуры в меньшей мере могут служить характеристиками суровости климата.

Отрицательную корреляционную зависимость диапазонов сезонных колебаний от среднегодовых температур иллюстрирует рис. 3. Чем более холодная страна, тем, как правило, шире диапазон сезонных колебаний температур. Хотя эта связь проявляется не очень сильно (коэффициент детерминации равен 42,03%). Диапазон сезонных колебаний температур в большей степени служит характеристикой «континентальности» климата. Именно этим фактором объясняется то, что по диапазону колебаний внутригодовых температур первые места занимают такие страны, как Монголия, Казахстан, Канада, Россия.

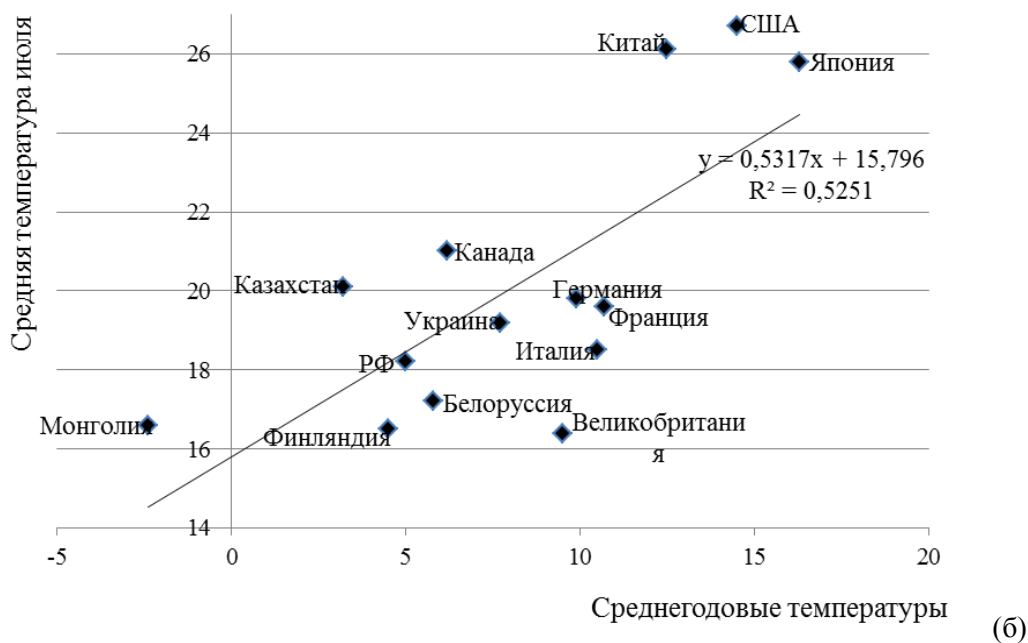
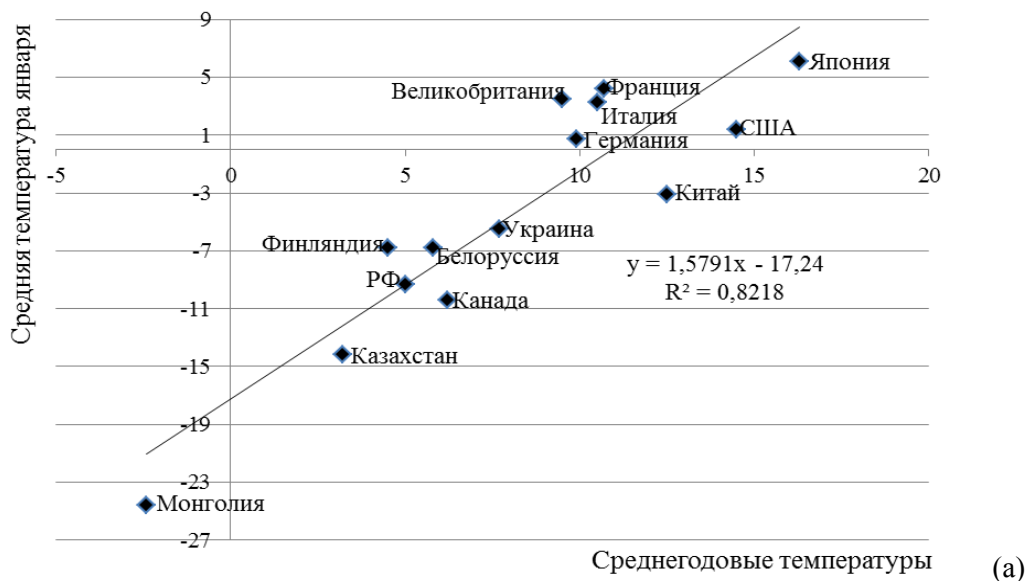

Рисунок 2. Взаимосвязи среднегодовых температур и температур января (а) и июля (б)

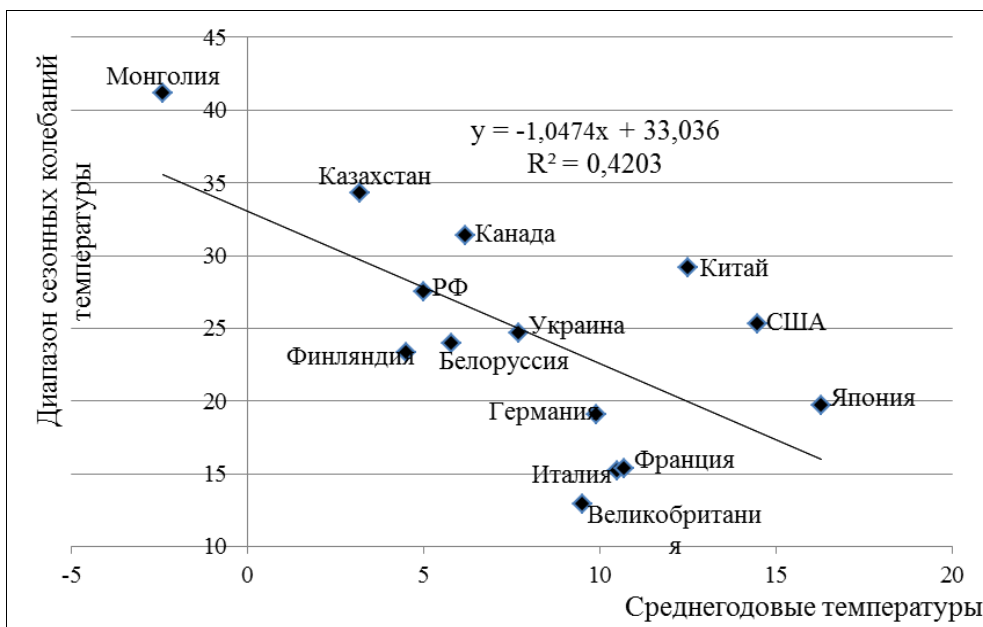

Рисунок 3. Распределение стран по диапазону сезонных колебаний и среднегодовым температурам

Показатели степени суровости климата для разных стран

Рассмотрим три среднегодовых природно-климатических показателя, связанных с условиями отопления зданий и сооружений в зимнем периоде. Один из них – продолжительность отопительного периода (табл. 3). Для определения продолжительности отопительного периода использовалось такое же, как и выше, формализованное правило: если в течение 5 сут. температура атмосферного воздуха будет ниже 8 °С, то считается, что отопительный период начинается. Если же в течение 5 сут. температура будет выше 8 °С, то отопительный сезон заканчивается.

Второй показатель – средняя за отопительный период температура наружного воздуха (табл. 3). Она определялась как среднегодовая от среднесуточных температур за все рассматривавшиеся отопительные периоды (зимы).

Третий показатель (табл. 3, первый столбец) – средняя интегральная разность температур (измеряемая в градусах) внутри и вне зданий за отопительный период. Она определяется путем усреднения результатов расчета интегральной разности температур за каждый из рассматривавшихся отопительных периодов. Интегральная разность температур в отдельном отопительном периоде определяется путем суммирования разницы температур внутри и вне здания по всем дням отопительного периода. Нормативное значение температуры внутри здания в представленных здесь расчетах было принято равным 18 °С. Таким образом, если от 18 °С отнять среднюю зимнюю температуру и умножить полученное число на продолжи-

тельность отопительного периода, то получим показатель интегральной разности температур.

Отношения значения показателя интегральной разности температур в разных регионах могут служить для сопоставления потребностей в тепловой энергии и в топливе для отопления одного и того же по конструкции помещения. Как мы видим из данных табл. 3, рассматриваемые нами страны сильно различаются по всем трем указанным характеристикам. Так для отопления одного и того же здания в Монголии требуется примерно в 10 раз больше тепловой энергии, чем в Японии. Продолжительность отопительного периода в Монголии примерно в 6 раз длиннее, чем в самой теплой из рассматриваемых стран – Японии. При этом, если средние температуры за длительные отопительные периоды в Монголии, Казахстане, Финляндии, России отрицательные, то в Японии, США, других странах с относительно коротким отопительным периодом и средние температуры за отопительный период положительные.

Приведенные выше (табл. 1, 2) значения рассматриваемых трех среднесезонных характеристик для экономических районов России показывают, что по всем им Москва может считаться относительно более теплым пунктом наблюдения. Только Северо-Кавказский район имеет меньшую интегральную разность температур, меньшую продолжительность отопительного периода и более теплую в среднем с зиму, чем Москва. Эти характеристики Москвы близки к характеристикам Центрально-Черноземного района.

Таблица 3

Средние за многолетний период климатические характеристики стран

<i>Страна</i>	<i>Интегральная разность температур, градусодни</i>	<i>Продолжительность отопительного периода, дни</i>	<i>Среднезимние температуры</i>
Монголия	7060,2	243	-11,05
Казахстан	5533,6	212	-8,10
Финляндия	4983,7	273	-0,26
РФ	4058,7	212	-1,14
Белоруссия	3475,5	197	0,36
Канада	3554,6	181	-1,64
Украина	2876,6	151	-1,05
Великобритания	2960,1	165	0,06
Германия	2100,2	142	3,21
Италия	958,7	58	1,47
Франция	1543,4	118	4,92
Китай	2269,1	149	2,77
США	1309,3	90	3,45
Япония	690,9	59	6,29

То есть можно утверждать, что данные по Москве дают несколько завышенные характеристики природно-климатических факторов, чем усредненные их значения по России. Особенно, если это усреднение осуществлять пропорционально площадям регионов России.

Многие обширные регионы России (Дальний Восток, Восточная Сибирь, Западная Сибирь, Северо-Западный район и даже Урал) находятся в более холодных условиях (по рассматриваемым трем природно-климатическим характеристикам), чем Финляндия и даже Казахстан. Расходы тепловой энергии и топлива на отопление не только зданий, но и, конечно, на работающие машины и механизмы, на подогрев сырья, полуфабрикатов в различных производствах и даже на подогрев самого топлива перед его сжиганием во многих регионах России на много выше, чем в иных рассматриваемых здесь странах.

Климат и уровень жизни

Данные о среднегодовых температурах и душевом валовом внутреннем продукте (ВВП) представлены в табл. 6, на основе которых была построена регрессионная зависимость (рис. 4).

Таблица 4.

Среднегодовые температуры в столицах, валовой внутренний продукт и электропотребление на душу населения стран северного полушария

<i>Страна</i>	<i>Среднегодовая температура</i>	<i>ВВП на душу населения, долл. США¹</i>	<i>Электропотребление на душу населения, кВт*ч/чел</i>
Монголия	-2,4	5462	1,577
Казахстан	3,2	20772	4,893
Финляндия	4,5	38611	15,738
РФ	5,0	22502	6,486
Белоруссия	5,8	16577	3,628
Канада	6,2	52219	16,473
Украина	7,7	8295	3,662
Великобритания	9,5	38514	5,472
Германия	9,9	41514	7,081
Италия	10,5	32522	5,515
Франция	10,7	39772	7,292
Китай	12,5	6569	3,298
США	14,5	49965	13,246
Япония	16,3	46720	7,848

Полученная зависимость отражает ожидаемый факт, что страны с более благоприятными природными условиями имеют, как правило, и более высокие уровни

¹ Материалы по душевым ВВП (долл. США) и электропотреблению (кВт*ч/чел) взяты с официального сайта Всемирного банка, раздел «ВВП на душу населения» [92] по состоянию на 2012 г. и раздел «Электропотребление на душу населения» по состоянию на 2011 г. [93].

жизни и развития экономики. Правда эта зависимость проявляется не столь уж однозначно. Имеются многие существенные отклонения от регрессионной прямой. Эти отклонения отражают отчасти несовершенство рассматриваемых показателей, в том числе показателя валового внутреннего продукта. Например, Монголия имеет совершенно особый уклад жизни населения, для которого неприменимы стандарты и показатели уровня жизни жителей европейских стран.

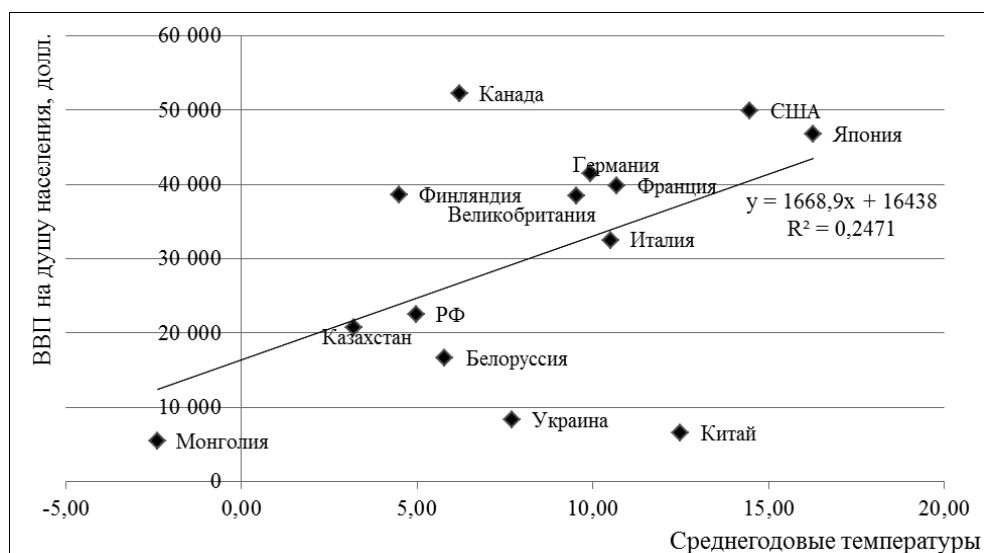

Рисунок 4. Распределение стран по душевому ВВП и среднегодовым температурам

Существенное значение имеют и исторические особенности отдельных стран. Например, Украина в 1980-х годах была наиболее развитой республикой СССР по промышленному, сельскохозяйственному производству, а также по уровню жизни населения. Крайне неудачное реформирование экономики Украины после распада Советского Союза привело к тому, что в настоящее время средний уровень доходов граждан этой страны стал примерно в 2,5 раза ниже, чем в России, Казахстане и Беларуси. Особенно важно здесь сопоставление с Беларусью, которая, в отличие от России и Казахстана, не обладает крупными запасами дорогих природных ресурсов.

Согласно данным, приведенным на рис. 4, положительная связь между «теплотой» климата и уровнем жизни в разных странах не является тесной. Коэффициент детерминации составляет всего лишь 25%. Даже чисто визуально на этом рисунке можно заметить сильные отклонения от линейной зависимости некоторых стран, особенно Канады, Украины, Китая, Финляндии.

Обратим особое внимание на высокий уровень жизни в Финляндии, расположенной заведомо в более неблагоприятных климатических условиях, чем значительная часть населения России. Причем высокий уровень экономического развития этой страны, в отличие от Германии, Японии или Англии, нельзя объяснить какими-то национальными особенностями. Как известно, финны превосходят сред-

нестатистических россиян по многим параметрам, которые обычно относят к «национальным особенностям» русских (и это не только любовь к баням). Тем более что финно-угорские народы – это один из трех «базовых», наиболее многочисленных составляющих населения России (наряду со славянскими и тюркскими народами). Почему финно-угорские народы, живущие на территории России, более богатой природными ресурсами, чем Финляндия (карелы, мордва, марийцы, удмурты, коми, ханты, манси и др.), не достигают столь же высокого уровня жизни, как финны? Представляется, что финский экономический феномен нуждается в специальном изучении.

Одной из характеристик уровня жизни и степени развитости экономики разных стран является потребление электроэнергии на душу населения. Распределения стран по душевому электропотреблению и среднегодовым температурам в рассматриваемых странах представлены на рис. 5. Прямая сплошная линия представляет рассчитанное методом наименьших квадратов уравнение линейной регрессии между среднегодовыми температурами и электропотреблением на душу населения в разных странах. Как видим, страны с более теплым климатом, как правило, потребляют на душу населения больше электроэнергии. Конечно, страны с более холодным климатом при прочих равных условиях нуждаются в большем энергопотреблении. Однако оказалось, что потребление электроэнергии в настоящее время отражает в большей мере более высокий уровень жизни в странах с теплым климатом. При этом коэффициент тесноты связи, равный 3,38%, позволяет судить об очень слабой зависимости.

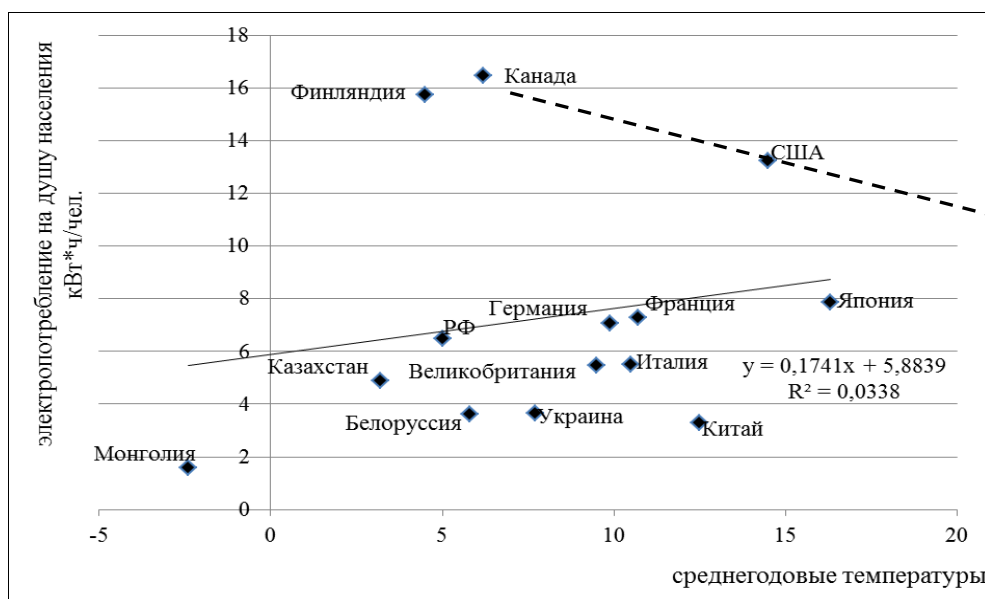

Рисунок 5. Распределение стран по душевому электропотреблению и среднегодовым температурам

Следует заметить, что Финляндия, Канада и США оказались далеко отстоящими от выявленной линии регрессии. В этих странах электропотребление на душу значительно выше, чем в других странах. Если построить линию регрессии только для этих трех стран, то она формируют иную, указанную как априори ожидавшуюся зависимость – рост душевого энергопотребления при переходе от стран с более теплым климатом к странам с более холодным климатом. Если исключить из рассмотрения страны с высоким уровнем жизни, к которым относятся Финляндия, Канада и США, то положительная зависимость между среднегодовыми температурами и душевым электропотреблением у оставшихся стран будет, более тесной.

Обсуждение

Кроме приведенных выше, можно отметить еще и ряд других особенностей российского (евразийского) пространства:

1) длительное сосуществование многих народов, многообразие вероисповеданий, укладов, широкий генофонд;

2) многовековое существование обширных государственных и протогосударственных образований: Биармия, гунны, скифы, Хазария, Булгария, Монгольская империя, Тюркский каганат, Киргизский каганат, Княжество Литовское, Джунгария, Российская империя, СССР. Если процесс интеграции в единое экономическое и политическое образование стран Европы активно начались только в последние пять десятилетий, то на евразийском пространстве эти процессы были успешно осуществлены давно – не только в период существования Советского Союза, но и в Российской империи. Процессы успешной интеграции в единое общественно-экономическое образование на евразийском пространстве происходили и на много лет раньше создания Российской империи. Огромный опыт такой интеграции был накоплен еще в эпоху империи Чингисхана и других предшествующих государственных образований на территории современной России и сопредельных государств;

3) периодическое «отставание» в экономическом развитии и переход на «передовые позиции» при сильной государственной власти за счет концентрации ресурсов на решение задач усиления военной и экономической мощи государства.

Представляется, что и эти особенности, так же, как и низкую плотность населения, можно рассматривать как следствия особых природных условий.

Суровые климатические условия большинства регионов России, их континентальное расположение (удаленность от морских портов) обуславливают необходимость выбора особых путей в организации экономики, о чем было ярко написано в книге А.П. Паршева [1]. В качестве способов «противодействия» рассматриваемым негативным факторам можно назвать использование планового опережающего развития инфраструктурных секторов экономики (прежде всего энергетики и транспорта), концентрацию единичных мощностей в целях снижения удельных затрат, использование нестандартных технических решений. Например, нет смысла надеяться, что на просторах малозаселенной России когда-либо будет создана и успеш-

но будет функционировать столь же плотная и эффективная сеть автомобильных или железных дорог, как в европейских странах. Поэтому очень актуальна разработка и использование специальных, приспособленных к условиям России транспортных средств – снегоходов, экранопланов, дирижаблей.

В России из-за суровых природных условий объективно значительно дороже, чем в Западной Европе, Америке, странах Юго-Восточной Азии, Австралии строительство, энергообеспечение, одежда, питание [1].

При этом российские предприятия несут повышенные транспортные затраты в силу большой рассредоточенности по территории страны предприятий-смежников, невозможности широкого использования водного транспорта. Как известно, водные перевозки (речным и морским транспортом) в десять раз дешевле, чем по железной дороге, и в сотни раз дешевле, чем перевозки автомобильным транспортом.

Поэтому даже при относительно дешевых природных ресурсах каждый следующий этап «передела» сильно удорожает продукцию. Необходимо смириться с тем, что Россия – объективно ресурсная страна. Использование природных ресурсов вполне закономерно является основным источником доходов экономики России. В этой связи особенно актуально исследование проблем изъятия и эффективного использования рентных доходов с природных ресурсов.

Оценки удельного веса рентных доходов в добыче топлива в СССР в конце 80-х годов [4, 5] представлены в табл. 5. Рентные доходы в добыче топлива в СССР в конце 1980-х составляли 165 млрд руб. в год. В этот период официальный курс рубля был несколько выше курса доллара. Один доллар США (существенно обесценившийся с тех пор) приравнялся к 65 коп. Для понимания приведенной цифры стоимостного объема рентных доходов можно отметить, что в конце 1980-х годов консолидированный бюджет СССР был равен примерно 400 млрд руб., в том числе союзный бюджет – 150 млрд руб.

Таблица 5

**Оценка удельного веса ренты в добыче топлива
на действующих предприятиях в среднем по экономическим районам СССР,
в % к стоимости топлива**

<i>Экономический район</i>	<i>Нефть</i>	<i>Газ</i>	<i>Уголь энергетический</i>
Северный	40	75	25
Поволжский	50	85	–
Уральский	45	90	40
Западно-Сибирский	60	90	60
Донецко-Приднепровский	40	80	-40
Среднеазиатский	30	90	20
Казахстанский	50	85	70
Восточно-Сибирский	–	80	85

Суть рентных доходов с природных ресурсов наглядно представлена на рис. 6. В силу объективных природных условий у предприятий, добывающих природные ресурсы, могут быть сильно различающиеся затраты. По затратам самых дорогих

из используемых предприятий формируются цены в точке пересечения приведенных кривых спроса и предложения. При этом другие предприятия будут давать дополнительную доходность, обусловленную их лучшими природными условиями, которая и будет рентным доходом с используемых данным предприятием природных ресурсов.

Возможны три направления использования рентных доходов с природных ресурсов:

- 1) на обогащение отдельных лиц;
- 2) на поддержку низких цен на энергоресурсы внутри страны и у стран союзников;
- 3) на общенародные (государственные) нужды наряду с налогами (взамен их).

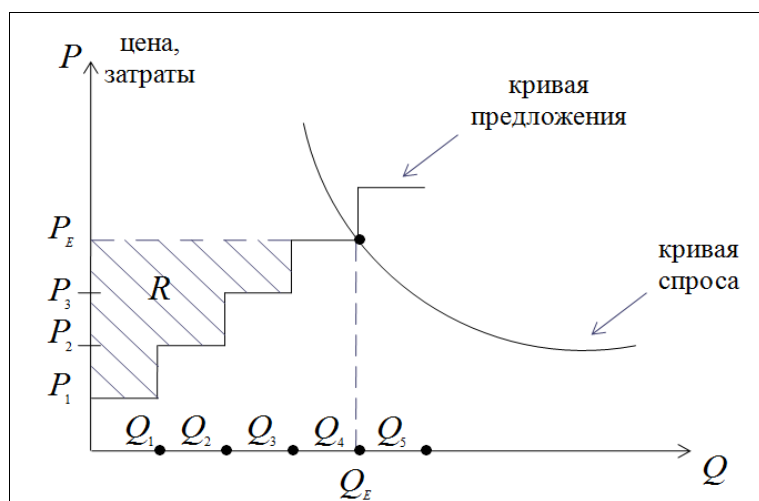

Рисунок 6. Формирование рентных доходов

Можно не обсуждать первое из этих направлений, в силу очевидной его неразумности и больших минусов, в том числе и для лиц, получающих такие сверхдоходы от общенародных ресурсов. Следует только отметить, что именно присвоенные рентные доходы с природных ресурсов стали одним из основных источников (наряду с лихо проведенной приватизацией, обесценением накоплений и текущих денежных доходов населения в результате инфляции) появления с 1990-х годов большого числа сверхбогатых людей в России на фоне падения экономики и среднего уровня жизни в стране.

В литературе часто высказываются предложения о целесообразности использования в России и в настоящее время (как это было и прежде) второго из указанных направлений. Для реализации этой идеи предлагается использовать ценообразование не по предельным (замыкающим) затратам, а по средним затратам на производство данного вида топлива. Можно отметить следующие негативные эффекты от такого ценообразования «по средним затратам» (рис. 7):

1) часть используемых месторождений становятся нерентабельными из-за снижения цен, дополнительные доходы от «рентабельных» идут на дотации «нерентабельным» месторождениям;

2) расширяется объем спроса из-за снижения цен: что дешево стоит, то дешево ценится;

3) становится необходимым использование объективно нерентабельных месторождений;

4) теряются стимулы к экономии энергоресурсов;

5) необходимы большие затраты на государственный контроль.

Более правильным представляется использование третьего направления – привлечение рентных доходов в бюджеты разных уровней государственного управления (федеративный, субъектов федераций, местный). Это позволит сильно сократить налоги, что будет способствовать снижению издержек в обрабатывающей промышленности, в наукоемких технологиях, в сельском хозяйстве. В результате многие секторы экономики станут значительно более конкурентоспособными, невзирая на повышенные затраты из-за суровых природно-климатических условий и менее благоприятных, чем в других странах транспортных условий.

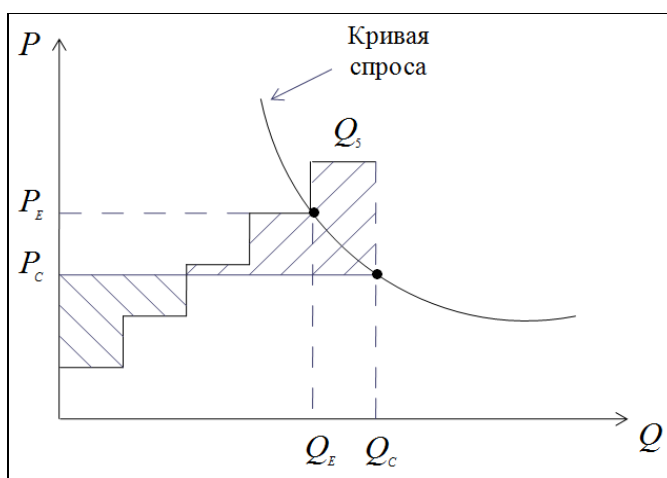

Рисунок 7. Эффекты цен «по средним затратам»

Необходимо отметить очень важный временной аспект в использовании рентных доходов с природных ресурсов. Оптимальное использование во времени располагаемых природных ресурсов связано с понятием динамической ренты. Получаемые ныне от реализации природных ресурсов доходы – это и не полученные (возможно, в гораздо большем объеме) рентные доходы будущих поколений. В последние десятилетия экономика и энергетика России относительно устойчиво функционировали в значительной степени за счет доходов от углеводородного топлива, что сопровождалось сокращением запасов действующих месторождений нефти и газа, происходящим ухудшением условий их добычи, резким возрастанием затрат.

При этом всемерно расширяются предложения от России (которые порой становятся похожими на навязывание) поставок углеводородов на экспорт. Это сопровождается не только неоправданным возрастанием затрат, неэффективным использованием потенциальных доходов от располагаемых запасов углеводородов, но и значительным перекосом в структуре топливного баланса страны. Такая ситуация уже в недалеком будущем может привести не только к резкому сокращению рентных доходов от продажи углеводородов, но и к возникновению реальных крупных угроз в обеспечении энергоресурсами России [6, 7].

1. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д, 1999. – 415 с.
2. Географический справочник «О странах». Плотность населения стран мира. URL: http://ostranah.ru/lists/population_density.php
3. Архив метеоданных Всемирной метеорологической организации (World Meteorological Organization, WMO). URL: <ftp://ftp.ncdc.noaa.gov/pub/data/g sod/>
4. Зоркальцев В.И. Индексы цен и инфляционные процессы. Новосибирск: Наука, 1996. –279 с.
5. Зоркальцев В.И. Управление ТЭК при двухсекторной экономике // Изв. РАН. Энергетика. 1994. № 1. С. 7–16.
6. Рабчук В.И., Пяткова Н.И., Сендеров С.М. и др. Стратегические угрозы энергетической безопасности России до 2020 года. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2004. 41 с.
7. Пяткова Н.И., Рабчук В.И., Сендеров С.М. и др. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 198 с.

В.А. Иванов,

д.э.н., главный научный сотрудник,

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ¹

В мировой практике официально принят термин «продовольственная безопасность», используемый для характеристики состояния продовольственного рынка и в целом экономики страны или группы стран, а также мирового рынка продовольствия. В официальных документах – материалы Продовольственной и сельскохо-

¹ Статья подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН, проект «Возможности и перспективы развития сельского хозяйства в Арктической зоне России» (№ 18-9-7-36).

зяйственной организации ООН (ФАО), «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» – составными элементами продовольственной безопасности являются продовольственная независимость, физическая доступность продовольствия, экономическая доступность продовольствия, безопасность продовольствия для потребителя [1; 2; 4]. Теоретические и методологические аспекты продовольственной безопасности постоянно развиваются. В настоящее время продовольственная безопасность трактуется как удовлетворение каждой социальной группы населения качественным продовольствием по рациональным нормам потребления.

Для региональной продовольственной безопасности неприемлем принцип продовольственной независимости. Самообеспеченность региона возможна только теми продуктами питания, для производства которых имеются высокий биоклиматический потенциал, земельные и трудовые ресурсы. Самообеспеченность продовольствием недостижима в регионах с неблагоприятными условиями для развития сельского хозяйства, прежде всего в арктической зоне. Так, уровень самообеспечения населения в потреблении продуктами питания в Мурманской обл. в 2015 г. составил по картофелю 6,2, овощам – 0,4, мясу – 7,8, молоку – 8,1 и яйцу – 3,8%, в Чукотском АО – соответственно 0,3; 6,5; 34,9; 0,2 и 2,4%.

При обосновании подходов и способов продовольственного обеспечения населения арктических территорий необходимо учитывать следующие особенности:

- низкую самообеспеченность продовольствием в силу ограниченных возможностей производства аграрной продукции на месте;
- зависимость обеспечения населения продовольствием от ввоза;
- низкую численность сельского населения и обеспеченность биологическими ресурсами;
- неразвитость сельской инфраструктуры;
- отсутствие устойчивых связей с ареалами производства продуктов питания, завозимых в арктические регионы;
- очаговый характер расселения и сезонная доставка продовольствия в глубинные районы.

Местное аграрное производство в силу неблагоприятных экстремальных условий для развития не способно обеспечивать населения собственным продовольствием. Доля ввозимого продовольствия существенно превышает этот показатель собственного производства. В 2014 г. в Коми республику завезено 46,6 тыс. т, мяса и мясопродуктов, что составляет 228% от размера собственного производства, 173,5 тыс. т молока и молочных продуктов (307%), 117,2 млн. шт. яиц (94), 59,2 тыс. т овощей и бахчевых (300%). Сейчас доля ввоза продуктов питания животного происхождения от размеров собственного производства существенно превышает этот показатель в 1990 г.

Для Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) характерна низкая численность сельского населения. Если в целом по России доля сельского населения составляет 26%, то в Арктической зоне – лишь 12%. При небольшой доле числен-

ности сельского населения его размеры в субъектах, территории которых полностью входят в зону Севера и Арктики, за 1990-2015 гг. снизились на 461,6 тыс. чел.

Анализируя современное и будущее состояние продовольственного самообеспечения Арктики, следует прежде всего исходить из их природного и ресурсного потенциала. Здесь по сравнению с Россией и зоной Севера значительно ниже обеспеченность биологическими ресурсами за исключением поголовья оленей на душу населения (табл. 1).

Таблица 1

Наличие сельскохозяйственных ресурсов (на 100 чел.) в 2015 г.

Страна, регион	Посевные площади, га			Крупный рогатый скот, гол.	В том числе коровы	Свиней, гол.	Северные олени, гол.
	зерновые	картофель	овощи				
Россия	31,9	1,5	0,5	13,0	5,7	14,7	1,1
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности	0,8	0,8	0,2	8,7	3,8	2,4	16,1
Арктическая зона	-	0,07	0,0	0,7	0,3	0,8	80,5

Составлено по: 1. Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 2. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2015 гг. [Электронный ресурс]: Росстат. М., 2016. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_22/vain.htm.

В арктической зоне Республики Коми по сравнению с остальными территориями обеспеченность на душу населения сельхозугодиями ниже в 4,1 раза, крупным рогатым скотом – 430, свиньями – в 36 раз. Причем, при сокращении населения за 1990–2015 гг. в 2 раза уменьшение посевных площадей, скота и птицы на душу населения составило 4 раза.

Низкая обеспеченность биологическими ресурсами, неблагоприятные условия для земледелия (недостаток тепла, короткий вегетационный период, бедные почвы, избыточная увлажненность) сдерживают самообеспеченность населения местными продуктами питания. Учитывая особенности ведения аграрного производства в арктической зоне, в перспективе необходимо делать упор на муниципальные образования южных и центральных районов Севера с более благоприятными условиями функционирования сельского хозяйства.

Концепция продовольственного обеспечения населения Арктических территорий основана на увеличении производства местной аграрной продукции, создании предприятий по ее переработке, хранению и реализации продуктов питания, формировании тыловых продовольственных баз в прилегающих, благоприятных сель-

скохозяйственных зонах, а также завозе продовольствия из сельскохозяйственных регионов России. Нарращивание собственного аграрного производства, создание тыловых продовольственных баз, поставка продуктов питания из других регионов страны позволит не только ликвидировать зависимость Арктики от импортного продовольствия, но и уменьшить потери и повысить их качество.

В повышении уровня продовольственной безопасности ключевая роль отводится агропродовольственной сфере и ее ведущему звену – сельскому хозяйству. Собственное аграрное производство и промышленное хозяйство направлены на обеспечение населения мясом, молоком, речной и озерной рыбой, яйцами, тепличными овощами и дикоросами. Эти продукты питания незаменимы в рациональном питании жителей Арктики, являясь одновременно и лекарственными препаратами.

Сельское и промышленное хозяйство арктических территорий имеет многовековую историю. Оно развивалось вместе с освоением природных ресурсов. Его специализация сформировалась под влиянием природных условий, географического положения, исторических и социально-экономических факторов на производстве малотранспортабельной и скоропортящейся продукции, а также продукции традиционных отраслей.

В истории развития сельского хозяйства арктических территорий наиболее благоприятными были 1960–1980-е гг. Анализ динамики показателей продукции животноводства по субъектам, территории которых полностью входят в зону Арктики, показал, что среднегодовой объем мяса в 1986-1990 гг. по сравнению с 1971–1975 г. увеличился в 2,2 раза, молока – в 1,9, яиц – в 3,9 раза. Изменение объемов производства продукции за этот период показано на рис. 1.

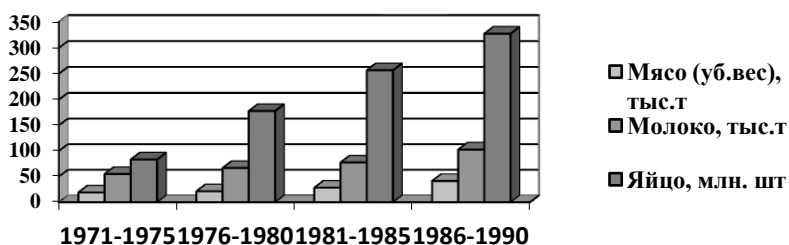

Рисунок 1. Производство продукции животноводства в хозяйствах всех категорий в субъектах, территории которых полностью входят в зону Арктики, тыс. т

Составлено по: 1. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 439–443. 2. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 443–447.

Рыночные реформы крайне негативно отразились на сельском хозяйстве. Причем темпы сокращения объемов овощей, продукции скотоводства и птицеводства в Арктической зоне были выше, чем в зоне Севера. В АЗРФ за 1990–2015 г. произ-

водство овощей сократилось в 15 раз, мяса – в 3,7, молока – в 4,56, яиц – в 34 раза. В зоне Севера за этот период производство мяса сократилось в 3 раза, молока – в 2,7, яиц – в 3,8 раза (табл. 2).

Таблица 2

**Производство продукции сельского хозяйства в хозяйствах
всех категорий в субъектах, территории которых полностью входят
в зону Севера и АЗРФ за 1990-2015 гг., тыс. т**

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Картофель								
Зона Севера	755,1	1227,6	1067,8	849,0	614,4	705,2	689,5	668,1
Арктическая зона	5,0	39,5	25,9	12,8	11,8	11,8	10,9	10,3
Овощи								
Зона Севера	186,1	257,9	260,8	218,0	189,7	196,4	195,8	188,0
Арктическая зона	8,7	5,7	5,0	2,2	1,1	0,7	0,6	0,6
Мясо скота и птицы в убойном весе								
Зона Севера	306,8	169,3	90,1	91,4	108,0	122,9	112,4	102,5
Арктическая зона	42,1	18,6	11,6	8,5	15,3	13,7	13,9	11,5
Молоко								
Зона Севера	1547,1	882,6	694,9	635,1	604,4	573,9	573,2	573,3
Арктическая зона	109,0	42,2	35,7	32,6	33,5	32,3	27,3	24,0
Яйцо, млн. шт.								
Зона Севера	2208,7	1153,9	891,9	853,2	945,5	606,1	663,8	574,0
Арктическая зона	300,8	158,2	172,9	152,6	148,4	25,9	11,4	8,8

Составлено по: Российский статистический ежегодник за соответствующие годы.

Сокращение производства продукции сельского хозяйства привело к постоянному снижению обеспеченности населения местными продуктами питания. Оценка отношения уровней потребления собственными продуктами питания на душу населения к рациональным нормам потребления по Арктической зоне свидетельствует о снижении в период реформ этого показателя по мясу, молоку, яйцу и овощам. Особенно значительное сокращение показателей наблюдалось в Мурманской обл. и Чукотском АО (табл. 3).

Приоритетным направлением развития аграрного сектора является его инновационная модернизация. Использование селекционно-генетических, технико-технологических, организационно-экономических и социально-экологических инноваций позволит сформировать в аграрном секторе пятый и шестой технологические уклады. Инновации следует осуществлять не только в коллективных и крестьянско-фермерских хозяйствах, но и в сельских домохозяйствах, роль которых в условиях циклических экономических кризисов велика. Малые формы хозяйствования могут оказаться более восприимчивыми (по сравнению с крупными предприятиями) к использованию инноваций.

Для осуществления технико-технологического и социально-экономического развития аграрного производства потребуются значительные финансовые ресурсы,

включая государственные инвестиции. Поскольку частные инвесторы в условиях Арктики в силу низкой доходности сельского хозяйства, больших сроков окупаемости вложенных средств не заинтересованы инвестировать капитал в его развитие, в данном случае особенно велика роль государства.

Таблица 3

Доля местных продуктов в рациональных нормах потребления на душу населения в арктических территориях, %

<i>Регион</i>	<i>Год</i>	<i>Картофель</i>	<i>Овощи</i>	<i>Мясо</i>	<i>Молоко</i>	<i>Яйца</i>
Арктическая зона	1990	1,1	3,3	30,5	15,2	55,0
	2015	3,2	0,4	18,1	4,6	1,4
Мурманская обл.	1990	1,2	4,4	28,4	18,2	82,6
	2015	4,3	0,4	8,5	6,5	3,0
Ненецкая АО	1990	2,4	1,4	105	58,3	-
	2015	12,4	1,3	45,8	19,5	0,3
Ямало-Ненецкий АО	1990	0,6	1,1	16,8	4,7	6,8
	2015	0,6	0,1	11,2	1,0	0,1
Чукотский АО	1990	-	1,4	65,1	11,3	14,5
	2015	0,3	1,3	24,4	0,1	1,4

Существенный вклад в самообеспечение продовольствием могут внести подсобные сельские хозяйства ресурсных предприятий. В 1990 г. в Воркуте функционировало более 20 подсобных хозяйств. На их долю приходилось 100% производства молока и овощей защищенного грунта; в приполярной Инте эти показатели составили – соответственно 76 и 70%. По самообеспеченности населения цельным молоком заполярный город занимал 2-е место после Сыктывкара. В период рыночных реформ подсобные хозяйства были ликвидированы. Подсобное сельское хозяйство внутри промышленных предприятий желательно восстановить хотя бы в минимальных размерах и финансировать его за счет прибыли добывающих компаний. Затраты из прибыли на создание аграрного производства необходимо освободить от налогов.

В обеспечении продовольственной безопасности Арктики большое значение имеет формирование тыловых продовольственных баз, размещенных в прилегающих к зоне Севера благоприятных сельскохозяйственных районах. Такие тыловые базы имелись у Норильского комбината на юге Красноярского края [5]. В настоящее время создание крупных собственных тыловых продовольственных баз для обеспечения продовольственной безопасности северных, полярных и арктических территорий достаточно активно обсуждается [3,6].

При этом механизм создания тыловых баз может быть различным: организация агропродовольственных предприятий и фермерских хозяйств на новом месте; субсидирование там существующих организаций и хозяйств по производству и переработке аграрной продукции; создание агрохолдингов в арктических и приарктических территориях, включающих местные предприятия и хозяйства по производству и переработке агропромышленной продукции, закупке и реализации продоволь-

ствия. Завоз продовольствия и агросырья из тыловых баз потребует создания логистического центра (интегрированной системы отгрузки, хранения и поставки до потребителя продуктов питания), участия государственных и муниципальных органов управления в организации этих поставок, формирования предприятий по закупке и реализации продуктов питания.

С целью повышения уровня продовольственной безопасности, помимо развития собственного продовольственного комплекса, необходимы меры по сокращению бедности сельского населения. В сельских арктических районах среднедушевой доход более чем в двое ниже городского и средних показателей по зоне Арктики, в 3,5 раза ниже, чем в отраслях по добыче полезных ископаемых.

Итак, повышение уровня продовольственной безопасности связано с увеличением производства местной продовольственной продукции за счет инновационной модернизации всех экономических укладов, развития кадрового потенциала, привлечения финансовых ресурсов и повышения инвестиционной активности, создания замкнутого цикла производства сельхозпродукции, ее переработки и реализации продовольствия через собственную торговую сеть, разработки механизма формирования тыловых продовольственных баз в прилегающих, благоприятных сельскохозяйственных зонах, установления устойчивых связей с аграрными регионами России, обеспечивающими поставки продуктов питания в Арктику. Реализация данного подхода к управлению продовольственной безопасностью позволит ликвидировать зависимость проживающего здесь населения от импортного продовольствия, уменьшить потери и повысить качество продуктов.

1. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Рим, 2009. URL: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/pdf/summit2009declaration.pdf>.

2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 30.01.01, № 120 // КонсультантПлюс.

3. Полбицин С.Н., Дрокин А.С., Журавлев А.С. Основные направления в организации продовольственного обеспечения северных, полярных и арктических территорий // Управление экономическими системами. URL: <http://uecs.ru/uecs70-702014/item/3084-2014-10-17-08-22> (дата обращения: 12.05.2016).

4. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности и План действия Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия. Рим, 2009. URL: <http://www.docviver.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fzferkalov.org%2Ffiles%2Frdpb.doc&name=rdpb.doc&land=ru&c=587495cfea45>.

5. Славин С.В. Основные направления хозяйственного освоения Севера СССР и проблема создания местной продовольственной базы // Сельскохозяйственное освоение Севера СССР. Т. 1. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1973. С. 3–13.

6. Стратегия и приоритетные точки развития продовольственной безопасности районов освоения Севера и Арктики Сибири / А.Н. Щевельев, А.П. Задков, И.В. Зяблицев и др. // Теоретико-методологические проблемы измерения, прогнозирования и управления продовольственной безопасностью России. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2014. С. 109–111. (Энциклопедия российских деревень).

Е.В. Иванова

инженер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

Консультирование как процесс взаимодействия консультанта и клиента для решения возникших проблем и осуществления изменений существовало давно. В развитом виде консультационная деятельность сформировалась на Западе в 1950–1960-е гг. Основными причинами возникновения служб сельскохозяйственного консультирования был кризис сельского хозяйства, когда отрасль не способна самостоятельно без государственной поддержки перейти на эффективный путь развития [3, с. 40].

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), сельскохозяйственные консультационные службы успешно развиваются в 113 странах мира, в них работают более 550 тыс. специалистов-консультантов [6]. Россия является одной из первых стран, где зародилось сельскохозяйственное консультирование. Консультационное обслуживание прошло долгий путь развития, основные его этапы связаны с развитием сельскохозяйственной науки и образования. Рассматривая историю развития информационно-консультационной службы (ИКС) в дореволюционной России, голландский ученый А.В. Ван Ден Бан отметил: «Создается впечатление, что в то время ИКС в России была на самом высоком уровне в мире» [7].

В 1913 г. в российской системе сельскохозяйственного консультирования работали 9 тыс. служащих. Их главной задачей было оказание помощи единоличному крестьянину.

Первые теоретико-практические разработки сельскохозяйственного консультирования (общественной агрономии) связаны с именем выдающего русского ученого А.В. Чаянова. Он считал, что задачами сельского консультирования являются ускорение и рационализация стихийно совершающейся эволюции сельского хозяйства в сторону большого соответствия изменяющимся условиям. По мнению А.В. Чаянова, сельский консультант может быть назван организатором и проводником совершающегося развития сельского хозяйства. Желая создать новое земледелие, консультант создает новую человеческую культуру, новое народное сознание [5, с. 14]. Идеи А.В. Чаянова, являющегося основоположником научных подходов к сельскохозяйственному консультированию, широко используются во всем мире.

К сожалению, в нашей стране развитие этого направления работ было прервано на многие годы. Только в 1993 г. Министерство сельского хозяйства и продоволь-

ствия Российской Федерации начало заново восстанавливать информационно-консультационную службу.

В настоящее время квалифицированную консультационную помощь сельхозтоваропроизводители и сельские жители могут получить в 60 субъектах Федерации, где функционируют 73 региональных и более 0,5 тыс. районных организаций сельскохозяйственного консультирования. Однако существующее консультирование не всегда учитывает специфические особенности аграрного сектора различных регионов страны, связанные с природными, экономико-географическими, социально-экономическими условиями и факторами. Система аграрного консультирования не может быть одинакова для всех субъектов Федерации. Механический перенос практики организации служб сельскохозяйственного консультирования с регионов с развитым сельским хозяйством в районы Севера и Арктики не даст положительных результатов. Здесь, в силу особенностей функционирования сельского хозяйства, формирование и развитие системы аграрного консультирования будет существенно различаться.

В связи с этим разработка путей формирования и развития системы сельскохозяйственного консультирования для северных и арктических территорий со сложными условиями ведения аграрного производства является актуальной задачей.

Необходимость создания системы сельскохозяйственного консультирования вызвана следующими причинами.

1. Дефицит и отток квалифицированных специалистов из аграрного сектора. Если в конце 1980-х гг. в Республике Коми на один совхоз приходилось в среднем 11 специалистов с высшим и 28 специалистов со средним профессиональным образованием, то в настоящее время на одну сельхозорганизацию приходится только три специалиста с высшим и четыре специалиста со средним профессиональным образованием. До рыночных реформ каждый пятый работавший в сельском хозяйстве имел высшее и среднее специальное образование. Из числа специалистов с высшим образованием 36% имели специальность инженера, 57 – агронома, 45 – зоотехника, 41 – ветврача, 67% – экономиста. Специалисты фактически выполняли роль консультантов, оказывали практическое содействие по их освоению в растениеводстве и животноводстве. В предреформенный период 84% руководителей сельхозорганизаций имели высшее профессиональное образование и 16 – среднее, то сейчас – соответственно 45 и 34%. 21% руководителей не имеют высшего и среднего профессионального образования. Особенно низкий уровень профессионального образования у руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств сельской периферии.

Анкетный опрос руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств, проведенный автором в 2014–2015 гг. показал, что 36,4% специалистов сельской периферии имеют высшее профессиональное образование, из числа руководителей среднего звена – только 8,3%. Крайне низким является уровень квалификации работников животноводства: лишь 2,8% животноводов имеют звание «Мастер животноводства первого класса», а среди операторов ма-

шинного доения такое звание отсутствовало. При этом 40% работников не проходили переподготовку и повышение квалификации. В сельхозорганизациях остальных территорий доля специалистов с высшим образованием составила 41,4, со средним профессиональным – 35,8, руководителей высшего звена с высшим образованием – 47,1, со средним – 23,5%. Долю водителей первого класса здесь имели 61,1%, звание «Мастер-оператор первого класса» – 70,7% (табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса по оценке уровня образования персонала в сельхозорганизациях районов Республики Коми, %

Состав персонала	Высшее образование		Среднее профессиональное образование		I класс		II класс	
	Периферийные районы	Остальная территория	Периферийные районы	Остальная территория	Периферийные районы	Остальная территория	Периферийные районы	Остальная территория
Специалисты	36,4	41,1	48,5	35,8	-	-	-	-
Руководители среднего звена	8,3	47,1	66,7	23,5	-	-	-	-
Трактористы-машинисты	-	-	-	-	40,6	37,9	37,5	33,3
Водители	-	-	-	-	25,0	61,1	16,7	13,9
Работники животноводства	-	-	-	-	2,8	12,3	34,7	15,1
Операторы машинного доения	-	-	-	-	-	70,7	46,9	19,5

Источник: Расчеты автора.

2. Деградация ресурсного потенциала и необходимость инновационной модернизации сельского хозяйства. В сельских районах республики основные фонды изношены на 70–80%. За 1990–2015 гг. парк тракторов в сельхозорганизациях сократился в 10 раз, машин для посева – в 11, пресс-подборщиков – в 5, кормоуборочных комбайнов – в 4 раза, картофелеуборочных комбайнов – в 14 раз, машин для внесения твердых органических удобрений – в 30 раз, машин для внесения жидких органических удобрений – в 13, доильных установок – в 11, объем энергетических мощностей – в 7 раз.

В аграрном секторе разрушена осушительная мелиорация, резко упало внесение удобрений. За 1990–2015 гг. внесение минеральных удобрений в перерасчете на 100% питательных веществ на 1 га посева упало со 135 до 17 кг, органических – с 18 до 4,4 т. В 2015 г. удобрено минеральными удобрениями 23%, а органическими удобрениями – 12% посевов сельхозкультур, в 1990 г. эти показатели составили 81 и 26% соответственно. Особенно резко сократились удобренные минеральными удобрениями площади лугов и пастбищ. Если площади посевов сельхозкультур,

удобренные минеральными удобрениями, в сельхозорганизациях республики уменьшились более чем в 9 раз, то удобренные площади естественных кормовых угодий – в 157 раз. В результате вынос питательных веществ с урожаем из почвы превышает их внесение.

За годы реформ произошло снижение производственного потенциала отрасли, которая во многом утратила индустриальный характер. Площади сельхозугодий, используемых землепользователями, занимающимися сельхозпроизводством, за 1990–2015 гг. сократились с 352,8 тыс. га до 298, посевные площади – со 100,5 до 41,7 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота уменьшилось со 173,5 тыс. до 33,9 тыс. гол., в том числе коров – с 71,0 до 15,3, свиней – со 136,3 до 29,8, оленей – со 123,6 до 85,8 тыс. гол. Численность крупного рогатого скота в сельхозорганизациях сократилась в 8,1 раза, коров – в 6,9, свиней – в 3,3, птицы – в 2,2 раза.

В период рыночной трансформации количество занятых в сельском хозяйстве сократилось в шесть раз (рис. 1). Отток работников из сельского хозяйства привел к дефициту квалифицированных кадров в отрасли.

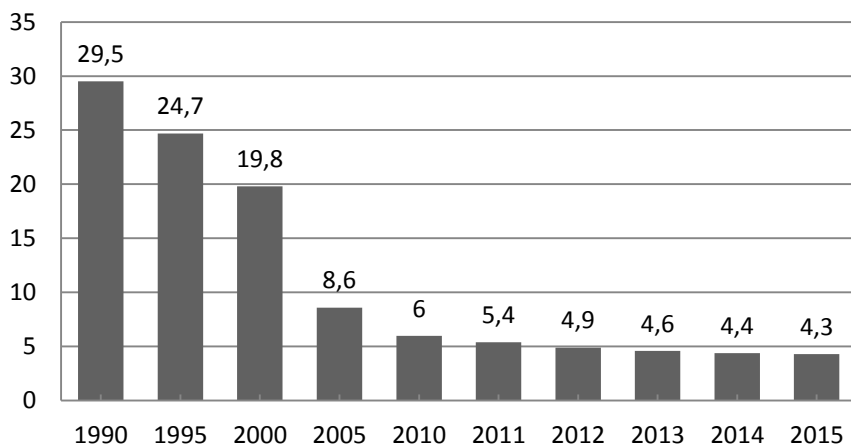

Рисунок 1. Динамика численности занятых в организациях сельского хозяйства и предоставления услуг в этой области Республики Коми, тыс. чел.

Составлено по: [1, 4].

Оценка инновационной деятельности в агропродовольственном секторе Республики Коми свидетельствует, что этот процесс характеризуется низким уровнем инновационной активности при значительном научном потенциале. Освоение нововведений наблюдается на ряде сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. Среди сельхозорганизаций, активно внедряющих новшества, следует отметить ОАО «Птицефабрика Зеленецкая», тепличный комбинат (ООО «Пригородный»), ООО «Южное», ООО «Агрокомплекс «Инта Приполярная», ООО «Извайльский» и ряд перерабатывающих предприятий. Доля агропродовольствен-

ных предприятий, являющихся наиболее динамичными потребителями новшеств, составляет лишь 10%.

В большинстве аграрных предприятий и фермерских хозяйств преобладают примитивные методы и технологии, применяются устаревшие сорта и породы скота, несовершенные формы организации и управления. Самое плохое состояние инновационных процессов в сельхозорганизациях периферийных районов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты анкетного опроса руководителей и специалистов аграрных хозяйствующих субъектов по оценке состояния инновационных процессов по 5 балльной шкале, %

Оценка результатов	Селекционно-генетические инновации			Технико-технологические инновации			Организационно-экономические и управленческие инновации		
	Сельхозорганизации периферийных районов	Сельхозорганизации остальных районов	Фермерские хозяйства	Сельхозорганизации периферийных районов	Сельхозорганизации остальных районов	Фермерские хозяйства	Сельхозорганизации периферийных районов	Сельхозорганизации остальных районов	Фермерские хозяйства
Очень плохие	24,6	4,2	-	-	-	-	32,6	8,3	-
Плохие	33,3	5,9	-	20,2	-	-	38,3	10,1	-
Средние	42,1	49,2	88,9	60,7	47,2	68,7	29,1	30,4	81,7
Хорошие	-	30,5	11,1	19,1	42,6	22,2	-	40,9	18,3
Отличные	-	10,2	-	-	10,2	9,1	-	10,2	-

Источник: Расчеты автора.

Отход от инновационного развития связан прежде всего с резким снижением платежеспособного спроса на научно-техническую и наукоемкую продукцию в связи с тяжелым финансовым состоянием организаций, резким снижением бюджетных источников финансирования, невозможностью получить кредиты. Ограниченность ресурсов, направляемых на инновации, создает проблему выбора приоритетов как по направлениям, так и по субъектам инновационной деятельности.

3. Неопределенность и быстро меняющаяся внешняя и внутренняя среда (вступление в ВТО, санкции, экономические кризисы, высокие темпы инфляции, постоянно изменяющиеся нормативно-правовые документы).

4. Ослабление органами управления АПК распространения научных знаний и освоения инноваций. В дореформенный период освоение в производстве научных достижений осуществлялось в России с помощью внедренческих подразделений

региональных органов государственного управления АПК, научно-производственных и производственных систем, республиканских и региональных центров научного обеспечения, научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и других подразделений научно-технической сферы. Министерство сельского хозяйства имело в своей структуре специальное подразделение по внедрению, проводившие анализ и систематизацию эффективных научных разработок, тиражирование и рассылку рекомендаций, организацию выставок, семинаров, обучение и повышение квалификации кадров. Оно не только финансировало мероприятия в рамках реализации научно-технической политики, но и определяло содержание и объемы финансирования НИОКР в области агропромышленного производства во всех регионах [2, с. 178–179]. С переходом к рыночным отношениям началось свертывание этих структур в Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми в 1998 г. был упразднен отдел, обеспечивающий управление научно-технической политикой. В республике перестали разрабатываться планы внедрения достижений науки и передовой практики на предприятиях АПК, а также системы ведения сельского хозяйства.

5. Трудности, испытываемые сельскими товаропроизводителям, в получении информации о селекционно-генетических, технологических, организационно-управленческих, экономических, маркетинговых и социально-экологических инновациях, а также о передовом производственном опыте.

6. Незрелость аграрной инновационной инфраструктуры. Сейчас в сельском хозяйстве нет научно-производственного объединения, разрушены опытно-производственные хозяйства НИИ, отсутствуют инновационно-технологические центры, технопарки и бизнес-инкубаторы в научно-образовательном секторе.

В сложившейся социально-экономической ситуации система сельскохозяйственного консультирования является эффективным инструментом оказания разнообразных услуг сельхозтоваропроизводителям и сельскому населению, распространения знаний, освоения инноваций, повышения эффективности производства.

Становление и развитие системы аграрного консультирования предусмотрено в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» (2006 г.), Стратегии устойчивого развития сельских территорий в Российской Федерации на период до 2030 г.» (2015 г.).

В Коми в марте 2003 г. был создан республиканский информационно-консультационный центр как структурное подразделение Института переподготовки и повышения квалификации работников АПК. Сотрудники центра (состав которых колебался от 2 до 3 человек) совмещали консультационную деятельность с преподавательской работой, что снижало качество и объем оказанных услуг. С апреля 2013 г. функционирует информационно-консультационный отдел Минсельхозпрода Республики Коми. На муниципальном уровне аграрное консультирование отсутствует. Это сдерживает доступ жителей, особенно отдаленных мест, к информации и консультационным услугам.

В составе консультационного отдела в 2016 г. работало шесть консультантов-специалистов, среди них агроном, зоотехник, два экономиста, бухгалтер и юрист. Все консультанты имеют высшее образование. Консультанты-совместители отсутствуют. Численность консультантов за 2013–2016 гг. возросла на два человека. В составе консультантов по направлениям деятельности отсутствуют специалисты по механизации и автоматизации производства, строительству, IT-технологиям, земельным отношениям и финансам. Своих автомобилей информационно-консультационный отдел не имеет, поездки в хозяйства и районы осуществляются транспортом гаража администрации Главы Республики Коми. Отдельного помещения у консультационной службы нет. Приборы и техника технологического назначения отсутствуют.

Финансирование деятельности службы аграрного консультирования осуществляется из бюджета Республики Коми. Федеральный бюджет не выделяет средства на консультационное обслуживание сельхозтоваропроизводителей и сельского населения. Служба также не привлекает внебюджетные источники финансирования.

Количество консультационных услуг, оказанных информационно-консультационным отделом за 2013–2015 гг. сельхозтоваропроизводителям и сельскому населению, увеличилось на 74%, в том числе личным подсобным хозяйствам, садоводам и огородникам – в 6,3 раза. В 2015 г. консультационной службой оказано 595 услуг, или около 100 на одного консультанта-специалиста.

Пользователями услуг являются крестьянско-фермерские хозяйства (48%), сельхозорганизации (28), органы управления АПК (14), личные подсобные хозяйства, садоводы и огородники (7), перерабатывающие, обслуживающие организации и кооперативы (3%).

Как показал анализ, наиболее востребованы услуги в области бухгалтерского учета и растениеводства (рис. 2).

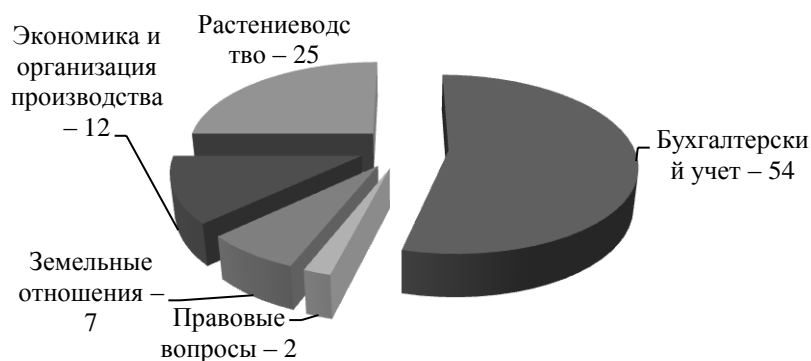

Рисунок 2. Структура консультационных услуг информационно-консультационного отдела Республики Коми по направлениям деятельности в 2015 г., %

Источник: Данные информационно-консультационного отдела.

Важнейшей функцией системы аграрного консультирования является использование в производстве инноваций, передового производственного опыта, передача сельхозпроизводителям и сельскому населению современных знаний. В настоящее время консультационная служба Республики Коми не занимается внедрением инновационных технологий, отсутствуют тесные связи с научными и образовательными учреждениями. Основные направления деятельности связаны с консультированием, проведением обучающих мероприятий и изданиями информационных материалов. Сельскохозяйственное консультирование в Коми находится на начальном этапе развития.

Исходя из региональной специфики, обусловленной природными социально-экономическими факторами, сложившимися типами аграрных структур, обеспеченностью аграрного сектора научно-образовательным, кадровым, производственным и финансовым потенциалом, инновационной активностью сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств, разработана модель формирования системы сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми. В республике целесообразно создавать информационно-консультационную службу в каждом районе. Предлагается создание межрайонных центров сельскохозяйственного консультирования (рис. 3). Для южной зоны межмуниципальный центр (МПЦ) следует организовать в с. Визинга, ареал действия которого распространяется на Сысольский, Койгородский и Прилузский районы; для Восточной зоны – в с. Корткеросс (обслуживает Корткеросский и Усть-Куломский районы); для Северо-западной зоны – в г. Емва (Княжпогостский, Усть-Вымский и Удорский районы); для Северной зоны – в с. Ижма (Ижемский и Усть-Цилемский районы); для Северо-восточной зоны – в г. Ухта (городской округ Ухта, Сосногорский, Вуктыльский и Троицко-Печорский муниципальные районы); для зона Крайнего Севера – в г. Печора (зона обслуживания муниципальный район Печора, городские округа Усинск, Инта, Воркута). Потребность в услугах регионального (головного) центра сельскохозяйственного консультирования будут удовлетворять сельхозтоваропроизводители, личные подсобные хозяйства и садоводы-огородники пригородного Сыктывдинского сельского района.

Применение новой региональной структуры аграрного консультирования позволит увеличить охват сельхозтоваропроизводителей и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, сделать доступным консультирование и распространение инноваций для средних и малых форм аграрных структур, возможность своевременного обращения за информацией и консультационным услугам сельских жителей периферийных территорий, повысить уровень координации и интеграции службы с аграрной наукой, образованием и сельскими производителями. Создание такой структуры консультирования позволит также экономить расходы на обслуживание сельхозтоваропроизводителей и населения.

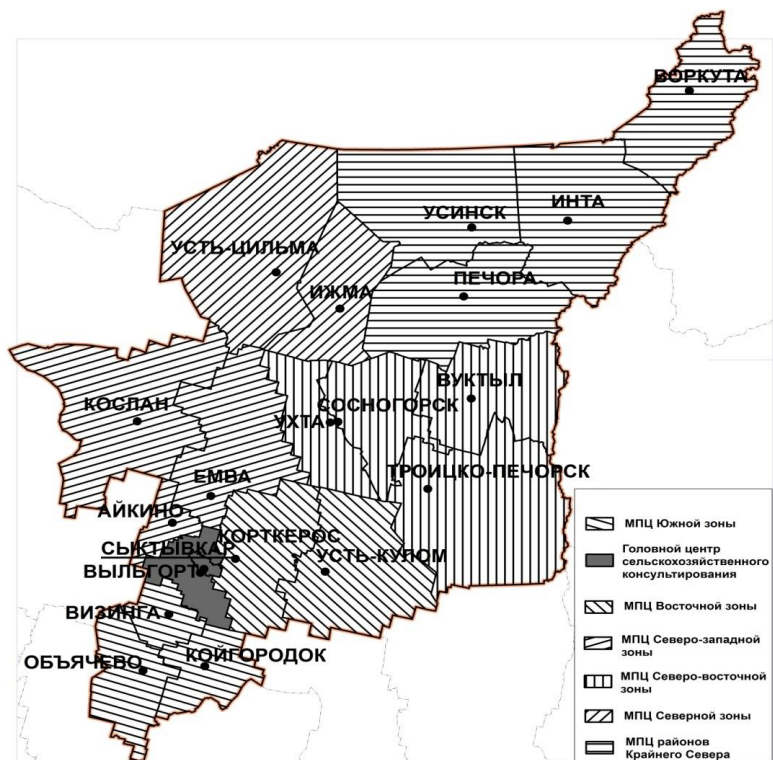

Рисунок 3. Схема размещения и обслуживания центров сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми

Источник: Разработано автором.

1. Агропромышленный комплекс РК: стат. сборник. Сыктывкар, 2016. С. 67.
2. Инновационная деятельность в аграрном секторе экономики России / под ред. И.Г. Ушачева, И.Т. Трубилина, Е.С. Оглоблина, И.С. Санду. М.: КолосС, 2007. 636 с.
3. Организационно-экономические аспекты развития инновационно-консультационной деятельности в агропромышленном комплексе России / Под. ред. И.С. Санду, Г.М. Демишквич. М.: ВНИИЭСХ, 2013. 148 с.
4. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2009: стат. сборник. Сыктывкар, 2009. С. 125.
5. Чайнов А.В. Основные идеи и методы работы Общественной Агрономии. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1924. 132 с.
6. Report of the global consultation on agricultural extension. Rome: FAO, 1990. P. 43-76.
7. Van Den Ban A.W. Forms and methods of work of information-consulting service in Russia. Sd. Mater. Konf. Po IKS. M., 1998. P. 9.

*В.В. Каюков,
д.э.н., профессор,
Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта*

*Л.В. Гудырева,
к.ф.н., руководитель издательского центра,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ СЕВЕРА

Производительность труда в настоящее время служит предметом особого беспокойства и повышенной озабоченности со стороны руководителей российского государства. Президент России неоднократно указывал на «необходимость повышения темпов роста производительности труда, поскольку нынешние темпы означают консервацию сырьевой структуры экономики» [1]. Данные статистики полностью подтверждают его слова. За 2007–2014 гг. производительность труда в РФ выросла лишь на 14,9% (в среднем – 2% в год), в Республике Коми – на 6,3% (0,9% в год).

Данная проблема оказалась в тяжелом положении в связи с новыми подходами в экономике переходного периода, где основное внимание обращается формированию рыночных механизмов, тогда как проблемы развития материально-технического потенциала, выступающего в качестве главного фактора экономического прогресса оказались на периферии экономической политики.

Переход к рыночной экономике, осуществляемый в радикальной форме, дал много положительных изменений нашему обществу в виде решения проблемы дефицита, существенного расширения института розничной торговли, свободы выбора, независимости участников экономических отношений и др. Однако в ходе преобразований были подорваны возможности развития таких институтов национальной экономики, которые по своей природе связаны с продолжительными циклами и долгими периодами. В их числе фундаментальная и прикладная наука, проектная деятельность, тяжелая промышленность, инвестиционно-строительная сфера (особенно в части производственного строительства).

В отдельный список необходимо включить все виды хозяйственной деятельности, расположенные на северных территориях, которые в силу географической удаленности и природно-климатической специфики сложнее и болезненнее на этапе преобразований переживают становление новых форм организации, основанных на рыночных принципах, таких как свобода выбора, самофинансирование, ориентация на прибыль и т.д.

В ходе радикальных преобразований национальной экономики она в значительной степени утратила тот воспроизводственный потенциал, источником которого служат вышеприведенные виды деятельности и ресурсная база Севера. По-

этому производительность труда оказалась лишенной основных видов экономической деятельности, на которых строятся отраслевые цепочки, осуществляющие формирование социально-экономических условий для реиндустриализации экономики (её реконструкции, модернизации, строительства новых объектов).

В дополнение к этому следует сказать и об институциональных причинах (подоплеке), вызывающих трудности в повышении производительности труда [2]. К ним относятся причины, связанные с нарушением диалектики изменчивости и устойчивости при переходе к новым формам организации, которые выразились в игнорировании традиций и национальных особенностей страны. Речь идет о необходимости соблюдения принципа сохранения накопленного материально-технического потенциала в переходном периоде, который относился к числу конкурентных преимуществ бывшего СССР на мировом экономическом поле и создавал неплохие условия для повышения производительности труда и темпов роста ВВП.

К таким высококонкурентным сферам принадлежали электроэнергетика, наука, образование, здравоохранение, приборостроение, социально-экономическая безопасность страны. Эти виды деятельности можно было сохранить и перенести в новую «систему координат» при соблюдении следующих условий:

- применении принципа последовательного сочетания изменчивости и устойчивости при переходе к новым формам организации;
- ориентации на цели переходного периода, обусловленные необходимостью повышения благосостояния населения, а не формирования рыночных механизмов, поскольку в методологическом смысле рыночные механизмы представляют собой средство достижения цели, но не саму цель;
- использования англо-саксонской модели организации экономических отношений с учетом корректировки её на предмет институциональных особенностей российской экономики.

Применение принципа последовательного сочетания изменчивости и устойчивости при формировании новых подходов к организации национальной экономики предполагает переосмысление содержания переходного периода. Он представляет собой транзитивную систему, опирающуюся на сочетание старых и новых способов управления. Игнорирование старых способов ведет к насильственному преодолению консерватизма, установившихся правил и традиций и форсированному использованию еще не освоенных новых подходов. Надо иметь в виду, что и то и другое пагубно отражается на экономике и в сумме дает кумулятивный (помноженный) разрушительный эффект.

В результате возникает иллюзия реформ, которые на самом деле создают ситуацию искусственного кризиса с анархическим подтекстом. Нам представляется, что существенным фактором в «цивилизованном» решении подобных трудностей является экономический центр в лице государства, осуществляющего методологическое управление переходными процессами. Другими словами, императивность централизации управления в этих специфических исторических условиях возрастает.

Что касается ориентации на методологически выверенную цель создания нового общества, следует отметить, что в качестве цели в стратегически-фундаментальном значении этого слова можно выдвигать улучшение условий жизнедеятельности населения. Это важно отметить, поскольку любая экономическая система на всех этапах исторического развития была призвана создавать блага для человека и повышение уровня жизни населения.

Выдвигать любую другую цель можно в том случае, если речь идет о цели другого порядка и иного функционального значения. Но рассмотрение в качестве цели строительство рыночных механизмов в модели, имеющей конституирующее функциональное значение с методологической точки зрения, вряд ли можно считать правомерным, поскольку рыночные механизмы представляют собой средство движения к цели, а не саму цель.

Необходимость корректировки англо-саксонской модели и стремление «вписать» её в профиль российских отношений может осуществляться с учетом особенностей, сложившихся в экономике страны. Большие возможности в изучении этого вопроса может дать использование институциональных подходов. Речь идет о характере установившихся правил поведения (формальных и неформальных), специфике отношений собственности, взглядов на институт соотношения общественных, коллективных и частно-индивидуализированных подходов в организации хозяйственных процессов, структуре национальной экономики и др.

Если провести параллель вышеперечисленных условий переходного периода с проблемой повышения производительности труда, то можно отметить, что простых решений, которые могли бы снять накопившиеся здесь трудности, вряд ли можно было бы предложить. Тем не менее, теоретически можно смоделировать определенный ход решений, которые связаны с нижеследующим алгоритмом.

Во-первых, повышение производительности труда трудно представить без соответствующей реиндустриализации, предполагающей восстановление бывших предприятий, модернизацию, реконструкцию существующих и строительство новых, отвечающих современным требованиям научно-технического прогресса.

Представляется, что без использования новой парадигмы в вопросе государственного регулирования экономики и участия государства в реиндустриализации, направленной на повышение его роли в этом процессе, а также переосмысления либерально-демократической догмы, консервирующей возможности развития национальной экономики, решить данную проблему будет сложно.

Во-вторых, распространение центростремительных тенденций в вопросе повышения производительности труда должно основываться на методологическом обосновании структуры национальной экономики. В частности, мы предлагаем использовать в этом вопросе институциональную «теорию соглашений», согласно которой те сферы экономики, которые связаны с реальным сектором, должны ориентироваться не столько на рыночные механизмы, где главным показателем является цена, сколько на стандарты, предопределяющие технические императивы во взаимоотношениях.

В этой сфере начинает доминировать система контрактации, представленная цепочками взаимных поставок продукции производственно-технического назначения, где цене уже отводится второстепенная роль. В этой связи технические вопросы, в том числе и производительность труда, становятся объектом более пристального внимания и решаются в первую очередь.

Кроме этого, производительность труда определяется и многими другими факторами: как внешними, так и внутренними. К внешним следует отнести экономические, технологические факторы, социально-демографические и политические. Их можно охарактеризовать в качестве косвенных, и поэтому оказывающих опосредованное воздействие. К внутренним – технологические факторы, численность занятых в экономике, остаточную стоимость основных фондов, износ основных фондов, инвестиции в основной капитал, электровооруженность, среднюю реальную заработную плату работников. Данные факторы требуют особого подхода в экономической политике по развитию экономики Севера, поскольку они способны оказывать непосредственное влияние на уровень и динамику производительности труда [3].

1. Путин В.В. Главное – повысить производительность труда. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/33454>

2. Каюков В.В., Логачева П.С. Проблемы привлекательности инвестиций: традиции и новации // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: материалы IX Международной научно-практической конференции / Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. 2017. С. 63–66.

3. Попова О.И., Сорокина Т.В. Производительность труда в промышленном секторе региона // Проблемы развития территории. 2010. № 1 (49). С. 20–28.

*Ким Хе Чжин,
старший научный сотрудник,
Институт Российских Исследований
Университета иностранных языков Хангук,
Южная Корея*

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ ПЕРЕД КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ СЕВЕРА РОССИИ

В настоящее время крупные мировые нефтегазовые компании, такие как BP, Exxon, или Total, вкладывают значительные усилия и материальные средства в корпоративную социальную ответственность (КСО, или социальная ответственность бизнеса). В современном обществе обычным делом является довольно негативное отношение к компаниям, занятым в добывающей промышленности, напри-

мер добыче нефти, газа или горнодобывающей отрасли. Такие компании всегда испытывают определённое общественное давление, поскольку их деятельность часто вызывает серьезные проблемы, в особенности при загрязнении окружающей среды, и способствует глобальному потеплению. Эти предприятия начали использовать КСО не только как важную стратегию для нейтрализации такого отрицательного имиджа и повышения компетентности и деловой репутации, но и как способ внести вклад в процветание общества.

Необходимость КСО в ведении бизнеса со временем увеличивается. Однако КСО российского бизнеса находится в процессе становления. С началом экономического подъема в 2000-е гг. и переходом предприятий от стратегии выживания к стратегии развития часть из них приступила к реструктуризации социальной инфраструктуры и оптимизации ее профильной деятельности. Использование социальных объектов стало рассматриваться предприятиями в рамках реализации осознанной социальной политики. Актуализацию проблем социальной ответственности руководители российских бизнес-структур объясняют вступлением страны в новый этап общественного развития и естественным «взрослением» российского капитализма¹. Российские компании в 2006–2007 гг., по данным Центра экономических и финансовых исследований, расходовали на финансирование своей социальной политики 17% прибыли². Некоторые исследования показывают, что высокий уровень социальной ответственности типичен для компаний, работающих в сырьевых и химической отраслях³. В эту категорию входят в основном нефтегазодобывающие компании. Они часто имеют тесные связи с административной территорией, на которой ведут свою деятельность, а следовательно, и с местными жителями, в особенности коренными народами, которые исконно проживают на этой территории. В этой связи в данной работе рассматривается деятельность КСО нефтяных компаний по отношению к коренным народам и анализируется ограничения социальной политики компаний.

Поскольку концепция КСО начала развиваться в западных странах, исследования по этой проблематике накопились прежде всего в США, Канаде и ряде европейских стран. В этих работах в качестве объекта исследования выступали каждая из заинтересованных сторон КСО, например предприятия, покупатели, сотрудники, местная администрация, местное общество и жители, изучались отношение каждой из этих сторон к КСО⁴. Подводя итоги этих исследований, можно указать, во-первых,

¹ Глебова И.С. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом. Казань: КГУ, 2008. С. 46.

² Там же. С.48.

³ Там же. С. 49.

⁴ Christina L. Anderson, Rebecca L. Bieniaszewka, «The Role of Corporate Social Responsibility in and Oil Company's Expansion into New Territories,» *Corporate Social Responsibility and Environment Management*, No. 12, 2005, pp. 1~9; Michael Zisuh Ngoasong, «How International Oil and Gas Companies Respond to Local Content Policies in Petroleum-Producing Developing Countries: a Narrative inquiry,» *Energy Policy*, No. 72, 2014, pp. 471~479; Jedrzej George Frynas, «The False Development promise of Corporate Social Responsibility: Evidence from Multinational Oil Companies,» *International Affairs*, No. 3, 2005, pp. 581~598 и др.

что, несмотря на противоречивые мнения об эффективности КСО и тот факт, что каждое предприятие преследует свои цели при ее реализации, деятельность КСО компаний постепенно увеличивается и развивается. Компании публикуют информацию о конкретном содержании своей деятельности КСО и суммы инвестиций по каждой из своих программ в этой сфере в СМИ, на своих вебсайтах и другими способами. Большинство западных исследователей выделяют следующие основные направления деятельности по осуществлению КСО: 1) социальные инвестиции (строительство или ремонт образовательных учреждений и др.), 2) улучшение трудовых условий (стажировка сотрудников, создание безопасных условий труда и др.); 3) культурную поддержку (сохранение культурного наследия, спонсирование праздников или культурных мероприятий; 4) благотворительную деятельность (создание детских домов, оказание помощи ветеранам, предоставление стипендий студентам и др.; 5) экологическую безопасность (повторное использование и утилизация отходов, разработка альтернативных источников энергии и др.).

В последнее время и в России со стороны крупных нефтегазовых компаний вырос интерес к КСО. Поскольку их промышленная деятельность проходит в регионах, где находятся месторождения нефти и газа, их КСО также адресована местным сообществам и их жителям. Самые крупные месторождения нефти и газа находятся в таких северных регионах России, как Ямало-Ненецкий округ, Ненецкий округ, Ханты-Мансийский округ и Республика Коми, и в этих регионах проживают разные коренные малочисленные народы.

В результате активного промышленного освоения Севера и развития транспортной инфраструктуры эти регионы приобретают экономическое богатство и занимают высокие места в разных социоэкономических рейтингах страны, таких, например, как подушевой доход, средняя зарплата¹. Вместе с тем нарушается экологический баланс, что порождает тревогу о самом выживании коренных народов и перспективах его будущего. Строительство вышек, дорог и иных объектов инфраструктуры при освоении ресурсов вызывает не только постепенное уменьшение площади охотничьих угодий и площади оленьих пастбищ, используемых коренными народами в своей традиционной хозяйственной деятельности, но и делает неизбежным переселение в поисках новых промысловых мест и пастбищных площадей. Не менее важно то, что в процессе строительства разрушаются священные для представителей коренных народов места и другие объекты их культурного наследия. К тому же загрязнение воды и пожары, вызванные авариями на старых трубопроводах, построенных еще в советское время, оказывают губительное влияние на ведение жителями традиционной экономической деятельности, например рыболовства и собирательства ягод и грибов.

¹ Например, в 2015 средний доход за месяц Ненецкого автономного округа был 70 924 рублей, и занимал первое место в целой РФ. Тот же самый показатель ХМАО и ЯНАО также были высокие, и три автономные округа в Северо-западном округе РФ входят топ 7 в стране. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. М.: РОССТАТ. С. 229.

В этой связи крупные российские нефтегазовые предприятия – «Лукойл», «Роснефть», «Сургутнефтегаз» и другие – разрабатывают разные методики и специальные программы по работе с коренными народами, руководствуясь законами России (например, Законом о гарантии прав коренных малочисленных народов РФ, Законом о территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и ДВ РФ» и т.д.) и мировой практикой. Сейчас осуществление КСО российскими нефтегазовыми компаниями в отношении коренных народов проводится по двум основным направлениям: во-первых, выплата компенсаций за ущерб, причиняемый деятельностью компании, во-вторых, социально-экономическому развитию районов проживания коренных народов.

Предприятия выплачивают компенсации коренным народам, например обеспечивают их снегоходами, моторными лодками, бензином, стройматериалами и другими необходимыми предметами. Например, «Сургутнефтегаз» раз в несколько лет выдает каждой семье ханты снегоход «Буран», мотор для лодки и саму лодку, кроме того, они получают примерно 150 тысяч рублей компенсаций¹.

Вместе с компенсацией компании проводят разные социальные и благотворительные программы. Например, «Лукойл» построил в деревне Русскинской в Югре детский лагерь «Кар-Тохи», где дети из местной школы-интерната могут изучать основы охотничьего промысла, оленеводства и рыболовства. «Лукойл-Коми» поддерживает проект «Нярьяна Мя» (Красный Чум) в НАО, направленный на обеспечение доступности медицинской помощи кочевому населению в удалённых районах Заполярья². Нефтегазовые компании также финансируют строительство и ремонт жилья в национальных посёлках и местах традиционного проживания представителей коренных народов.

Несмотря на активную деятельность по осуществлению КСО, эти меры не всегда имеют лишь положительные стороны и не могут радикально разрешить проблемы, испытываемые малочисленными народами. Компании должны точнее рассчитать, что действительно нужно коренным народам. Как отмечали многие ученые, всевозможные льготы и подачки не только приводят к деградации этноса, ведь каждый этнос складывается прежде всего как народ-производитель, но и создают негативное отношение к нему остального населения³.

Компаниям нужно соблюдать фундаментальные обязанности и законы в отношении коренных малочисленных народов для минимизации ущерба их родовым угодьям и природного загрязнения. К примеру, они должны проводить официальные слушания, во время которых коренные народы могут познакомиться с информацией о планах компании, связанных с освоением природных ресурсов и возможных рисках для себя. Однако часто наблюдается, что этого не происходит в нужном по-

¹ <https://lenta.ru/articles/2017/10/07/olenevod> (дата доступа: 11 ноября 2017)

² РСПП. Бизнес-Регионам. С. 55.

³ Ларченко Л.В. Социально-экономические проблемы сохранения традиционной культуры северных этносов в регионах разработки нефтегазовых ресурсов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 16(247). С. 8.

рядке. Также компаниям нужно стараться понимать традиционную культуру и ценности коренных народов, которые часто отличаются от таковых у горожан. Понятие «свой дом» для коренных народов означает все их уголья и целую тундру, в отличие от горожан, для которых «дом» означает скорее частную собственность. Понятие «священное место» для коренных народов может означать любое место, например озеро, груды камней или холм, а не церковь или храм. Из-за непонимания культуры возникло немало конфликтов между коренными народами и сотрудниками нефтяных компаний или самой компанией.

В настоящее время компании выдают немалые суммы в качестве компенсаций, но представителям коренных народов не на что их тратить. Они часто тратят эти деньги на алкоголь и бросают свое традиционное хозяйство. Разумеется, невозможно запрещать им покупку алкоголя или определять области использования компенсации. Также денежная компенсация необходима и важна для коренных народов. Однако компаниям нужно разрабатывать более полезные виды помощи, например в виде найма компаниями на работу представителей коренных народов, финансирование традиционного хозяйства или передачи бизнес-опыта (или ноу-хау) для продажи продукции из традиционного хозяйства. Также при выплатах компенсаций нужно обратить внимание на то, чтобы каждый представитель коренного народа получал компенсацию справедливо и равно. Иногда это зависит от умения вести переговоры, личных качеств или уровня доверия к компании, уверенности, что ее представители не обманывают.

С свою очередь, коренным народам нужно создавать более организованные ассоциации для того, чтобы передавать четко свои требования и вести удачно переговоры с компаниями. С учетом этих проблем необходимы взаимопонимание и постоянные контакты между коренными народами и компаниями на равных положениях.

1. Глебова И.С. Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом. Казань: КГУ, 2008.
2. Ларченко Л.В. Социально-экономические проблемы сохранения традиционной культуры северных этносов в регионах разработки нефтегазовых ресурсов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 16(247). С. 2–10.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. М.: РОССТАТ.
4. Christina L. Anderson, Rebecca L. Bieniaszewka. «The Role of Corporate Social Responsibility in and Oil Company's Expansion into New Territories.» *Corporate Social Responsibility and Environment Management*. No. 12, 2005, pp. 1–9.
5. Michael Zisuh Ngoasong. «How International Oil and Gas Companies Respond to Local Content Policies in Petroleum-Producing Developing Countries: a Narrative inquiry.» *Energy Policy*. No. 72. 2014. pp. 471–479.
6. Jędrzej George Frynas. «The False Development promise of Corporate Social Responsibility: Evidence from Multinational Oil Companies.» *International Affairs*. No. 3. 2005. pp. 581–598.
7. <https://lenta.ru/articles/2017/10/07/olenevod> (дата доступа: 11 ноября 2017)

Н.В. Клепиков,

к.э.н.,

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Отлаженная система управления экономической безопасностью позволяет хозяйствующим субъектам добиваться поставленных целей, своевременно реагируя на динамику изменений внутренней и внешней среды избегая угроз, рисков, неопределенности. Учетно-аналитическая система, включающая в себя такие элементы, как учет, анализ, контроль и аудит, является, в свою очередь, частью общей системы управления экономической безопасностью предприятия. Все элементы учетно-аналитической системы взаимосвязаны, но учет является определяющим (первичным). Определение учетно-аналитической системы экономической безопасности как «совокупности взаимосвязанных элементов учетной, аналитической, контрольной и аудиторской информации, необходимой для принятия управленческих решений по предотвращению рисков и угроз с целью достижения плановых (пороговых) значений показателей развития предприятия в текущем и перспективном периоде» можно определить как содержательное [1].

Учет фактов хозяйственной жизни любого хозяйствующего субъекта осуществляется с целью поддержания устойчивого и стабильного состояния. Кроме того, объектами бухгалтерского финансового учета на предприятии выступают помимо фактов хозяйственной жизни активы, обязательства, источники финансирования его деятельности, доходы, расходы, иные объекты в случае, если это установлено федеральными стандартами (ст. 5 Закона «О бухгалтерском учете»). При этом именно бухгалтерский учет является инструментом формирования своевременной объективной и достоверной информации. Сформированная надежная система обеспечения информацией процесса управления должна учитывать не только специфику деятельности предприятия, но и оперативно реагировать на все изменения в информационной потребности. То есть, работа бухгалтерской службы (при необходимости ее корректировка) должна обеспечивать экономическую безопасность предприятия.

Можно выделить следующие источники угроз экономической безопасности предприятия, обусловленные организацией бухгалтерского учета:

- нарушения законодательства;
- нарушения в учетном процессе, при формировании бухгалтерской информации;
- нарушения порядка регулирования и контроля бухгалтерского учета;
- неквалифицированный персонал.

Исходя из вышесказанного «бухгалтерский риск» как понятие следует рассматривать как риск, связанный с формированием информации (сбор, регистрация, обобщение) в денежном выражении об активах, обязательствах и их движении в процессе деятельности организации.

Являясь одной из главных функций управления, учет способствует сохранности ресурсов, целесообразности их использования, предотвращению реализации угроз, снижающих экономическую безопасность предприятия. Роль бухгалтерии предприятия определяется не только своевременностью представления необходимой информации, но и использованием этой информации для принятия управленческих решений. В то же время следует отчетливо понимать, что безупречная деятельность бухгалтерии не может гарантировать полную безопасность предприятия. Информация, имеющаяся в бухгалтерии, может быть объектом преследования, что требует принятия мер по предотвращению противоправных действий.

«Особое место в системе информации, генерируемой в процессе осуществления производственно-хозяйственной деятельности, занимает информация экономическая, на долю которой приходится свыше 90 % общего объема информационных потоков. Ведущая роль при этом принадлежит информации, формируемой в системе бухгалтерского учета» [2].

Защита учетных данных должна входить в функции всего управленческого персонала. В обязанности бухгалтерской службы на современном этапе дополнительно входит необходимость защиты информации, которая представляет собой ценность для предприятия. Принцип безопасности становится актуальным для современного бухгалтерского учета.

Риски не являются объектом бухгалтерского учета (определение бухгалтерского риска отечественными специалистами так же не сформулировано), однако в пяти ПБУ встречается слово «риск»: (ПБУ «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» (ПБУ 8/2010)), ПБУ «Учет договоров строительного подряда» (ПБУ 2/2008)), ПБУ «Учет финансовых вложений» (ПБУ 19/02)), ПБУ «Отчет о движении денежных средств» (ПБУ 23/2011)), ПБУ «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99)). Кроме того, такие понятия как «риски хозяйственной деятельности», «риски искажения информации» неразрывно связаны с деятельностью хозяйствующего субъекта. Изучение и оценка таких категорий как риск и неопределенность (в отдельных ситуациях, требующих профессионального суждения) в бухгалтерском учете становятся весьма актуальными. Именно системы бухгалтерского учета предприятий наиболее подвержены воздействию угроз информационной безопасности. Вопросы организации бухгалтерского учета экономической безопасности должны рассматриваться во взаимосвязи с информационными и коммуникационными системами. Игнорирование этих требований может стать фактором значительных рисков, приводящих к искажению информации и убыткам.

Таким образом, задачи обеспечения экономической безопасности предприятия требуют создания четкой организационной структуры бухгалтерской службы, позволяющей формировать информацию, необходимую для принятия управленческих ре-

шений, дать оценку наличия угроз и их последствий на имущественное, финансовое состояние, результаты деятельности и способность сохранять устойчивое развитие.

Требования ст.7 Закона «О бухгалтерском учете» о том, что «ведение бухгалтерского учета и хранение документов бухгалтерского учета организуются руководителем экономического субъекта» должны быть учтены руководителем, в том числе и в целях обеспечения экономической безопасности предприятия.

1. Азарская М.А., Поздеев В.Л., Учетно-аналитическое обеспечение аудита экономической безопасности предприятия // Аудиторские ведомости. 2017. № 1–2.

2. Хамхоева Ф.Я., Бухгалтерский управленческий учет как информационная основа системы управления производством // Современный бухучет. 2004. № 12.

Г.А. Князева,

д.э.н., профессор,

руководитель Центра устойчивого развития;

Е.Б. Князева,

к.э.н., эксперт Центра устойчивого развития;

Н.Ю. Кирушева,

соискатель,

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

г. Сыктывкар

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНЫМ (АРКТИЧЕСКИМ) РЕГИОНОМ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИОННО-СБАЛАНСИРОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Разработка модели интеграционно-сбалансированного взаимодействия в интересах устойчивого развития северных (арктических) территорий связана с наличием специфических проблем, требующих особых инструментов разрешения. К числу наиболее значимых можно отнести экологические и социальные, которые возникают в процессе освоения и использования природных ресурсов. Для решения стоящих перед северными регионами задач возникает необходимость формирования современных системных подходов к решению проблем освоения ресурсов, межрегионального и международного сотрудничества. Устойчивое развитие предполагает наличие сбалансированной системы (регламента) освоения ресурсов, включающей в себя права собственности, нормы и правила эксплуатации месторождений, процедуры взаимодействия хозяйствующих субъектов и разрешения конфликтов основных заинтересованных сторон. Однако современные подходы к освоению природных ресурсов северных территорий формируются при значительном отставании в решении перечисленных выше вопросов. Преобладают модели, определяющими

чертами которых являются: централизм (основные полномочия по распоряжению природными ресурсами сосредоточены на федеральном уровне); доминирование крупнейших компаний и соответственно прямая зависимость от них состояния социальной сферы северных территорий.

В «Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 20 февраля 2013 г)» приоритетным направлением развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности является: «Комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации в соответствии с Основами предусматривает совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны Российской Федерации, улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике, развитие ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации за счет использования перспективных технологий, модернизации и развития инфраструктуры арктической транспортной системы, современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и рыбохозяйственного комплекса» [3].

Одной из альтернативных моделей стратегического управления социально-экономическим развитием региона на принципах устойчивого развития предлагается рассматривать модель интеграционного взаимодействия, разработка и концептуальное обоснование которой являются предметом научных изысканий авторов. Рекомендуемая модель предусматривает вертикальное и горизонтальное интеграционное взаимодействие, под которым понимается взаимодействия власти, субъектов хозяйствования, науки, местных сообществ, направленные на сбалансированное социо-эколого-экономического развитие как систем регионального хозяйства, так и их подсистем на уровне муниципалитетов и отраслевых комплексов. В основу построения модели заложена кумулятивная оценка совокупного воздействия на окружающую среду в процессе освоения природных ресурсов, включающая экологический ущерб, а также влияние на здоровье человека и возможности местных общин для удовлетворения своих социально-экономических потребностей. В конечном счете такой подход основывается не просто на интеграции всех указанных аспектов, но на их более широком, более содержательном и целостном понимании, оценке кумулятивного воздействия. При этом под кумулятивным воздействием понимается система синергетических, интерактивных и непредсказуемых результатов от нескольких видов землепользования или суммы проектов в области добычи ресурсов, которые агрегируются во времени и пространстве, и приводят к значительным последствиям для людей и окружающей среды [1].

Основными принципами оценки экологического воздействия при кумулятивном подходе являются:

1. Учет компонентов экосистемы, характерных для конкретной территории.
2. Определение пространственных и временных границ для анализа.

3. Определение действий, которые могут повлиять на выбранные компоненты экосистем.

4. Определение величины и значимость кумулятивных эффектов.

5. Определение причинно-следственных взаимосвязей между человеческой деятельностью и состоянием компонентов экосистемы [5].

Практика оценки и управления совокупным экологическим воздействием нами изучена на примере промышленного освоения Печорского угольного бассейна в АЗ г. Воркута. Общеизвестно, что задачи сохранения традиционного образа жизни, обеспечения рационального природопользования, этнокультурного развития коренного населения Севера поставлены в число приоритетных для обеспечения устойчивого развития Арктической зоны РФ.

Территория г. Воркуты составляет 24,2 тыс. кв. км, город расположен на крайнем северо-востоке Республики Коми, в Большеземельской тундре, в зоне распространения многолетней мерзлоты, в 160 км севернее Полярного круга и 140 км от побережья Северного Ледовитого океана. В городе на 1.01.2016 г. проживает 81 442 чел., что составляет 39,0% к проживавшим в 1990 г. В основном это русские, около 2 тыс.чел. коренного народа – коми, более 300 чел. представители коренных малочисленных народов Севера (в основном ненцы, ханты, манси). Воркута – моногород и крупнейший центр добычи угля Печорского угольного бассейна, градообразующим предприятием является АО «Воркутауголь», объем выполненных работ и услуг его составляет более 50% от общего объема продукции по городу в целом. На территории МО городской округ «Воркута» расположено девять особо охраняемых территорий. Территория г. Воркуты является традиционным местом природопользования коренного народа, основным традиционным видом хозяйствования которого остается оленеводство. Оленеводство в Республике Коми носит кочевой (полу-кочевой) характер, то есть основано на системе перекочевок с зимних пастбищ, расположенных на территории республики, на летние пастбища, расположенные на территории Ненецкого автономного округа, и обратно. Протяженность маршрутов кочевий достигает до 1000 км по направлению север-юг. Республика относится к числу крупных оленеводческих регионов России. По численности поголовья регион занимает пятую позицию после Ямало-Ненецкого, Чукотского, Ненецкого автономных округов и Республики Саха (Якутия). Оленеводство представлено в 3 видах собственности: общественной, государственной и частной. По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми во всех хозяйствах содержится около 85 тыс. оленей.

Проблемы коренного народа Севера в целом, северного оленеводства в частности, во многом связаны с федеральным законодательством (Лесной, Водный, Земельный кодексы РФ, Федеральные законы). Оценка этих документов свидетельствует, что коренные малочисленные народы вправе безвозмездно владеть и пользоваться в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами. Од-

нако порядок безвозмездного пользования землями в местах традиционного проживания малочисленных народов в настоящее время в земельном и лесном законодательстве не установлен.

Сокращение возможностей использования традиционных природных ресурсов, обострение экологической ситуации не способствуют решению социальных проблем, повышению их качества жизни. Денежные доходы коренных жителей в 2–3 раза ниже общероссийских. Средняя продолжительность жизни у коренных народов на 10–20 лет меньше, чем средняя по России. Средний возраст смерти у мужчин коренных народов – около 45 лет. Показатели заболеваемости алкоголизмом значительно выше среднероссийских. Высока доля смертей от внешних причин (несчастных случаев, самоубийств, убийств) [4].

Ситуация осложняется накопленным экологическим ущербом (НЭУ) в районах старого промышленного освоения природных ресурсов. В результате производственной и хозяйственно-бытовой деятельности в Воркуте и прилегающей к ней территории в радиусе 20 км сформировалась импактная зона, занимающая свыше 1000 км². Заметный вклад в загрязнение почвогрунтов в этом импактном районе вносят терриконы (объем изъятая горной массы превышает 1,1 млрд т). Тимано-Печорский импактный район расположен на территории Ненецкого АО (Харьягинское, Тороевское и Кумжинское месторождения) и Республики Коми (Верхневозейское, Возейское и Усинское месторождения). Эта территория является одной из самых загрязненных нефтепродуктами в России. Здесь пробурены тысячи скважин, официально считается, что не менее чем на 50% из них происходили аварийные утечки.

В утвержденных изменениях в постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. №366 определено, что основу государственной программы развития Арктической зоны РФ составят опорные зоны развития. Госпрограмма социально-экономического развития Арктической зоны предполагает формирование восьми опорных зон развития, приоритетными проектами для большинства из них станет создание минерально-сырьевых центров освоения. «Ключевыми механизмами реализации программы призваны стать опорные зоны развития Арктической зоны РФ, представляющие собой комплексные проекты социально-экономического развития, предусматривающие синхронное применение взаимосвязанных действующих инструментов территориального и отраслевого развития, а также механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе на принципах государственно-частного и муниципально-частного партнерства» [2]. Опорная зона в Коми включает в себя муниципальное образование городского округа «Воркута». Сегодня этот город – крупнейший центр добычи угля Печорского угольного бассейна. Ожидается, что деятельность Воркутинской опорной зоны может способствовать увеличению добычи угля до 21,4 млн тонн в год, росту объема производства брикетной продукции до 60 тыс. тонн в год, увеличению протяженности автомобильных дорог на 450 километров, вводу в эксплуатацию 1161 километра железнодорожных линий (из них строительство новых – 712 километров), приросту грузооборота до 24 млн

тонн в год, приросту площади покрытия Арктической зоны Российской Федерации высотными телекоммуникационными платформами до 3000 кв. километров ежегодно, сокращения уровня безработицы, оптимизации расходов на жилищно-коммунальное хозяйство Воркуты, что выражается в ежегодной экономии средств регионального бюджета до 170 млн рублей. Строительство участка железнодорожной ветки Воркута – пос. Усть-Кара позволит приступить к разработке новых месторождений твердых полезных ископаемых восточной части Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции Республики Коми и Ненецкого автономного округа и соединит арктическое побережье с европейской частью России. Строительство автомобильной дороги Сыктывкар – Ухта – Печора – Усинск – Нарьян-Мар с подъездами к Воркуте и Салехарду на участке Печора – Воркута позволит соединить Ненецкий автономный округ с Республикой Коми и федеральной сетью автомагистралей, что повлияет на развитие Воркутинской и Ненецкой опорных зон. Кроме того, в случае реализации железнодорожного проекта «Северный широтный ход», который в перспективе должен соединить территории наиболее перспективных нефтегазовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа, воркутинский железнодорожный узел будет выступать связующим звеном по перевалке ресурсов в западном направлении. Реализация этого проекта обеспечит комплексное развитие Воркутинской опорной зоны и Ямало-Ненецкой опорной зоны. Благодаря расширению пропускной способности действующих и строительству новых железнодорожных линий, автомобильных дорог, модернизации сети арктических портов появится возможность увеличить и реструктуризировать объемы грузоперевозок по Северному морскому пути.

Проведенный анализ изменения окружающей среды от экономической деятельности и перспективы развития Арктической зоны г. Воркута свидетельствует не только о значительном прошлом экологическом ущербе, но и существенном влиянии использования природных ресурсов на здоровье человека и возможности коренного населения удовлетворять свои социально-экономические потребности в настоящем и будущем.

Вместе с тем неустойчивость природной среды, невосполнимость природного потенциала, а также проживание на территории коренных народов, ведущих традиционный образ жизни, предъявляют повышенные требования к формированию и реализации политики устойчивого развития для северных регионов.

Действующие формы взаимодействия корпораций с местными властями, основанные на заключение ежегодных экономических соглашений между корпорациями и местными сообществами, не обеспечивают ее устойчивое функционирование в среднесрочной, тем более, долгосрочной перспективе. В основе механизма, который позволяет учитывать интересы всех участников процесса и находить в каждой ситуации взаимоприемлемое решение, должен лежать принцип вовлеченности в лице субъектов федерации, муниципалитетов и местных сообществ при реализации всех проектов и программ на данной территории. Разнообразие условий и местных особенностей ставят вопрос «встраивания» северных территорий в современные

процессы освоения природных ресурсов и совместного управления ими. Требуется переход к управлению, в котором участвуют основные заинтересованные стороны, причем, в открытых и прозрачных формах. Необходимые атрибуты – это регулярность контактов и взаимодействия участвующих сторон, возможность мониторинга и оценки исполнения обязательств каждой стороной, наличие организационной структуры – исполнителя функций, включенных в данный механизм. Формирование такой системы управления в наших северных регионах находится на самой начальной стадии. Опыт совместного управления имеется во многих странах мира – не только в странах Западной Европы и Северной Америки, но и в странах Латинской Америки.

Регион является уровнем управления для понимания и оценки воздействий на окружающую среду. Региональная устойчивость должна определять задачи для кумулятивных воздействий и учета кумулятивных эффектов и последствий в более широком контексте экологических, экономических и социальных факторов и их влияние на здоровье населения и благополучие. При принятии управленческих решений это потребует компромисса между конкурирующими ценностями, касающимся экономики, экологии, общества и здоровья человека.

Цель развития региона определяется как оптимальное функционирование окружающей среды, экономики и населения. Для этого устанавливаются основные ценности проживающего коренного населения и их поддержка окружающей среды. Процесс достаточно сложный, чтобы однозначно идентифицировать и представлять сообщество или ценности региона. Поэтому с учетом особенностей региона необходима разработка системы критериев и индикаторов по устойчивому развитию, которые могут взяты за основу рекомендаций по структурированию процессов, оценке эффективности результатов управления и мониторинга процессов. Эти значения затем преобразуются в цели, которые являются отправной точкой для стратегического подхода для обеспечения устойчивого уровня человеческой деятельности в условиях как положительных, так и негативных кумулятивных воздействий.

Государственные и национальные перспективы экономического развития, биоразнообразия и культурного благосостояния могут также сыграть роль в постановке цели и в конечном счете принятия решений. Более полный учет ценностей требует учета перспектив развития культуры и системы знаний. Культура лежит в основе ценностей и играет важную роль для перспектив коренных общин и принятия компромиссных вариантов с точки зрения положительного и отрицательного воздействия. Коренные народы несут с собой уникальный взгляд на работу естественного мира и роли людей в этом мире, поэтому учет традиционных знаний является важным элементом интеграционной модели.

В рамках регионального управления на основе накопительного воздействия необходимо учитывать нормативные ограничения, чтобы гарантировать размеры последствий, которые не превышают допустимых уровней. Включение обязательных нормативных ограничений является ключевым и дифференцирующим элементом предлагаемой структуры управления. Нормативные ограничения должны пред-

ставлять контрольные значения для роста совокупных отрицательных воздействий в регионе, но не должны рассматриваться как ограничения на экономическое развитие. Такой подход является способом, который потенциально снижает неопределенность для инициаторов инвестиционных проектов по использованию природных ресурсов и является ориентиром в его экологических параметрах.

Интеграционный аспект управления является многогранным. Один вид интеграции – горизонтальный, при этом решаются вопросы о том, как объединить межотраслевой и междисциплинарный процессы, которые часто сталкиваются с укорежившимися организационными структурами и культурой знаний. Предложенная модель управления также включает в себя вертикальную интеграцию, которая связывает различные типы знаний. При оценке кумулятивного воздействия вертикальной интеграцией оценивается вклад научных и традиционных местных знаний. Без эффективного управления на принципах открытости, адаптации и прозрачности теряются все преимущества интеграции, или они будут не полностью реализованы.

Применение принципов и элементов при интеграционной модели управления регионом на принципах устойчивого развития является основой для преодоления разрыва между людьми и их окружением. Большая часть предлагаемых элементов управления может применяться последовательно, выстраивая обсуждение поставленных целей и задач, для формирования эффективных структур управления в регионе. Такой подход отвечает широкому кругу интересов, удовлетворению нужд и потребностей местных сообществ, промышленности, правительства.

1. Князева Г.А., Князева Е.Б. Методологический инструментарий к оценке экологического ущерба в Арктической зоне // Материалы 14-й Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики, RSEE 2015/РОЭЭ 2017 (3–7 июля 2017 г., Петрозаводск).

2. Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации: Государственная программа РФ: Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 346 (в редакции постановления Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1064). URL: www.static.government.ru (дата обращения: 9.10.2017).

3. Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 20 февраля 2013 г. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.09.2017).

4. Стратегия социально-экономического развития МОГО «Воркута» на период 2020 года // Официальный сайт администрации городского округа «Воркута».

5. The Integration Imperative. Cumulative Environmental, Community and Health Effects of Multiple Natural Resource Developments. Gillingham, M.P., Halseth, G.R., Johnson, C.J., Parkes, M.W. (Eds.). Springer International Publishing Switzerland. 2016.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, проект № 16-12-11022 «Комплексная оценка накопленного экологического ущерба и устойчивое развитие Арктической зоны»

Д.В. Колечков,
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ФОНДА СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

В результате действия внешних ограничительных мер со стороны некоторых зарубежных стран обострились проблемы эффективного использования финансовых ресурсов страны, в том числе и в сфере социальной защиты населения. В результате этого сократились источники финансирования экономических и социальных программ, так как уменьшились налоговые поступления в бюджеты всех уровней. Ухудшение экономических условий актуализирует исследования проблем эффективности существующей системы социальной защиты.

В настоящей статье рассматриваются вопросы формирования и использования Территориального фонда социального страхования (ТФСС) Республики Коми, который является важным звеном в сфере социальной защиты населения. Анализируемый период времени 2010–2016 гг. В качестве информационной базы были использованы отчеты об исполнении ТФСС Республики Коми.

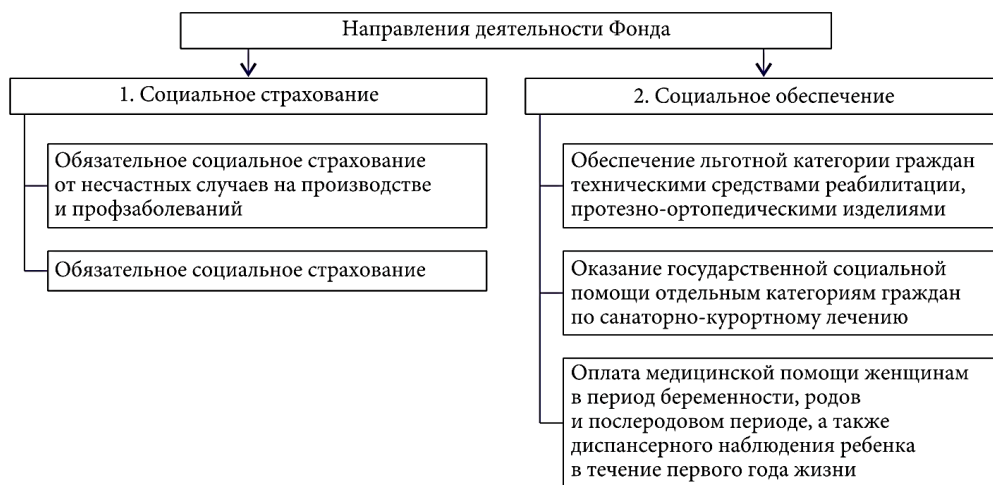

Рисунок 1. Перечень основных направлений деятельности ФСС

Важное место в реализации социальных гарантий граждан занимает Фонд социального страхования РФ. Он представляет собой специализированную структуру, обеспечивающую функционирование всей многоуровневой системы государ-

ственного социального страхования. Фонд финансирует выплату пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, при рождении ребенка и ежемесячного пособия до достижения ребенком возраста полутора лет, а также пособий на погребение умерших. Кроме того, Фонд финансирует санаторно-курортное обслуживание работающих и членов их семей, детскую летнюю оздоровительную кампанию. Основные направления деятельности Фонда представлены на рисунке 1.

В 2000 г. Фонд начал выплаты по возмещению вреда пострадавшим на производстве в рамках обеспечения нового вида страхования, введенного Федеральным законом РФ от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [6]. С 1 января 2005 г. на Фонд возложено выполнение Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ [4] в части обеспечения граждан – получателей социальных услуг путевками на санаторно-курортное лечение за счет средств Фонда социального страхования РФ. Согласно Федеральному закону № 771-ФЗ, на Фонд также возложена задача обеспечения инвалидов, отдельных категорий граждан из числа ветеранов техническими средствами реабилитации, протезами и протезно-ортопедическими изделиями за счет средств федерального бюджета. Также одной из функций Фонда является финансирование по родовым сертификатам [7]. Основной задачей Фонда является обеспечение гарантированных государством пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам женщинам, ставшим на учет в ранние сроки беременности, при рождении ребенка, а также по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Бюджет Фонда и отчет о его исполнении утверждаются федеральным законом, а бюджеты региональных и центральных отделений и отчеты об их исполнении после рассмотрения правлением Фонда утверждаются его председателем.

Прежде чем перейти к анализу деятельности ФСС Республики Коми, необходимо дать краткую характеристику общей системы. Замена ЕСН на страховые взносы, отмена регрессивной шкалы налогообложения, отмена специальных налоговых режимов для целей обязательного социального страхования дали положительные результаты: возврат к страховым принципам формирования целевых фондов денежных средств (возможность соотнесения размера страховых выплат с объемами уплаченных страховых взносов), установление единого для всех работодателей порядка исчисления и уплаты страховых взносов, частичное упрощение процедуры исчисления страховых взносов (взносы начисляются до достижения доходов работника предельной облагаемой базы нарастающим итогом с начала года), аккумулярование страховых платежей непосредственно на счетах страховщика, повышение ответственности как страхователя, так и страховщика.

При этом выявлены и существенные недостатки. Во-первых, это низкий порог установленной предельной облагаемой базы для начисления страховых взносов. Причём при определении предельной облагаемой базы не учитываются региональные особенности субъектов РФ, в связи с чем не применяется районный коэффици-

ент. Это приводит к тому, что северные, южные, дальневосточные районы Российской Федерации имеют один и тот же уровень компенсации утраченного дохода.

Во-вторых, не начисляются взносы на выплаты по договорам гражданско-правового характера. Работники, осуществляющие трудовую деятельность по договорам гражданско-правового характера, никаких выплат в случае временной нетрудоспособности не получают, что фактически означает нарушение их конституционных прав.

Далее, ФСС является страховщиком по двум видам обязательного социального страхования: на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [5], от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний [6].

В настоящее время отсутствует возможность проведения взаимозачетов по данным видам страхования, которая особенно важна для организаций, испытывающих финансовые сложности. Как правило, у проблемных страхователей накапливается долг по взносам по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, в результате чего появляется недоимка и начисляется пеня, а по обязательному социальному страхованию по временной нетрудоспособности и в связи с материнством, наоборот, задолженность ФСС за счет превышения расходов над взносами. Взаимозачет мог бы реально снизить задолженность как страхователя перед Фондом, так и Фонда перед страхователем [2].

За период 2010–2016 гг. изменение доходной и расходной части бюджета ФСС Республики Коми имело равнонаправленную динамику. В номинальном измерении доходы и расходы фонда увеличились в 2016 г. относительно 2010 г. в 1,5 и 1,3 раза, соответственно, в реальном (проиндексированные на уровень инфляции) – на 5,5 и 18,4%, соответственно. Доля доходов фонда в валовом региональном продукте на протяжении исследуемого периода находилась в пределах 0,8–0,9%. (рис. 2).

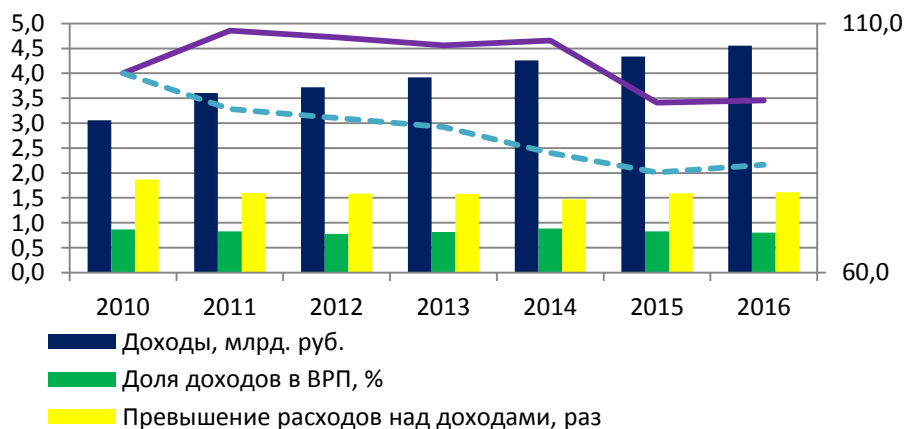

Рисунок 2. Динамика основных финансовых показателей ТФОМ в Республике Коми за 2010-2016 гг.

* Здесь и далее рассчитано автором с использованием данных ЕМИСС <https://www.fedstat.ru/>

Следует отметить, что в реальном измерении в 2011–2016 гг. доходы ФСС Республики Коми имели разнонаправленную динамику. Между тем расходы, за исключением 2016 г., постоянно снижались. Данный факт говорит о некоторых балансовых диспропорциях в Фонде региона. Об этом же свидетельствует и показатель превышения расходов над доходами, который до 2014 г. имел тенденцию к снижению, однако далее ситуация изменилась в худшую сторону. Такие перекосы свидетельствуют о низкой финансовой устойчивости и разбалансированности ФСС региона.

Тенденция дефицита бюджета ФСС в целом по России обозначилась уже с 2001 г. Исключение из системы обязательного социального страхования различных категорий работников, поэтапное сворачивание определенных видов деятельности, ограничение выплат по ряду обязательств – все эти и другие меры не позволили обеспечить сбалансированность финансовых ресурсов и обязательств Фонда по настоящее время [2].

Общая сумма доходов ФСС Республики Коми в 2016 г. составляла 4,6 млрд руб. В структуре поступлений наибольший удельный вес приходится на страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, величина которых увеличилась с 68,6% в 2010 г. до 74,5% в 2016 г. (рис. 3).

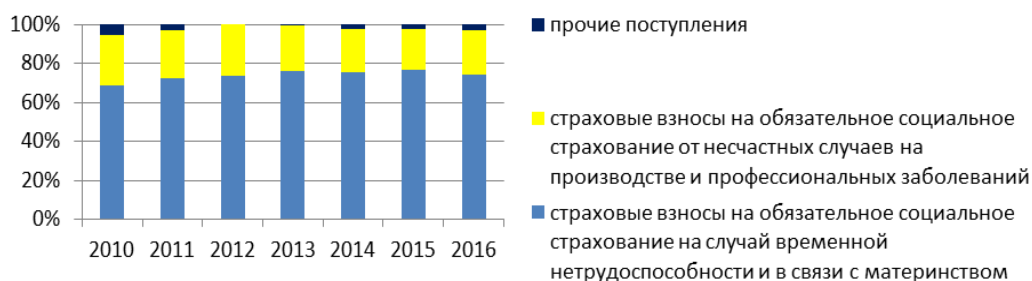

Рисунок 3. Структура поступления средств в ФСС Республики Коми за 2010–2016 гг.

В целом доходная часть бюджета ФСС Республики Коми формируется за счет страховых взносов организаций на социальное страхование, поступающая напрямую в Фонд. Раньше к ним относился единый социальный налог и взносы на страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. С 2010 г. единый социальный налог отменен, преобразован в страховые взносы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Поскольку тариф страховых взносов в ФСС остается неизменным – 2,9%, постольку и динамика доходов по единому социальному налогу и страховых взносов стабильна и на протяжении исследуемого периода колеблется в пределах 97–99%. Для справки: согласно закона №212-ФЗ [6] совокупная величина страховых тарифов составила 34% и применялась с 1 января 2011 года (в 2010 году – 26%). Структура тарифов выглядела следующим образом: Пенсионный фонд РФ (ПФРФ) – 26%; Фонд соци-

ального страхования (ФСС) – 2,9%; Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС) – 2,1%; Территориальный фонд обязательного медицинского страхования (ТФОМС) – 3%. Позже в 2012 году страховые взносы были снижены на 4% и распределились следующим образом: ФСС – 2,9%; Пенсионный – 16% и 6%; ФФОМС – 2,1%; ТФОМС – 3%.

Расходы ФСС Республики Коми в 2016 г. составили 7,3 млрд руб., их структура за 2010–2016 гг. представлена в таблице 1.

Таблица 1

Структура расходов ФСС Республики Коми за 2010–2016 гг. (в %)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Израсходовано средств – всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
социальное обеспечение населения – всего	96,8	96,1	95,8	95,7	95,7	96,0	96,5
в том числе:							
обеспечение инвалидов техническими средствами реабилитации	2,1	3,6	4,3	3,4	3,1	3,6	3,4
пособия по беременности и родам	8,9	9,9	10,8	9,6	10,9	11,0	10,6
на оплату медпомощи женщинам в период беременности, родов и в послеродовом периоде	2,0	2,0	2,1	2,0	1,9	1,6	1,5
пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет гражданам, не подлежащим обязательному социальному страхованию	4,4	4,6	4,7	5,0	-	-	-
пособия по временной нетрудоспособности по обязательному социальному страхованию	35,3	28,5	25,5	25,9	28,2	29,3	30,3
ежемесячные страховые выплаты	24,8	26,0	26,5	26,7	27,7	26,4	26,3
пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию	11,1	12,8	13,0	13,9	14,4	14,7	14,9
средства на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию пострадавших, обеспечение предупредительных мер по сокращению произв. травматизма и профзаболеваний	3,3	3,6	3,9	4,3	4,7	4,6	4,4
прочие расходы	4,9	5,1	5	4,9	4,8	4,8	5,1
деятельность органов управления фонда	3,2	3,9	4,2	4,3	4,3	4,0	3,5

Структура расходов ФСС состоит из двух компонентов – расходов на социальное обеспечение населения и деятельность органов управления фондом. Доля первых составляет 96,5% и на протяжении исследуемого периода остается практически неизменной. Среди расходов на социальное обеспечение наибольший удельный вес занимают пособия по временной нетрудоспособности по обязательному социальному

страхованию, которые снизились с 35,3% в 2010 г. до 30,3% в 2016 г. Существенную долю занимают и ежемесячные страховые выплаты, доля которых в общих расходах в 2016 г. составила 26,3%, увеличившись по сравнению с 2010 г. на 1,5 п.п.

Эффективность финансовой деятельности государственных социальных внебюджетных фондов можно оценить путем соотнесения результата деятельности фондов (финансирование целевых социальных выплат в соответствии с утвержденным бюджетом) с транзакционными издержками фондов. Последние представляют собой расходы на регистрацию страхователей и застрахованных, контрольно-ревизионную, планово-экономическую деятельность фондов, административно-хозяйственные расходы, то есть расходы на осуществление исполнительской деятельности данных структур [3, с. 173].

Разница между ресурсами и выплатами по социальному страхованию составляет объем транзакционных издержек, величина которых с 2011 по 2014 гг. имела тенденцию к росту, затем до 2016 г. Она снижалась и составила 3,5%.

Таким образом, краткий анализ финансовой устойчивости ФСС Республики Коми за 2010–2016 гг. выявил его несбалансированность и неустойчивую структуру. Для решения данных проблем необходим ряд мер.

Во-первых, целесообразно установить на законодательном уровне разделение ответственности по уплате страховых взносов между работником и работодателем с одновременным увеличением заработной платы работников на сумму предстоящих страховых выплат. В настоящее время страховую нагрузку несут исключительно работодатели, между тем, как для европейских стран характерно распределение страховой нагрузки между работодателем и работником в пропорции 0,75:0,25.

Во-вторых, для обеспечения финансовой устойчивости системы социального страхования необходимо создание нормативно-методической базы, определяющей порядок и условия направления федерального ФСС финансовых средств в региональные ФСС на указанные цели.

Динамика доходов и расходов ФСС Республики Коми свидетельствует о низкой эффективности их деятельности: недостаточном уровне страхового возмещения при одновременном сокращении собственных финансовых ресурсов и росте административных затрат страховых организаций.

Сложившиеся тенденции в области финансового обеспечения ФСС региона в среднесрочной перспективе приведут к обострению ситуации в уровне защиты населения от социальных рисков, особенно в области социального страхования. Совершенствование финансовой деятельности Фонда должно быть направлено на развитие страховых начал в целях увеличения страховых выплат и сохранения финансовой устойчивости страховой системы.

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>.

2. Касачева О.В. Обеспечение сбалансированности финансовых потоков фонда социального страхования Российской Федерации на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2(18).

3. Леонтьева А.Г. Устойчивость социального страхования как условие эффективной социальной защиты населения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 11.

4. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов”»: Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. от 28.12.2016).

5. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 01.05.2017).

6. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 28.12.2016)

7. Официальный сайт Фонда социального страхования Российской Федерации. URL: <http://www.fss.ru>.

Н.А. Корепанов,

*к.э.н., доц. кафедры экономической теории и корпоративного управления,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Каким Север предстанет перед будущим поколением – зависит от понимания необходимости бережного отношения к этой земле, людям, сопричастности каждого к этой проблеме.

В.А. Витязева

Особенности северных районов, обусловленные наличием стратегических сырьевых ресурсов, требованиями особой надежности инфраструктурных систем жизнеобеспечения населения и производства в суровых природно-климатических условиях, накопившимися социально-экономическими и экологическими проблемами, определяют степень гражданской и государственной ответственности за положение дел на этих территориях.

Северные территории Российской Федерации – стратегический резерв и опора для развития экономики и социальной сферы государства. Север РФ занимает 11,4

млн км² площади страны, где постоянно проживает более 10 млн человек. На северные территории приходится почти 80% запасов всех полезных ископаемых. Здесь созданы и функционируют крупные промышленные комплексы с необходимой социальной инфраструктурой по добыче и переработке природных ресурсов, продукция которых является важнейшей составной частью экономики и основой экспортного потенциала России.

Север является глобальным экологическим и стратегическим резервом не только России, но и всей планеты. В этом регионе находится около трети экологически чистой территории Земли.

Проблемы развития Севера РФ обусловлены двумя основными причинами: во-первых, это факторы объективного характера, суровые климатические условия, малая численность населения, неразвитость инфраструктуры и т.д. и, во-вторых, это отсутствие единой политики федерального государства в отношении Севера. Последнее усугубляет кризисные явления в северных регионах в изменившихся институциональных условиях.

Развитие экономики и социальной сферы Севера в рыночных институтах невозможно без активной регулирующей роли государства, без государственной поддержки.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны на период до 2020 года предполагается развитие научно-технического и образовательного потенциала крупных городских агломераций с высоким качеством среды обитания и человеческим потенциалом, динамичной инновационной и образовательной инфраструктурой. Однако развитие многих городов Севера выпадает из тренда. Правительству РФ *необходимо рассмотреть инициативу представителей северных регионов по организации единого экономического пространства Севера, на основе создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) с особыми условиями регулирования.*

В упомянутой выше «Концепции» и Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу на северные регионы возлагается миссия финансово-экономической поддержки перехода страны на инновационный путь развития. Успешное выполнение этой миссии зависит от социально-экономического развития самих северных регионов, от создания благоприятных экологических условий, позволяющих человеку достойно жить и работать на Севере.

Для достижения целей развития северных регионов на основе всестороннего учета экологического фактора, необходима единая стратегия развития, учитывающая особенности каждой территории. Разработка и реализация Стратегии развития Российского Севера позволила бы в полной мере, использовать принцип экологизации экономики, невостребованные при разработке стратегий развития отдельных территорий севера.

Таким образом, ***принятие стратегии развития северных регионов России является очевидным и необходимым.*** Она позволила бы определить пути разви-

тия Севера не только как источника сырья, но и как территорий, интенсивно развивающихся за счет эффективного использования всех имеющихся ресурсов с учетом экологического фактора.

Главная идея Стратегии – богатейший ресурсный потенциал северных регионов должен обеспечить рост благосостояния ее жителей и при этом не нарушать экологическое равновесие.

Аналитический материал свидетельствует – экономическая система в целом есть система производства, распределения и потребления товаров и услуг. В рамках данных процессов постоянно происходит взаимодействие общества и природы. Таким образом, производство и потребление линейно связано с использованием природных ресурсов и воздействием на окружающую среду. Любое экономическое решение также оказывает влияние на окружающую природную среду в самом широком смысле этого понятия.

По мере усложнения функционирования экономических систем, увеличения производства и потребления роль природного (экологического) фактора постоянно усиливается, расширяя свои границы.

Анализ традиционных моделей экономики (рыночной, плановой, административно-командной и т.д.) свидетельствует о недооценке и игнорировании экологического фактора, всей совокупности функций природного капитала. Как правило, оценивается только обеспечение человека природными ресурсами, а экологические услуги не имеют цены. Данное положение явилось источником глобальных экологических проблем, экономический ущерб от которых огромен, а в будущем может принять угрожающие размеры (например, проблема изменения климата, наводнения и лесные пожары и т.д.).

Именно так, долгие годы шло развитие Севера, вследствие чего, активное освоение природно-ресурсного потенциала северных территорий привело к техногенному загрязнению окружающей среды.

На наш взгляд, ***изменение ситуации на Севере в направлении достижения экологического равновесия во многом определяется деятельностью органов управления всех уровней при решении ими экономических и социальных задач.*** Это принципиальное положение должно стать руководством к практической деятельности органов исполнительной власти всех уровней. При этом, особое значение приобретает решение задачи согласования интересов и целевых установок всех уровней государственного управления, корпораций, местных сообществ, граждан.

В тех случаях, когда правительство сохраняет за собой природный капитал (недра, леса, земля и др.), следует ***законодательно утвердить процедуру общественных консультаций с гражданами*** проживающих на конкретной территории до начала осуществления или до выдачи разрешения на осуществление любых проектов, связанных с эксплуатацией природных ресурсов. Цель – выяснить потенциальный экологический ущерб от хозяйственной деятельности и как следствие возможность реализации проекта.

Значительные масштабы территории Севера России и существенные отличия северных регионов друг от друга делают, необходим принятия дифференцированного подхода к учету их экологических особенностей. Представляется важным *провести научно обоснованное районирование по экологическим факторам Севера России*, что, безусловно, положительно скажется на учете особенностей системы управления развитием регионов Севера, а также при подготовке сопровождающей нормативно-правовой базы.

В контексте рассматриваемой темы, разумно вспомнить *четыре основных закона экологии*, сформулированные видным американским ученым Барри Коммонер.

Все связано со всем. Экосистема состоит из множества взаимосвязанных частей, где одна воздействует на другую. Она стабилизируется благодаря своим динамическим самокомпенсирующим свойствам, которые могут быть нарушены под влиянием внешних перегрузок.

Все должно куда-то деваться. Материя не исчезает. В природе не существует такой вещи, как «мусор», отходы одних организмов служат пищей другим. Одна из главных причин современного экологического кризиса состоит в том, что огромные количества веществ извлечены из земли, преобразованы в новые соединения и рассеяны в окружающей среде без учета того факта, что «все куда-то девается». И эти соединения накапливаются в тех местах, где их быть не должно.

Природа знает лучше. Одной из наиболее характерных особенностей современных технологий является представление, что они призваны «улучшить природу» – обеспечить такие товары и услуги, какие природа не может предоставить. Между тем крупное антропогенное изменение экологической системы вредно для нее.

Ничто не дается даром. В экологии, так же как и в экономике, всякая вещь чего-то стоит. Глобальная экосистема представляет собой единое целое, в рамках которого ничего не может быть выиграно или потеряно и которая не может являться объектом всеобщего улучшения. Все, что было извлечено из нее человеческим трудом, должно быть возмещено.

В этих основных законах экологии, по сути, сформулированы причинно следственные связи существующих экологических бед. Все это обязывает полномочные органы государственной власти выработать превентивные меры по минимизации, а в перспективе устранения причин вызывающих экологическое напряжение.

Однако с переходом к рыночным преобразованиям возобладал подход минимизации государственного участия в регулировании экономического и социального развития Севера в части надзора за экологической безопасностью хозяйственной деятельности, что на наш взгляд нельзя признать верным и отвечающим общегосударственным интересам. Более того, наблюдаются процессы, когда федеральные органы власти проявляют стремление еще более ослабить, и без того недостаточный надзор за экономическим поведением компаний.

Под «флагом борьбы» с административными барьерами, что вполне оправдано, законодательно установлен порядок проведения контрольно-надзорных мероприятий за законностью природопользования и охраны окружающей среды, доведенный

до абсурда. В настоящее время проверка деятельности природопользователей со стороны государства осуществляется раз в три года, что позволило значительной части бизнеса вольно относиться к требованиям законодательства по обеспечению рационального пользования природными ресурсами и охране окружающей среды. Как следствие – отсутствие положительной динамики в обеспечении экологической безопасности на российском пространстве и, особенно в северных регионах.

При этом ***федеральный законодатель так и не сформировал адекватных времени правовых условий, обеспечивающих защиту интересов территорий*** при принятии корпорациями стратегических решений, которые могут повлечь серьезные экологические последствия, связанных с разработкой природных богатств Севера.

Следует осознать, что «бесплатная» природа оказывается очень дорогой для человека, если адекватно не учитывать ее функции и услуги, которыми мы пользуемся.

Роль регионов Севера будет еще больше возрастать в связи с тем, что на этой территории располагается значительный природно-ресурсный потенциал, необходимый для обеспечения устойчивого развития страны. В связи с чем ***необходим тщательный анализ проводимых институтами государственной власти мер по обеспечению экологической безопасности и рациональному природопользованию в регионах Севера***, а также пересмотр роли и ответственности государства по обеспечению законности природопользования и сохранения благоприятной для проживания окружающей среды с опорой на общественные организации и активную часть граждан.

Перспективы России, обеспечение ее национальной безопасности в значительной степени зависят от того, насколько комплексно и эффективно будут использованы природно-ресурсный, экономический и интеллектуальный потенциалы северных территорий в сочетании с решениями экологических проблем территории.

Действующую модель эколого-экономического развития экономики России можно определить как модель техногенного типа экономического развития, то есть без учета экологических ограничений. Характерными чертами данного типа развития является истощающее использование невозобновимых видов природных ресурсов (полезные ископаемые) и сверхэксплуатация возобновимых ресурсов (почва, леса и пр.). Порождая экологические проблемы, истощая невозобновимые ресурсы, загрязняя окружающую среду и т.д., ***нынешнее поколение человечества создает огромные экологические, экономические, социальные проблемы для потомков***, сокращая их возможности удовлетворять собственные нужды.

Особенность сегодняшнего дня – переход к новой модели развития экономики в целом и северных регионов России в частности.

Современные эколого-экономические реалии показывают необходимость смены сложившегося техногенного типа развития на устойчивый экологосбалансированный тип. Для создания принципиально новых эколого-экономических проектов в различных сферах экономики необходима разработка ***концепции экологизации экономического развития***. Для этого требуется кардинальное изменение приори-

тетов и целей для всей экономики и ее отраслей. Нужен пересмотр направлений структурной и инвестиционной политики, научно-технического прогресса и подготовки современных кадров. Необходимы и соответствующие рыночные регуляторы для таких изменений.

В настоящее время у нас нет ни научного обоснования, ни четкого критерия – сколько нужно брать у природы. Имеющиеся программы ориентируют российскую экономику на увеличение или сохранение ресурсопотребления в природной среде, что еще больше обостряет экономическую и экологическую ситуацию.

Как нам представляется, *важным в экологизации экономического развития, выработке интенсивного и одновременно сберегающего подхода к природопользованию является необходимость ориентации на конечные результаты*. Для этого нужно программировать и регулировать общественное производство не от природных ресурсов, от того, сколько их можно использовать, а, наоборот, от потребителя к ресурсам. Построение такой взаимосвязи позволяет оценить резервы в каждом ее звене и выявить огромные резервы природных ресурсов, которые сейчас используются нерационально.

В этой связи большое значение отводится природоёмкости. В данном контексте показатель природоёмкости определяется отношением объемов используемых природных ресурсов и конечной продукции, полученной на их основе.

Уменьшение природоёмкости должно органически увязывать два процесса в народном хозяйстве: определенную стабилизацию потребления природных ресурсов, с одной стороны, и рост макроэкономических показателей (выпуска продукции) за счет совершенствования технологий и техники, внедрения малоотходного и ресурсосберегающего производства, использования вторичных ресурсов и отходов – с другой.

В этом и определяется главный вектор развития экономики в целом и регионов Севера России в частности с учетом экологического фактора.

Универсальных рецептов на данном пути нет, но есть осознанная потребность использования имеющихся преимуществ каждого конкретного северного региона в рамках единых для всех правил игры в целях обеспечения устойчивого развития Севера на принципах экологической безопасности и сохранения окружающей среды для комфортного проживания как нынешнего, так и будущих поколений.

1. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. М., 2003.
2. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: пособие для вузов М.: Юнити 2007.
3. «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Севера» 28 апреля 2004 года: доклад // Заседание президиума Государственного совета № 36 «Основные направления государственной политики в отношении северных территорий России.
4. Домнина И., Маркова Н., Монахова Т. Государственное регулирование в регионах Севера // Экономист. 2001. – № 3.

5. Колтынюк Б.А., Федоров Д.М. Проблемы социально-экономического развития регионов Крайнего Севера в условиях кризиса // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. № 2(30).

6. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера / утвержд. постановлением Правительства России от 7 марта 2000 года № 198.

7. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Рос. Федерации от 1 апреля 1996 № 440. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

8. Корепанов Н.А., Шихвердиев А.П. Экологическая ответственность бизнеса в условиях ВТО // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ корпоративного права, управления и венчурного инвестирования СыктГУ. URL: <http://vestnik-ku.ru/>. 2011. № 4.

9. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: постановление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 18 сентября 2008 года.

10. Постановление Совета Министров СССР от 3 января 1983 г. № 12 / под ред. Постановлений Правительства РФ от 18.04.1994 № 586, от 24.07.2007 № 245.

11. О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года: Распоряжение правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р.

12. Чалов В.И. Арктика в судьбе России // Экономика региона: от антикризисного к устойчивому развитию. М.: РАГС, 2003.

Н.А. Корепанов,

к.э.н., доц. кафедры экономической теории и корпоративного управления;

Л.В. Чальшева,

*к.б.н., доц. кафедры естественнонаучного образования
института естественных наук,*

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРА

Природа побеждается только
подчинением ей.

Ф. Бэкон

Развитие Севера России неоднократно сопровождалось вызовами локального и общемасштабного (глобального) характера, обусловленного противостоянием окружающей среды и человеческого общества. Прежде всего это связано с характером наступления человека на легкоранимую северную природу, ее видоизменением

и разрушением. Изменяясь, окружающая среда так же воздействует на человека, поскольку человек, являясь биологическим существом, зависит от среды своего обитания, и, разрушая ее, он ставит под вопрос свое дальнейшее существование.

Таким образом, сформировавшиеся экологические вызовы человечеству, под которыми, по нашему мнению, следует понимать явления общемасштабного характера, связанные с изменениями окружающей среды, воздействие которых на общество носит отрицательный характер, затрудняют нормальное развитие России и сопредельных государств и ставят под угрозу само существование человеческой цивилизации.

Современные глобальные экологические вызовы по своей сути субъективны.

На наш взгляд, наиболее опасными современными глобальными экологическими вызовами человечеству являются следующие.

Рост численности проживающего на планете населения. Данный вызов предопределяет рост производства и интенсификацию использования природных ресурсов, в результате чего возможны их исчерпаемость и исчезновение. При жизни только одного поколения, человечество возросло количественно в 2,5 раза и достигло численности порядка 7,5 млрд. Противоречие между ростом народонаселения и удовлетворением его материально-энергетическими ресурсами, с одной стороны, и ограниченными возможностями естественных экосистем – с другой, носят неразрешимый характер.

Нарастающий экологический кризис и его последствия. Современный характер экологического кризиса следует рассматривать как нарушение равновесия в экологических системах и в отношениях человеческого общества с окружающей средой, что фактически является угрозой существования человека.

Обратим внимание на этот вызов с позиций того, что человечество вступало в период научно-технической революции, приступило к постиндустриальной стадии развития, массово стали внедряться высокие технологии.

Быстрый рост промышленности остро ставит проблему сырьевых ресурсов. На первом месте по росту потребностей и по увеличению дефицита стоит пресная вода. 71% всей поверхности планеты занято водой, однако пресная вода составляет лишь 2% общего количества, и почти 80% пресной воды находятся в ледовом покрове Земли. Запасы нефти, угля, газа, железных руд и цветных металлов, горючих ископаемых и иных минерально-сырьевых ресурсов сокращаются. Тем не менее процесс жизнеобеспечения в свете экономического закона возвышения потребностей, требует значительного роста количества естественных природных ресурсов и возврата в окружающую среду катастрофического количества отходов.

Таким образом, необратимо усиливающийся процесс антропогенного и техногенного, высокотехнологического давления на окружающую среду реально затрагивает северные регионы России и в конечном счете приводит к экологическому кризису.

Экологический терроризм. Данный вызов для России и всего человечества обострился в начале XXI века и продолжает набирать свой потенциал.

Под экологическим терроризмом нами понимается совершение террористических действий посредством воздействия на окружающую среду. Наиболее тревожно и вероятно их совершение на экологически опасных объектах, к которым относятся электростанции, химические, нефтехимические и нефтеперегонные, металлургические, биотехнические предприятия; нефте-, газопроводы, а также военные объекты, содержащие радиоактивные и ядовитые вещества, их хранилища и свалки отходов и др.

Глобальные изменения климата планеты. Как нам известно, потепление климата на планете, по утверждению ученых, связано с загрязнением атмосферы. Данный факт никем не оспаривается. Так, углекислый газ пропускает лучистую энергию Солнца, но задерживает тепловое излучение Земли и тем самым создает «парниковый эффект». Содержание диоксида углерода в атмосфере непрерывно растет в результате загрязнения ее промышленными отходами, а также выхлопными газами автомобильного транспорта и от стационарных установок, от вырубки и сжигания лесов и др.

Парниковый эффект нарушает равновесное состояние климата планеты, изменяя направления ветров, количество осадков, океанские течения и размеры полярных ледниковых шапок. Важной частью атмосферы, влияющей на климат, защищающей все живое на Земле от излучения Солнца, является озоновый слой. Наблюдения за последнее время убедительно свидетельствуют о сокращении уровня озонового слоя, что вызвало рост интенсивности ультрафиолетовой радиации и, как утверждают ученые, увеличение заболеваний глаз и онкологических заболеваний, возникновение мутаций. Все это, как видим, обратилось в негативное давление, прежде всего на человека, а также мировой океан, фауну и флору.

Научные достижения последнего времени создали у нас иллюзию управляемости компонентами природы, однако хозяйственная деятельность человеческого общества, в основном экстенсивное использование природных ресурсов, огромные масштабы отходов, входит в противоречие с возможностями планеты. Ее ресурсный потенциал, способность самоочищения компонентов природы – атмосферы, земли, вод, рек, морей, океанов сокращается.

Воспроизводимая человеческая деятельность способна подорвать природное равновесие биосферы и поставить цивилизацию перед угрозой гибели.

В подавляющем своем большинстве причиной экологических бедствий становится не действия совершенных технологических средств или природных стихий, а непродуманная деятельность человека. Поэтому, на наш взгляд, важнейшим из стоящих перед человеческой цивилизацией экологических вызовов является повышение экологической культуры человека, экологическое образование и воспитание.

Экологические проблемы начинаются в головах людей.

Решение основных проблем природопользования в значительной степени зависит от уровня сформированности экологической культуры общества, в целом от уровня образованности. Ректор МГУ В.А. Садовничий в одном из своих выступле-

ний отметил, что снижение уровня и качества образования относится к одной из важнейших опасностей современного мира.

Образование в области охраны окружающей среды – наукоёмкий вид образования, так как экология давно стала метапредметной областью исследований. А многие воспринимают её лишь как науку о взаимоотношениях организмов. Низкий уровень преподавания (на всех уровнях) не способствует формированию интереса к данной научной области. Что уж говорить об изменении сознания?

На протяжении десятилетий классики педагогики отмечали, что сознание современников, несмотря на все попытки его экологизации, не стало более эгоцентричным. Современное общество – *общество потребления*. И характер негативного воздействия на природу зависит не только от уровня развития производства, степени экологичности его технологических процессов, но и от уровня сознательности простых граждан, использующих «плоды» этого производства.

Усилия мирового сообщества направлены на реализацию Концепции устойчивого развития. Прошло уже более 30 лет с момента принятия Концепции. Однако мало что изменилось в лучшую сторону.

Сегодня система образования должна опережающе готовить молодёжь к жизни в условиях надвигающегося экологического кризиса. В то же время около 2/3 взрослого населения страны не охвачены никакими формами дополнительного образования и просвещения. А студенты, совмещая в период обучения учёбу с работой, имеют брешы в знаниях. Образование в области охраны окружающей среды до сих пор воспринимается как некий «довесок» к основной специальности, как нечто необязательное. Видимо, отчасти по причине некомпетентности специалистов, которые осуществляют данную миссию.

Образование следует рассматривать как фактор, способствующий устойчивому экономическому росту, решающий глобальные инновационные проблемы, связанные с качеством среды обитания, с качеством и продолжительностью жизни граждан и обеспечением экономической безопасности нашей страны.

Период полураспада естественнонаучных знаний (время, за которое знания устаревают примерно на половину) в настоящее время сократился до 4–5 лет. В связи с этим всё большее значение приобретает идея «*образование через всю жизнь*». Только в таком виде образование в области окружающей среды и природопользования позволит не только организовать эффективную экологическую политику, но и позволит людям справиться с множеством современных экологических вызовов.

Знание – мощное оружие в деле выживания. Не случайно в конце XX века знания стали использоваться государствами для наращивания своей экономической мощи. Именно тогда в широкий обиход вошли такие понятия, как «ноу-хау», «секрет фирмы».

Невозможно не согласиться с тем, что цель образования (идеальный образ будущего результата) – «формирование свободной и ответственной личности, способной конструктивно работать в проблемных ситуациях, сочетающей профессио-

нальную компетентность с гражданской ответственностью, обладающей должным мировоззренческим кругозором и нравственным сознанием» (Швырёв, 1995).

Как заметил блестящий историк В.О. Ключевский, «науку часто смешивают со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, т.е. умение пользоваться знанием».

Так можно ли разрешить экологические проблемы, порождённые современной цивилизацией, современными механизмами природопользования, не меня базисной системы ценностей?

Доктор философских наук профессор Н.В. Мотрошилова в статье «Варварство как обратная сторона цивилизации» (2006) отмечает, что в современное время идёт «соревнование» экологического варварства и ещё слабых ростков, механизмов нового экологического сознания, требующего не только выработки, но и массового соблюдения принципов экологической цивилизованности в каждом шаге человеческой жизнедеятельности». Поэтому важно направлять усилия не на «тушение пожаров», а на недопущение появления таких «очагов». И роль просветительской деятельности в этом аспекте сложно переоценить.

Нами была предпринята попытка выявить некоторые аспекты, связанные с отношением граждан республики, одной из субъектов Севера России, к проблемам окружающей среды. Результаты исследования заставляют задуматься. Согласно проведённому исследованию, население проявляет озабоченность состоянием окружающей среды лишь в аспекте отрицательного влияния этой среды на здоровье людей (78%). Остальные стороны негативных преобразований в природе волнуют немногих респондентов.

2017 год объявлен в России Годом экологии и Годом особо охраняемых природных территорий. Что знают наши граждане об этих территориях, о правилах поведения на них? Результаты анкетирования печальны. В перечень ООПТ были включены и лесничества, и лосеферма, и даже теплицы (?).

Крайне узок круг людей, имеющих корректные знания об основных типах охраняемых природных территорий. Если перечислить основные типы ООПТ смогли более 60% опрошенных, то объяснить, в чём же особенности тех или иных типов территорий, смогли только 20 человек из опрошенных 1360!

Как решить проблему, как устранить такие чудовищные пробелы в образовании? Вот что об этом думают наши респонденты.

Около 70% считают, что важную роль в пропаганде экологических знаний, в расширении кругозора населения должны сыграть специальные печатные издания (66,2%), фильмы (44,2%). Вклад остальных средств воздействия на умы и чувства (радио, газеты, выставки...) – менее 2% каждый. Этим, вероятно, объясняется отсутствие аншлагов на выставках. Популярными в последнее время всевозможные акции по очистке территорий стоят всё в том же ряду – около 2% респондентов полагают, что таким образом можно «пробудить» экологическое сознание.

Одна из задач данного исследования состояла в том, чтобы выявить мотивы эколого-познавательной деятельности молодёжи и выявить иерархию этих мотивов.

На вопрос «Что вызывает у вас потребность заниматься экологической деятельностью?» 65% ответили «требования учителей». Ответ «Осознание личной сопричастности к делу охраны природы» выбрали только 4% респондентов, 15% ответили – «Пример других людей».

Кто же должен взять на себя бремя эколого-просветительской деятельности?

В ответе на этот вопрос мнения разделились: 38% – школа, по 14% – вузы и СМИ, около 6% – общественные организации и дошкольные образовательные учреждения, 24% затруднились в выборе ответа. Крайне низко была оценена роль библиотек – всего 2,9%. Однако этот показатель скорее вскрывает иную проблему: а часто ли современная молодёжь их посещает?

Представленные результаты – лишь небольшая часть исследования, вскрывающая ряд негативных тенденций, связанных в проблемами экологического просвещения в нашем северном регионе. Решение их – задача непростая. Но именно от устранения этих недостатков будут зависеть наши будущие экономические успехи, мощь и процветание республики. Экологические кризисы – это не только угроза дикой природе. Как отмечал Л. Колдуэлл, «главное заключается в том, что мы должны изменить в себе, чтобы выжить».

Всем без исключения *требуется осознать важность неразрывности экономики и экологии, их взаимозависимость как основы гармоничного устойчивого развития Севера и общества в целом.* Эти базовые основы современного развития общества необходимо принять, пропагандировать и реализовывать, добиваясь конечных результатов.

1. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М.: Прогресс-традиция, 2000. 416 с.
2. Корепанов Н.А. Экологические аспекты устойчивого развития северного региона: сборник материалов научно-практической конференции в рамках XII Международного северного социально-экологического конгресса (Москва – Сыктывкар, 2 апреля 2016 года) : в 2 ч. Ч. 2. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 180 с.
3. Мицель А.А. Дистанционное образование как составляющая процесса формирования единого образовательного пространства // Открытое образование. 2000. № 2.
4. Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник экологического образования в России. 2006 № 1 (39).
5. Организационно-управленческие инновации: развитие экономики основанной на знаниях: Национальный доклад. URL: amr.ru/research/report.
6. Силвер Дж. Глобальное потепление без тайн / Дж. Силвер; [пер с англ и ред. Е.Г. Петровой]. М.: Эксмо, 2009. 336 с.
7. Фокин А.П. На грани катастрофы: загрязнение окружающей среды бытовыми и производственными отходами // РФ сегодня. 2011. № 14. С. 32–34.
8. Шварц Е.А. «Зеленые», бизнес и государство: как найти дорог у к устойчивому развитию // Природно-ресурсные ведомости. 2002. С. 2. URL: <http://www.gazeta.priroda.ru>
9. Швырёв В.С. Философия образования // Вопросы философии. 1995. № 1.

С.В. Кузнецов,
д.э.н., профессор,
директор Института проблем региональной экономики РАН;
Н.М. Межевич,
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник,
Институт проблем региональной экономики Российской Академии Наук,
г. Санкт-Петербург;
С.А. Ткачев,
к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления
Коми республиканская академия государственной службы и управления,
г. Сыктывкар

НУЖЕН ЛИ «ГЛАВСЕВМОРПУТЬ» РОССИИ XXI ВЕКА?

В начале XXI века геоэкономические процессы нарастают не только в ключевых зонах – Североамериканской, Европейской, Восточноазиатской, но и пространствах вне этих зон. Особую остроту они приобретают для тех территорий, которые пока ещё не входят ни в одну из них или находятся на их периферии. Россия, благодаря своему уникальному евразийскому пространству, «сама для себя является пространством мирового уровня» [3]. Как справедливо указывает В.Н. Лаженцев: «В настоящее время Россия дезинтегрирована. Это является следствием экономической политики в части выбора приоритета между внутренними и внешними рынками» [3]. В то же время созданные в советские и более ранние годы широтные транспортные структуры (Транссибирская магистраль, Байкало-амурская магистраль, нефтепроводная сеть «Дружба» и газопровод «Союз»), энергетическое сетевое хозяйство (наследие Единой энергетической системы) и морские коммуникации (Северный морской путь) обеспечивают определенного рода «сшивку» российского пространства.

Тем не менее существуют следующие ключевые вопросы.

Первое. Необходимо уточнить, какое научное и юридическое содержание мы вкладываем в наш предмет исследования, т.е. Северный морской путь (далее – СМП)?

Второе. Каков территориальный охват программы? Что мы понимаем под Арктической зоной Российской Федерации?

Третье. Возможен ли переход на «путь инновационного развития» региона СМП?

Четвертое. Как соотносятся Арктическая зона Российской Федерации и проектная территория СМП? Существует ли экономическая целесообразность подобного решения?

Пятое. Является ли диверсификация экономического профиля СМП самоцелью (или чисто академической проблемой)? Или предлагаемая модель реформирования работает на обеспечение какой-либо задачи территориального социально-экономического развития одного из ключевых регионов России?

Мы полагаем, что фрагментарность экономического пространства России определяется тем, что, несмотря на общую государственную территорию, существует несколько *геоэкономических пространств* внутри страны, которые в силу экономико-географических, историко-географических, экономико-технологических, транспортно-логистических и других факторов ориентируются на разные мировые геоэкономические зоны [4].

Для нашего исследования особое значение приобретают геоэкономическое пространство Арктического Севера, в состав которого входят Мурманская область, три северных муниципальных района Карелии, приарктическая зона Архангельской области, Ненецкий округ, северная часть Республики Коми и Ямало-Ненецкого округа, Норильско-Ванкорский регион и Таймырский муниципальный район Красноярского края, приморские улусы Республики Саха (Якутии) и Чукотский автономный округ.

Пространство Арктического Севера укладывается в концепцию Арктической зоны Российской Федерации или, проще говоря, Российской Арктики. В советские годы в Арктической зоне были созданы опорные центры горнодобывающей промышленности, которые в условиях плановой, закрытой экономики, способствовали освоению богатых минерально-сырьевых ресурсов этого региона, ориентированных на преимущественное использование в народном хозяйстве бывшего СССР.

В разные годы здесь были созданы крупные комплексы – горнодобывающие предприятия Норильского узла, Тимано-Печорский ТПК, Западно-Сибирский ТПК и др. Колоссальный потенциал, созданный в годы войны и усиленный в 1950-1970 гг., сегодня в рыночных условиях, обеспечивает реализацию внешнеэкономической политики Российской Федерации.

Однако по сравнению с рядом зарубежных государств, в Российской Арктике сформировалась особая система «очагового расселения» со значительным, несколько избыточным людским потенциалом, что стало очевидно в постперестроечный период, когда она превратилась в зону постоянной социально-экономической нестабильности. Особую озабоченность вызывает непрекращающейся механический отток населения, сокращение возможностей бюджетного финансирования социальных обязательств и снижение уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что только по семи городам Арктической зоны Европейского Севера России (Мончегорск, Ковдор, Никель, Ревда, Кировск, Воркута, Инта), представляющих собой промышленные центры экспортно-сырьевой специализации, зафиксировано «сокращение численности населения с 1989 по 2013 гг. на 42,3% (с 354 тыс. до 204,3 тыс., соответственно) [7].

В этом контексте следует уточнить роль СМП в решении социально-экономических проблем арктических территорий. Предпосылки для этого следующие.

Хозяйственное освоение российского сектора Арктики продолжается более тысячи лет. Фактически вся история российского государства от Новгородской феодальной республики до современной России напрямую связана с практикой хозяйственного освоения региона.

Исследование арктического сектора в указанный период тесно связано с международной деятельностью, международным сотрудничеством. Норвежские, шведские, датские, британские, голландские исследователи и предприниматели внесли значимый, сопоставимый с российским вклад в освоение СМП, как предпосылки для развития арктической зоны в целом.

Целеполагание арктических и полярных исследований было тесно связано с задачами международной торговли. Если Россия искала оптимальный транспортный путь между своей европейской и азиатской частью, то наши европейские соседи ставили перед собой еще более масштабные задачи: альтернативный морской путь в Тихий и даже Индийский океан.

Еще в XIX веке начала формироваться практика объединения усилий заинтересованных государств при реализации исследовательских проектов в арктическом регионе.

Сотрудничество государств на этом этапе сопровождалось жесткой конфронтацией при малейшем нарушении баланса сил. Так, с 1917 года и до становления Советского Северного флота Норвегия эксплуатировала морские ресурсы западной части советского арктического сектора. Лишь когда на Север пришли по Беломорско-Балтийскому каналу эсминцы с Балтики норвежские промысловики покинули территориальные воды СССР.

Второй этап хозяйственного освоения арктического сектора связан с созданием уникальной структуры – Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). Главсевморпуть – государственная организация, созданная в 1932 году для народно-хозяйственного освоения Арктики и обеспечения судоходства по Северному морскому пути. До 1953 года – Главное управление при Совнаркоме СССР, с 1953 по 1964 год – Главное управление при Министерстве морского транспорта СССР. В настоящее время – Администрация Северного морского пути при Федеральном агентстве морского и речного транспорта Министерства транспорта РФ.

Отметим то, что 80 лет назад Главное управление Северного морского пути имело качественно иной статус. Начальник Главного управления Северного морского пути и его заместители назначались Советом Народных Комиссаров Союза ССР и находились в прямом подчинении этому органу [5]. ГУСМП де-факто был верховной властью в арктической зоне, совмещая функции территориального и отраслевого управления.

Рассматривая советский опыт освоения Арктики, в контексте международного сотрудничества отметим то, что его практически не было. Исключение как это не странно период Второй мировой войны. Немецкий вспомогательный крейсер «Комет» летом 1940 года при содействии СССР прошел Северным морским путём из Северного моря в Берингов пролив и далее в Тихий океан. В 1941–1945 гг. в Баренцовом море было развернуто сотрудничество с Великобританией, а в Беринговом море – с США. Этими путями осуществлялись поставки грузов в рамках программы ленд-лиза.

В годы «холодной войны» Советский Союз в интересах обеспечения национальной безопасности пошел по пути фактического закрытия арктического сектора

страны для любой деятельности западных государств, находящейся вне его полного контроля. При этом политика активного хозяйственного освоения региона исходила из сочетания приоритетов национальной обороны и освоения ресурсов.

К первой группе приоритетов можно отнести собственно военные цели. Создание баз развертывания Северного флота, строительство т.н. «аэродромов подскока» для дальнебомбардировочной авиации, ориентированной на поражение целей в США через Северный полюс, развитие инфраструктуры пограничной охраны, создание системы небольших портовых комплексов и баз снабжения двойного назначения. Даже сейчас, более чем через четверть века после окончания холодной войны, Северный Флот насчитывает 22 атомные подводные лодки (в том числе 7 стратегических с БРПЛ, остальные – с крылатыми ракетами и торпедами) и 8 дизель-электрических подводных лодок, 17 крупных боевых кораблей (в том числе один авианесущий крейсер, два атомных крейсера и пять десантных судов) и 33 малых и вспомогательных корабля. Морская авиация насчитывает около 100 самолетов (в том числе 30 средних бомбардировщиков-ракетоносцев) и 40 вертолетов. На Кольском полуострове дислоцированы мотострелковая бригада, бригада морской пехоты, зенитно-ракетный полк и погранвойска, недавно возвращенные на арктическое побережье России [1, с. 64].

Вторая группа целей – экономическая, связанная с освоением природных ресурсов Арктической зоны, созданием системы «северного завоза». Развитие новых технологий привело к тому, что в период 1970—1980-х годов эффективность работы СМП существенно возросла. Появление атомного ледокола «Ленин», а затем и ледоколов типа «Арктика», создало возможность обеспечения круглогодичной навигации по маршруту Мурманск-Дудинка, необходимого для обслуживания Норильского горно-обогатительного комбината и для более протяженных и дальних маршрутов. К концу 70-х годов прошлого века была доказана техническая возможность, но не экономическая целесообразность круглогодичной навигации по СМП.

Распад СССР привел к масштабному свертыванию исследований в российском секторе Арктики, практически полному разрушению инфраструктуры СМП. Масштабный экономический кризис крайне негативно сказался на состоянии Северного морского пути. В связи с ликвидацией централизованного материально-технического снабжения была разрушена система завоза промышленных и продовольственных товаров на Север из других регионов России. Из-за либерализации цен и перестройки кредитной системы в тяжелое финансовое положение попало большинство предприятий, составлявших инфраструктуру СМП. В первую очередь это коснулось ледокольного и других видов специализированного арктического флота, портов, полярных станций и ряда поселений, экономика которых преимущественно складывалась за счет обслуживания СМП.

С 1991 по 2001 год в Арктике не было ни одной российской дрейфующей станции (советскую станцию «Северный полюс-31» закрыли в июле 1991 г.), ни одного ученого, который бы занимался на месте сбором необходимых научных данных. В мире ежегодно созывается 150–200 посвященных Северу научных и научно-

организационных симпозиумов, конференций различных территориальных и отраслевых уровней. Российские же географы писали в 1999 году: «В России масштабных встреч, посвященных Северу и Арктике, после конференций в Ленинграде (1988) и Мурманске (1991) не было» [2].

СМП, который действовал даже в годы Великой отечественной войны, практически прекратил работу. К 2003 году перевозимых по нему грузов стало в пять раз меньше (1,7 миллионов тонн) в сравнении с периодом его «экономического расцвета» в советскую эпоху. В этот период наиболее крупный объем транспортировки грузов (до 65%) принадлежал предприятию «Норильский никель» [6]. Важно отметить то, что падение грузооборота СМП продолжалось и после 2003 года, в условиях экономического роста. Как отмечено выше, освоение советской эпохи базировалось на определенном наборе стратегических приоритетов. Во-первых, освоение природных ресурсов собственно арктической зоны. Во-вторых, освоение Сибири и Дальнего Востока в целом с использованием механизмов северного завоза по сибирским рекам. В-третьих, комплекс приоритетов обороны, начиная от рассредоточения промышленных и сырьевых центров и заканчивая обеспечением маневра флота между потенциальными театрами военных действий. С нашей точки зрения, приоритеты третьего типа преобладали.

Вторая модель использования СМП является противоположностью той, которая преобладала в советские годы. Она предполагает полную внешнеэкономическую открытость, максимально возможную интернационализацию СМП. При этом экономическая целесообразность этой модели абсолютно не просчитана. Фактор ВТО еще не стал предметом адекватного научного анализа. Однако первая работа, посвященная перспективам российской Арктики после вступления страны в ВТО, появилась только в 2013 году, т.е. уже после того как страна вошла в эту международную организацию [8].

С нашей точки зрения, наиболее приемлемой является третья модель, основанная как на сочетании российских и иностранных инвестиций, так и на учете отечественных и зарубежных приоритетов пространственного развития. Итоги хозяйственной деятельности СМП в 2016 году подтверждают перспективность данного проекта.

1. Арктика: зона мира и сотрудничества / отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН. 2011. 195 с.

2. Котляков В.М., Агранат Г.А. Российский Север – край больших возможностей // Вестник Российской Академии Наук. 1999. Т. 69. № 1. С. 3–15.

3. Лаженцев В. Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1. Сыктывкар. 2010. С. 97–104.

4. Лачининский С.С. Эволюция экономического пространства России в XXI веке: геоэкономический подход // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. №1. С. 258–268.

5. Об утверждении Положения о Главном управлении Северного морского пути при СНК Союза ССР. Москва, Кремль, 22 июня 1936 г. // Бюллетень Арктического Института. 1936. № 8–9. С. 389–393.

6. Перспективы развития Северного морского пути // Морская биржа: информационно-аналитический журнал 2003. № 3(3) URL: http://www.maritimemarket.ru/3_2003_sevmorput.html
7. Росстат: официальный сайт. URL.: <http://gks.ru/>.
8. Тулупов Д. За российские услуги надо платить. URL: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1438

В.Н. Лаженцев,
*д.г.н., член-корреспондент Российской академии наук,
главный научный сотрудник ИСЭЭПС Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ СЕВЕРА

В территориальном планировании особое внимание обращается на решение **районно-комплексных проблем** и на формирование соответствующих программ. Примером тому служит строительство Урало-Кузнецкого угольно-металлургического комбината, освоение гидроресурсов Ангары в сочетании с минеральными и лесными ресурсами Восточной Сибири, создание Северной угольно-металлургической базы на основе углей Печорского бассейна и железных руд Кольско-Карельского региона, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, развитие зоны Байкало-Амурской магистрали.

Специально вспомним строительство и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (конец XIX – до 50-х гг. XX века), чтобы сравнить этот проект с предстоящим строительством железной дороги Белое море – Коми – Урал (Белкомур). В прошлом Россия осваивала китайскую территорию (Маньжурию и Северо-Восточный Китай), теперь КНР намерена участвовать в создании «Белкомура» и освоении ресурсов Европейского Севера России. Речь идет о новой для нашей страны экономической зоне и о новых отношениях с зарубежной страной. «Белкомур» рассматривается именно как территориально-хозяйственная система с более 40 инвестиционными проектами, реализуемых в рамках «Комплексной программы инфраструктурного и промышленного развития республики Коми, Пермского края, Архангельской и Мурманской областей» под управлением ОАО МК «Белкомур». Инвестором строительства выступит китайская корпорация [Poly International Holding Co](#) – дочернее предприятие крупнейшей оборонной корпорации Китая Poly Group Corporation, которая является крупным игроком на зарубежных рынках. Строительство железнодорожной магистрали начнется в 2018 году. Это осознание необходимости включения особо важных народно-хозяйственных объектов в систему программного управления, характерного для всех развитых стран и их взаимных отношений.

Узловая народно-хозяйственная проблема является специфической для каждого района. Здесь суть дела заключается в следующем: одна и та же социально-экономическая задача в разных районах решается разными методами с учетом сложной системы природных и экономических условий. Методы характеризуют разнообразие деятельности; деятельность должна быть системно организована; проблема самой реальной жизни (неудовлетворительное состояние чего-либо) дополняется проблемой организации деятельности по разрешению данной неудовлетворенности. Чаще всего возникает трудно разрешимая задача совмещения трех начал общественного развития – экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия. Конструктивно это можно сделать на уровне территорий, имеющих специфические характеристики общественных форм организации производства, расселения населения, природных комплексов и климата.

Узловые народнохозяйственные проблемы Севера связаны с организацией хозяйственных систем трех типов:

– «*опорные*» *хозяйственные комплексы (узлы)* (на Севере их 26), которые базируются на ресурсах длительного пользования; модернизации подлежит уже созданное в них и вокруг их: городские и сельские поселения, жилищно-коммунальное хозяйство, охрана окружающей среды, производство и инфраструктура;

– *промышленная периферия* (53 малых и средних города зоны Севера), которая базируется на разработке полезных ископаемых и обслуживании инфраструктурных коммуникаций. Это, как правило, поселения циклического развития, затухание которых со временем становится неизбежным, если не возникнет иная основа экономики;

– *периферия сельского типа* (не только сельско- и лесохозяйственных, но и всех тех поселений, для которых характерен сельский уклад жизни).

Распределение населения Севера по данным типам территориально-хозяйственных образований показано на рис. 1.

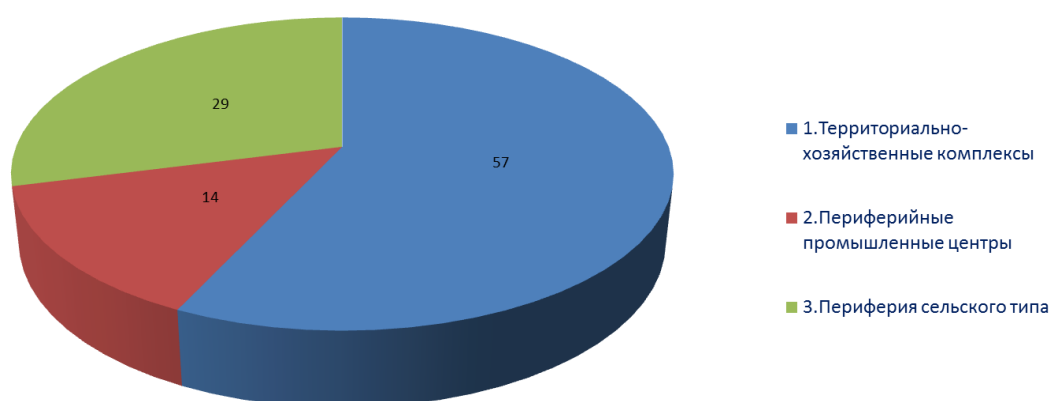

Рисунок 1. Распределение численности населения Севера России по типам территориально-хозяйственных систем в 2015 г., %

Распределение населения Европейского Севера России по типам территориально – хозяйственных систем (ТХС), на 01. 01.2016 г., в %*

ТХС	Мурманская обл.	Респ. Карелия	Вологодская обл.	Архангельская обл. (с НАО)	Респ. Коми	ЕСР в целом
Опорные ТХС	81,6	49,4	72,7	60,7	78,9	69,1
Промышленная периферия	7,2	19,5	4,5	11,8	6,1	9,2
Периферия сельского типа	11,2	31,1	22,8	27,5	15,0	21,7
Итого	100	100	100	100	100	100
Численность населения, тыс. чел.	762	630	1187	1174	857	4610

*Расчеты автора.

Из табл. 1 видно, что Европейский Север России имеет пространственные характеристики, свойственные уже освоенным территориям, то есть со сложившимся каркасом размещения производства и расселения населения. Для этого района характерно разнообразие форм территориальной организации хозяйства и расселения населения. Главное направление его развития – сохранение и модернизация этих форм на основе научно-технических достижений, укрепление внутренних и межрегиональных связей. На Азиатском Севере освоенное и вновь осваиваемое, развитие вглубь и вширь сочетаются как равнозначные векторы развития.

Вопросы модернизации желательно рассматривать в границах всей территориально-хозяйственной системы, так, чтобы производительность труда повышалась синхронно по цепочке основных, вспомогательных и обслуживающих производств (рис. 2).

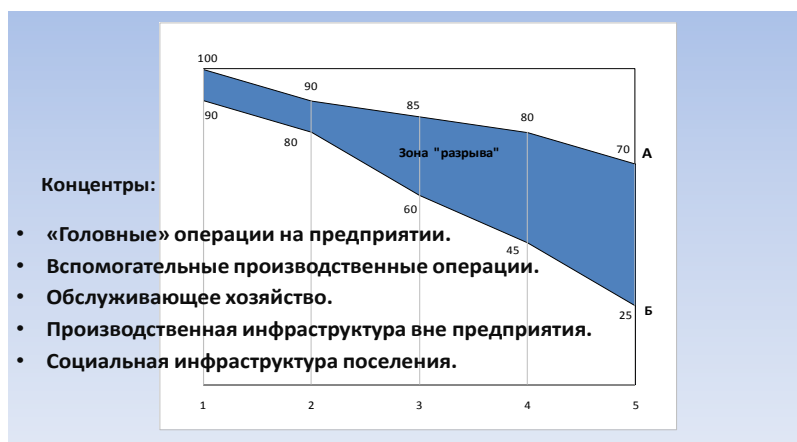

Рис. 2. Характер разрыва в производительности труда в северных регионах зарубежных стран (А) и России (Б) – по добывающему предприятию и сопряженным с ним сферам хозяйства (Экспертная оценка автора)

Размещение производительных сил в значительной мере обусловлено решением *территориально-отраслевых проблем*. Их суть состоит в том, что разные отрасли хозяйства по-разному реагируют на комплекс природных, экономических и социальных условий того или иного района. Проблема здесь заключается в разнобразии методов приспособления конкретной отрасли хозяйства к местным условиям. Наиболее ярко территориально-отраслевая проблема проявляется в жилищном строительстве на территориях экстремального климата. Ее игнорирование привело к широко распространенной деформации оснований зданий и сооружений в Воркуте, Норильске, Магадане и других поселениях Арктики и Крайнего Севера. Крупные инженерные сооружения (гидроэлектростанции, мосты, тоннели, трубопроводы, железные дороги...) весьма чувствительны к тектоническим разломам и сейсмике; ведение лесного и сельского хозяйства – к биоклиматическим характеристикам местности и т.д.

Территориально-отраслевыми являются многие другие социально-экономические проблемы Севера. Сформулируем их содержание таким образом:

- неудовлетворительное исполнение столичных функций областными, республиканскими и окружными центрами, неопределенность допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, трудности поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др.;

- неопределенность в развитии городов и районов нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» горно-обогатительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают и оленеводы, а также работники сферы обслуживания, из-за снижения спроса на их продукцию и услуги;

- угрозы устойчивому развитию территорий лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации не только с производственной стороны, но и социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень.

- районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и живущие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по идее постиндустриального развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционный уклад жизни. Найти для этого правильное решение весьма трудно;

- сложная ситуация в рыбной промышленности, от уровня организации которой зависит жизнь более 300 тыс. северян;

- проблемность закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) в части их продовольственного и промтоварного обеспечения и необходимости увеличения в данном обеспечении доли местной экономики, что помогло бы адаптации персонала ЗАТО к экстремальным природным условиям Арктики.

Вывод практического значения. Модернизация действующих производств, инфраструктурное обустройство освоенных территорий, повышение уровня и качества жизни укорененного населения с учетом особенностей традиционных видов хозяйства малочисленных народов является приоритетом в развитии производи-

тельных сил Севера. Проблематика «освоения вширь» уходит на второй план; первостепенным становится «освоение вглубь». Движение от освоенных к новым территориям и акваториям сопряжено с огромными затратами и требует времени на научно-техническую подготовку.

Вывод теоретического значения. Опыт изучения Севера показал методологическую необходимость сопряжения теории территориального развития, программно-целевого планирования и геосистемного подхода к выявлению и решению социально-экономических проблем. Геосистемным можно считать такой подход, при котором природная среда, население и производство рассматриваются взаимосвязано в рамках единого территориального хозяйственного комплекса.

И.С. Мальцева,

к.э.н., с.н.с.,

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера,
Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук,*

г. Сыктывкар

ОПТИМИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Введение

Оптимизация предполагает выбор из всех возможных вариантов использования ресурсов тех, которые дают наилучшие результаты. Современная экономическая теория связывает идеи оптимизации с устойчивым развитием. Идеи устойчивого развития начали преобладать в 1960–1970 гг, когда остро проявились экологические и социально-экономические проблемы, угрожающие не только будущему, но и современному развитию. На протяжении последних пятидесяти лет данные проблемы нарастали, что определило активное развитие теоретических положений и практических инструментов реализации теории устойчивого развития. Основным механизмом устойчивого развития в настоящее время рассматривается зеленая экономика, которая в качестве одного из направлений предполагает «ресурсоэффективность» и сохранение природного капитала для будущих поколений. В этой связи обеспечение эффективного использования, сохранности качественных характеристик земельных ресурсов, устойчивости ландшафтов и биоразнообразия являются важными аспектами зеленой экономики.

Характеристика земель Республики Коми

Общая земельная площадь Республика Коми по состоянию на 1 января 2016 г. составила 41677,4 тыс. га. Республика Коми является северным регионом, имеющим суровые природно-климатические условия. На Крайнем Севере республика

входит в зону тундры и лесотундры, вся остальная часть простирается в зоне с северной, средней и южной тайги.

Основную долю земельных угодий составляют земли лесного фонда – 35958,6 тыс. га (86,3% площади территории республики). Земли особо охраняемых территорий составляют 2613,2 тыс. га или 6,3% территории республики. Следует отметить, что их площадь выросла в 3,6 раза за последние 20 лет, что связано с организацией региональных и российских ООПТ, что безусловно, следует оценить положительно. Земли сельскохозяйственного назначения составляют 1858,1 тыс. га (4,5% площади), данная категория земель имеет тенденцию к сокращению из-за сокращения объемов сельскохозяйственного производства в республике и отказа от угодий производителей сельскохозяйственной продукции.

Значительных изменений в структуре земельных угодий республики по категориям за исследуемый период не произошло. Изменения площадей земель сельскохозяйственного назначения и лесного фонда в основном связаны с изменением методологии учета оленьих пастбищ и с уточнением площадей земель при учете и инвентаризации (табл.1).

Таблица 1

Категории земельных угодий Республики Коми, тыс. га

Категории земель	1990*	1995	2000	2005	2010	2014	2015	Структура земель, %
Земли сельскохозяйственного назначения	11719,4**	1918,5	1846,4	1836,9	1862,9	1859	1858,1	4,4
Земли поселений	51,9	205,3	202,2	201,3	198,3	199,2	199,5	0,5
Земли промышленности, транспорта, связи и иного назначения	602,9	276,9	277,7	271,9	270,3	273,7	274,5	0,7
Земли особо охраняемых территорий	721,4	721,4	2613,1	2613,1	2613,2	2613,2	2613,2	6,3
Земли лесного фонда	28171,5	37818,2	35942	35944	35958,6	35958,6	35958,6	86,3
Земли водного фонда	0	156	147,1	142,3	142	142	142	0,3
Земли запаса	410,3	581,1	648,9	667,9	632,1	631,7	631,7	1,5
Итого	41677,4	41677,4	41677,4	41677,4	41677,4	41677,4	41677,4	100,0

*Была применена старая методология составления статистической отчетности

** с учетом землепользования в других областях РСФСР

Источник: Государственные доклады о состоянии окружающей среды Республики Коми за 2010–2015 гг.

Характеристика земельных угодий по видам показала, что лесные угодья составляют 74,6% площади, а болота – 9,8%, причем за исследуемый период произошел рост абсолютной площади и доли этих угодий в республике. Можно, конечно, охарактеризовать данные изменения в структуре земельных ресурсов положительно, но, во-первых, изменения связаны с уточнением площадей земель, а во-вторых, без качественной оценки изменений сложно судить о произошедших процессах.

Как отмечают специалисты, в Республике Коми, как и в России в целом, продолжается истощение эксплуатационных лесов. Ключевым показателем при этом определяют динамику изменения среднего запаса древесины на гектар в освоенных лесах. По сравнению с серединой прошлого столетия запас отведенных в рубку древостоев в Архангельской области и Республике Коми снизился с 200–250 до 110–120 куб. м/га [2].

Неравномерность рубок, неадаптированность технологии лесозаготовок к местным условиям, а также высокая доля лесосек на переувлажненных почвах (более 40%) и слабое обустройство водопропускными лесовозных дорог нарушают водный режим почв и активизируют естественное заболачивание, вызывая эрозию. Площадь заболоченных почв в республике постоянно возрастает, на таких почвах лесовосстановление задерживается на срок от 10 до 30 лет.

В республике произошло сокращение площадей прочих земель на 40%, что связано с уточнением их категории. Также произошел рост нарушенных земель в 2,4 раза, что в основном связано с добычей полезных ископаемых, строительством и что следует оценить как негативную тенденцию, так как темпы рекультивации отстают от темпов загрязнения земель.

Географическое расположение республики и большая протяженность территории в меридиональном и широтном направлениях определяют, с одной стороны, значительную суровость, а с другой – существенные различия в биоклиматических и экономических условиях развития сельскохозяйственного производства, следствием чего является неравномерность размещения сельхозугодий по административным районам. Основные площади сельскохозяйственных земель сосредоточены в южной и центральной части, а также в Удорском, Ижемском и Усть-Цилемском муниципальных районах. Общая площадь сельскохозяйственных угодий Республики Коми составляет 418,2 тыс. га или около 1% ее территории. Основная часть этих угодий находится в пользовании сельхозпроизводителей (187,6 тыс. га).

Сельскохозяйственные угодья за 1990–2015 гг. по данным земельного учета, по площади практически не изменились. Виды земельных угодий Республики Коми представлены в табл. 2.

Таблица 2

Виды земельных угодий Республики Коми и их структура

Виды угодий	1990		1995	2000	2010	2015	
	тыс. га	Доля, %	тыс. га	тыс. га	тыс. га	тыс. га	Доля, %
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Сельскохозяйственные угодья	416,5	1,0	419,1	419,3	418,2	418,1	1,0
Леса	27596,3	66,2	28082	28042,1	30966,6	31093,6	74,6
Древесно-кустарниковая растительность	131,2	0,3	132,1	522,5	136,2	136,1	0,3
Под водой	622,6	1,5	630,2	640,3	641,3	641,4	1,5

1	2	3	4	5	6	7	8
Под застройкой	181,6	0,4	47,6	48,8	47,3	47,8	0,1
Под дорогами	167,4	0,4	157,2	149,2	144,9	144,7	0,3
Болота	3983,4	9,6	4075,8	4017,9	4073,1	4073,2	9,8
Нарушенные земли	6,6	0,0	16,4	15,2	15,4	15,7	0,0
Прочие земли	8571,8	20,6	8117	7822,1	5234,4	5106,8	12,3
Итого земель	41677,4	100,0	41677,4	41677,4	41677,4	41677,4	100,0

Источник: Государственные доклады о состоянии окружающей среды Республики Коми за 2010–2015 гг.

Оценка использования сельскохозяйственных угодий в республике

Низкая сельскохозяйственная освоенность территории республики объясняется неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями, огромными площадями, занятыми лесом, и малой её населенностью. Обеспеченность сельскохозяйственными угодьями в расчете на душу населения в Республике Коми в 5 раз ниже, чем в среднем по Российской Федерации, а пашней – в 11 раз. Сельскохозяйственным угодьям присущи разбросанность, высокая степень контурности, чрезмерная удаленность (нередко за десятки километров) отдельных участков от хозяйственных центров, ибо расширение сельхозугодий и пашни осуществлялось, особенно в прошлом, выборочно за счет потенциально более плодородных участков. Земледельческая культура носит мелкоконтурный очаговый характер. Доля наиболее продуктивных угодий – пашни – составляет 102,4 тыс. га – лишь 0,24% площади республики. Распаханность сельхозугодий составляет 25% и уменьшается с юга (42% в Прилузском районе) на север (3% в Усть-Цилемском районе).

Сельхозорганизации, фермерские хозяйства и граждане, занятые сельскохозяйственным производством, по состоянию на 1 января 2015 г. имеют 8169,7 тыс. га земель в пользовании (площадь которых за три года сократилась на 17%).

Анализ динамики сельскохозяйственных угодий более чем за полувековой период выявил устойчивую тенденцию сокращения сельскохозяйственных угодий, начиная с 1956 г. За период с 1956 по 1998 гг. площадь сельхозугодий сократилась на 150,2 тыс. га (табл. 3). До начала реформ сокращение сельхозугодий было в основном связано с проводимой политикой укрупнения деревень – отмиранием мелких населенных пунктов, зарастанием угодий лесом и кустарником, отсутствием средств механизации, бездорожьем. Основная причина выбытия угодий из хозяйственного оборота в период рыночной трансформации связана с отсутствием условий для сельскохозяйственного производства, выбытие угодий связано с ликвидацией сельскохозяйственных организаций, фермерских хозяйств, отказом от части земель личными подсобными хозяйствами и организациями из-за сокращения объемов производства.

Динамика сельскохозяйственных угодий в Республике Коми, тыс. га

Годы	Сельскохозяйственные угодья	В том числе				
		пашня	сенокосы	пастбища	залежи	многолетние насаждения
1940	445,0	97,6	299,0	48,4	н.д.	-
1945	525,0	126,0	352,0	46,0	н.д.	-
1956	569,6	106,6	362,5	84,1	16,4	-
1960	546,7	107,5	336,8	83,8	18,7	-
1966	542,2	94,4	336,1	94,8	16,9	-
1970	538,1	93,4	334,0	96,5	14,2	-
1975	482,1	91,8	296,8	93,3	-	0,2
1980	463,9	95,7	283,3	84,2	-	0,7
1985	455,2	99,7	272,1	81,7	-	1,7
1990	416,5	103,1	237,6	68,5	-	7,3
1995	419,1	105,0	239,1	68,3	-	6,7
2000	419,3	104,6	239,3	68,6	-	6,8
2005	418,6	102,5	239,8	69,9	-	6,4
2010	418,2	102,5	239,7	69,6	-	6,4
2011	418,1	102,4	239,7	69,6	-	6,4
2012	418,0	102,3	239,7	69,6	-	6,4
2013	418,0	102,3	239,7	69,6	-	6,4
2014	418,2	102,5	239,7	69,5	-	6,5
2015	418,1	102,4	239,8	69,5	-	6,4

Источник: Государственные доклады о состоянии окружающей среды Республики Коми за 2010–2015 гг., земельный баланс.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий составляет 418,1 тыс. га. Значительная их часть – 297,9 тыс. га – находится в категории земель сельскохозяйственного назначения (пашни 75,2 тыс. га; сенокосов 168,4 тыс. га; пастбищ 49,5 тыс. га; многолетних насаждений 4,8 тыс. га), а также в землях населенных пунктов – 42,3 тыс. га (пашни 19,3 тыс. га; сенокосов 8,4 тыс. га; пастбищ 12,9 тыс. га; многолетних насаждений 1,7 тыс. га) и в лесном фонде – 52,9 тыс. га (пашни 0,3 тыс. га; сенокосов 50,7 тыс. га; пастбищ 1,9 тыс. га).

С начала проведения реформ площадь сельхозугодий, отражаемая в отчетности, стабилизировалась, однако анализ использования пашни путем ее сравнения с площадью посевных площадей указывает на фактическое выбытие более половины пашни из сельхозоборота. Если в 1990 г. в среднем по Республике Коми засеивалось 97,5% пашни, то в 2015 г. – лишь 39,7%, причем на территории МО ГО «Воркута» пашня совсем не засеивалась, в Ижемском районе площадь посевов составляла 11,9% площади пашни, в Удорском – 20,4%, в Усть-Цилемском районе – 20,7%, а на территории МО МР «Сосногорск» – 20,8%. Таким образом, пашня забрасывается (выводится из оборота) в традиционных сельских районах, более быстрыми темпами в отдаленных и с северных муниципальных образованиях (табл. 4).

Таблица 4

Использование пашни в Республике Коми в 2015 г.

Муниципальные образования	Сельскохозяйственные угодья			Пашня		Доля посевов на пашне, %
	Всего, га	Доля, %	Доля в общей земельной площади, %	Всего, га	Доля, %	
Республика Коми	418217	100	1	102430	100	39,7
Городские округа						
Сыктывкар	8198	2	11,2	1765	1,7	122,3
Ухта	17235	4,1	1,3	7581	7,4	79,3
Инта	10743	2,6	0,4	1079	1,1	21,4
Усинск	12599	3	0,4	1348	1,3	17,3
Муниципальные районы						
Койгородский	8550	2	0,8	2036	2	78,0
Корткеросский	31088	7,4	1,6	7536	7,4	61,2
Сыктывдинский	35838	8,6	4,8	10193	10	49,4
Сысольский	31719	7,6	5,2	11216	10,9	40,2
Прилузский	48200	11,5	3,7	20211	19,7	36,9
Княжпогостский	15388	3,7	0,6	4931	4,8	35,0
Печорский	19053	4,6	0,7	1606	1,6	30,5
Усть-Куломский	37978	9,1	1,4	10506	10,3	28,5
Усть-Вымский	17563	4,2	3,7	6223	6,1	25,4
Троицко-Печорский	9368	2,2	0,2	767	0,7	24,1
Вуктыл	8164	2	0,4	678	0,7	22,7
Сосногорск	6027	1,4	0,4	1732	1,7	20,8
Усть-Цилемский	44075	10,5	1	1394	1,4	20,7
Удорский	20909	5	0,6	3432	3,4	20,4
Ижемский	25908	6,2	1,4	2859	2,8	11,9

Источник: *Сельское хозяйство в Республике Коми. 2015: стат. сб./ Комистат. Сыктывкар, 2016.*

Вместе с тем, в МО ГО «Сыктывкар» пашня используется полностью и еще привлекается пашня из соседних Сысольского и Сыктывдинского муниципальных районов, в МО ГО «Ухта» – на 79,3%. На 60–80% используется пашня в Корткеросском и Койгородском муниципальных районах, на 40–50% – в Сысольском и Сыктывдинском муниципальных районах.

Учитывая, что поголовье крупного рогатого скота с 1990 г. сократилось в 5,1 раза, можно с уверенностью утверждать, что используемые кормовые угодья также сократились примерно в 3–4 раза (учитывая снижение их продуктивности). При

этом (по данным Госкомприроды РК) в первую очередь сокращаются кормовые угодья на землях лесного фонда, затем – землях сельскохозяйственного назначения и землях поселений.

На 1.01.2016 г. площадь сельскохозяйственных угодий в пользовании сельхозпредприятий, организаций и граждан, занимающихся сельхозпроизводством составила 187,6 тыс. га (44,9% общей площади).

На фоне сокращения площадей сельхозугодий, прекращения мелиоративных работ, снижения объема внесенных минеральных и органических удобрений на 1 га посевной площади, сенокосов и пастбищ, превалирования химических средств защиты растений над биологическими в открытом и закрытом грунте выявлено ухудшение качественных характеристик почв. Проведенная оценка показала рост доли почв с низким и очень низким содержанием гумуса, усиление отрицательного баланса питательных веществ на пашне и по сельскохозяйственным угодьям в целом (рис. 1), снижение урожайности сельскохозяйственных культур.

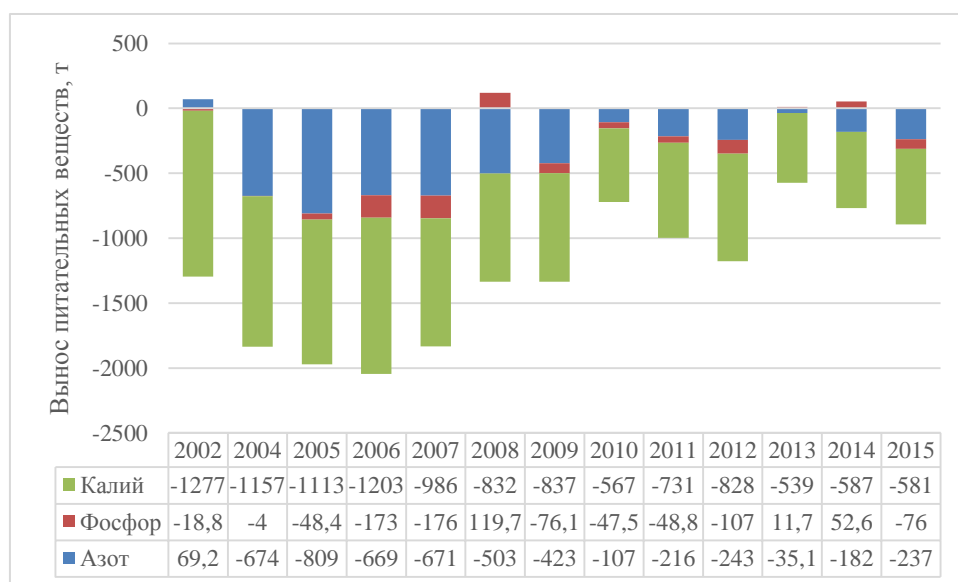

Рисунок 2. Баланс питательных веществ в почвах на сельхозугодьях Республики Коми, т

Наибольшее снижение плодородия произошло на кормовых угодьях (составляющих 74% сельхозугодий республики), результатом чего является недополучение растениеводческой и животноводческой продукции в организациях Республики Коми. Негативное влияние на сохранение плодородия оказывают неурегулированность вопросов собственности, землевладения и землепользования.

Сокращение сельскохозяйственных угодий в ходе современной реформы, связано с крупномасштабным свертыванием сельскохозяйственного производства, происходит стихийно, вне зависимости от вида и качества угодий. Кроме того, что

земли сельскохозяйственного назначения забрасываются, на используемых землях применяются устаревшие системы земледелия, резко сокращены объемы мелиоративных работ, внесения органических и минеральных удобрений, и как следствие – повсеместно происходят процессы снижения почвенного плодородия.

Направления повышения эффективности использования сельскохозяйственных угодий

Повышение эффективности использования земель связано с совершенствованием технологии сельскохозяйственных работ, автоматизацией, комплексной механизацией, мелиорацией, химизацией, развитием элитного семеноводства и т.п. По мнению специалистов в ближайшей перспективе одним из реально экономически выгодных путей, обеспечивающих приостановление снижения плодородия почв и увеличение производства сельскохозяйственной продукции наряду с применением средств химизации, станет биологизация земледелия, которая предполагает, помимо более полного использования всех ресурсов, традиционных органических удобрений и биологического азота, внедрение почвозащитных севооборотов, заправку в почву сидератов и излишков соломы [1, 11].

Республика обладает немалыми площадями земель сельскохозяйственного назначения, но их использование плохо отрегулировано на законодательном уровне. Существующие законы касаются лишь моментов, связанных с предоставлением земельных участков, определением их максимальных размеров, установления платы за их использование, но ни один из документов не регулирует принципы землепользования и вопросы охраны земель. Эти вопросы требуют развития республиканского законодательства.

Подписанный Президентом Российской Федерации федеральный закон № 171, вступивший в силу с 1 марта 2015 года, внес масштабные изменения в Земельный кодекс. Цель реформы – максимально реализовать предоставленное законом право регулировать отдельные правоотношения при предоставлении земельных участков. При этом целесообразно изучение опыта Вологодской области в сфере законодательства для реализации земельной реформы, которая является лидером Российской Федерации. В области приняты 11 законов и восемь постановлений Правительства области. Областное законодательство предусматривает бесплатное предоставление в собственность земельных участков врачам и гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Работники сельского, лесного, рыбного хозяйства и социальной сферы могут получить землю в безвозмездное пользование для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства на срок не более чем шесть лет. Через пять лет надлежащего использования граждане, получившие землю в безвозмездное пользование, смогут оформить ее в собственность бесплатно. Кроме того, начал действовать закон области, определяющий что для строительства новых объектов с суммарным объемом капитальных вложений более 100 миллионов рублей и (или) со-

зданием более 100 мест рабочих мест земля будет предоставляться в аренду без торгов. Один из последних законов устанавливает перечень муниципальных образований, где земельные участки могут предоставляться в безвозмездное пользование для ведения личного подсобного или фермерского хозяйства. По истечении пяти лет надлежащего использования граждане, в том числе главы КФХ вправе приобрести эту землю в собственность бесплатно.

Вопросы развития мелиорации остро стоят для Республики Коми, так как более 70% пахотных почв Республики Коми имеют повышенную кислотность и требуют известкования и фосфоритования. Мелиоративные мероприятия на сельскохозяйственных угодьях позволяют осуществить регулирование водного, воздушного, теплового и питательного режимов почв и в комплексе с агротехническими мероприятиями значительно повысить урожайность сельскохозяйственных культур. С 2017г. на трехлетний период в рамках реализации Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, развитие рыбохозяйственного комплекса в Республике Коми» реализуется подпрограмма развития мелиорации земель сельскохозяйственного назначения. Целью является повышение продуктивного потенциала мелиорируемых земель и эффективного использования природных ресурсов и повышение продуктивности и устойчивости сельскохозяйственного производства и плодородия почв средствами комплексной мелиорации в условиях изменения климата и природных аномалий. В качестве задач в подпрограмме заявлены: увеличение объема производства основных видов продукции растениеводства за счет гарантированного обеспечения урожайности сельскохозяйственных культур вне зависимости от природных условий не менее 1,0 тыс. т кормовых единиц за счет ввода в эксплуатацию 2,3 тыс. га мелиорированных земель, сохранения и создания 86 высокотехнологичных рабочих мест; предотвращение выбытия из сельскохозяйственного оборота земель сельскохозяйственного назначения. Общий объем финансирования подпрограммы составляет 110 млн руб., в том числе: за счет средств республиканского бюджета Республики Коми – 67,3 млн руб., за счет внебюджетных источников – 42,7 млн руб. Кроме того, для реализации мероприятий из федерального бюджета в 2017 г. были субсидии в сумме 3,1 млн руб.

Таким образом, развитие республиканского земельного законодательства, упорядочение отношений землевладения и землепользования.

1. Дубовицкий А.А., Климентова Э.А. Экономические основы сохранения почвенного плодородия// Технология пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. 2016. № 6 (14). С. 8–13.

2. Якубов И. Доска зеленая // Российские лесные вести. № 12 (15) от 18 апреля 2011 года.

Т.Ю. Микушева,
к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАЙОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Изучение социально-экономического развития страны в пространственном разрезе обязательно приводит к изучению подсистем или регионов. В зарубежной и отечественной науке накоплен богатый опыт изучения территориального развития. В работах ученых можно найти подходы к классификации теорий регионального развития и региональных неравенств [1], [2] и др. Например, В.Ю. Кулькова выделяет следующие группы научных направлений: теория региональной специализации и межрегиональной торговли, теории размещения (статические и динамические), теории регионального роста, теории кумулятивного роста. Несмотря на попытки интеграции различных теоретических направлений в анализе региональных различий и регионального развития, автор констатирует, что до последнего времени не удалось выработать единую, и стройную теорию, которая могла бы адекватно объяснить региональное развитие в современных условиях [2, с. 72]. По мнению В.Ю. Кульковой, преодоление ограниченности известных подходов возможно на базе применения синергетической методологии.

Важным направлением исследований в пространственной экономике является оценка территориальных различий. Как отмечает Б.Л. Лавровский, основная идея такого подхода сводится к оценке развития подсистем друг относительно друга или территориальной системы в целом. Такой аспект анализа по мнению автора соотносится с понятием «региональное развитие». Б.Л. Лавровский под региональным развитием понимает «развитие пространственной системы, которая подводит к тому или иному соотношению различных её подсистем (регионов) друг относительно друга» [3, с. 525].

Так же важен анализ, представленные в работе В.Е. Селиверстова, о практическом решении вопросов регионального развития, преодолении региональных различий в современной России, а так же синопсис российской региональной науки [6]. Таким образом, наряду с развитием, ключевым направлением изучения пространственных систем являются различия, соотношение уровней развития регионов.

Учитывая все возможные различия в развитии территориальных подсистем, Б.Л. Лавровский выделяет три типа регионального развития: ассиметричный, гармоничный и нейтральный. Ассиметричным (дисгармоничным) Б.Л. Лавровский называет такой тип регионального развития за определенный период, «при котором регионы, имеющие относительное преимущество по тому или иному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы, имеющие относительное отста-

вание, – его усугубляют» [3, с. 525]. Гармоничным (симметричным), автор называет тип «регионального развития, при котором разрыв региональных показателей значительно сокращается» [3, с. 525]. Нейтральный тип регионального развития, Б.Л. Лавровский определяет как «тип развития, при котором соотношение региональных показателей в течение периода остается приблизительно неизменным» [3, с. 525]. Отсюда, по мысли Б.Л. Лавровского, важным предметом региональной политики становится оценка региональных диспропорций и их недопущение и преодоление.

Численное определение типа региональной дифференциации представлено во многих исследованиях. Е.А. Шильцин обобщил имеющиеся работы по этому вопросу и предложил следующий алгоритм анализа региональной дифференциации.

1. Тип развития региональной системы определяется по одному определенному социально-экономическому показателю и только в динамике.

2. Мерой разброса является числовая характеристика дифференциации этого показателя, измеренная тем или иным индикатором.

3. Измерение с помощью разных индикаторов может порождать различную динамику дифференциации, тем самым – различные типы регионального развития [7].

Уровень потребления продуктов питания в достаточном объеме, ассортименте и качестве является одной из важнейших проблем, решение которой способствует сохранению здоровья населения, его активности. Поскольку районы Крайнего Севера сильно отличаются по природно-климатическим, экономическим, социальным и другим характеристикам, поэтому потребление основных продуктов питания может различаться.

Оценка уровня и структуры потребления продовольствия проводилась на основе результатов выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств населения. Сведения о фактическом среднедушевом потреблении основных продуктов питания жителей районов Крайнего Севера были взяты за 2006 и 2014 гг. [4, 5].

С целью построения обобщающей характеристики потребления основных продуктов питания жителями районов Крайнего Севера было проведено ранжирование регионов по возрастанию объема потребления для каждого продукта. Региону был присвоен ранг, соответствующий его месту в упорядоченной совокупности. Затем каждый регион получил обобщающую характеристику как сумму рангов по основному набору продуктов питания (таблица 1).

Таблица 1

**Сумма рангов по основному набору продуктов питания
районов Крайнего Севера в 2006 г. и 2014 г.**

<i>2006 г.</i>		<i>2014 г.</i>	
<i>Район</i>	<i>Сумма рангов</i>	<i>Район</i>	<i>Сумма рангов</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Республика Тыва	30,0	Республика Тыва	23,0
Ненецкий АО	39,0	Чукотский АО	40,0
Республика Саха (Якутия)	52,0	Сахалинская область	57,0

1	2	3	4
Ханты-Мансийский АО	60,0	Республика Коми	60,0
Магаданская область	65,0	Ненецкий АО	62,0
Ямало-Ненецкий АО	68,0	Республика Саха (Якутия)	62,0
Республика Коми	74,0	Ханты-Мансийский АО	63,0
Архангельская область	74,0	Магаданская область	66,0
Чукотский АО	76,0	Мурманская область	72,0
Мурманская область	82,0	Архангельская область	81,0
Камчатский край	93,0	Республика Карелия	97,0
Сахалинская область	93,0	Ямало-Ненецкий АО	102,0
Республика Карелия	104,0	Камчатский край	121,0

Увеличивается разница между наибольшей и наименьшей суммой рангов. Размах вариации в 2006 г. составил 74 балла, а в 2014 г. – 98 баллов. Увеличивается значение обобщающей характеристики для новых нефтегазовых районов страны: Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ. Уменьшается значение обобщающего показателя для Республики Тыва, ухудшается относительное положение в иерархии регионов Чукотского автономного округа, Республики Коми, Сахалинской области и других регионов.

Таблица 2

**Динамика показателей аналитической статистики
распределения районов Крайнего Севера по сумме рангов**

Статистический показатель	2006 г.	2004 г.
Средняя величина	70	69,7
Коэффициент вариации	0,29	0,36
Модифицированный коэффициент вариации	0,25	0,36
Коэффициент асимметрии	0,26	0,29
Коэффициент асимметрии по формуле Пирсона	-0,2	0,27
Экссесс	1,3	2,84

В качестве статистических измерителей дифференциации районов Крайнего Севера по уровню потребления основных продуктов питания рассчитывались следующие показатели: размах вариации, дисперсия и среднеквадратическое отклонение, коэффициент вариации, характеристики нормального распределения (скошенность и куртозис), модифицированный коэффициент вариации (таблица 2). По мнению Е.А. Шильцина, специфика российских региональных различий заключается в существенном удалении от средних значений крайних правых (наибольших) значений данных, которые вносят существенный вклад в индикатор. Наш анализ показал, что для районов Крайнего Севера специфика региональной дифференци-

ции состоит так же в значительном удалении крайне левых (наименьших) значений индикатора. Как отмечает Е.А. Шильцин, «значение индикатора, учитывающего более сильные отклонения с большим весом, в частности, отклонения в квадрате, сильно зависит от колебаний нескольких показателей. Однако регионы, имеющие крайние значения, также являются элементами одной системы, и в рамках указанного понимания территориальной дифференциации такие колебания являются составной частью общей дифференциации системы» [7]. Для преодоления зависимости автор предложил вычислять модифицированный коэффициент вариации, способный учитывать все отклонения [7]. Результаты расчета показателя представлены в таблице 2.

Анализ динамики показателей, демонстрирующих различия районов Крайнего Севера в потреблении основных продуктов питания, указывает на возникновение в 2014 г. неоднородности исследуемой совокупности (коэффициент вариации больше 0,33), а так же усиление правосторонней асимметрии и высоковершинности распределения. Правосторонняя скошенность свидетельствует о том, что для больше половины жителей районов Крайнего Севера сумма рангов больше средней величины. Высоковершинность распределения указывает на скученность регионов около средней величины.

Практические расчеты показали недостаточность использования формулы Пирсона для оценки асимметрии, поскольку в этом случае не учитываются «хвосты» распределения. Для небольших по объему единиц совокупности расчеты коэффициента асимметрии и эксцесса следует осуществлять по формуле моментов.

Наглядной характеристикой структуры дифференциации является гистограмма распределения (рис. 1 и 2).

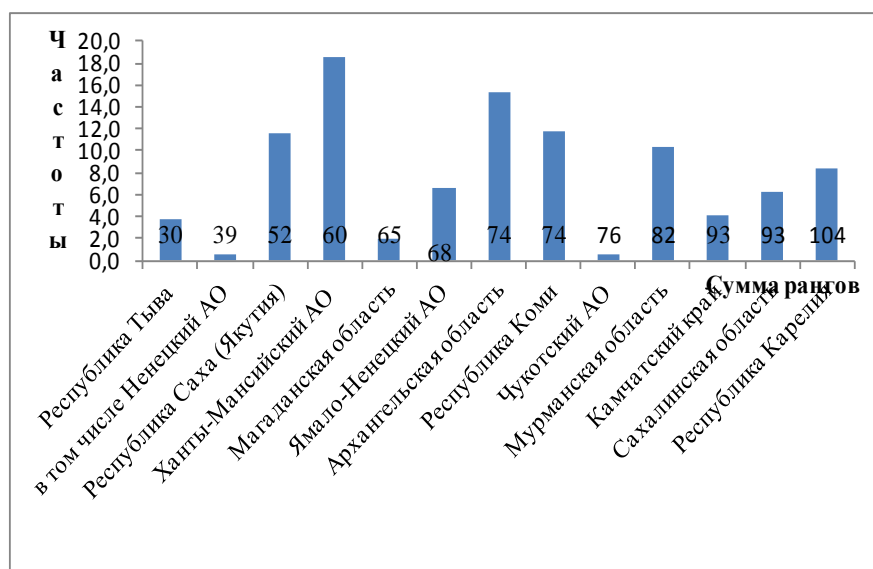

Рисунок 1. Распределение районов Крайнего Севера по сумме рангов в 2006 г.

Расчеты показателей территориальной дифференциации и форма распределения районов Крайнего Севера по потреблению продуктов питания показали, что ряду распределения по обобщающей характеристике свойственны незначительная правая скошенность и высоковершинность распределения, увеличивающиеся к 2014 г.

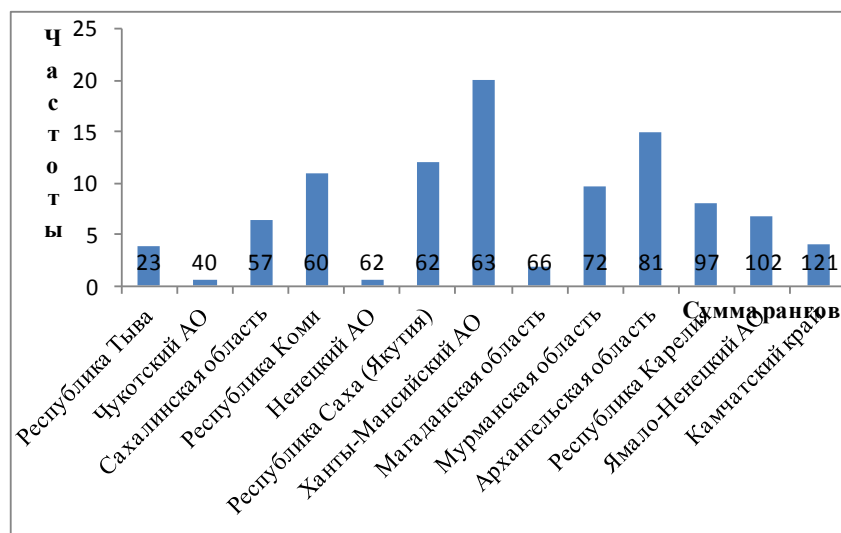

Рисунок 2. Распределение районов Крайнего Севера по сумме рангов в 2014 г.

Усиливается дифференциация между крайними значениями обобщающей характеристики, наибольшим и наименьшим значениями. Это свидетельство асимметричного типа развития районов Крайнего Севера по характеристикам потребления продуктов питания. На изменение значения обобщающего показателя оказывает влияние возможность региона воспользоваться внешнеэкономической конъюнктурой. В выигрышном положении оказываются районы Крайнего Севера, активно экспортирующие углеводородное сырье и другие товары на внешний рынок.

Высоковершинность распределения районов Крайнего Севера по сумме рангов свидетельствует о том, что большинство регионов по показателям потребления продуктов питания достаточно однородны. Таким образом, наряду с асимметричным (дисгармоничным) типом регионального развития наблюдается сближение значение обобщающей характеристики для большинства регионов.

1. Божко Ю.Н. Современные подходы к управлению региональным развитием // Социально-экономические явления и процессы. 2012. 9(043). С. 18–22.

2. Кулькова В.Ю. Направления развития региональных теорий в контексте исследования различий социально-экономического развития территории // Региональная экономика: теория и практика. 2006. 11(38). С. 61–72.

3. Лавровский Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к её ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. 2003. № 4. С. 524–536.
4. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2010 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b10101/Main.htm> (дата обращения: 03.07.2017).
5. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2014 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). URL: <http://www.gks.ru/bgd/regl/b15101/Main.htm> (дата обращения: 03.07.2017).
6. Селиверстов В.Е. Федерализм, региональное развитие и региональная наука в постсоветской России: модернизация или деградация? // Регион: экономика и социология. 2013. № 4 (80). С. 3–36.
7. Шильцин Е.А. Вопросы оценки региональной асимметрии (на примере России). URL: <http://www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/ШильцинЕ.doc> (дата обращения: 03.07.2017).

Т.А. Найденова,

к.э.н., доцент кафедры банковского дела;

И.Н. Швецова,

к.э.н., доцент, заведующая кафедрой финансового менеджмент,

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорочкина

г. Сыктывкар

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОСТИ САМОРАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ЕГО АПРОБАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Процесс формирования единого социально-экономического пространства РФ, в основе которого заложена парадигма регионального саморазвития, приобрел деформированные формы, выраженные значительными региональными асимметриями, большой долей дотационных регионов, сохранением многопрофильности местных экономик, дефицитом трудовых ресурсов, высоким уровнем демографической нагрузки и социальной неоднородностью. Данный процесс имеет ярко выраженный характер в субъектах РФ, отнесенным к районам Крайнего Севера, в силу особенностей их развития. С одной стороны, в северных регионах сосредоточена значительная часть природно-сырьевых ресурсов (нефть, газ, уголь), с другой – суровые природно-климатические условия увеличивают расходы на производство продукции и жизнеобеспечение населения, что приводит к разрыву в уровне и качестве жизни населения северных регионов и регионов центральной, и южной части России. В контексте проблемы северной специфики и ограниченности финансовых ресурсов процессы саморазвития территориальных социально-экономических систем приобретают системообразующую роль, а их изучение – приоритетное значение. Концепция регионального саморазвития в северных субъектах РФ будет усиливать свою актуальность в силу роста объемов дефицитов их бюджетов.

В современной научной экономической литературе и управленческой практике дефиниция «саморазвитие» представлена достаточно широким спектром, толкование самого термина «саморазвитие», проблемы саморазвития территориальных экономических систем до сих пор являются предметом научной дискуссии представителей разных научных направлений.

Диалектика саморазвития заключается в сложившемся противоречии между возможностью использования собственных ресурсов и зависимостью от внешних факторов.

Принимая во внимание данный аспект, предлагается понимать саморазвитие как синергию внутренних источников расширенного воспроизводства ресурсного потенциала территории, обеспечивающих устойчивость территориальной социально-экономической системы к воздействиям внешней среды. В данном определении указано на то, что эффективное использование внутренних источников саморазвития возможно в условиях нивелирования (сглаживания) факторов внешней среды [3, с. 90].

Методология оценки саморазвития регионов представляет собой инструмент оценки природно-ресурсного, производственного, финансового, инвестиционного, инновационного, социально-демографического, технологического, потенциалов развития регионов, имеющих тенденции, идентификации проблемных моментов в обеспечении дальнейшего развития.

Методология оценки саморазвития региона включает в себя следующие элементы:

- 1) методику оценки саморазвитие;
- 2) разработка рекомендаций по саморазвитию региона.

Методика оценки потенциальных возможностей саморазвития территорий.

Построение системы для оценки возможностей саморазвития – достаточно сложная итерационная задача, предполагающая наряду с оценкой социально-экономического потенциала территории, оценку эффективности его использования и учет региональной специфики. Методика оценки саморазвития предполагает выявление факторов дестабилизации, наличия источников саморазвития, исследование адаптационных способностей, прогнозирование кризисных ситуаций.

Алгоритм оценки и обеспечения саморазвития региона состоит из двух функционально зависимых и взаимоопределяющих частей: оценка эффективности развития региона, обеспечение эффективного развития региона.

Оценка эффективности развития включает:

1-й этап – анализ системных ограничений при выборе подхода в оценке экономики региона. На этом этапе определяется целесообразность применения методов оценки, формируются требования к начальным условиям: время (день, месяц, год), место (геополитическое положение) с учетом стратегии развития региона.

Рисунок 1. Алгоритм оценки и обеспечения саморазвития региона

2-й этап – анализ элементов подсистем, обеспечивающих развитие региона, с учетом уровня достаточности (показатели, не достигшие данного уровня, как правило, не оказывают существенного влияния на качество оценки). На данном этапе осуществляется ранжирование показателей по степени влияния на эффективность социально-экономического развития региона.

3-й этап – выбор системообразующих показателей и параметров.

4-й этап – производится процесс расчета показателей на основе предложенной методики оценки эффективности социально-экономического развития региона с учетом возможной оптимизации вычислений.

5-й этап – определяются эффективность развития региона и циклическая систематизация показателей в целях их функционального ранжирования.

6-й этап – проводится анализ динамики эффективности развития региона для выявления наиболее существенной взаимосвязи элементов донорной и акцепторной подсистем с использованием расчетно-аналитического метода.

Обеспечение эффективного развития региона предполагает:

1-й этап – проводится систематизация наиболее существенных показателей по степени влияния на экономику региона с учетом принципов системного подхода к сложным и большим системам.

2-й этап – определяются механизм и функциональные уровни (многоуровневый подход) развития региона.

3-й этап – осуществляется анализ возможности правового, экономического, социального методов влияния на развитие региона в целях выработки практических рекомендаций, предложений, формирование федеральных и региональных инструментов воздействия для повышения эффективности социально-экономического развития региона.

4-й этап – принимаются управленческие решения по повышению эффективности социально-экономического развития региона путем разработки параметров бюджета субъекта РФ, законов, регламентирующих административно-хозяйственную деятельность.

5-й этап – формируется система результирующих показателей эффективности саморазвития региона. Перечень показателей, как правило, определен сущностью региональных процессов и включает в себя оценку природно-ресурсного потенциала, технического, технологического, финансового, инновационного, инвестиционного потенциалов. Для оценки потенциалов определены соответствующие показатели. По нашему мнению, на данном этапе необходимо уделить особое внимание принятию управленческого решения – выбору руководителем в рамках его должностных полномочий альтернативы, направленной на достижение эффективного социально-экономического развития региона.

Система результирующих показателей должна быть обеспечена соответствующими нормами федерального и регионального законодательства и ориентирована на массивы данных, разрабатываемых государственной и муниципальной статистикой.

Показатели должны быть сопоставимыми, т.е. обеспечивать возможность их сравнения в динамике или сравнения с аналогичными показателями однотипных объектов оценки.

Показатели должны быть прозрачными и достоверными, т.е. содержание показателя должно иметь однозначную интерпретацию и обеспечивать возможность проверки его значения в процессе мониторинга;

Система показателей должна обладать высокой степенью информированности, обеспечивающей возможность принятия стимулирующих управленческих решений на всех уровнях администрирования.

Сформированный набор показателей должен быть сбалансирован и систематизирован по принципу соответствия основной цели оценки – выявление возможностей саморазвития региона.

Таблица 1

Систематизация характеристик и результирующих показателей саморазвития региона

<i>Фактор</i>	<i>Характеристика</i>	<i>Показатель</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Природно-ресурсный потенциал	Количество природных ресурсов, стоимость их освоения, рациональность использования	1. Количество каждого доступного вида ресурсов.
Производственный потенциал	Характеристика производственной деятельности региона	1. Число организаций. 2. Оборот организаций. 3. Оборот малых предприятий. 4. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. 5. Индексы промышленного производства. 6. Индексы промышленного производства по виды экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». 7. Индексы промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства». 8. Доля обрабатывающей промышленности в ВРП. 9. Рентабельность проданных товаров (работ, услуг).
Финансовый потенциал	Характеристика финансовой деятельности субъекта РФ	1. Сбалансированность бюджета. 2. Сальдированный финансовый результат. 3. Удельный вес убыточных организаций. 4. Просроченная задолженность по заработной плате.

1	2	3
Инновационный потенциал	Объем разработанных и использованных передовых технологий, инновационная активность	1. Количество разработанных передовых технологий. 2. Использование передовых технологий. 3. Инновационная активность организаций. 4. Затраты на технологические инновации. 5. Объем инновационных товаров, работ, услуг.
Инвестиционный потенциал	Объем и достаточность инвестиций для удовлетворения потребностей региона	1. Объем валового регионального продукта. 2. Валовый региональный продукт на душу населения. 3. Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения. 4. Изменение склонности к сбережению. 5. Объем инвестиций в основной капитал. 6. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения. 7. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал.
Социально-демографический потенциал	Состав и структура населения как трудовых ресурсов и потребителей экономических благ	1. Численность рабочей силы. 2. Среднегодовая численность занятых. 3. Доля работников, имеющих высшее и среднее профессиональное образование. 4. Численность зарегистрированных безработных. 5. Динамика реальных денежных доходов населения. 6. Динамика реальной начисленной заработной платы работников организаций. 7. Коэффициент фондов. 8. Коэффициент Джини.
Технический потенциал	Уровень технологического развития производственных мощностей, используемых в регионе	1. Состав и изношенность основных производственных фондов

На основе предложенной методики, анализа природно-ресурсного, производственного, финансового, инвестиционного, инновационного, социально-демографического, технологического потенциалов за 2005–2016 гг., произведена оценка потенциальных возможностей Республики Коми, что позволило сделать следующие выводы, свидетельствующие о возможностях саморазвития Республики Коми:

- 1) наличие богатого природно-ресурсного потенциала;
- 2) развитие производственного потенциала за счет роста числа организаций и их оборота, увеличения объема отгруженных товаров, работ, услуг;
- 3) рост использования передовых технологий;
- 4) рост финансового потенциала, объемов вкладов и депозитов физических лиц и организаций, что может являться источником инвестиций;
- 5) расширение инвестиционного потенциала, сопровождающееся ростом инвестиций в основной капитал;
- 6) рост численности и качества рабочей силы.

Одновременно выявлены риски, ограничивающие саморазвитие Республики Коми.

1. Доля обрабатывающей промышленности в ВРП не превышает 40%. Причем имеет место тенденция снижения доли обрабатывающей промышленности в ВРП. Это свидетельствует о деиндустриализации, деградации промышленного потенциала, сокращении производства, износе основных фондов, конъюнктурная периоритентация на другие секторы экономики. Зачастую обрабатывающую промышленность заменяет торгово-посредническая деятельность (доля торговли в ВРП составляет 30–40%). Происходит замещение промышленных площадок торговыми и офисными.

2. Несбалансированность консолидированного бюджета Республики Коми в силу ряда причин: а) необходимость выполнения указов президента о повышении заработной платы работников бюджетной сферы до уровня средней по региону, которые легли на плечи региона; б) вызовы макроэкономической среды – снижение доступности кредитных ресурсов, ухудшение кредитных рейтингов, сокращение экономической активности, влекущей снижение налоговых поступлений; в) серьезные изъяны в государственно-правовом регулировании бюджетного процесса, в частности, сложившаяся модель распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы, закрепляющая принцип фискального приоритета федерального центра, сопровождающаяся усиливающейся централизацией финансовых ресурсов в федеральном центре. Республика Коми в 2015 г. перечисляла в центр 55% всех собранных на ее территории доходов, в 2016 г. – 64% [4, с. 321].

3. Превышение суммы налогов, собранных на территории Республики Коми и перечисленных в федеральный бюджет, объема доходов консолидированного бюджета. Такая ситуация имеет место начиная с 2014 г., причем сумма превышения перечисленных в федеральный центр налогов над суммой доходов консолидированного бюджета Республики Коми растет. В 2014 г. превышение составило

5871314,4 тыс. руб., в 2016 г. – 11149479,5 тыс. руб., т.е. за три года рост составил почти 90% [7, с. 79].

4. Рост просроченной задолженности по заработной плате, что снижает покупательную способность населения, а, следовательно, развитие реального сектора экономики.

4. Инновационная активность в республике падает, снижаются затраты на технологические инновации.

5. Инвестиционный потенциал не достаточен для саморазвития, о чем свидетельствуют следующие факторы: а) снижение темпов роста инвестиций в основной капитал в 2016 г. до 64,6% против 131,4% в 2005 г.; б) снижение склонности населения к сбережению. В 2005 г. на сбережение направлялось 10,8% от всех денежных доходов, то в 2015 г. всего 5,6%, что указывает на спад инвестиционной активности населения.

6. Устойчивая тенденция роста социального неравенства в России. В 2016 г. коэффициент Джини составлял – 0,391. Это означает, что больше половины совокупного объема денежных доходов сосредоточена у наиболее обеспеченных слоев населения.

Предложения по саморазвитию Республики Коми

1. Использование кластерного подхода в экономике в качестве «точек роста» при условии серьезной предварительной проработки и оценки проектов, выявлении всех сильных и слабых сторон, как одного из важнейших механизмов саморазвития регионов.

Для Республики Коми «точкой роста» ее экономики, развития инновационного потенциала и повышения качества жизни населения является лесной сектор. Поэтому в качестве приоритетного направления саморазвития определено формирование лесопромышленного кластера. За счет создания Лесопромышленного кластера, который представляет собой связку конкурентоспособных компаний, реализующих сырьевые и перерабатывающие возможности региона, обеспечивается повышение уровня кооперации, в том числе международной, который позволяет заимствовать у иностранных компаний передовые технологии и методы управления, продвигать передовые российские технологии на мировом рынке. [5, с. 187].

2. Изменение действующей модели распределения налоговых доходов между бюджетами разных уровней бюджетной системы, закрепляющей принцип фискального приоритета федерального центра, выражающийся в централизации доходов на федеральном уровне. В этих условиях очевидна необходимость трансформации сложившихся условий саморазвития – корректировка федерального законодательства в направлении установления пропорции 50:50 в распределении собранных налогов между центром и регионом, что обеспечит повышение инвестиционной и инновационной активности в субъекте РФ.

3. Принятие на федеральном уровне законодательного акта, ограничивающего размер изъятия собранных налогов в федеральный бюджет. Изъятие у субъекта РФ налогов в объеме, превышающем доходы ее консолидированного бюджета снижает

стимулы региональных органов власти к расширению реального сектора экономики, к наращиванию налогооблагаемой базы, в конечном счете, ограничивает развитие процессов модернизации во всех сферах жизнедеятельности [7, с. 327].

Приведенные в работе концептуализация и анализ возможностей саморазвития региона позволяют сделать ряд выводов относительно факторов саморазвития и императивов, обеспечивающих саморазвитие субъектов РФ, в частности, Республики Коми. Реализация концепции саморазвития требует проведения комплекса структурно-институциональных преобразований экономики региона в сочетании с мобилизацией материальных, финансовых, трудовых ресурсов в интересах обеспечения подъема и долговременного экономического роста. Поэтому целесообразно дальнейшее углубление исследования внутреннего механизма саморазвития территорий.

1. Анимица П.Е. Становление бизнес-территорий в контексте концепций саморазвития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 46 (229). С. 20–24.
2. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Душин А.В., Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. Регионы России: классификация по признаку саморазвития // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 19 (154). С. 2–15.
3. Леонтьева А.Н., Самохин Ю.А. Стимулирование процессов саморазвития территориальных социально-экономических систем // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. № 3 (48). С. 87–104.
4. Найденова Т.А., Швецова И.Н. Методология оценки и оценка финансовой устойчивости бюджетов субъектов РФ (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1. С. 319–328.
5. Новокшенова Е.Н. Оценка региональной инвестиционной политики как инструмента создания промышленных кластеров в условиях Севера. М.: Экон-Информ, 2015. 234 с.
6. Татаркин А.И. Инновационная миссия среднего региона в модернизации Российской экономики // Экономика Северо-Запада: Проблемы и перспективы развития. 2011. № 2–3. С. 61–86.
7. Татаркин А.И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России // Экономика региона. 2013. № 4. С. 9–26.
8. Швецова И.Н., Найденова Т.А. Актуальные проблемы государственных и муниципальных финансов: монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 144 с.

Е.Н. Новокинова,

к.э.н.;

Н.А. Оганезова,

к.э.н.,

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

г. Сыктывкар

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК МЕХАНИЗМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОТРАСЛЕЙ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

В настоящее время в Российской Федерации проблемы экономической самостоятельности, безопасности и устойчивого развития регионов являются определяющими для повышения экономического роста, увеличения ВВП, поддержания устойчивого состояния страны, регионов, отраслей.

Впервые вопросы парадигмы устойчивого развития на официальном уровне были подняты в 1992 году на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (г. Рио-де-Жанейро, Саммит Земли), на которой были сформулированы его основные элементы: экономический (обеспечение технологического «прорыва» (за счет развития науки), диверсификация экономики, оперативное управление и контроль, кооперация и интеграция, повышение конкурентоспособности); социальный (развитие социальной инфраструктуры, повышение уровня социального развития) и экологический (рациональное, неистощительное использование ресурсного потенциала, развитие системы экологических стандартов) [1].

Основные положения парадигмы устойчивого развития Республики Коми не противоречат и положены в основу Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года, согласно которой главной целью развития региона является повышение уровня жизни населения на основе устойчивого развития экономики, а одной из стратегических целей – обеспечение макроэкономической стабильности и достижение устойчивых темпов экономического роста не ниже пяти процентов в год [6].

В рекомендациях ОЭСР устойчивое развитие рассматривается с позиций количественных и качественных изменений, динамичном развитии экономики, производства, других отраслей, сфер и направлений экономической деятельности, качества жизни населения [5]. В целом уровень устойчивого развития региона обусловлен взаимодействием ряда групп факторов природно-экологического, политического, общественного, экономического, и социального характера, оказывающих влияние на развитие экономики региона, в том числе на промышленность. По мнению авторов, эти факторы соответствуют целям функционирования национальной экономики с позиций концепции устойчивого развития, а именно: обеспечению непрерывности экономического развития, безопасности граждан и государства, решению

экологических и социальных проблем. Таким образом, понятие «устойчивое развитие» прочно вошло в промышленно-корпоративную деятельность.

Достаточно значимый вклад в обеспечение устойчивого развития экономики республики вносит топливно-энергетический, лесопромышленный комплекс и электроэнергетика, являющиеся базой развития экономики промышленных отраслей региона [3].

Таблица 1

Структура промышленного производства Республики Коми по видам экономической деятельности (% к итогу)¹

Виды экономической деятельности	Годы				
	2012	2013	2014	2015	2016
Всего:	100	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	56,3	55,7	54,8	57,8	56,6
Обрабатывающие производства	35,0	35,4	35,7	33,8	33,8
В том числе					
обработка древесины и производство изделий из дерева, кроме производства мебели	3,2	3,6	3,9	4,0	Н.д.
производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	6,9	6,9	7,5	8,0	Н.д.
производство нефтепродуктов	19,3	19,6	19,1	13,0	Н.д.
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8,7	8,9	9,5	9,4	9,6

Одним из основных направлений исследования устойчивого регионального экономического развития является анализ региональной информации, позволяющий выявить тенденции формирования показателей эффективности под влиянием экономико, социально- демографических факторов, которые играют решающую роль в формировании трудового потенциала экономики промышленных отраслей региона и обеспечение его устойчивого развития.

Анализ трудов Г. Беккера, В.Н. Бобкова, Н.А. Волгина, Б.М. Генкина, С.Ю. Глазьева, С.И. Григорьева, С.А. Дятлова, А.Я. Кваши, А.Я. Кибанова, Л.Э. Кунельского, Д.С. Львова, И.С. Масловой, Б.М. Мочалова, В.В. Оникиенко, А.А. Разумова, Б.В. Ракитского, Н.М. Римашевской, Л.С. Ржаницыной, Е.И. Рузавиной, М.И. Скаржинского, Дж. Стиглица, Л. Туроу, Т. Шульца [6]. Анализ в области трудового потенциала показал, что исследователи этой социально-экономической категории рассматривают ее с трех позиций микроуровня (трудовой потенциал человека, организации), мезоуровня (трудовой потенциал отрасли) и макроуровня (трудовой потенциал региона).

Костаковой В.Г., Волохиной И.С., Чижова Л.С. рассматривают трудовой потенциал с позиций: статистической, демографической и экономической, каждая из которых характеризуется своей группой показателей:

¹ Рассчитано авторами с использованием источника [5].

1. Статистический подход: численность трудовых ресурсов, структура распределения по отраслям и сферам экономики.

2. Демографический подход: число трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, продолжительность жизни.

3. Экономический: количественное и качественное проявление трудовых ресурсов.

Предложенная совокупность подходов позволяет комплексно оценить состояние трудового потенциала региона, отрасли, организации.

Два подхода возможно объединить в комплексный подход, позволяющий комбинированно применить их на всех уровнях экономики (табл. 2).

Ограничения применения предложенного подхода выступает недостаточное количество публикуемых официальной статистикой данных. Для формирования более точных выводов вводится показатель уровень рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, выступающим в качестве результирующего показателя, отражающего влияние трудового потенциала развития отрасли на его устойчивое развитие. Для сопоставления показателей, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций отрасли приведена к среднереспубликанскому уровню, аналогично показателю среднесписочная численность работников организаций отрасли.

Таблица 2

Комплексный подход оценки состояния трудового потенциала экономики промышленных отраслей региона¹

Наименование показателя	Годы				
	2012	2013	2014	2015	2016
1	2	3	4	5	6
Добыча полезных ископаемых					
Среднесписочная численность работников организаций, тыс.чел.	25,6	25,0	26,5	25,7	24,2
Среднесписочная численность работников организаций Республики Коми, тыс.чел.	73,4	71,8	71,3	69,6	66,8
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций отрасли, руб.	58021	64942	70657	73317	77638
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций Республики Коми, руб.	33971	37717	40222	41365	43427
Среднесписочная численность работников организаций, в % к среднереспубликанскому уровню	34,88	34,82	37,17	36,93	36,23
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, в % к среднереспубликанскому уровню	170,79	172,18	175,67	177,24	178,78

¹ Рассчитано авторами с использованием источника [5].

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
<i>Уровень рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, %:</i>	20,3	17,3	8,9	13,4	11,6
Обрабатывающие производства					
Среднесписочная численность работников организаций, тыс.чел.	28,8	27,6	26,0	25,5	24,6
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	32744	36569	37996	40582	42837
<i>Среднесписочная численность работников организаций, в % к среднереспубликанскому уровню</i>	39,23	38,44	36,47	36,63	36,82
<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, в % к среднереспубликанскому уровню</i>	96,39	96,96	94,47	91,86	93,45
<i>Уровень рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, %:</i>	11,5	9,6	7,2	14,4	20,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды					
Среднесписочная численность работников организаций, тыс.чел.	19,0	19,2	18,8	18,4	18,0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	33166	36850	39820	42741	47167
<i>Среднесписочная численность работников организаций, в % к среднереспубликанскому уровню</i>	25,88	26,74	26,37	26,44	26,95
<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, в % к среднереспубликанскому уровню</i>	97,63	97,70	99,00	103,33	103,34
<i>Уровень рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций³⁾, %:</i>	0,5	3,4	1,2	0,4	0,4

По данным таблицы, отмечается снижение среднесписочной численности работников организаций отраслей промышленности в абсолютном выражении. Наибольшее снижение было зафиксировано в обрабатывающих производствах. Однако отмечается снижение данного показателя в относительном значении лишь по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства». По другим видам деятельности отмечается рост указанного показателя. Также отмечается рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций указанных видов деятельности как абсолютном, так и в относительном значении, следствием чего стало снижения уровня рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) их организаций. В обрабатывающих производствах отме-

чается рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в абсолютном значении, в относительном – снижение. Следствием снижения расходов на производство товаров, продукции (работ, услуг) стал рост уровня рентабельности проданных товаров, продукции организаций обрабатывающих производств. Это свидетельствует об уменьшении трудового потенциала по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» и его сохранении по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Следует отметить, что в региональной экономике практически отсутствуют механизмы формирования трудового потенциала, а реализуемые методы слабо адаптированы к реальным условиям состояния экономики промышленных отраслей региона, что ведёт к необходимости поиска эффективных путей управленческих решений по вопросу разработки стратегии формирования трудового потенциала промышленных отраслей региона, способной обеспечить устойчивое развитие социально-экономической системы в целом с учётом реальных ресурсов и минимальных рисков.

1. Новокшенова Е.Н., Оганезова Н.А. Управление трудовым потенциалом в условиях обеспечения устойчивого развития региона (на примере Республики Коми) // Бухгалтерский учет, экономика и финансы в условиях формирования информационной среды сбалансированного устойчивого развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов (27–28 апреля 2017). Севастополь. С. 151–153.

2. Сорокина Н.Ю. Содержание трудового потенциала региона в системе стратегического управления территорией // Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития территорией: материалы Российского научно-практического семинара (16–17 декабря 2010). Вологда, 2010. С. 66–71.

3. Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года: утв. Постановлением Правительства Республики Коми от 27.03.2006 №45 в ред. От 22.03.2013 №88 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми: официальный сайт. URL: <http://www.komi.gks.ru/> (дата обращения: 02.07.2017).

5. Цомартова Л.В. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем. URL: http://science-bsea.narod.ru/2011/ekonom_2011_1/comarova_factory.htm (дата обращения: 01.06.2017).

6. Шихвердиев А.П., Оганезова Н.А. Механизмы формирования устойчивого развития лесной отрасли региона (на примере Республики Коми) // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. №2. С. 78–99. URL: <http://vestnik-ku.ru/articles/2014/2/7.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

В.А. Носков,
*Институт социально-экономических и энергетических проблем севера
КНЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С УЧЕТОМ ПРИНЦИПОВ «ЗЕЛеноЙ ЭКОНОМИКИ»

Структурные особенности лесного сектора Республики Коми

Для Республики Коми, занимающей первое место среди всех регионов европейской части России по площади лесов и допустимому объему изъятия древесины, лесные ресурсы на протяжении всей истории носили существенное промышленное и рекреационное значение.

Лесной сектор (ЛС) играет значимую роль в экономике большинства муниципальных образований, особенно в традиционных «лесных» районах с сельским и преимущественно сельским населением, где он создает существенную часть поступлений в муниципальные бюджеты, доходы и занятость населения. Несмотря на это социально-экономические выгоды, получаемые от деятельности комплекса, как и страны в целом, незначительны по сравнению с их возможным потенциалом.

В последние годы предприятия комплекса стабильно отгружали готовую продукцию более чем на 50 млрд руб. ежегодно, при этом обеспечивая занятость 16–17 тыс. чел.

Проблемы развития лесного сектора Республики Коми

Низкая диверсификация и конкурентоспособность лесного сектора экономики

Недостаточная глубина передела древесины вместе с консервативной отраслевой структурой значительно снижает экспортный потенциал республики, не позволяя получать достаточно прибыли за счет разницы экспортных и внутренних цен. В настоящий момент значительная доля экспорта приходится на лесопroduкцию с низкой добавленной стоимостью (пиломатериалы до 80%).

Серьезной проблемой является крайне нерациональное использование лесного сырья. По разным оценкам, в РК до 1 млн куб. древесины пропадает в виде отходов или неиспользованной мелкотоварной древесины, которые могут потенциально перерабатываться в биоэнергетике и в более сложных лесохимических переделах.

Неоптимальная пространственная организация – слабый социально-экономический эффект в муниципальных образованиях

Учет принципов и форм пространственной организации ЛС необходим в планировании его перспективного развития и позволяет устранить и не допустить территориальные диспропорции, снижающие его экономическую и социальную эффективность [1]. Гиперцентрализация размещения переработки – ключевая про-

блема пространственной организации ЛС республики, которая сформировалась после ввода в действие Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в 70-х годах XX века, когда традиционные «лесные» районы стали служить, в основном, сырьевым придатком целлюлозно-бумажного производства.

Создание крупных высокотехнологичных лесоперерабатывающих центров в лесоизбыточных районах позволяет выпускать продукцию с высокой добавленной стоимостью, при этом местные власти получают выгоду в виде снижения социальной напряженности, развития инфраструктуры, в том числе транспортной, энергетической, дополнительных налоговых отчислений в местные бюджеты. Все это влияет на итоговую эффективность ЛС муниципальных образований РК.

Неразвитость лесной инфраструктуры – также результат территориальных диспропорций и асимметрии сектора. Для РК критична именно лесная инфраструктура сельских районов, особенно тех, которые традиционно относятся к «лесным». Слабое транспортное освоение участков лесного фонда – одна из важнейших проблем ЛС, как России, так и республики. Низкая транспортная доступность сырьевых баз сдерживает освоение значительной части эксплуатационных лесов действующих и перспективных предприятий РК. Доля круглогодичных дорог в традиционных «лесных» районах региона составляет в среднем 14,9%, что ведет к значительной сезонности лесозаготовок, когда основной объем лесозаготовок и вывозки древесины приходится на месяцы, когда можно использовать «зимники», которые широко распространены в районах Крайнего Севера. В РК крайне низкая плотность дорог: при средней плотности 0,19 км/кв. км, что близко в среднероссийскому уровню – 0,17 км/кв. км, мы значительно уступаем европейским странам. Даже Финляндия, близкая к РК по климатическим условиям, имеет плотность лесных дорог на уровне 12,3 км на 1 тыс. га [2], или 1,23 км/кв. км, что почти на порядок выше, чем в регионе.

Низкое внутреннее потребление лесоматериалов – один из ключевых факторов неразвитости ЛС экономики и косвенный показатель бедности населения. Малая емкость внутреннего рынка лесопродукции не позволяет переориентировать на него экспортные товарные потоки, отсутствует важнейший элемент, присущий всем развитым рынкам – стимулируемый и регулируемый государством спрос на комплектные деревянные дома, как конечное изделие деревообрабатывающей промышленности. Кроме того, нет системной государственной политики, направленной на развитие внутреннего рынка потребления отечественной продукции ЛПК, практически нет программ поддержки импортозамещения.

«Отсталое» лесное хозяйство – ключевая проблема ЛС России, и в частности, РК. При кажущейся огромной величине лесных богатств, лесопромышленники все чаще говорят о дефиците сырья: пригодные для разработки леса все дальше «отдвигаются» от лесоперерабатывающих производств, эксперты все чаще говорят о том, что экстенсивная модель лесопользования исчерпала себя и требует замены на интенсивную модель.

В настоящий момент в России наблюдается значительное истощение эксплуатационных лесов, что уже создает существенные проблемы как лесозаготовителям, так и лесопереработчикам. Ключевым показателем истощения лесов служит динамика изменения среднего запаса на гектар в освоенных лесах, и прежде всего по хвойному хозяйству. В.Ф. Якубов писал о северных лесах: «По сравнению с серединой прошлого столетия запас отведенных в рубку древостоев в Архангельской области и РК снизился с 200–250 до 110–120 куб. м./га».

Направления и механизмы развития ЛК РК

Проблемы лесного комплекса Республики Коми с учетом общемировых и национальных трендов его развития требуют формирования приоритетных направлений его модернизации, но для этого необходимо сформулировать целевое видение его развития. По мнению авторов, главной целью модернизации является создание высокоэффективного лесного комплекса, базирующегося на передовых технологиях, с учетом общемировых требований к защите окружающей среды и рационального лесопользования, сохраняющего природный капитал лесов, формирующий экономическую основу лесных населенных пунктов, способный обеспечить выпуск конкурентоспособной лесобумажной продукции для удовлетворения спроса на внутреннем и внешнем рынках и рынках, для обеспечения высокого уровня жизни жителей Республики Коми. Выделим ключевые направления и задачи развития лесного комплекса Республики Коми.

Анализ лесного сектора муниципальных образований, которые являются прежде всего сельскими территориями, показал их разную социально-экономическую, отраслевую и пространственную эффективность.

Диверсификация товарно-отраслевой структуры с учетом мировых технологических и рыночных требований

Диверсификация товарно-отраслевой структуры лесного комплекса Республики Коми является одним из ключевых элементов его модернизации, т.к. позволяет значительно повысить его конкурентоспособность, прежде всего за счет выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью и широкой номенклатуры, что является первой задачей этой модернизации. Второй задачей ставится модернизация и технологическое перевооружение производства, развитие инновационных производств по комплексной переработке сырья (лесохимии, биофармацевтики, биотопливо др.).

В Республике Коми в последние годы создаются новые лесоперерабатывающие мощности по полной переработке древесины. Эти проекты реализуются через механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. В настоящий момент большинство проектов реализовано или находится в завершающей стадии, когда производство должно выйти на плановую мощность. Например, в Троицко-Печорском районе реализуются два перспективных инвестиционных проектов в области освоения лесов силами ООО «ПечораЭнергоРесурс» и ООО «Азимут», которые полностью перерабатывают древесину с выпуском продукции с

высокой добавленной стоимостью. Помимо традиционных пиломатериалов они выпускают клеенные изделия (клееный брус, мебельный щит), топливные брикеты и пеллеты, продукцию лесохимии (эфирные масла и др.). В Прилузском районе ООО «Лузалес» провела в последние годы значительную модернизацию своего лесопильного производства, значительно увеличив объемы переработки, ее глубину и качество выпускаемой продукции. В Усть-Вымском районе завершено строительство лесозавода № 1, который будет выпускать в том числе и элементы деревянного домостроения. Это будет второе крупное предприятие с таким профилем, помимо Сыктывкарского промышленного комбината, который был построен несколько лет назад для выпуска деревянных домокомплектов.

В 2010–2014 гг. ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК» реализовала проект модернизации STEP. Это крупнейший инвестиционный проект в целлюлозно-бумажной промышленности России за предшествующие 30 лет. Результатами проекта STEP стали модернизация технологий, повышение уровня безопасности и экологичности предприятия, улучшение качества и конкурентоспособности продукции, увеличение общей эффективности.

Важнейшей задачей по диверсификации товарно-отраслевой структуры является поддержка приоритетных сегментов с учетом перехода на более высокие пределы и удовлетворение внутреннего спроса. В Республике Коми принята концепция развития биотехнологий, и одной из ее целей является создание биотехнологического кластера, кроме этого, идет формирование лесного кластера на базе малых и средних предприятий, которые получают финансовую и организационную поддержку от региональных и федеральных властей. В таблице 1 представлены прогнозные значения ключевых показателей развития лесного комплекса Республики Коми с учетом существующей диверсификации товарно-отраслевой структуры. Прогнозируется рост продукции с более высокой добавленной стоимостью, как в натуральном, так и в стоимостном выражении.

Таблица 1

**Прогнозные значения ключевых показателей развития
лесопромышленного комплекса Республики Коми**

<i>Показатель</i>	<i>2014 г.</i>	<i>2015 г.</i>	<i>2020 г.</i>	<i>2025 г.</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Объем отгруженной продукции млн руб.				
«Лесозаготовки»	3793,3	4034,8	4951,5	5256,2
«Обработка древесины и производство изделий из дерева»	15516,2	17117,0	22539,7	23955,0
«Производство целлюлозы, бумаги, картона и изделий из них»	34656,2	37643,0	42571,9	43874,4
Итого	53965,7	58794,8	70063,1	73085,6
Производство основных видов продукции				
Древесина необработанная, млн усл. куб. м.	5,6	5,7	5,85	6,0
Пиломатериалы, млн усл. куб. м.	0,715	0,721	0,795	0,810
Фанера клееная, млн усл. куб. м.	0,330	0,340	0,343	0,347

1	2	3	4	5
Древесноволокнистые плиты, млн усл. кв. м.	12,0	13,0	15,1	15,1
Древесно-стружечные плиты, млн усл. куб. м.	0,340	0,380	0,400	0,420
Производство бумаги, тыс. тонн	752	760	770	780
Производство картона, тыс. тонн	263	285	289	290

* Данные Министерства развития промышленности и транспорта РК / Долгосрочный прогноз развития ЛПК до 2025 г.

Укрепление и развитие биоэнергетики (переработка древесных отходов, в том числе использование их в коммунальной энергетике)

Один из ключевых инструментов повышения эффективности лесного комплекса Республики Коми – развитие биоэнергетики на основе древесного топлива. По оценкам министерства промышленности, природных ресурсов, энергетики и транспорта Республики Коми, в республике не используется более трети всей заготавливаемой древесины в виде безвозвратных технологических отходов, к которым относятся опилки, кора, щепа.

Кроме этого, в ходе лесозаготовок, а также на местах временного хранения лесоматериалов и при транспортировке теряется значительная часть древесины в силу нарушения ритмичности производства, устаревших технологий заготовки и транспортировки, климатических условий.

В последние годы в Республике Коми были введены в строй значительные мощности по производству топливных брикетов и гранул силами малого, среднего и крупного лесного бизнеса. Если малые предприятия производят в основном топливные брикеты для местного населения, то крупные лесопильные заводы для утилизации своих отходов производят топливные гранулы и для внешнего рынка на более совершенном оборудовании, и под требования иностранных заказчиков.

Помимо улучшения экологической ситуации от уменьшения количества свалок с отходами лесопиления, которые значительно захламляют территории, для сельских территорий Республики Коми важным является повышение надежности предоставления коммунальных услуг населению, снижение бюджетных затрат на коммунальные услуги. Это обеспечивается путем замены топлива для котельных с угля на древесное сырье (щепа, отходы лесопиления и т.д.). Именно для этого была принята региональная программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на территории Республики Коми (на 2010–2020 гг.)» (подпрограмма «Использование низкосортной древесины и отходов лесопереработки в качестве топлива для производства горячей воды, тепловой и электрической энергии»).

Реализация проектов по строительству (реконструкции) коммунальных котельных, использующих биотопливо, уже дала значительные результаты. Например, наиболее крупный представитель коммунальной отрасли в Республике Коми – АО «Коми тепловая компания» уже перевела часть котельных с угля и мазута на дре-

весное топливо и планирует это делать и в дальнейшем на большинстве своих котельных (рис. 1).

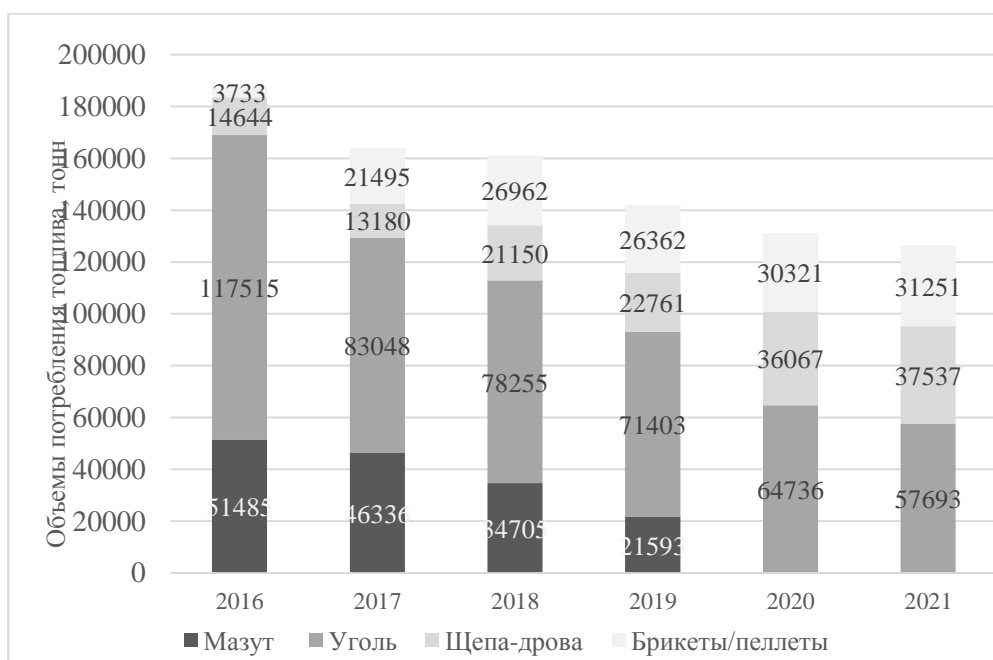

Рисунок 1. Замещение мазута и угля биотопливом на котельных АО «Коми тепловая компания», т.у.т

Помимо развития биоэнергетики для коммунальных нужд населения важнейшее значение придается развитию биоэнергетических мощностей не только для утилизации отходов, но и создания тепло-, электрогенерации на древесном сырье. Например, на ведущем производителе пиломатериалов в Республике Коми ООО «СевЛесПиле» завершено строительство мини-теплоэлектростанции. С вводом мини-ТЭЦ предприятие планирует получать в пределах 12 МВт тепла и 2,2–2,4 МВт электроэнергии. В качестве топлива будут использоваться 100 процентов древесных отходов собственного лесопильного производства в виде древесной коры и чистых древесных опилок. Аналогичные проекты развиваются и на других крупных лесоперерабатывающих предприятиях Республики Коми.

Рациональное размещение и эффективная пространственная организация лесного комплекса, рост вклада в социально-экономическое развитие Республики Коми.

Решением проблемы асимметрии регионального лесного комплекса служит его децентрализация и создание в районах Республики Коми крупных лесоперерабатывающих производств по полной переработке древесины.

Формирование второго регионального центра в Троицко-Печорске (после Сыктывкара) по глубокой переработке древесины является максимальной задачей, реализация которой может поднять региональный лесной комплекс на новую высоту.

Интерес к созданию такого комплекса, который будет включать в себя целлюлозное производство с дельнейшим выпуском вискозы, проявляют многие инвесторы как в России, так и за рубежом. Строительство такого комплекса, с учетом работы в этом районе многих крупных лесоперерабатывающих производств, позволит значительно увеличить объемы заготовки и переработки древесного сырья, и выпускать высококачественную, конкурентоспособную продукцию для национального и мировых рынков. Такое развитие будет иметь значительный социальный эффект для местного населения и повысит доходы бюджетов всех уровней.

Помимо регионального уровня важно развитие лесного комплекса в традиционных лесных районах Республики Коми. Как уже отмечалось, крупные лесоперерабатывающие центры формируются в Прилузском, Усть-Вымском районах, однако необходимо развитие и создание новых крупных лесоперерабатывающих центров в Удорском, Койгородском, Корткеросском, Усть-Куломском районах.

Министерство промышленности, транспорта и энергетики Республики Коми, совместно с научными организациями формируют предложения по дальнейшему развитию лесного комплекса в муниципальных районах, ведется работа по созданию лесного кластера и включения его в федеральный реестр для получения льгот и субсидий для предпринимателей.

Важное значение придается усилению градообразующей роли центров плитной продукции на основе их модернизации в Усть-Вымском и Княжпогостском районах для выпуска продукции с большей добавленной стоимостью и нужного качества.

Переход к «зеленой экономике»

Многолетние проблемы, стоящие перед лесным хозяйством, требуют принципиально новых подходов к их решению. Доминировавший в мире в последние 100–150 лет процесс накопления физического, финансового капитала привел к чрезмерному истощению и деградации природного капитала, при этом стали игнорироваться экологические и социальные последствия. Парта Сарати Дасгупта (брит. экономист) писал: «Экосистемы представляют собой капитал. В качестве восстанавливаемого капитала ... экосистемы обесцениваются, если они неправильно используются или перерасходуются [3]. По мнению Pezzey J.C.V., благосостояние на душу населения не должно уменьшаться со временем [4]. Pearce D.W., Barbier E.B и др. считали, что именно «полный запас капитала, используемого экономической системой, включая природный капитал, определяет полный спектр экономических возможностей и, таким образом, благосостояние, доступное и нынешним и будущим поколениям» [5].

Последовательный переход к «зеленой экономике» требует коренного пересмотра всей системы лесного хозяйства и лесопользования, при котором ключевое значение придается переходу на интенсивную модель ведения лесного хозяйства, как альтернативе существующей до сих пор экстенсивной модели ведения лесного хозяйства. Выделим ключевые особенности (направления) интенсивной модели ведения лесного хозяйства.

Во-первых, это переход от «пионерного» освоения лесов к ведению лесного хозяйства во вторичных, уже освоенных лесах.

Во-вторых, целью лесного хозяйства должно быть выращивание древостоев с заданными породно-качественно-размерными характеристиками путем активного использования промежуточного пользования лесом, прежде всего рубок ухода, в течение всего цикла лесовыращивания с сохранением биоразнообразия. Если в Скандинавских странах только часть рубок ухода (осветление, прочистка) являются некоммерческими и проводятся в 10–30 летних древостоях, то в России рубки ухода практически всегда считаются экономически невыгодными вплоть до того, как древостои перейдут в категорию спелых и перестойных.

В-третьих, важнейшее значение придается переходу к выборочным рубкам, по крайней мере, в лесах густонаселенных регионов, обеспечивающим сохранение непрерывности лесной среды и выполнения лесом средообразующих функций. Основная цель перехода на выборочные способы рубок заключается в том, чтобы перейти к выращиванию не только разновозрастных насаждений, но и разнопородных, что требует коренной перестройки всей системы лесного хозяйства.

1. Гибез А.А., Дмитриева Т.Е., Носков В.А. Территориально-отраслевая организация лесопромышленного комплекса РК // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2011. № 7. С. 106–112.

2. Karjalainen T., Leinonen T., Gerasimov Y., Husso M. & Karvinen S. (eds.). 2009. Intensification of forest management and improvement of wood harvesting in Northwest Russia – Final report of the research project. Metlan työraportteja / Working Papers of the Finnish Forest Research Institute 110. 151 p.

3. Dasgupta, Partha, 'Nature in Economics', In Environmental and Resource Economics 2008, 39, pp. 1–7.

4. Pezzey, J.C.V. (1989г.). "Economic Analysis of Sustainable Growth and Sustainable Development." Environment Department Working Paper No. 15. The World Bank Washington, D.C.

5. Pearce, D.W., Markandya A. и Barbier, E.B. (1989г.). Blueprint for a Green Economy. Earthscan, London.

Е.В. Ольшевская,
*к.и.н., доцент кафедры ЭиМС,
Институт менеджмента и предпринимательства,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

ВНУТРЕННИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Задача обеспечения устойчивого развития и качественного экологически безопасного экономического роста имеет множество аспектов. В частности, перед Рес-

публикой Коми открываются перспективы более широкого использования несырьевых ресурсов территории. В качестве основных перспектив рассматривается развитие внутреннего туризма, основанного на особенностях и возможностях региона.

Республика обладает значительным туристским потенциалом. Достаточно упомянуть ее размеры (416,8 тыс. кв. км), наличие особо охраняемых природных территорий площадью около 6,1 млн га (14,62%) территории республики, транспортную доступность для потенциальных туристов. Важными ресурсами следует считать объекты культурного наследия, исторические центры, например, села Усть-Вымь и Ыб, связанные с деятельностью православного святого епископа Стефана Пермского. В городах Сыктывкаре, Воркуте, Инте, Печоре представлены и героические, и трагические страницы истории XX века [3].

Республика имеет возможность развивать ряд направлений туризма, увеличивая количество туров, улучшая качество обслуживания туристов, развивая инфраструктуру, используя как можно больше объектов туристского показа и территорий.

Правительство Республики Коми понимает важность развития туризма, его роль в решении экономических и социальных задач. В регионе разработаны и действует программы развития туризма, оказывается поддержка инициатив в этой области. Избранная стратегия развития под брендом «Экореспублика Коми» в настоящее время представляется наиболее целесообразно и экономически обоснованной.

В документах наряду с перспективными направлениями развития туризма в Республике Коми отмечены и ее слабые стороны. Среди них недостаточный уровень развития транспортной и туристской инфраструктуры и сервиса; ярко-выраженная сезонность, недостаток комплексных и межрегиональных туров, малая известность туристских брендов Республики Коми и ее туристских продуктов, особенно соответствующих международным стандартам [1].

Все это свидетельствует о недостаточно высоком уровне использования туристского потенциала Республики Коми.

Стратегию развития туризма в республике можно и нужно совершенствовать. Пока еще недостаточно используется важнейший ресурс – многонациональная культура народов, населяющих наш край. Титульная нация республики – коми-зыряне – относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи и имеет исторические и культурные связи с рядом народов России и зарубежья. Народ коми, не составляющий большинства населения республики, тем не менее сохраняет язык и традиционную культуру. Жилище, предметы быта, костюм и орнамент, ремесла и фольклор представляют значительный интерес с точки зрения научных исследований, а также для туризма. Сохранившиеся села традиционной застройки с деревянными домами и надворными постройками являются целостными историческими и культурными комплексами. Все это может стать основой для более активного развития культурно-познавательного, этнографического, паломнического, аграрного и даже гастрономического туризма. Культурно-исторический или познавательный туризм ориентирован на знакомство туристов с памятниками культуры,

археологии, истории, с бытом и традициями местного населения. Все районы Республики Коми обладают достаточными культурно-историческими ресурсами.

Туры по Республике Коми вполне могут сочетать в себе несколько направлений. Так, к культурно-познавательному туризму относят этнографический, событийный, религиозный и другие виды туризма.

Практически во всех районах Республики Коми традиционно проводятся фольклорные праздники. Наиболее популярными являются «Усть-Цилемская горка» в одноименном селе, народный праздник «Луд» в Ижемском районе, гастрономический фестиваль «Черинянь гаж» в д. Бызовая Печорского района, фестиваль народной песни «Завалинка» в с. Вьльгорт Сыктывдинского района, арт-фестиваль «Сено» в д. Гришестав Троицко-Печорского района и другие [2].

Этнографический туризм основан на изучении и ознакомлении с определенной этнической группой, ее образом жизни, бытом, языком, традициями, праздниками. В городах и большинстве сел Республики Коми действуют этнографические и краеведческие музеи, сосредоточившие богатый материал. Учреждения культуры организуют экскурсии и праздники на его основе. Например, «Пижма-заповедная» на базе историко-мемориального музея А.В. Журавского в Усть-Цилемском районе, туры в Финно-угорский этнопарк в с. Ыб Сыктывдинского района, экскурсии по традиционному коми подворью в селе Усть-Вымь и др. Финно-угорский этнопарк предлагает туристам ряд программ, основанных на традициях народа коми, богатый ассортимент мастер-классов.

Можно говорить о перспективах развития сельского туризма в республике на основе сохранившихся сел и деревень с традиционным укладом жизни.

В программе развития сельского туризма (агротуризма) в Республике Коми на 2015–2017 г.г. указаны маршрут «Деревня Поднебесная» в Удорском районе, путешествие по Княжпогостскому району (Сыктывкар – Серегово – Кылтово – Емва), путешествие в Койгородок, «Пажгинские мастерицы» (Сыктывкар – Пажга), туры выходного дня в Усть-Куломский район, экскурсионная программа в Ульяновский монастырь (Усть-Куломский район). Перспективными направлениями сельского туризма могут быть Койгородский, Корткеросский, Удорский, Сысольский, Прилузский и другие районы [4].

Одним из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности является Сысольский район. Район обеспечен ресурсами, необходимыми для развития экологического, сельского, спортивного, познавательного, паломнического, этнографического и других видов туризма. В районе проводятся обрядовые и календарные праздники, которые могут стать основой для развития туризма:

- народно-бытовой праздник «Гажа валяй» в с. Визинга, имеющий статус республиканского;
- музыкально-поэтический праздник «Миян муза» в с. Куратово;
- праздник «Петыр лун» в с. Чухлом и д. Чукаиб, в рамках которого проходят спортивные состязания, концертная программа, конкурс подворий сельского поселения;

- фестиваль народного творчества «Радуга над Сысолой»;
- районная выставка декоративно-прикладного творчества «Зарни кияс»;
- народный праздник «Тикон лун» в с. Вотча на основе народных обрядов и ритуалов.

Администрация района заинтересована в развитии туристской индустрии района, в разработке программ социально-экономического развития, стратегии развития и популяризации туризма в районе.

Основными мероприятиями по развитию туризма в республике могут быть развитие существующих направлений, создание новых туров в новые районы, поддержка со стороны органов власти, активное продвижение и реклама как на уровне республики, так и на российском уровне, производство сувенирной продукции.

Развитие познавательного туризма заключается в создании новых туров комплексной направленности. Она предполагает возможность объединения нескольких объектов показа в зависимости от целей посещения, создания комплексных и разнообразных программ путешествия. Немаловажными факторами являются доступность туристских объектов, наличие развитой инфраструктуры и путей сообщения. Необходима работа с местным населением, которое является как потенциальным трудовым ресурсом, так и потенциальным потребителем турпродукта.

Главными задачами развития данного направления является поддержка и развитие со стороны местных властей, инфраструктурное обеспечение, улучшение и создание предприятий размещения и питания, разработка рекламной продукции и продвижение по другим каналам. Для развития сельского туризма необходимо строительство гостевых домов и других средств размещения, улучшение транспортной доступности, информационное обеспечение, поддержка со стороны туристских агентств и помощь в разработке и организации таких туров.

По нашим наблюдениям, туризм в республике только начинает выходить на уровень разработки концепции формирования и предложения интересного турпродукта. Хорошие предложения на местах имеются, появляются энтузиасты, желающие работать. Например, общественность Сысольского района активно предлагает экскурсионные программы по разным сельским поселениям. Однако качество, содержательная и смысловая наполненность программ пока не соответствуют потребностям рынка. Для создания качественного турпродукта необходимы обширные знания истории, этнографии и ряда других наук, умение производить отбор информации, выбрать наиболее интересные формы ее подачи. К сожалению, предлагаемые программы чаще всего бывают стандартными (речка, лес, баня, шаньги) и недостаточно обоснованными этнографически.

Кроме разработки турпродукта, существенную роль играют способы его продвижения и реализации. Для разработки маркетинговой стратегии регионального туризма следует проводить анализ целевого рынка, планирование позиции турпродукта, объема сбыта, доли рынка и целевой прибыли.

Исследования, проведенные студентами кафедры экономики и менеджмента сервиса Сыктывкарского государственного университета в 2016–2017 гг. показы-

вают устойчивый интерес жителей Республики Коми к турам культурно-познавательного и сельского туризма.

Например, были проведены анкетирование и опрос с целью определения заинтересованности жителей и гостей Республики Коми в создании культурно-познавательного тура на территории Усть-Вымского района. По результатам выявлена заинтересованность в создании культурно-познавательного тура на территории Усть-Вымского района. Данный тур вызвал интерес большинства анкетированных и опрошенных людей. Возраст потенциальных клиентов варьируется от 19 лет до 45 лет. Основной контингент – учащиеся и работающие. Оптимальная стоимость тура, по мнению большинства людей, должна составлять не менее 1000 рублей и не более 2000 рублей. Тур должен быть сезонным, предпочитаемым временем года для посещения святых источников является лето.

Финно-угорский этнопарк с. Ыб Сыктывдинского района заинтересован в изучении спроса потенциальных потребителей агротура в село Ыб. Результаты опроса потребителей разного социального статуса и возрастных групп показали, что этнопарком интересуется пока лишь очень малая часть жителей г. Сыктывкара. 37% респондентов не посещает этнопарк вообще, 35% приезжают лишь раз в год, 24% – несколько раз в год. Опрошенные указали ряд недостатков работе парка, например, недостаточность рекламы (40% респондентов), нехватка развлечений для посетителей. В то же время, многие заинтересовались идеей создания агротура на территории этнопарка, 46% респондентов хотели бы провести отдых в деревенском стиле. Большая часть предпочитает одно- или двухдневные туры ценой от 500 до 1500 рублей, в основном, летом и весной в компании своей семьи или друзей.

Усть-Куломский район, который располагается на юго-востоке Республики Коми, обладает природными и культурными ресурсами, достаточными для развития как экологического, так и культурно-познавательного туризма. Район может привлекать туристов нетронутой природой, сохранившимися традициями и обычаями коми народа. Одна из традиций, которая сохранилась и до сегодняшних дней, это древние православные и этнокультурных праздники.

На территории Усть-Куломского района организуются различные событийные мероприятия, православные, этнокультурные, спортивные и образовательные. В каждом селе есть свой праздник, в котором участвуют и местными жители, и гости. Появляются новые интересные мероприятия, которые направлены на формирование активного образа жизни и сохранение национальных традиций. Все эти мероприятия могут стать основой для событийного туризма в регионе.

Событийные мероприятия в Усть-Куломском районе проводятся в форме фестивалей, конкурсов, соревнований, праздников, форумов, чтений, турниров. Из числа мероприятий 47% – праздники, доля чтений и фестивалей – 13%, по 7 процентов приходится на форумы, игрища, соревнования и конкурсы. 40% праздников и соревнований проводится в районном центре, в остальных 8 селах – по 7% мероприятий.

Наиболее популярными праздниками являются фестиваль «Василей», Ильин день, День Ивана Купалы, Троица, день села Усть-Кулом, Петров день и другие. В каждом из них до сих пор сохранились традиции коми народа, сложившиеся в далеком прошлом.

Главный праздник района, фестиваль «Василей» (на коми «Василей гаж»), посвящен современной коми песне, проводится ежегодно в селе Усть-Кулом на базе районного Дома культуры в ночь с 13 на 14 января. С 1996 года он стал региональным, в нем принимают участие свыше 30 композиторов из Республики Коми.

Вслед за основным песенным праздником появился «Межрайонный детский фестиваль-конкурс исполнителей современной коми песни «Василек». Участниками являются детские вокальные коллективы и вокалисты художественной самодеятельности учреждений культуры, дополнительного образования и музыкальных школ.

Молодежные зимние игрища «Йиркап» – межрайонный праздник, проводимый в конце февраля в селе Пожег, участие в котором принимают молодые люди от 18 до 30 лет. Основными героями праздника являются охотник Йиркап и дочь Солнца Зарань.

Еще один национальный коми праздник – «Пыжа гаж» у озера Вад в селе Керчомья, 24 июня. Его инициатором был известный коми композитор Прометей Чисталев. Пыжа гаж» – праздничный комплекс в с. Керчомья, основанный на фольклорных традициях вычегодских коми. Центральными праздничными действиями являются выступление мужских ансамблей гармонистов, исполнение коми народных песен женщинами, традиционное «гулянье на лодках» по озеру Вад. В ходе праздника проходят соревнования местных мастеров-лодочников, а завершается он коллективными катаниями на лодках, луговыми гуляниями и дегустацией блюд традиционной коми кухни.

В районе сохранились религиозно-культурные комплексы, являющиеся памятниками истории и архитектуры. Среди них храмы Воскресения Христова и Первоверховных апостолов Петра и Павла в селе Усть-Кулом, храм Нерукотворного Образа Спаса в с. Усть-Нем и других. Таким образом, есть возможность развития на территории района паломнического туризма.

Так, в селе Носим проводится традиционный Праздник Святой Троицы. Возобновление празднования произошло в 1994 году, и с тех пор он проводится ежегодно. В этот день съезжаются земляки и жители окрестных сел, поминуют предков, участвуют в праздничных мероприятиях.

В 2016 году в селе Усть-Кулом прошли VII православные Владимирские чтения. Чтения проводятся ежегодно в честь празднования Сретения Владимирской иконы Божьей матери. Организаторы мероприятия – Администрация Усть-Куломского района, Министерство национальной политики Республики Коми, Свято-Троице-Стефано-Ульяновский монастырь, приход храма Святых Апостолов Петра и Павла.

Молодежный образовательный форум «Аныб», впервые организованный в д. Малый Аныб в 2014 года стал местом встречи и познания нового для активной и творческой молодежи района. На форуме организуются несколько площадок различной тематики – «Творческая мастерская», «Территория здоровья», «Инфопоп-ток», «Tourist area» («Территория туризма»), «Добровольчество», курс «Технология социального проектирования». Проходит форум в конце июня в течение трех дней.

По результатам анкетирования потенциальных потребителей туров по Усть-Куломскому району посредством социальной сети «ВКонтакте» видно, что 87,3% опрошенных хотели бы посетить одно из мероприятий района. 83,6% респондентов знают о фестивале «Василей», базе отдыха «Мишкин лес» (80%) и озере Кадам. В целом, у респондентов есть представление о туризме в районе. Больше всего респондентов (50,9%) посещают группу «Добро пожаловать в Усть-Куломский район». 92,7% опрошенных хотели бы узнать о мероприятиях района в одном месте.

Одна из основных проблем развития внутреннего туризма в Республике Коми – недостаточное использование имеющихся ресурсов и неумение продвигать и рекламировать свой продукт. Существенную роль в диверсификации экономики региона, обеспечении его устойчивого развития туризм может играть тогда, когда туристские ресурсы превратятся в туристские аттракции. Они должны быть известны туристам, привлекательны для них по всем параметрам – содержанию, транспортной доступности, комфортности пребывания на территории, ценам и качеству услуг. Необходима разработка стратегии продвижения турпродукта на рынок, которая может осуществляться при помощи рекламы, стимулирования продаж, презентаций, выставок, ярмарок, научно-практических конференций и пр.

Нами был проанализирован рынок туристских услуг города Сыктывкара. Туроператорской деятельностью по Республике Коми занимаются туристско-информационный центр «Шуда олём», турагентство «Вэртас», Центр детско-юношеского спорта и туризма, Туристско-информационный центр РК на базе Финно-угорского этнокультурного парка. Ими разработаны и предлагаются маршруты по республике, в том числе – экологические, экстремальные, культурно-познавательные, этнографические. Однако ассортимент турпродуктов всех туроператоров однообразен, а их продвижение недостаточно активно.

Например, ТИЦ «Шуда олём» предлагает экскурсии – «Аныбские забавы» (д. Малый Аныб), «Дом. Источник. Монастырь» (Дон – Усть-Кулом – Ульяново), Ыб православный» (с. Ыб), «Ульяновский монастырь» (с. Ульяново), экскурсия-фотосессия «Рябиновые бусы» (с. Ыб), традиционный праздник «Иван лун» (Корткеросский район) и др. «Шуда олём» – единственное предприятие, организующее событийные туры на территорию Усть-Куломского района. Тур называется «Василей + Старый Новый год». Стоимость составляет 2400 рублей на человека, с продолжительностью 2 дня [5].

Для продвижения и информирования о событийных мероприятиях в Усть-Куломском районе на кафедре ЭиМС был создан туристский календарь событийных мероприятий района. Он будет интересен и полезен гостям района, а также ор-

ганизаторам туризма (туристским агентствам, туристско-информационным центрам, администрации района). Календарь содержит информацию обо всех мероприятиях в районе в течение всего года, а также – о туристской инфраструктуре района, транспортной доступности для туристов. В качестве методов продвижения были предложены интернет и печатная продукция. Инициатива была поддержана ТИЦ «Шуда олём» и одобрена администрацией Усть-Куломского района.

Туристский потенциал имеет большое значение в развитии туризма и, следовательно, в экономике как региона, так и страны. При правильном подходе к использованию туристских ресурсов и их здоровой оценке в Республике Коми возможны почти все направления туризма, а именно: экологический, сельский, религиозный, активный, культурно-познавательный, этнографический туризм и другие. Развитие внутреннего туризма может стать одним из главных направлений развития региона. И, что особенно важно, это направление экологически безопасно и экономически выгодно.

1. Основные направления развития туризма в Республике Коми на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Республики Коми № 615-р от 31.12.2010 г.
2. Официальный сайт Агентства Республики Коми по туризму. URL: <http://tur.rkomi.ru>.
3. Официальный сайт реестра объектов культурного наследия. URL: <http://kulturnoe-nasledie.ru>.
4. Состояние и перспективы развития сельского туризма в Республике Коми. URL: <http://finnougr.ru>
5. Туристический информационный центр «Шуда олём». URL: https://vk.com/shuda_olom_rk

И.А. Панарина,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

В XX веке вслед за чередой великих научных открытий, небывалым техническим прогрессом и стремительным развитием промышленного производства человечество столкнулось с многочисленными угрозами его существованию вследствие его же хозяйственной деятельности. Мир оказался в ситуации, при которой процветание и колоссальный рост мировой экономики в полной мере не способствовали решению существующих и вновь возникающих социальных проблем, и в то же время сопровождалась нанесением катастрофического урона окружающей среде и

истощением природных ресурсов, что породило необходимость формирования нового пути, по которому будет происходить дальнейшее развитие цивилизации. Огромный вклад в решение данной задачи внесла Организация объединенных наций, одним из ключевых событий в деятельности которой по данному вопросу стала Конференция по окружающей среде и развитию, проходившая в г. Рио-де-Жанейро в 1992 г., где на уровне глав государств и правительств была принята концепция устойчивого развития, предполагающая развитие экономики на благо общества без ущерба для окружающей среды.

В сентябре 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН были провозглашены 17 глобальных целей устойчивого развития и 169 связанных с ними задач, закрепленных в декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [15], принятой всеми государствами-членами ООН. Цели устойчивого развития (ЦУР) пришли на смену Целям развития тысячелетия (ЦРТ), обозначенным на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. Тогда, на рубеже веков, мировые лидеры договорились объединить усилия в решении глобальных проблем человечества: вести борьбу с крайней нищетой и голодом, неграмотностью, болезнями, детской смертностью; улучшать охрану материнства; содействовать равноправию полов и расширению прав женщин; работать в направлении обеспечения экологической устойчивости и формирования глобального партнерства в целях развития. Новые цели были сформулированы на основе прежних, конкретизированы и значительно расширены с учетом уже достигнутых результатов и еще не решенных проблем.

Не уменьшая важности ни одного из компонентов, представляется заслуженным утверждение о том, что «при всей значимости экономической и экологической составляющих устойчивого развития особое значение имеет социальная составляющая и, прежде всего, ее демографические аспекты, так как население выступает в качестве связующего звена между природой и производственной сферой, являясь одновременно производителем материальных ценностей и источником прямого или косвенного воздействия на окружающую среду» [19]. В свою очередь, препятствующие устойчивому развитию демографические проблемы неразрывно связаны с состоянием здоровья населения. «В настоящее время «максимально достижимый уровень здоровья» признается одним из неотъемлемых прав человека и народа, выступает как важнейшее условие и средство, как одна из конечных целей общественного развития. Наоборот, низкий уровень здоровья населения осознается как прямая угроза национальной безопасности любого государства, как препятствие его социально-экономическому прогрессу» [20, с. 10]. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что здоровье тесно связано со всеми 17 глобальными целями разными способами – как детерминант, способствующий фактор, ключевой компонент и результат, а также является надежным показателем того, «насколько хорошо происходит устойчивое развитие в целом» [1; 14]; одна из целей непосредственно ему посвящена – Цель 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» (табл.1). Здесь же стоит отметить,

что учитывая универсальный характер ЦУР, а также существующие страновые различия по большому числу параметров, естественным является то, что некоторые из установленных ООН значений конкретных показателей многими государствами уже достигнуты, а сами показатели не являются для них актуальными. По своей сути сформулированные задачи представляют собой пожелания глобального характера, но предполагается, что руководствуясь ими и исходя из национальных условий, в каждой стране должны быть обозначены свои собственные задачи, которые будут закреплены в стратегиях, планах и программах.

Комплексный анализ и адаптация ЦУР для России стали основной темой 19-го по счету Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации под названием «Цели устойчивого развития ООН и Россия» [6], выпущенного Аналитическим центром при Правительстве РФ в 2016 г., в котором с учетом стартовой точки на пути к 2030 г. тенденций 2015–2016 гг. были проанализированы показатели, выбранные из числа предложенных ООН, а также иные, которые, по мнению авторов, актуальны для страны на современном этапе развития. Применение в России ранее действовавшей концепции ЦРТ также являлось предметом научно-аналитических исследований, публикуемых в рамках национальных докладов о развитии человеческого потенциала в РФ, выпускаемых с 1995 г.

Таблица 1

Задачи 3-й цели устойчивого развития «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» [15, с. 19–20]

Задачи
3.1. К 2030 г. снизить глобальный коэффициент материнской смертности до менее 70 случаев на 100 000 живорождений
3.2. К 2030 г. положить конец предотвратимой смертности новорожденных и детей в возрасте до 5 лет, при этом все страны должны стремиться уменьшить неонатальную смертность до не более 12 случаев на 1000 живорождений, а смертность в возрасте до 5 лет до не более 25 случаев на 1000 живорождений
3.3. К 2030 г. положить конец эпидемиям СПИДа, туберкулеза, малярии и тропических болезней, которым не уделяется должного внимания, и обеспечить борьбу с гепатитом, заболеваниями, передаваемыми через воду, и другими инфекционными заболеваниями
3.4. К 2030 г. уменьшить на треть преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия
3.5. Улучшать профилактику и лечение зависимости от психоактивных веществ, в том числе злоупотребления наркотическими средствами и алкоголем
3.6. К 2020 г. вдвое сократить во всем мире число смертей и травм в результате дорожно-транспортных происшествий
3.7. К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья, включая услуги по планированию семьи, информирование и просвещение, и учет вопросов охраны репродуктивного здоровья в национальных стратегиях и программах
3.8. Обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, в том числе защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и доступ к безопасным, эффективным, качественным и недорогим основным лекарственным средствам и вакцинам для всех

3.9. К 2030 г. существенно сократить количество случаев смерти и заболевания в результате воздействия опасных химических веществ и загрязнения и отравления воздуха и почв

При расстановке приоритетов, направлении усилий и распределении средств для решения тех или иных задач в стремлении к достижению ЦУР такой огромной и неоднородной страной, как Россия, необходим анализ ситуации в области обозначенных глобальных проблем в каждом из ее регионов, значительно различающихся природно-климатическими, национально-культурными, демографическими, социально-экономическими и другими особенностями. Особой группой территорий РФ являются северные регионы, имеющие стратегически важное значение для экономики и национальной безопасности страны, для которых вопросы сбережения и здоровья населения, проживающего в условиях сурового климата, дефицита солнечного света и недостатка потребления витаминов и микроэлементов, стоят особенно остро. Опираясь на материалы докладов о человеческом развитии в РФ и учитывая возможности получения статической информации, в данной статье будут рассмотрены некоторые современные тенденции здоровья населения в разрезе обозначенных задач ЦУР, связанных со здоровьем, в тех северных субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям: на Европейском Севере – республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ, входящий в состав Архангельской области, но учитываемый отдельно; на Азиатском Севере – республики Тыва и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Одним из важнейших интегральных демографических критериев оценки уровня здравоохранения и смертности населения, а также состояния его здоровья в целом является продолжительность жизни (по полу) при рождении. В России вследствие снижения смертности населения с 2004 г. отмечается устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), которая к 2016 г. достигла 66,5 лет для мужчин и 77,1 лет – для женщин, что является абсолютным максимумом за всю историю страны. В это же время в большинстве северных регионов значения показателя были ниже, чем в целом по РФ, выше они были только в Ханты-Мансийском АО – у обоих полов (68,9 лет – у мужчин и 77,9 – у женщин), в Ямало-Ненецком АО – у мужчин (67,1) и в Ненецком АО – у женщин (78,4). Ситуация, сложившаяся в Республике Тыва и Чукотском АО, где женщины в среднем не доживают до 70 лет, а мужчины – до 60, является наихудшей в стране. Следует отметить, что наряду с ростом продолжительности жизни в 2004-2016 гг., в некоторых северных субъектах по сравнению с 2003 г. к концу периода отставание регионального показателя от среднероссийского увеличилось: в Республике Саха – у мужчин, в Камчатском крае, Магаданской области и Чукотском АО – у обоих полов. Если в 2003 г. ОПЖ женщин в Ямало-Ненецком АО была выше, чем по России в целом, то к 2016 г. –

стала ниже. При этом во всех регионах сократился гендерный разрыв по показателю, за исключением Чукотского АО, где он незначительно увеличился – с 9,7 до 9,9 лет за счет более существенного роста ОПЖ женщин; наибольшая разница отмечена в Ненецком АО – 14,5 лет, наименьшая – в Ханты-Мансийском АО – 9,0 (РФ – 10,6). Судя по среднему варианту прогноза, рассчитанного Росстатом, ОПЖ в стране будет расти и к 2030 г., заключительному году действия ЦУР, у мужчин едва превысит 70 лет, в то время как у женщин будет близка к 80 годам. Отставание северных регионов при этом в своем большинстве по данному показателю сохранится (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации и северных регионах в 2003-2016 г. и прогноз на 2030 г., лет [8]

Регионы	2003 г.			2016 г.			Прогноз на 2030 г.		
	все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины	все население	мужчины	женщины
Российская Федерация	64,9	58,6	71,9	71,9	66,5	77,1	75,1	70,5	79,6
Республика Карелия	60,5	53,7	69,0	69,8	63,7	75,7	73,8	68,9	78,2
Республика Коми	61,5	55,5	68,7	69,5	63,6	75,3	73,8	69,1	78,2
Республика Саха (Якутия)	64,0	58,1	70,6	70,8	65,8	76,0	72,6	68,2	77,1
Республика Тыва	54,2	48,8	60,2	64,2	59,1	69,4	69,6	65,9	73,1
Камчатский край	63,0	57,5	69,8	68,7	63,5	74,5	72,3	68,3	76,6
Архангельская область	62,0	55,4	69,9	70,8	65,0	76,7	74,3	69,7	78,7
в т.ч. Ненецкий АО	59,3	52,1	68,0	71,1	63,9	78,4	73,4	67,8	78,6
Магаданская область	63,1	57,5	70,0	69,0	63,6	74,5	72,4	68,5	76,2
Мурманская область	63,0	56,8	70,0	70,9	65,7	75,6	74,5	70,1	78,5
Сахалинская область	61,3	55,2	68,7	68,7	63,1	74,6	72,8	68,5	77,0
Ханты-Мансийский АО	67,3	62,0	73,1	73,5	68,9	77,9	75,2	71,1	79,0
Чукотский АО	59,1	54,8	64,5	64,4	59,7	69,6	71,4	67,9	75,5
Ямало-Ненецкий АО	66,5	61,4	72,2	72,1	67,1	77,0	74,4	70,4	78,0

Одной из первостепенных задач ЦУР в области здоровья является сокращение *материнской и детской смертности*, важнейших показателей здравоохранения, отражающих состояние и эффективность работы акушерской и педиатрической служб. Несмотря на значительное сокращение материнской смертности в мире во второй половине XX века, особенно после 1990 г., на сегодняшний день данная проблема является глобальной ввиду ее высокой значимости для многих развивающихся стран, в наибольшей степени Африки и Южной Азии. В России значение в 70 случаев смерти на 100 тыс. живорождений было преодолено уже в 1980 г. – 68,0. К 2016 г. показатель снизился до исторического минимума и составил 10,0 случаев на 100 тыс. родившихся живыми. В северных субъектах его тенденции неустойчивы, так как на региональном уровне он в большей степени, чем по стране в целом, подвержен случайным колебаниям: ежегодно в них регистрируются или единичные

случаи наступления смерти женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода или не регистрируются совсем. Так, в 2016 г. ни одного такого случая не было зафиксировано в республиках Карелия, Саха и Тыва, Магаданской области и Ханты-Мансийском АО. В Ненецком АО такая тенденция сохраняется с 2012 г., а в Чукотском АО – с 2007 г. [11; 16], правда для этих небольших по численности населения территорий характерно и малое ежегодное число рождений. «Для развитых стран материнская смертность становится все более редким явлением, уровни и тенденции этого показателя здесь выполняют референтную и «резервную» мониторинговую функции на случай, если обнаружатся новые неблагоприятные тенденции» [6, с. 161]. Что касается детской смертности, то в уменьшении ее масштабов в мире также достигнут значительный прогресс, но ее уровень остается очень высоким. Одной из задач ранее действовавших ЦРТ являлось сокращение смертности детей в возрасте до пяти лет по сравнению с 1990 г. на две трети к 2015 г. В итоге глобальный коэффициент смертности в данном возрасте снизился примерно наполовину – с 91 случая смерти на 1 тыс. живорождений в 1990 г. до 43 – в 2015 г. [4]. В России все эти годы он был значительно ниже и уже тогда не превышал установленное новой целью значение – 25% [3, с. 85; 16]. Тем не менее, к 2015 г. РФ также не удалось добиться достаточного снижения уровня смертности детей, до отметки в 7,1% (1990 г. – 21,3), он составил 8,0%. Среди северных регионов в пяти из них, относимых к Азиатскому Северу, коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет стабильно превышает средние значения по стране и в 2016 г. был выше среднероссийского: в Республике Тыва – в 2,4 раза (19,0 умерших в возрасте до пяти лет на 1 тыс. родившихся живыми) и Чукотском АО – в 2,2 раза (17,2) – наихудшие значения по стране, Камчатском крае – в 1,3 раза (10,5), Ямало-Ненецком АО и Республике Саха – в 1,2 раза (9,3 и 9,6 соответственно) [16].

Серьезнейшую опасность для жизни и здоровья населения всего мира, особенно беднейших стран с теплым климатом и неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями, несмотря на достигнутые в прошлом веке значительные успехи в борьбе против них, представляют *инфекционные заболевания*: время от времени происходят вспышки, как считалось ранее, навсегда «побежденных» болезней, и появляются новые, неизвестные науке прежде. Глобальными медико-социальными проблемами чрезвычайно актуальными для России являются туберкулез и болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) – болезни инфекционной этиологии, входящие в Перечень социально значимых заболеваний и Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих [13], утвержденные Правительством РФ в 2004 г.

В период, следующий за распадом Советского Союза, уровень регистрируемой заболеваемости активным туберкулезом в РФ стремительно рос. В 2000 г. число пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом туберкулеза, приходящееся на 100 тыс. жителей, достигло максимального значения – 90,4, тогда как в 1990 г. оно равнялось 34,2, т.е. увеличилось в 2,6 раза; с 2001 г. наблюдается постепенное снижение показателя, с 2009 г. принявшее устойчивый характер. В 2015 г. по срав-

нению с 2000 г. заболеваемость туберкулезом снизилась во всех северных регионах, за исключением Чукотского АО, где она значительно выросла, в 3,9 раза – с 40,3 до 156,3 выявленных впервые случаев заболеваний на 100 тыс. населения. Наиболее тревожной не только на Севере России, но и в целом по стране, является эпидемиологическая ситуация по туберкулезу в Республике Тыва, где заболеваемость данным недугом в 2,8 раза выше, чем по России в целом (161,6 против 57,8 случаев на 100 тыс. жителей), однако по сравнению с 2000 г. (323,0) показатель снизился в 2,0 раза. Более благополучными относительно среднероссийского уровня являлись Архангельская область (без АО) – 32,7 впервые заболевших туберкулезом на 100 тыс. населения, Мурманская область – 38,4, Республика Карелия – 39,4, Ямало-Ненецкий АО – 48,1, Ненецкий АО – 50,7 и Республика Коми – 56,5. В то же время, несмотря на устойчивую положительную тенденцию снижения заболеваемости, в девяти из 13 северных регионов, так же как и в России в целом, болезнь все еще носит характер эпидемии, которая согласно критерию ВОЗ наступает при превышении уровня заболеваемости более чем 50 человек на 100 тыс. населения [8; 9, с. 62; 17, с. 5–7]. Кроме того, несмотря на то, что сегодня в России туберкулез не входит в число болезней, определяющих уровень смертности в стране, на нее, наряду с Индией и Китаем, наибольшим бременем ложится проблема увеличения распространенности форм болезни с множественной лекарственной устойчивостью, что делает ее лечение малоперспективной (на долю трех стран в совокупности приходится почти половина всех случаев в мире) [18].

Зачастую социально значимые заболевания распространены в одних и тех же группах населения, поэтому нередко сочетаются, способствуют возникновению, усугублению течения и затруднению лечения друг друга. Так, туберкулез является одним из самых распространенных осложнений среди людей, живущих с ВИЧ-инфекцией.

Распространение ВИЧ-инфекции, первый случай заражения которой в СССР был обнаружен в 1987 г., по территории России ускорилось с конца 1990-х гг., особенно в федеральных городах, нефтегазодобывающих и других экспортных регионах и городах Поволжья, Урала и Сибири с более высокими доходами населения, а затем число инфицированных стало расти и в прилегающих регионах. ВИЧ/СПИД стал болезнью молодежи более богатых территорий из-за роста наркомании [5, с. 140]. В 2015 г. на территории РФ было зарегистрировано 100220 новых случаев заражения населения ВИЧ-инфекцией, 50% из них пришлось на 22 субъекта [2], среди которых из группы северных регионов с долей 1,7% от общего числа заболевших был нефтегазовый Ханты-Мансийский АО. Суммарный вклад остальных регионов Российского Севера составил всего 2,0%. В 2015 г. уровень заболеваемости выше, чем в среднем по стране, отмечался в Ханты-Мансийском АО, где на 100 тыс. населения приходилось 107,1 пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом ВИЧ-инфекции, и в привлекательной для трудовых мигрантов, способствующих распространению заболевания, Магаданской области – 71,6, в которой с 2011 г. отмечаются очень высокие темпы роста заболеваемости (РФ – 68,5).

Наименьшие значения традиционно регистрируются в Республике Тыва, заболеваемость в которой в 2015 г. была на уровне 6,7 случаев на 100 тыс. населения. Судя по официальным данным, эпидемиологическая ситуация по ВИЧ-инфекции в северных регионах по сравнению с общероссийской является более благополучной, тем не менее, для них, как и для страны в целом, характерен ежегодный рост числа новых случаев заболевания [8; 17, с. 9–11]. Учитывая угрожающие тенденции инфицирования населения опасным недугом, с целью предупреждения дальнейшего его распространения на территории страны, в 2016 г. Правительство РФ утвердило Государственную стратегию противодействия распространению ВИЧ-инфекции в РФ на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу. Данный документ был разработан уже с учетом Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [2].

Приоритетное внимание в области здравоохранения по всему миру, согласно ЦУР, также должно быть уделено *психическому здоровью* населения, что закреплено в двух тесно связанных друг с другом задачах по уменьшению преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний посредством профилактики, лечения и поддержания психического здоровья и благополучия, а также по улучшению профилактики и лечения зависимости от психоактивных веществ, в т.ч. злоупотребления наркотическими средствами и алкоголем.

Одним из важнейших индикаторов общественного психического здоровья и психологического состояния населения является уровень самоубийств, вносящих значительный вклад в преждевременную смертность населения в большинстве стран мира. В постсоветской России максимальные значения данного показателя, особо чутко реагирующего на социально-экономические преобразования в обществе, были зафиксированы в 1994-1995 гг. – кризисные годы экономических реформ (42,1 и 41,4 умерших на 100 тыс. населения), а также в 1999-2001 гг. (39,1-39,5), следующие за дефолтом 1998 г., после чего отмечается его ежегодное стабильное снижение. К 2014 г. России удалось достичь уровня суицидальной смертности ниже «критического», установленного ВОЗ (20 случаев на 100 тыс. населения). В 2015 г. в целом по стране показатель был равен 17,4, а в регионах значения варьировались от 0,6 самоубийств на 100 тыс. жителей в Чеченской Республике до 56,4 – в Алтайском крае. Из числа северных регионов особую тревогу вызывают те из них, уровень смертности от самоубийств в которых, в отличие от тенденции, характерной для страны в целом, не имеет устойчивого снижения и в среднем за период 2002-2015 гг. был в 1,6-2,7 раза выше, чем в среднем по РФ и в 2,1-3,7 раза выше «критического»: Чукотский АО – 73,2 умерших на 100 тыс. населения, Ненецкий АО – 71,0, Республика Тыва – 53,4, Республика Саха – 43,7, Республика Коми – 42,4. Наиболее благоприятные тенденции отмечаются в Мурманской и Сахалинской областях, а также в Ханты-Мансийском АО, где порог смертности в 20 самоубийств на 100 тыс. населения был преодолен раньше, чем по России в целом – в 2006 г., и продолжает устойчиво снижаться, не превышая средние значения по стране [8].

Глобальной проблемой также является значительная распространенность относящихся к психическим расстройствам и расстройствам поведения, согласно Международной классификации болезней 10-ого пересмотра, наркологических заболеваний. В России уровень заболеваемости (число пациентов с диагнозом установленным впервые в жизни на 100 тыс. населения), непрерывно снижается по части алкоголизма и алкогольных психозов с 2004 г., по части наркотической зависимости – с 2008 г. В 2015 г. в стране на 100 тыс. населения приходилось 70,9 больных, взятых на диспансерный учет с впервые в жизни выявленными «алкогольными» психическими и поведенческими расстройствами и 14,1 больных – с синдромом зависимости от наркотических веществ. Среди северных регионов заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами превышает среднероссийский уровень практически во всех из них, за исключением Республики Тыва, в 1,1-2,7 раза, в Чукотском АО – в 6,9 раз. Заболеваемость наркотической зависимостью выше, чем в целом по РФ в пяти северных регионах: в Ямало-Ненецком АО (14,3 заболевших на 100 тыс. населения), Мурманской области (14,4), Республике Коми (17,0), и в наибольшей степени в Ханты-Мансийском АО (21,0) – в 1,5 раза и в Сахалинской области (24,6) – в 1,7 раза. Степень распространения алкоголизма и алкогольных психозов среди населения (численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, в число которых входят обратившиеся за помощью как в текущем, так и в предыдущие годы, на 100 тыс. населения) в 2014 г., за который имеется информация по регионам, среди северных субъектов только в двух из них была ниже среднероссийской (1155,4 пациентов на 100 тыс. населения) – в Мурманской области – 853,0 и Ханты-Мансийском АО – 876,4, тогда как в большинстве регионов – выше, чем в целом по стране в 1,1-2,4 раза, а крайне неблагоприятным являлся Чукотский АО, где показатель равнялся 3773,2, что больше, чем по РФ в 3,3 раза. Ситуация с распространенностью наркотической зависимости, судя по статистическим данным, в северных регионах относительно общероссийской выглядит более благоприятной: число пациентов, состоящих на учете в связи с данным заболеванием, приходящееся на 100 тыс. населения в 2014 г. в большинстве из них было в 1,1-4,8 раза ниже, чем в целом по стране (205,6); в Чукотском АО зарегистрировано наименьшее значение – 5,9, а наиболее негативные показатели отмечены в Сахалинской области – 329,9 и Ханты-Мансийском АО – 314,9 [10, с. 46].

Колоссальной проблемой планетарного масштаба является *дорожно-транспортный травматизм*. Согласно прогнозам, при отсутствии последовательных контрмер, дорожно-транспортные происшествия к 2030 г. станут седьмой по значимости причиной смерти в мире [7], поэтому одной из задач ЦУР является уже к 2020 г. вдвое сократить число смертей и травм в результате ДТП. Яркими индикаторами дорожной безопасности являются социальный риск – число лиц, погибших в ДТП на 100 тыс. населения, и транспортный риск – число погибших в ДТП на 10 тыс. транспортных средств. В России в 2009 г., в период действия федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-

2012 г.», удалось достичь минимального зарегистрированного 20 лет назад уровня числа погибших в ДТП за год [12, с. 8] – 19,5 человек на 100 тыс. населения. Однако в 2011–2012 гг. показатель незначительно повышался, после чего отмечается его ежегодное снижение. Согласно принятой в России ранее, чем ЦУР программе, рассчитанной на 2013–2020 г. [12], продолжившей действие программы 2006–2012 гг., к концу периода социальный риск в целом по стране должен сократиться до отметки 13,9, а транспортный риск – до 3,9. Однако данные значения были достигнуты уже по итогам 2016 г. – 13,9 и 3,7 человек соответственно. При этом, согласно задаче ЦУР, коэффициент смертности от ДТП к 2020 г. относительно 2015 г. в России должен сократиться вдвое – до 7,9 погибших на 100 тыс. населения (2015 г. – 15,8). В северных субъектах уровень смертности, обусловленной ДТП, имеет колебательный характер. В 2016 г. данный показатель был выше среднероссийского в пяти из 13 регионов: в Республике Карелия – 14,3 погибших на 100 тыс. населения, Сахалинской области – 18,9, Магаданской области – 21,2, Камчатском крае – 21,8 и Республике Тыва – 37,7. К тому же, в трех из перечисленных, среди всех северных регионов, выше, чем по стране в целом и транспортный риск: в Магаданской и Сахалинской областях – 4,1 и 4,7 соответственно, и значительно выше – в Республике Тыва – 21,0 погибших на 10 тыс. транспортных средств [8].

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что достижение и обеспечение высокого уровня здоровья населения является важнейшей глобальной целью, без чего устойчивое развитие любого государства не представляется возможным. В России при разработке и реализации федеральных программ, направленных на улучшение общественного здоровья и развитие здравоохранения в период до 2030 г. необходимо учитывать глобальные задачи ЦУР ООН. При этом говорить об успешном решении адаптированных к реалиям страны мировых задач возможно только при их решении в каждом из ее субъектов. Как выяснилось, для северных регионов РФ глобальные приоритеты в области улучшения здоровья населения являются весьма актуальными. На большинстве территорий Азиатского Севера регистрируется более высокий, чем в целом по России, уровень детской смертности, показатели некоторых регионов являются наихудшими в стране. В северных субъектах высок уровень социальных болезней: заболеваемость туберкулезом в большинстве из них носит характер эпидемии, общероссийский показатель превышен практически всеми регионами Азиатского Севера; эпидемиологическая ситуация по ВИЧ-инфекции по сравнению со страной в целом на северных территориях является более благополучной, тем не менее, для них характерен ежегодный рост числа новых случаев заражения. Практически во всех обозначенных субъектах более частой и распространенной по сравнению с РФ является заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, в пяти из 13 регионов превышен среднероссийский уровень заболеваемости наркоманией. При этом стоит отметить, что общепринятые статистические показатели заболеваемости в полной мере не отражают реальную ситуацию и масштабы проблем, поскольку число выявленных и учтенных больных в большой степени зависит как от обращаемости в

медицинские учреждения самих граждан, так и от активности служб здравоохранения в каждом регионе, в особенности наркологической службы, учитывая, что начиная с 1990 г. в России перестала действовать жесткая система обязательного диспансерного учета, активного выявления и привлечения к лечению больных соответствующими недугами. Для ряда северных субъектов чрезвычайно острыми социальными проблемами являются высокие уровни смертности от самоубийств и ДТП, превышающие средние значения по стране. Таким образом, обозначенные в Повестке до 2030 г. глобальные проблемы общественного здоровья и здравоохранения, в своем большинстве присущи северным регионам России и вносят свой вклад в изменение ожидаемой продолжительности жизни населения, которая в свою очередь практически во всех из них ниже, чем в целом по стране. При составлении региональных программ, направленных на решение проблем общественного здоровья, особое внимание необходимо уделить теме образа жизни населения, что отражено в самом названии связанной со здоровьем ЦУР.

1. Второй год реализации ЦУР в регионе – Существующее положение и движение вперед к всеобщему процветанию и благополучию: неофиц. справ. документ // ЕЭК ООН: [сайт]. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/sustainable-development/RFSO_2017/Regional_Forum_Background_Document_RU_final.pdf
2. Государственная стратегия противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.10.2016 г. №2203-р) // Правительство РФ: [сайт]. URL: <http://government.ru/media/files/cbS7AH8vWirXO6xv7C2mySn1JeqDIvKA.pdf>
3. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 263 с.
4. Дети: сокращение смертности: инф. бюлл. № 178, январь 2016 // ВОЗ: [сайт]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs178/ru/>
5. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2010 год. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее/ под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: ПРООН, 2010. 156 с.
6. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. Цели устойчивого развития ООН и Россия / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016. 298 с.
7. Дорожно-транспортные травмы: инф. бюлл., май 2017 // ВОЗ: [сайт]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs358/ru/>
8. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/>
9. Здравоохранение в России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. 356 с.
10. Здравоохранение в России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 174 с.
11. Материнская смертность: офиц. статистика от 29.05.2017 // Росстат: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
12. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.»: постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 // Правительство РФ: [сайт]. URL: <http://government.ru/media/files/41d494b8c5e15981c833.pdf>

13. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 (с изм. и доп.) // Инф.-прав. портал ГАРАНТ. РУ: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/12137881/>.

14. Обеспечение здоровой жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте: заявление ВОЗ. 25 сентября 2015 // ВОЗ: [сайт]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/statements/2015/healthy-lives/ru/>

15. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (резолюция 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. A/RES/70/1 // ООН: [сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>

16. Семья, материнство и детство: офиц. статистика // Росстат: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

17. Социально-значимые заболевания населения в 2015 году: стат. материалы. М., 2016. 71 с.

18. Туберкулез: инф. бюлл., март 2017 // ВОЗ: [сайт]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs104/ru/>

19. Хаванский А.Д., Кизицкий М.И., Латун В.В., Строков Д.В. Демографические аспекты устойчивого развития Ростовской области // Интернет-журнал «Наукovedение». 2014. №6 (25). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/197EVN614.pdf>

20. Шабунова А.А., Калашников К.Н., Калачикова О.Н. Общественное здоровье и здравоохранение территорий. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 284 с.

** Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016–2018 гг.).*

С.Л. Садов,

д.э.н., ведущий научный сотрудник,

Институт социально-экономических

и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

ВЫБОР КРИТЕРИЕВ И МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ДЛЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА

Энергообеспечение регионов Севера и Арктики – сложная технико-экономическая проблема. Надёжное и экономически приемлемое по затратам энергетическое обеспечение (в широком смысле слова, подразумевающее не только электро-, но также тепло- и топливообеспечение) программ и проектов, связанных с освоением северных и арктических регионов, имеет первостепенное значение для их успешной реализации. Кроме того, для районов Севера и Арктики остро стоят вопросы экологического благополучия ввиду особой ранимости природных северных

экосистем и того обстоятельства, что эти районы обладают большим минерально-сырьевым потенциалом, который востребован, особенно в перспективе, а разработка и освоение его сопряжена с большими экологическими рисками. Поэтому задача составления сбалансированных программ и планов освоения северных и арктических пространств является, по сути, многоцелевой, при своём решении требующей увязки часто противоречивых и плохо согласующихся требований. Как предварительное условие должна быть разработана система критериев, которым должно удовлетворять решение подобной задачи.

Выбор показателей, адекватных стоящим перед исследователем задачам, является очень важной и существенной частью моделирования социально-экономических систем и процессов. На примере повышения эффективности энергообеспечения уход от расточительного потребления энергоресурсов к более экономичному выступает как один из определяющих факторов повышения эффективности всей экономики через снижение её энергоёмкости. И здесь широко используются два понятия – энергосбережение и энергоэффективность. Многие исследователи не видят смыслового различия между ними, практически используя их как синонимы. Так, в определении «Энергоэффективность – достижение поставленных целей при меньшем расходовании энергоресурсов» [4] не видно ничего специфического в энергоэффективности, чего нет в энергосбережении. Другие аналитики считают энергоэффективность частным проявлением энергосбережения.

Но различие этих терминов очевидно хотя бы из их различной физической размерности. Так, энергосбережение выступает как результат деятельности по экономии энергоресурсов и поэтому измеряется в их объёмных единицах (тоннах, киловатт-часах, кубометрах), а энергоэффективность – как комплексный показатель успешности процесса перехода к менее энергозатратной экономике, своего рода её энергетический коэффициент полезного действия, и для неё свойственны удельные характеристики (например, количество затрачиваемого энергоносителя на единицу вырабатываемой продукции или на поддержание комфортной температуры в зданиях). Конечно, между двумя понятиями есть «пересечения» – так, уменьшение потерь при транспортировке энергоносителей положительно скажется как на показателях энергосбережения, так и энергоэффективности. Устройства подачи тепла, вентиляции, электроэнергии при нахождении человека в помещении и прекращающие подачу в его отсутствие – также являются энеросберегающими (уменьшающими потребление энергии) и энергоэффективными (достигающими цели – отопление, вентиляцию или освещение помещений – с меньшим расходом энергии). Получается, что эти характеристики взаимозависимы, но ни одну из них нельзя свести к другой.

Можно насчитать немало проявлений энергоэффективности самого разного масштаба. Это может быть, к примеру, использование бытовых энергосберегающих приборов и техники как на уровне отдельных домохозяйств, так и в отраслях экономики. Или внедрение новых технологий, позволяющие вырабатывать прежние объёмы продукции при меньших затратах энергии, т.е. снижающих энергоёмкость выпускаемой продукции. Оптимизация логистических цепочек транспортировки энергоре-

сурсов ведут к повышению энергоэффективности, хотя объём энергоресурсов может при этом и не меняться. Показано [3], что высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью обладают существенно более высоким потенциалом снижения цены продукции при энергосбережении, чем добыча топлива и сырья. Отсюда естественным образом вытекают лучшие перспективы энергоэффективности для передовых технологий. В частности, показана тесная связь «зеленых» технологий с энергоэффективностью и конкурентоспособностью [1].

Как правило, энергоэффективность включает в себя целый ряд факторов, которые представляют собой взаимосвязанную систему. Среди этих факторов важнейшее место занимают экологические аспекты [2], причём не сами по себе, а в тесной увязке с энергетическими и экономическими. Авторы ставят вопрос шире – какими критериями оценивать успешность или неуспешность модернизации экономики России, какие новации следует стимулировать, а за какие наказывать? Слишком большое число критериев отражает теоретическую неопределённость самого понятия «эффективность развития» и не способствует успешности его практического применения. Чтобы выбрать из массы критериев принципиально важные, авторами использованы методические принципы общей теории систем. Этот подход оказался продуктивным. Если рассматривать производственный комплекс предприятия, региона или страны как систему, совершающую полезную работу, то оценить эффективность их функционирования можно в натуральных физически измеряемых показателях без привлечения финансовых критериев, склонных к порождению «пузырей». Они отражают свойства систем как целостных образований, а не характеризуют отдельные их элементы. К примеру, энергетическая эффективность представляет собой всего одно число (по своему смыслу близкое обычному КПД), для получения которого нет необходимости по всем регионам собирать статистику внедрения энергосберегающих приборов и технологий. Предложенные критерии являются универсальными, объективными и не требуют организации специальной системы по сбору информации, так как основаны на уже собираемых органами государственной статистики материалах. А разработка простой, адекватной и чувствительной системы критериев – необходимый начальный шаг к модернизации.

Элементы, правила и отношения – обязательные атрибуты любой системы. Система (любая, в т.ч. и эколого-экономическая) – это совокупность элементов, которые по определенным правилам (законам) связаны между собой отношениями. Это во-первых. Во-вторых, необходимо определиться с понятием кризиса. Следуя общей теории систем, он трактуется как момент (или период времени – с точки зрения теории разницы здесь нет), когда в системе что-то качественно меняется – или элементы, или отношения, или законы. Существенно, что некоторые элементы могут вообще исчезнуть, могут появиться новые, и в соответствии с этим или изменятся отношения и законы, или некоторые исчезнут или появятся новые. В вычислительном плане это проявляется как разница между измеримыми состояниями параметров системы, выраженных в безразмерных, относительных единицах (процентов, долей). Это даёт возможность сравнивать между собой состояние энергетиче-

ских, экономических или экологических систем, не сопоставимых друг с другом при измерении в абсолютных единицах, и ответить на основной вопрос выявления и оценки ключевых моментов развития – как количественными измерениями оценить качественный характер произошедших изменений.

Определение кризисов как период, благоприятствующий качественным преобразованиям, диктует системные ограничения для их диагностики и прогнозирования на основе динамики привычных показателей типа объёма ВВП, числа занятых и безработных, общего производства и потребления энергии, сброса загрязнённых стоков или выбросов парниковых газов. Их одно- или одновременное ухудшение в хозяйственных системах разных уровней (от домохозяйства до мировой экономики), скорее всего, является отражением стрессового влияния кризиса, но может и не иметь к нему отношения. Для описания кризисов следует оперировать категориями, отражающими изменения качества. Простейшей качественной характеристикой системы является эффективность, контроль за изменением которой должен быть полезен для мониторинга кризисных и предкризисных состояний.

Рассмотрим деятельность производственной системы как совершение полезной работы, традиционно обозначаемой A . Тогда критерием успешного развития такого рода систем (от отдельных предприятий до мировой экономики) будет увеличение полезной работы с течением времени, т.е.

$$\frac{dA}{dt} > 0.$$

Но общеизвестно, что разные системы используют ресурсы с разной эффективностью. Отношение энергии, используемой системой для совершения работы A , и всей потреблённой ею энергии E , будет отражать её эффективность, присущий именно ей своего рода коэффициент полезного действия:

$$\gamma = \frac{A}{E}.$$

Дальнейшие преобразования позволяют записать критерий успешного развития системы как

$$\frac{dA}{dt} = \gamma \left(\frac{dE}{dt} \right) + E \left(\frac{d\gamma}{dt} \right) > 0.$$

Из последней формулы видно, что система успешно развивается в двух случаях – если увеличивается поступление энергии в систему, либо имеет место рост эффективности (коэффициента полезного действия), либо то и другое вместе взятое.

В первом случае, когда $\frac{d\gamma}{dt} = 0$ и $\frac{dE}{dt} > 0$, система развивается по экстенсивному пути, только за счёт освоения дополнительных внешних ресурсов. Пока есть такая возможность, у системы нет стимула к повышению эффективности. В эпоху подсечного земледелия, пока есть свободные неосвоенные пространства, никто не будет внедрять более сложные агротехнологии вроде трёхполья с заботой об

удобрении пашни. Принципиально то же самое и в наши дни – если истощаются месторождения нефти, разбуриваются уже открытые, на перспективу ведётся поиск и разведка новых. Освоение целинных и залежных земель – тоже яркий пример экстенсивного развития. Но экстенсивно развивающаяся система рано или поздно столкнётся с невозможностью традиционного пути. И в этот критический для неё момент система либо остановится в своём развитии, либо продолжит его на принципиально иной основе, создавая или совершенствуя технологии использования ресурсов и энергии – $\frac{d\gamma}{dt} > 0$, $\frac{dE}{dt} = 0$. В таком случае можно говорить об интенсивном типе развития. При нём возможен рост полезной работы в условиях стабилизации или даже уменьшения ресурсного притока в систему. Экономически развития страны (условно именуемые Западом) уже давно столкнулись с энергетическим кризисом ($\frac{dE}{dt} = 0$). Именно после него там стали активно развиваться ресурсо- и энергосберегающие технологии, использоваться нетрадиционные источники энергии (невзирая на то, что по рентабельности они всё ещё проигрывают традиционным).

В нашей стране такой момент ещё не наступил и трудно предсказать, когда вышесказанное станет реальностью. Но необходимость и неизбежность перехода на интенсивный путь развития руководством страны сегодня уже осознаётся, и свидетельством этому являются программы модернизации и энергосбережения. И чтобы эти полезные начинания имели твёрдую методологическую основу, они должны опираться на критерии, адекватные интенсивному типу развития. И как следует из определения КПД как отношения полезной работы ко всей затраченной, эти критерии должны оперировать относительными показателями. А валовые величины, активно применяемые на экстенсивном пути развития, следует отодвинуть на методическую периферию.

Продолжим рассматривать обобщённую модель производства, с помощью которой показана принципиальная разница двух путей развития. По разным причинам не все энергия и другие ресурсы, поступившие в систему, идут на производство полезной продукции. Часть их неизбежно теряется в окружающей среде. Обозначим полные затраты энергии и ресурсов системы через E , часть их, использованные на производство полезной продукции – как U , а утерянные, перешедшие в окружающую среду – как V ($E = U + V$). И рассмотрим отношения этих величин, допускающие их трактовку как показателей эффективности.

1. Отношение $\frac{U}{E}$ имеет смысл коэффициента полезного действия системы, отражает её энергетическую эффективность.

2. Следуя логике эффективности, отношение $\frac{E}{V}$ отражает технологическую эффективность как обобщённую характеристику производственных процессов в системе.

3. Соотношение частей $\frac{U}{V}$ есть экологическая чистота единицы полезной продукции, т.е. экологическая эффективность системы.

Таким образом, при интенсивном типе развития производственных систем для их адекватного комплексного описания необходимо использовать три критерия эффективности: энергетической, технологической и экологической. Максимизация всех трёх соотношений будет указывать, что система находится на путях устойчивого сбалансированного развития, когда основные аспекты прогрессивных изменений не входят в противоречие друг с другом.

1. Ануфриев В.П., Ануфриева В.И., Петрунько Л.А. Повышение конкурентоспособности регионов и предприятий за счет зеленой экономики на примере Свердловской области // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 3. С. 134–145.

2. Артюхов В.В., Мартынов А.С. Методика оценки экологической и энергетической эффективности экономики России. М.: Интерфакс. 2010. 101 с.

3. Минакова Т.Е., Минаков В.Ф. Синергия энергосбережения при высокой добавленной стоимости продукции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: <http://science-education.ru/ru/issue/view?id=9676>.

4. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. М.: ИНЭИ РАН, АЦ при Правительстве РФ, 2015. 400 с.

*А.А. Сивкова,
м.н.с. лаборатории демографии и социального управления,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

СРЕДНИЙ КЛАСС В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹

Устойчивое развитие в своей социальной составляющей ориентировано на человека и благосостояние в широком смысле слова, справедливое разделение благ внутри и между поколениями, сохранение и устойчивость социальных и культурных систем. Таким образом, реализация концепции устойчивого развития предполагает трансформацию общества, в частности, его социальной структуры – от силь-

¹ Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-14-7-6 «Человеческий капитал северного региона: возможности расширенного воспроизводства среднего класса»), а также в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.)

но поляризованной с высокой долей малоимущих групп населения в сторону смягчения социально-экономической дифференциации, к обществу с численным преобладанием групп с высоким уровнем благосостояния и качеством жизни. В настоящий момент Россия, по мнению исследователей из Института социологии РАН, находится на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному периоду развития, когда наиболее эффективно может использоваться концепция среднего класса [5, с. 102].

Изначально термин «средний класс» стал применяться к промежуточному слою между богатыми и бедными, первым прообразом которого стало третье сословие в Европе, объединившее ремесленников, купцов, лавочников и т.п. Однако чаще всего появление массового среднего класса в качестве особого социального субъекта связывается с переходом западных стран к постиндустриальному обществу в XX в.

На его формировании в этот период сказались сразу несколько происходящих процессов: индустриализация, которая потребовала большого количества квалифицированных работников и экспертов, укрупнение производств, приведшее к появлению новой категории работников – менеджеров, а также развитие социальной инфраструктуры, образования и здравоохранения, в результате которого увеличилась численность врачей, преподавателей и других категорий квалифицированных специалистов [6]. Таким образом, в массовом масштабе возникли новые структурные позиции, благодаря которым сформировалась новая социальная структура и массовый средний класс, выступающий ее опорной конструкцией.

Значительную роль в формировании среднего класса в США и Западной Европе сыграла и проводимая в рамках теории кейнсианства экономическая и социальная государственная политика. С 1930-х гг. в США («Новый курс Рузвельта») и с 1950-х гг. в Западной Европе (появление «государств всеобщего благосостояния») приоритеты были смещены от борьбы с бедностью в сторону поддержки среднего класса [6, с. 33]. Такой переход в значительной степени можно объяснить прагматическими соображениями: средний класс при росте своего благосостояния, во-первых, способен обеспечивать экономику работниками с высококачественным человеческим потенциалом, а во-вторых, за счет растущего спроса на товары и услуги стимулировать общий рост экономики, укрепляя этим свои позиции.

К моменту оформления концепции среднего класса в 1970-х гг. в основу выделения среднего класса легли не столько показатели материального благосостояния, сколько принадлежность к определенным социально-профессиональным группам: прежде всего ремесленникам, чиновникам и служащим, а также работникам здравоохранения, мелким предпринимателям и т.д. Эти группы характеризовались в первую очередь нефизическим характером труда и специфической структурой капитала, на который они получали доход: преобладанием в нем дохода не от продажи «простой физической способности к труду», а на полученную ранее профессиональную квалификацию. Дефицитность образования также добавляло к ренте на человеческий капитал ренту на дефицитность и обеспечивало возможность занять более высокие статусные позиции.

Профессиональный состав среднего класса в современной России отражает особенности позднеиндустриального исторического этапа развития экономики. Для данного этапа, наблюдавшегося в ведущих западных странах в 60–80-х годах XX века, характерен быстрый рост так называемого «нового» среднего класса с преобладанием в нем полупрофессионалов, клерков и других представителей среднеквалифицированных «белых воротничков». Доля профессионалов же объяснимо значительно ниже, чем в обществах с доминированием четвертичного сектора экономики [4, с. 9]. Особенностью, которая ярко отличает состав российского среднего класса от среднего класса подавляющего большинства развитых стран мира, является концентрация его в госсекторе. В ядре среднего класса доля занятых на предприятиях государственной формы собственности составляла осенью 2015 г. 65%, а в начале 2014 г. – 68% [4, с. 12]. Кризисные социально-экономические процессы, вызванные падением цен на нефть и ведением режима санкций, практически не повлияли на эту часть среднего класса.

Дальнейшее расширение среднего класса возможно за счет дальнейшего увеличения численности высокодоходных групп государственных служащих, за счет расширения сфер торговли и сервиса, соответствующих позднеиндустриальному этапу развития экономики, или же за счет высокоинтеллектуальных сфер деятельности, доминирующих в обществах постиндустриального типа. Однако даже при условии полного использования всех возможностей, в рамках существующей профессиональной и отраслевой структуры российской экономики ресурс расширения среднего класса, по оценкам экспертов, составляет не более 7–9%, а его максимальная численность не будет превышать 50% населения [4, с. 10]. Ключевым условием для формирования в России среднего класса на уровне, отвечающем цели перехода к устойчивому развитию, является структурная перестройка экономики страны и увеличение численности занятых в четвертичном секторе экономики.

За первые 1,5 года экономического кризиса 2014 года занятость в «экономике знаний» ядра среднего класса – подгруппы, объединяющей наиболее ярко выражающих качественные особенности среднего класса представителей, – сократилась с 59% до 50%. По мнению исследователей из РАНХиГС, это отражает уязвимость стратегически важного для России четвертичного сектора, развитие которого в настоящее время является не драйвером экономического развития страны, а скорее его производной [4, с. 10].

В работах, посвященных анализу процессов формирования среднего класса, отмечается усиление тенденции к межпоколенческому воспроизводству среднего класса. По данным исследования, проведенного в ИнСАП РАНХиГС в 2013 году и охватившего 9557 респондентов из 59 субъектов РФ, принадлежность индивида к среднему классу с вероятностью 49% определена высоким статусом его родителей [1, с. 74]. Среди представителей среднего класса 40% превзошли по должностному статусу своих родителей, 37% дети занимали такие же должности. Иначе обстоит ситуация в других классах. Так, например, 36% низшего класса, даже получив более высокое образование и статус занятости, чем у своих родителей, не смогли пре-

одолеть барьеры и попасть в средний класс [1, с. 74]. Также в группе с низкими доходами дети гораздо чаще занимают должности ниже, чем их родители.

Сформировавшиеся системы неравенства в большей или меньшей степени блокируют социальное продвижение, поэтому сложившаяся система стратификации имеет тенденцию воспроизводиться в последующих поколениях. Тогда многочисленные группы людей не получают доступ к ресурсам общества, как материальным, так и духовным [2]. Как мы видим, средний класс в России воспроизводит себя в последующих поколениях достаточно успешно, однако этого недостаточно для его расширенного воспроизводства. В этой связи проблема недостаточного функционирования социальных лифтов, затрудненность вертикальной мобильности, в первую очередь посредством повышения человеческого капитала индивидов, стоит крайне остро.

Россия традиционно характеризуется высокой отдачей на социальный капитал, при этом отдача на инвестиции в образование и квалификацию пока значительно ниже, чем в развитых странах. Учитывая это, наряду с политикой, направленной на повышение доступности качественного образования (различного уровня, от школьного и дополнительного к школьному, до специального и повышения квалификации), существует необходимость продвигать ценности равенства и свободной конкуренции на рынке труда, а также создания в организациях культуры учета индивидуальных достижений как основы для беспристрастной оценки профессиональных качеств и равенства возможностей. Это положительно скажется в том числе и на конкурентоспособности организаций, заинтересованных в высоком уровне квалификации нанимаемых и продвигаемых по карьерной лестнице сотрудников.

Содействие развитию социальных лифтов важно как по непосредственным причинам – с целью создания возможностей для повышения людьми своего благосостояния, так и по косвенным. Ситуация, при которой вертикальная мобильность затруднена, крайне отрицательно сказывается на общественных настроениях. В совокупности, учитывая высокую степень социально-экономического неравенства в России, это негативно отражается как на качестве жизни населения, так и на развитии человеческого капитала, не позволяя в полной мере раскрыть потенциал общества. Подобные системы неравенства, являясь социально дисфункциональными, провоцируют различные формы антисоциального поведения, формируют упаднические настроения и приводят к состоянию «выученной беспомощности», которые препятствуют реализации успешных моделей поведения даже при появлении соответствующих возможностей [2, с. 50].

Признавая необходимость перехода России на путь устойчивого развития, необходимо создавать условия для формирования многочисленного и качественного по своему составу среднего класса. Средний класс является социальной базой и главной движущей силой реформирования общества, обеспечивает технологический и социально-экономический прогресс, способствует воспроизводству квалифицированной рабочей силы, создает и распространяет образцы социокультурных и социально-экономических норм, осваивает и ретранслирует на остальные слои населения мно-

гие инновационные практики [7]. Рост численности российского среднего класса к 2020 году до двух третей населения назван руководством страны в числе основных задач социально-экономического развития России [3]. Исходя из существующих препятствий для реформирования социальной структуры общества в этом направлении, приоритет в этой деятельности, по нашему мнению, необходимо отдавать модернизации отраслевой структуры экономики, а также совершенствованию механизмов вертикальной мобильности и функционирования социальных лифтов.

1. Бурдяк А.Я., Малева Т.М. Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 4 (32). С. 62–85.
2. Верещагина А.В., Имгрунт С.И., Самыгин С.И. Социальное неравенство в России: функциональные и дисфункциональные последствия в контексте национальной безопасности и перспектив будущего развития страны / А.В. Верещагина, С.И. Имгрунт, // Вестник АГУ. 2016. № 3 (184). С. 48–55.
3. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>.
4. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов / Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга. М.: Издательство Института социологии РАН, 2016. 34 с.
5. Тихонова Н. Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009. 320 с.
6. Тихонова Н.Е., Горюнова С.В. Методология выделения и основные особенности среднего класса в современной России // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (СПЭРО). 2008. №9. С. 85–104.
7. Тихонова Н.Е., Горюнова С.В. Теоретико-методологические проблемы анализа среднего класса // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (СПЭРО). 2008. №8. С. 29–42.

В.И. Спирагин,

к.э.н., вед. науч. сотр.,

*Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

МОДЕЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (ОРГАНИЗАЦИИ) В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ

Россия, как известно, составляет 1/6 часть мира. Более половины России занимает Север, поэтому отдельные исследователи относят её к северным странам и регионам планеты, что для южных областей, республик и регионов России не вполне верно. Республики в составе России – 1/6 часть РФ. Северный регион – ше-

стая часть республик в составе РФ. Бюджет северного региона – почти шестая часть валового продукта региона [2, 5, 6]. Бюджетные инвестиции в отдельные годы – одна шестая часть бюджета. Инвестиции в теории и на практике иногда совпадают со сбережениями. Процентная ставка на сбережения в финансовых структурах северного региона, по данным 2016–2017 финансового года, составляла примерно одну шестую от 100% сбережений (16,0–18,7 процентов за год) [6]. Ответ на вопрос, как же в таких северных региональных условиях развиваются и живут бюджетные предприятия и организации, помогает дать моделирование [5, 8].

Предположим, бюджетное предприятие обладает четырьмя факторами развития. Каждому из факторов развития отвечают четыре ценовых оценки. При некоторых оптимальных предположениях модель расположения факторов может быть представлена квадратом, углы которого отвечают сосредоточенным факторам [7, 8]. Аналогично строится ценовой квадрат, углам которого соответствуют цены факторов. Площади квадратов предполагаются равными. В противном случае стороны нормируются. Ценовой квадрат размещается над факторным квадратом с поворотом на сорок пять или в девяносто градусов. Впишем окружность в ценовой и факторный квадраты. Радиус вписанной окружности составит половину стороны каждого из квадратов. Если сторона квадратов равна A , то радиус равен $A/2$. Опишем окружность вокруг совмещённых квадратов с единым центром [8].

Она пройдёт через угловые точки квадратов. Радиус окружности можно найти по теореме Пифагора. Он равен корню из длины стороны квадрата в квадрате, делённому на корень из двух. Рассмотрим совместно площади квадрата и кольца, образованного вписанной и описанной окружностями. Площадь квадрата равна AA . Площадь кольца несколько иная.

Расстояние от вписанной до описанной окружности равно разности радиуса описанной окружности и $A/2$, т.е. примерно $0,4 A$, делённого на 2. Длина круга с радиусом $0,6 A$ определяется по обычной формуле, и примерно равна $3A$. Перемножая $0,2 A$ на $3A$, получаем $0,6 AA$. Таким образом, соотношение площади кольца и площади квадрата составляет $0,6$. Увеличивая этот параметр десятикратно (например, рост масштаба цен), получаем число 6.

Среднедушевые доходы населения северного региона за десять лет могут увеличиваться в десять раз (согласно региональной статистике). Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства северного региона, по разным источникам, со 110,8 млн. руб. в 2000 г. увеличились до 1033,4 млн. руб. в 2010 г. [1, 5, 6].

В итоге шесть плюс один даст семь. Принимая семь за 100%, можно найти их одну шестую часть. Она составит примерно 18% (с учетом возможной добавки к 100% значения 6%, показателя текущей годичной инфляции). 18% есть произведение трех на 6%. Численность зарегистрированных безработных по статистике за 2014–2016 гг. 6–7 тыс. чел. (в добыче полезных ископаемых, обрабатывающих производствах, строительстве, транспорте и связи работало примерно 110–115 тыс. чел.), удельный вес ветхого и аварийного фонда – 6–7% (а общей площади жилых помещений в сельской местности, оборудованной одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением,

горячим водоснабжением и газом, в общей площади жилых помещений северного региона – 6,2–6,3%), численность педагогических работников в дошкольных образовательных организациях – 6,2–6,3 тыс. чел. (в образовании, здравоохранении и предоставлении прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, финансовой деятельности в северном регионе к 2016 г. было занято 97,4 тыс. чел.) [6].

По данным Росстата, номинальные доходы и зарплаты, без учёта инфляции, россиян – работников бюджетной сферы с 2008 г. по 2016 г. постоянно росли, но уже более низкими темпами [5, 9]. В 2017 г. во время прямой линии Президент России обратился к данной экономической проблеме и сообщил, когда пройдёт повышение зарплат работникам бюджетной сферы: учителям, врачам, работникам культуры, социальным работникам, преподавателям вузов и другим категориям бюджетников [9]. Работающие в бюджетных организациях пенсионеры получают 100–200 руб. прибавки к зарплате в августе 2017 г. Однако реальные доходы работников бюджетной сферы, зарплаты россиян не растут уже длительное время. Поэтому перед бюджетными предприятиями и организациями встала проблема поиска внутренних резервов и денег в бюджете для выплат зарплат отдельным категориям работников бюджетной сферы в рамках реализации майских Указов Президента России и поручений Правительству России. Рост доходов россиян и бюджетников в форме выплат зарплат и пенсий в определённой степени отражает динамику развития и факторного роста по модели [2, 7, 8]. Данные об этой динамике за 2008–2016 гг. представлены ниже в таблице индексными показателями северного региона и экономики страны в целом:

Таблица 1

Индексы динамики показателей факторных доходов в экономике России и северном регионе в 2008–2016 гг., раз

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Номинальная зарплата*	1,000	1,075	1,208	1,353	1,538	1,723	1,873	1,971	2,121
Номинальная зарплата**	1,000	1,137	1,255	1,387	1,631	1,811	1,908	1,956	2,232
Зарплата учителя*	1,000	1,177	1,248	1,398	1,681	2,079	2,292	2,381	2,487
Зарплата в образовании**	1,000	1,178	1,210	1,451	1,745	3,090	2,481	2,528	2,668
Зарплата врача*	1,000	1,130	1,198	1,336	1,573	1,862	2,069	2,153	2,282
Зарплата в здравоохранении**	1,000	1,235	1,262	1,497	1,694	2,268	2,300	2,386	2,447
Пенсии*	1,000	1,359	1,670	1,820	2,014	2,206	2,395	2,657	3,079
Пенсии**	1,000	1,356	1,356	1,641	1,793	1,988	2,186	2,732	2,841

Примечание: * страна; ** северный регион; курсив – оценка [2, 5, 6, 9].

Подобная модель выделения факторных структур вообще характерна для экономических отношений реализуемой в рамках предложенной *А. Браверманном* концептуальной объемно-пространственной модели [4]. Она дана в форме четырехугольной геометрической модели, выражающей отношения, возникающие в процессе взаимоотношений разных хозяйственных видов деятельности: в системе высшего образования (в вузах); в системе обеспечения медицинской услуги; в системе сферы обращения и хозяйственной деятельности; в системе обеспечения государством социальной услуги в сфере пенсионного обеспечения. Отличительной чертой модели является её геометризация, акцентирование на существенных сторонах взаимоотношений при абстрагировании от иных аспектов экономической действительности северного региона (*И.А. Полякова*, 2010). Однако разработанная и аналогичная предложенной выше геометрическая модель была рекомендована вузам при оценивании экономических трансформаций, выявления и определения взаимосвязей между разными сферами экономической и хозяйственной жизни [4]. Теоретические и методологические положения сохраняют свою правомерность для некоторых технических систем, систем машин, например, в АПК и у ПК. У машин с интенсивным износом ремонтные расходы после 3 лет эксплуатации растут, поэтому срок их службы находится в пределах 6 лет (при природном цикле в 100 лет). Для машин с меньшей интенсивностью износа срок службы существенно увеличивается (*УрО АН*, 1966–1981) [5].

На начало 2016 г., по оценке, численность населения северного региона составляла 856,6 тыс. чел., что достигало 0,6% численности населения России (1/6 – в сельской местности) [6]. Согласно принятым Указам зарплаты работников бюджетной сферы (врачей, учителей, работников культуры) должны были стать выше средней по региону России. Отдельные категории бюджетников должны были получить зарплаты вдвое выше средней по региону [6]. Средняя номинальная начисленная заработная плата в северном регионе составила, по разным источникам, в 2014 г. 39739–40222 руб. в месяц, в 2015 г. – 40741 руб. в месяц, в 2016 г. – 46,5 тыс. руб. в месяц (*оценка*). Важной проблемой предприятий и организаций бюджетной сферы северного региона является наличие значительной дифференциации зарплат в отдельных видах экономической деятельности и различных местностях. Так, в 2015 г. при средней зарплате по региону в 42900 руб. за июнь месяц, уровни оплаты труда по I полугодию, на основе данных о задолженности, составили: строительство – 44 тыс. руб.; транспорт – 43 тыс. руб.; животноводство – 33 тыс. руб.; экономика в целом – 35,9 тыс. руб.; в Ухте – 38 тыс. руб., в Инте – 101,5 тыс. руб., в Сыктывкаре – 56,3 тыс. руб., в Микуни – от 11,4 до 46,7 тыс. руб., в Кедвавом – зарплата до 10,8–12,2 тыс. руб. В Воркуте зарплата была выше зарплаты прибывающего врача, необеспеченного проживанием [2, 5, 6]. В силу этих и иных причин неформальная занятость в северном регионе, по данным 2015 г., составила: сельское население – 723 чел., городское население – 3263 чел. Прожиточный минимум был установлен властями северного региона в декабре 2015 г. на уровне 12069 руб. при средней зарплате за июнь в РФ в 30050 руб. В мае 2017 г. воспитатель из Астрахани получала 7935 руб., начальник пожарной команды из Саратовской области имел оклад 8 тыс. руб., а медсестра с космодрома «Восточный» – 10246 руб. [9].

Т.е. за рамками повышения зарплаты в РФ пока остаются 5,8 млн чел. (данные *Минтруда*), поэтому увеличивается число граждан, проживающих за чертой бедности. Они получают доходы ниже прожиточного минимума. Причиной низких доходов отдельных категорий бюджетников в регионах страны являются: непопадание их в майские Указы 2012 г.; отсутствие индексации зарплат; снизившаяся со 100\$ за баррель цена на нефть; рост цен; частичное исполнение 11 Указов и поручений Правительству страны (из 218 поручений выполнено 2/3 к 2017 г.).

Поскольку это считается несправедливым, то с 2018 г. зарплаты данных категорий работников бюджетной сферы намечено проиндексировать [5, 9]. Разработан порядок повышения зарплат работникам бюджетной сферы, однако доходы врачей и учителей в регионах пока ещё меньше средних показателей по регионам страны. Определение соотношения заработной платы работников АПК (сельское хозяйство и предоставление услуг, производство пищевых продуктов) с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения проводится статистикой согласно законодательству по городам и районам северного региона в рамках анализа труда и его оплаты по крупным и средним организациям и малым предприятиям. Подсчитывается также отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций к средней по северному региону в процентах за длительные периоды времени [1, 2, 5, 6].

13 млн. работающих пенсионеров из 43 млн по стране получают дополнительный доход к среднему пособию по старости, которое на 2017 г. оценивалось почти в 14 тыс. руб. Не смотря на отмену индексации пенсий для работающих пенсионеров по инфляции, пенсия была увеличена на 5,4% в 2017 г., по уровню предполагаемой инфляции 2016 г. В северном регионе численность пенсионеров составила 297 тыс. чел., при средней начисленной пенсии в 16642 руб. [5, 6, 9].

Работа в бюджетных организациях и на предприятиях регионов увеличивает трудовой стаж пенсионеров. Предприятия и организации поставляют в бюджетную систему дополнительные страховые взносы, которые по новым правилам начисления пенсий трансформируются в пенсионные баллы. Цена одного пенсионного балла на сегодня составляет почти 78 руб. А средняя прибавка к пенсии работающим пенсионерам за 2016 г. – 150 руб. Согласно решениям ПФР максимальная прибавка к пенсии работающего пенсионера может составить в 2017 г. до трех пенсионных баллов. Это в денежном эквиваленте превысит 235 руб. [6, 9]. Для работающих пенсионеров финансовые и бюджетные структуры предлагают различные стимулы и иные пути повышения доходов – отложенный добровольно выход на пенсию, приостановка получения отдельных выплат, высокие повышающие коэффициенты, индексацию по инфляции, накопительную пенсию, монетизацию некоторых полагающихся льгот и т.д.

В этих условиях использование модели опирается на учёт уже сложившихся в экономике обстоятельств. Среди них – преодоление очередной фазы кризиса в экономике; скромный экономический рост; наличие нерешённой проблемы роста реальных доходов; структурные недостатки экономического развития; низкая производительность труда на предприятиях и в организациях; наличие потребности в

создании новых рабочих мест в целях повышения доходов населения, в первую очередь – бюджетников [5, 9].

Основными мерами воздействия на переменные модели на практике являются принятые решения о повышении зарплат отдельным категориям работников бюджетной сферы, распространение на бюджетные учреждения порядка роста зарплат; введение индексации и корректировки зарплат, отставших от инфляции; формирование нового проекта бюджета, в котором будут найдены деньги для повышения зарплат бюджетникам [5, 7, 9].

1. Агропромышленный комплекс Республики Коми: краткий статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар, 2008. 76 с.
2. Макроэкономическая динамика северных регионов России. Сыктывкар, 2009. 336 с.
3. Оценка эффективности машин по конечному результату: монография / отв. ред. д.э.н. *В.С. Васильев*. М.: Наука, 1982. 172 с.
4. Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе: материалы IV Международной научно-практической конференции (08 апреля 2010 г.). Сыктывкар: СФ СПбГУСЭ, 2010. 430 с. С. 416–421.
5. Развитие социальных систем северных регионов России: тенденции и перспективы. Сыктывкар, 2015. 210 с.
6. Республика Коми 2016: Краткий статистический сборник / Комистат. Сыктывкар, 2016. 41 с.
7. Финансовые ресурсы промышленных предприятий: теория, анализ, управление: монография / отв. ред. *Ю.А. Гаджиев*. Сыктывкар: КНЦ, 2012. 164 с.
8. Matrix Computations and Mathematical Software/By *John R. Rice*. McGraw-Hill Book Company. New York St. Louis San Francisco Auckland Bogota Hamburg Johannesburg London Madrid Mexico Montreal New Delhi Panama Paris Sao Paulo Singapore Sydney Tokyo Toronto. 1981, (русс. перевод: *Дж. Райс*. Матричные вычисления и математическое обеспечение. М.: Мир, 1984. 264 с. С. 122–151).
9. URL: www.kp.ru (июнь, 2017).

Л.А. Суворова,
к.э.н., профессор;

В.Н. Щербинин,
магистрант,

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ АУКЦИОНОВ ПО ПРОДАЖЕ ЛЕСНЫХ УЧАСТКОВ КАК УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО РАЗВИТИЮ ЛПК КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Лес является важнейшим богатством Кировской области, и регион традиционно выступает одним из основных в составе российской лесной промышленности. Лесом в области покрыто 63% территории, а общий запас древесины составляет

более 1,2 млрд м³. По объемам заготовки и деревообработки область занимает ведущее место в Приволжском федеральном округе и входит в число наиболее крупных производителей в европейской части России [7].

В 2016 году объемы поступлений в бюджет Кировской области в виде платы по договорам купли-продажи лесных насаждений насчитывались в размере 338 602,8 тыс. руб., а в федеральный бюджет – 510 249,8 тыс. руб., что составляет около 10% от общего объема суммы поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации [6]. Вместе с тем в регионе существует серьезная проблема с незаконным оборотом древесины.

К характерным чертам лесопользования в Кировской области за последние годы можно отнести:

- распределение участков лесного фонда среди крупных предприятий на условиях долгосрочной аренды;
- сдерживание развития малого и среднего бизнеса в сфере лесозаготовки и лесопереработки;
- низкий уровень платы за пользование лесным фондом;
- отсутствие законодательных инициатив по пресечению и сдерживанию нелегального оборота в сфере лесозаготовки и лесопереработки;
- расширение теневого сектора в сфере лесозаготовки и лесопереработки;
- незначительные поступления денежных средств в бюджеты различных уровней от использования леса;
- снижение уровня экономической безопасности по развитию ЛПК в целом по области;
- низкий вклад ЛПК в развитие экономики Кировской области.

При анализе ситуации выявлено следующее:

- нерыночный отбор лиц-лесопользователей из числа крупных предприятий порождало коррупцию, а также зачастую права пользования лесами получали те лица, которые не имели никакого отношения к лесному хозяйству;
- вырубка древесины высокого качества требовала освоения всё новых лесных участков, вызывая сложности природоохранного и экономического характера при реализации лесовосстановительных мероприятий на участках, где первоклассная древесина уже была вырублена;
- низкая цена продажи необработанных бревен создавала их высокую конкурентоспособность, но при этом получаемые средства не вкладывались в инновационные технологии, не улучшались методы управления в сфере лесозаготовок, что сдерживало перспективную конкурентоспособность лесной продукции;
- высокая прибыль от реализации необработанных бревен и отсутствие обязательств лесозаготовителей по рациональному использованию лесного фонда не способствовали активной утилизации и переработке отходов;
- слабый учет и контроль по заготовке и транспортировке древесины способствовал расширению теневого сектора в лесной промышленности и способствовал сокращению налоговых поступлений в бюджеты различных уровней.

На данный момент леса Кировской области занимают 8,14 млн га [6]. Условно структуру лесов можно разделить на эксплуатационные леса и леса, выполняющие защитную функцию. Эксплуатационные леса составляют 6,51 млн га (80%), леса с защитной функцией – 1,63 млн га (20%). Суммарный запас древесины в лесных насаждениях равен по определенным подсчетам 1,16 млрд м³, из них хвойные породы занимают 0,65 млрд м³ (56%) и мягколиственные – 0,51 млрд м³ (44%). Из всей совокупности лесных насаждений 1,15 млрд м³ (99%) находятся на территориях, принадлежащих лесному фонду, то есть в ведении министерства лесного хозяйства Кировской области [7].

ЛПК Кировской области имеет сложную структуру строения. В него входят: лесозаготовительная промышленность (включает заготовку и первичную переработку древесины); деревообрабатывающая промышленность (включает производство фанеры, столярно-строительных изделий, древесностружечных и древесноволокнистых плит, мебели, деревянной тары и др.); целлюлозно-бумажная и лесохимическая промышленность. Между собой они имеют тесную технологическую связь на основе заготовки древесного сырья и его дальнейшей переработки (рис. 1).

Рис. 1. Структура ЛПК Кировской области

Источник: составлено авторами

В Кировской области присутствуют практически все элементы технологической цепочки ЛПК. Наиболее развита и диверсифицирована деревообрабатывающая промышленность, где производится широкий ассортимент лесопродукции: от спичек и лыж до деревянных конструкций, домов и мебели [10].

За последнее время в Кировской области арендные отношения в лесопользовании получили широкое применение. 71,1% площади лесов, которые расположены на территории лесного фонда, передано в аренду. На арендованной территории 665 лесозаготовителей осуществляют предпринимательскую деятельность, и им предоставлено в пользование 952 лесных участка.

Заготовка древесины является основным видом использования лесов на территории региона. Для заготовки древесины на правах аренды предоставлено 828 лесных участка, общей площадью 5,4 млн. га и ежегодным установленным объемом лесопользования 11,7 млн. м³ (76,8 % от ежегодной расчетной лесосеки).

На правах постоянного (бессрочного) пользования для заготовки древесины предоставлено 15 лесных участков, общей площадью 192,3 тыс. га и ежегодным установленным объемом лесопользования 461,1 тыс. м³ [6].

В таблице 1 отражены основные показатели, характеризующие уровень развития ЛПК Кировской области за последние 5 лет. Общая площадь лесного фонда региона составляет 8 037, 2 тыс. га, которая за исследуемый период не меняется, в то время как площадь лесного фонда, покрытая лесом в 2016 г. по отношению к 2012 г., снизилась на 1%. Отметим, что с каждым годом, площадь, покрытая лесом, сокращается примерно на 0,2%.

По состоянию на 01.01.2017 г. заключено 937 договоров аренды лесных участков общей площадью 5 706,0 га. Больше всего договоров было заключено в 2015 г. – всего 966 шт. общей площадью 5 980,8 га. Следует отметить, что за пять лет, количество заключенных договоров и арендуемых площадей изменяется незначительно, что говорит об определенном контроле со стороны органов защиты лесных ресурсов, которые следят за уровнем вырубki лесных насаждений и уровне лесовосстановления.

Таблица 1

Динамика основных показателей развития лесопромышленного комплекса Кировской области

	<i>Ед. изм.</i>	<i>На 01.01.13</i>	<i>На 01.01.14</i>	<i>На 01.01.15</i>	<i>На 01.01.16</i>	<i>На 01.01.17</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Общая площадь лесного фонда	тыс. га	Всего				
		8 037,3	8 037,3	8 037,3	8 037,2	8 037,2
		в том числе покрытая лесом				
		7 548,6	7 535,4	7 503,8	7 489,1	7 474,8
Количество заключенных договоров аренды лесных участков	шт.	932	935	959	966	937
Площадь заключенных договоров аренды лесных участков	тыс. га	5 874,6	5 803,2	5 750,0	5 980,8	5 706,0

1	2	3	4	5	6	7
Плата за использование лесов, направленная в бюджеты:	тыс. руб.	Кировской области				
		294 074,4	288 785,7	301 939,9	344 118,8	338 602,8
		Федеральный бюджет				
		412 666,2	423 834,8	458 226,7	494 046,5	510 249,8
Объем освоения расчетной лесосеки	тыс. м ³	8 736,6	9 275,9	9 974,5	8 723,8	9 597,5
Размер причиненного вреда лесному хозяйству	тыс. руб.	83 431,0	309 076,3	217 598,6	243 900,0	142 128,0

Источник: Официальный сайт Министерства лесного хозяйства Кировской области

Плата за использование лесов за рассматриваемый период растет. За 2016 г. сумма поступлений в бюджет Кировской области составила 338 602,8 тыс. руб., что на 15% выше поступлений в 2012 г. Увеличение поступлений в Федеральный бюджет за аналогичный период составило 24%. Помимо того, что бюджеты разных уровней получают большие доходы от использования лесов, существует определенная часть сумм, которая не идет на пользу региона, причина этого заключается в отсутствии открытого и прозрачного механизма контроля за оборотом лесных ресурсов.

В таблице 1 приведен такой показатель, как размер причиненного вреда лесному хозяйству, отражающий суммы, которые недополучил бюджет в результате незаконного использования древесины на основании выявленных лесонарушений. Таким образом, за последние 5 лет только по подтвержденным данным регион недополучил 996 133 тыс.руб., что является критическим показателем.

Для решения данной проблемы в конце 2016 года по инициативе главы региона Васильева И.В. принят закон Кировской области от 12.12.2016 № 31-ЗО «Об организации деятельности пунктов приёма и переработки древесины на территории Кировской области» [5], который устанавливает требования к организации деятельности пунктов приёма и переработки древесины. На сайте Правительства области появился реестр недобросовестных арендаторов лесных участков [7].

Наведению порядка в отрасли способствовала и организация совместной работы по предупреждению и пресечению незаконного оборота древесины. Был издан приказ о взаимодействии министерства лесного хозяйства, УМВД России по Кировской области и прокуратуры Кировской области [2].

Начала работать интерактивная карта лесного комплекса ГИС «Лес», которая позволяет получить сведения по любому арендованному или свободному лесному участку. По информационному содержанию система пока не имеет аналогов в Рос-

сии [6]. Разработан план разделения всей площади лесов на зоны с целью создания постоянных лесных участков с разными условиями лесопользования и с разными требованиями к управлению лесами. Разработан порядок проведения открытых аукционов по распределению постоянных лесных владений для осуществления лесозаготовительных и лесохозяйственных работ. Все эти мероприятия позволили через аукционы успешно продавать лес по договорам купли-продажи с декабря 2016 года.

Министерством лесного хозяйства Кировской области были сформированы новые подходы к определению стартовой цены лесного аукциона. Если раньше цена за кубический метр варьировалась от 40 до 147 руб., то на сегодня от лесных аукционов бюджет получает порядка 500 руб./м³. В отдельных случаях, в частности, на последнем аукционе за 15 мая 2017 года цена доходила до 1533,1 руб./м³ [10].

Торги на право заключения договора аренды или договора купли-продажи лесных участков проводятся в соответствии со следующими нормативно-правовыми документами:

1. Лесным кодексом Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ;
2. Приказом Минсельхоза РФ от 24.02.2009 № 75 «Об утверждении Методических указаний по подготовке, организации и проведению аукционов по продаже права на заключение договоров аренды лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, либо права на заключение договора купли-продажи лесных насаждений в соответствии со статьями 78-80 Лесного кодекса Российской Федерации».

Соглашения на все виды лесопользования заключаются на основе аукционов, которые проходят в два этапа:

- 1) техническая экспертиза, в рамках которой претенденты должны продемонстрировать свои технические возможности, наличие капитала, финансовую состоятельность, отсутствие задолженности по налоговым платежам, отсутствие правонарушений в лесопользовании;
- 2) непосредственно торги.

Аукционы на право заключения договоров купли-продажи – эффективный механизм распределения лесных ресурсов. Процедура заключения договоров проста и понятна. Условия и правила для всех участников абсолютно равны.

Проведение аукционов на право заключения договоров купли-продажи осуществляется в настоящее время в ряде российских регионов. Помимо положительного эффекта, есть и ряд слабых мест в законодательстве, регулирующем проведение аукционов. Так, например, в ряде регионов – в Забайкальском и Приморском краях, в Ярославской области – были отмечены случаи, когда в аукционе принимали участие лица, у которых нет производственных мощностей по деревообработке и они не планируют в дальнейшем осуществлять переработку древесины. При участии в аукционах ими искусственно завышались аукционные цены до размеров, которые нереально было сопоставить с рыночной ценой за лесной ресурс. Далее они уклонялись от заключения договоров аренды, в результате чего бюджетные

средства, выделенные на проведение аукционов, были потрачены неэффективно. Вместе с тем лица, желающие осуществлять заготовку и переработку древесины, не смогли получить необходимые им лесные участки. Также мошенники требовали денежные средства от других участников аукциона, которые были заинтересованы в приобретении лесных участков, за то, что они отказываются принимать в них участие.

Помимо этого, были случаи, когда на аукционах побеждали лица, которые имели финансовые средства для заключения договора аренды по цене, которая превышала возможности лесопереработчика. Это приводило к тому, что сами лесопереработчики были вынуждены приобретать древесину у мошенников «на корню» по более высоким ценам – по договорам аренды, заключенным по результатам таких аукционов [8].

В Кировской области последний аукцион состоялся в 2010 году и возобновленное действие системы аукционов уже за первое полугодие 2017 года начало приносить свои плоды. Если раньше цена за кубометр леса варьировалась от 40 до 147 руб., то сегодня средняя цена составляет порядка 500 руб. (табл. 2).

Доходы от проведения лесных аукционов – это лишь часть доходов ЛПК Кировской области, которые уже принесли дополнительно в бюджет более 150 млн руб. План за пять месяцев исполнен по федеральному бюджету на 119,4%, по областному бюджету – на 100,3% [3].

Доходы областного бюджета от использования лесов за первые 5 месяцев 2017 г. выросли на 73,3% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. Всего на прошедших аукционах было продано 275,4 тыс. м³ леса. Данный объем был сформирован в 215 лотов. Таким образом, общая сумма дохода от лесных аукционов за данный период составила 119,6 млн руб. [4].

Таблица 2

Показатели результативности функционирования лесных аукционов в Кировской области

	<i>Декабрь 2016</i>	<i>2017 год</i>
Продано лотов	29	215
Объем, тыс. м ³	49	275,4
Поступило в федеральный бюджет, млн. руб.	1,8	12,8
Поступило в областной бюджет, млн.руб.	24,5	119,6
Средняя цена, руб. за 1 м ³ древесины	539,2	480,5
Максимальная цена, руб. за 1 м ³ древесины	1 143,4	1533,1

По итогам 2017 года Правительство Кировской области намерено получить от лесного хозяйства не менее 1 млрд руб. в областной бюджет (в 2016 году в бюджет от лесного хозяйства поступило немногим более 300 млн руб.).

Основным механизмом для привлечения крупных инвестиций в лесной комплекс является предоставление лесных участков в аренду в целях реализации приоритетных инвестиционных проектов [1]. По состоянию на 23 ноября 2016 года на

территории Кировской области реализуется шесть приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов:

- «Модернизация действующего производства ОАО «Нововятский лыжный комбинат»;
- «Организация производства по лесозаготовке и глубокой переработке древесины: создание производства по изготовлению деревянных домов из клееного бруса» ООО «Стройлес»;
- «Развитие малоэтажного домостроения и модернизация лесоперерабатывающих производств на базе подразделений «Кировлес» ООО «УК «Лесхоз»;
- «Организация нового производства в области освоения лесов ООО «Лестех-снаб плюс»;
- «Модернизация лесоперерабатывающего завода ООО ПКП «Алмис»;
- «Организация производства клееного бруса на территории моногорода Луза» ООО «Хольц Хаус».

Общий объем инвестиций по реализуемым проектам составит 4,5 млрд руб., на предприятиях трудится 1848 человек. Всего в 2017 году в Кировской области будут запущены ещё семь лесоперерабатывающих предприятий. Реализация проектов по новым производствам даст возможность создать новые рабочие места и увеличить налоговые поступления в бюджет, что значительно улучшит общие социально-экономические показатели развития региона в целом и повысит уровень экономической безопасности.

1. Вятский лес: миллиарды инвестиций и всероссийское лидерство // Бизнес-портал Navigator-kirov.ru. URL: http://navigator-kirov.ru/local_news/vyatskii-les-milliardy-investitsii-i-vserossiiskoe-liderstvo

2. Кировская область планирует увеличить долю доходов от леса в экономике региона в 2 раза // Информационное агентство России ТАСС. URL: <http://tass.ru/pmef-2017/articles/4307740>

3. Лесные аукционы Кировской области // Лесной регион. № 10 (209). URL: <http://lesregion.ru/main/3202-lesnye-aukciony-kirovskoy-oblasti.html>

4. Лучинин В. Лесные аукционы на 73% увеличили доходы от использования лесов: // Официальная газета Правительства Кировской области «Кировская правда». URL: <http://kirovpravda.ru/%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B0%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D1%8B-%D0%BD%D0%B0-73-%D1%83%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%B4%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B-%D0%BE/>

5. Об организации деятельности пунктов приема и переработки древесины на территории Кировской области: [Закон Кировской области от 12.12.2016 № 31-30]. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW240;n=108267#0>

6. Официальный сайт Министерства лесного хозяйства Кировской области. URL: <http://mlh43.ru/>

7. Официальный сайт Правительства Кировской области. URL: <http://www.kirovreg.ru/>

8. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/>

9. Смирнова Е. Кировская область планирует увеличить доходы от лесной отрасли в 2 раза // Новостной портал «НаВятке». URL: http://navyatke.ru/news/15050-kirovskaya_oblast_planiruet_uvelichit_doxod_ot_les.html

10. Суворова Л.А., Щербинин В.Н., Пестова И.В. Факторы, влияющие на развитие российского рынка древесных плит // Advanced science. 2017. № 2. Социально-экономические науки. С. 1–15. URL: [http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/2\(2017\)/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE-%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5/suvorova-scherbinin-pestova.pdf](http://advanced-science.ru/assets/mgr/docs/2(2017)/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE-%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5/suvorova-scherbinin-pestova.pdf)

М.А. Терентьева,

к.э.н., н.с.,

*Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

ОЦЕНКА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Актуальность темы оценки трудовых ресурсов вызвана нарушениями в механизме управления ими в регионах. Это проявляется в несоответствии структуры и количества подготавливаемых специалистов и потребности в них региональной экономики, их неэффективном использовании, неудовлетворительной социальной защищённости работников, безработице, снижении качества жизни населения.

С количественной стороны трудовые ресурсы характеризуются численностью населения в трудоспособном возрасте, с качественной – образованием, профессионально-квалификационной подготовкой, нравственно-духовным уровнем населения, творческим потенциалом и мобильностью населения [1]. Дифференциация регионов по социально-экономическим показателям обуславливает исследование особенностей распределения их трудовых ресурсов [3].

Так, в сложных для проживания регионах Крайнего Севера и приравненных к нему территорий вследствие значительного оттока рабочей силы усугубляется ее количественный и качественный дефицит. В этих регионах остро стоит вопрос о закреплении квалифицированных кадров, общем повышении качества трудового потенциала населения и уровня занятости. Для улучшения ситуации на рынке труда в регионах система мер по его регулированию должна опираться на оценки трудовых ресурсов. Это позволит выявить проблемы в воспроизводстве и дать ориентиры для управленческих воздействий на масштабы и структуру спроса и предложения труда с учетом региональной специфики.

Перейдем к оценке распределения трудовых ресурсов на Российском Севере, динамика его характеризуется отрицательным трендом. За последние десять лет (2005–2015 гг.) среднегодовая численность занятых сократилась на 4,8% (табл. 1). Если в качестве базы сравнения принять 2010 г., то вырисовывается такая ситуация – за 2005–2010 гг. оно составит 1,5%, а за 2010–2015 гг. эта цифра в два раза выше – 3,4%.

Таблица 1

Распределение трудовых ресурсов северных регионов России по сферам деятельности, 2005-2016 гг., тыс. чел.

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Трудовые ресурсы	4541	4474	4438	4401	4384	4344	4324	4199
Среднегодовая численность занятых в экономике	4248	4261,3	4253,8	4258,7	4235	4197,7	4168,3	3921,0
Учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от работы*	-	377	399	337	330	701	281	369
Трудоспособное население в трудоспособном возрасте, не занятое в экономике и не обучающееся в системе образования*	-	794	813	729	733	298	661	657
Безработные*	387	372	326	284	285	276	282	278

Примечание: *расчет сделан по Архангельской области, в состав которой входит НАО.

Динамика численности учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от работы, характеризуется снижающим трендом в целом за 10-летний период, сокращение составило в сравнении с 2005 г. 25,5%.

На более чем 40% сократилась численность безработного населения (здесь и далее по тексту безработица измеряется в соответствии с критериями Международной организации труда – МОТ). Уровень безработицы в среднем по регионам Российского Севера, в 2016 г. составил 6,8% (в 2005 г. он был равен 9,0%). В динамике безработицы можно выделить два периода: 2005–2007, 2009–2012 гг., в течение которых ее величина сокращалась. Начиная с 2012 г. по 2016 г. тренд по уровню безработицы имеет устойчивый характер, в пределах 6,8–7,0%.

По состоянию на 2016 г. более, чем 93,0% трудовых ресурсов рассматриваемых регионов, или 3921,0 тыс. чел., было занято в экономике. Трудоспособное население в трудоспособном возрасте, не занятое в экономике и не обучающееся в системе образования, составило 15,6% трудовых ресурсов. Доли безработных и учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от работы, – 6,6 и 8,8%, соответственно.

Итак, изменения в распределении трудовых ресурсов по северным регионам РФ имеют разнонаправленный характер. Остановимся подробнее на анализе регионов Европейского Севера России (рис. 1).

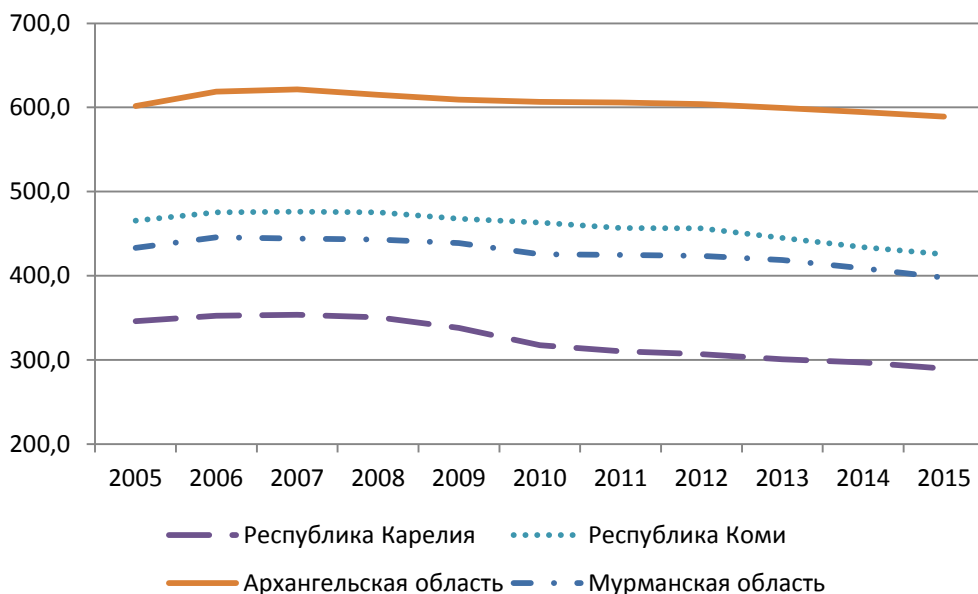

Рисунок 1. Динамика численности занятого в экономике населения в регионах Европейского Севера за 2005–2015 гг., тыс. чел.

Для *Мурманской области* четко выделяются в анализируемом два периода: 2005–2006 гг. и с 2007–2015 гг., в течение которых наблюдались и положительные и отрицательные темпы роста занятости. За 2005–2006 гг. численность занятого населения увеличилась на 12,7 тыс. чел. Максимальный темп роста численности занятого населения зафиксирован в 2006 г. Однако тенденция роста численности занятого населения в области носила весьма умеренный характер и достаточно быстро исчерпала себя. В течение второго периода в сфере занятости наблюдаются отрицательные тенденции – численность занятого населения сократилась на 46,2 тыс. чел. Таким образом, к 2015 г. это сокращение нивелировало весь прирост занятости предыдущего периода. В общей численности трудовых ресурсов области доля занятого населения неуклонно увеличивалась с 84,9% в 2005 г. до 87,4% в 2015 г. за счет сокращения долей всех остальных категорий трудовых ресурсов. Однако за весь анализируемый период наблюдались как спады, так и рост: рост в 2005–2007 гг. и небольшое увеличение доли в 2010–2011 гг., спад в 2008–2010 гг. и 2012–2015 гг.

Так, доля безработных на протяжении исследуемого периода сократилась с 8,7 до 7,7%, в то время как ее динамика была противоположной изменению численности занятого населения. С 2005 г. происходило сокращение численности безработ-

ного населения вплоть до кризиса 2008–2009 гг. За 2008–2010 гг. безработица на региональном рынке труда возросла на 29,6%, и только с 2012 г. началось ее сокращение. Таким образом, сокращение численности занятого населения сопровождалось ростом безработицы и числа иностранных трудовых мигрантов на областном рынке труда. Удельный вес иностранной рабочей силы относительно невелик (5% общей численности занятого населения), сохранение высоких темпов роста этой категории в перспективе может привести к существенным изменениям в структуре занятого населения.

Доля учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от работы, колеблется в пределах от 3,7% (2015 г.) до 10,8% (2006 г.) в численности трудовых ресурсов региона. Ее динамика в целом за 2005–2015 гг. имеет отрицательный характер. Суммарное сокращение в Мурманской области этой категории населения за 10-летний период составило 28,0 тыс. чел.

В динамике изменения численности занятого в экономике *Республики Карелия* населения можно выделить 2 разных по тенденциям периода. В первый (2005–2007 гг.) наблюдался заметный рост численности занятого населения. Экономический кризис 2008–2009 гг. существенно изменил ситуацию на региональном рынке труда, что привело к последующему сокращению численности занятого населения региона к 2015 г. на 60,8 тыс. чел. Доля же этой категории населения в составе трудовых ресурсов снизилась на 5 п. п.: с 93% в 2005 г. до 88% в 2015 г. Большую часть этого периода сокращение численности занятого населения происходило одновременно с уменьшением численности безработного населения, т. е. имело место еще более значимое (по сравнению с занятым населением) сокращение численности экономически активного населения.

Отметим, что динамика численности безработного населения находилась в противофазе с динамикой численности занятого в экономике населения. Так, в 2006 г. на фоне роста численности последних безработица находилась на минимальном абсолютном выражении уровне.

Последующее снижение численности занятого населения сопровождалось заметным ростом численности безработных. Доля учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от работы, в структуре трудовых ресурсов достигла максимума в 2014 г. – 14,1%. Но уже в 2015 г. она составила 4,2%. Их численность сокращалась до 2009 г., в 2010 было незначительное увеличение до 27,0 тыс. чел., далее она снижалась вплоть до 2013 г., в 2014 г. произошел резкий рост в 2,5 раза, а затем в 2015 г. значительное снижение – в 3 раза. Уменьшение данной категории населения за все 2005–2015 гг. составило 9 тыс. чел.

В *Архангельской области* занятое в экономике население составляло в 2015 г. 96,4% трудовых ресурсов региона. По сравнению с 2005 г. доля занятого населения в общей численности трудовых ресурсов заметно увеличилась за счет уменьшения удельного веса других категорий. Период 2005–2007 гг. можно охарактеризовать как период роста численности занятого населения области.

Вторая половина рассматриваемого временного интервала (2008–2015 гг.) характеризуется отрицательным темпом роста занятости. Суммарный рост численности занятого населения области за первый период в 10 раз меньше ее уменьшения в течение второго периода: 26,0 тыс. по сравнению с 2,5 тыс. чел. Удельный вес учащих в трудоспособном возрасте (5,4% общей численности трудовых ресурсов в 2015 г.) сокращался, но в 2014 был их максимальный уровень – 17,0%. В абсолютном выражении сокращение численности этой категории населения составило 40 тыс. чел.: с 73,0 тыс. в 2005 г. до 33 тыс. чел. в 2015 г. Доля безработного населения в общей численности трудовых ресурсов составила в 2015 г. 6,9%. В 2005–2015 гг. удельный вес этой категории был на уровне 5–6%. Уровень безработицы на протяжении рассматриваемого периода (2005–2015 гг.) вырос незначительно: с 5,5 до 6,8%.

В динамике изменения численности занятого в экономике *Республики Коми* населения можно выделить периоды его роста (2005–2007 гг.), стабилизации (2007–2008 гг.) и сокращения (2009–2015 гг.). К 2015 г. по сравнению с 2009 г. численность занятого населения уменьшилась на 42,4 тыс. чел., или на 9,1%. Численность безработного населения после кризиса 2008–2009 гг. значительно сократилась. Динамика численности безработных в 2006–2008 гг. и в 2010–2012 гг. была сходной, т. е. после кризиса рынок труда как бы вернулся на прежнюю траекторию, но при других абсолютных значениях. При этом в 2015 г. ситуация на рынке труда заметно обострилась. Учащиеся в трудоспособном возрасте в 2015 г. составили 4,6% общей численности трудовых ресурсов. Удельный вес данной категории населения также сокращался: на 3,3 п. п. с 7,9% в 2005 г. В абсолютном выражении произошло снижение численности с 42 тыс. в 2005 г. до 22 тыс. чел. в 2015 г. Уровень безработицы в регионе выше среднего по стране и выше среднего по Северо-Западному федеральному округу (в 2015 г. – 7,0%).

1. Бессонова Л.Н. Особенности оценки трудовых ресурсов на уровне региона // Вестник Югорского государственного университета. 2011. № 4 (23). С. 10–12.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2015 (2008–2014): стат. сб. / Федер. Служба гос. статистики (Росстат). Офиц. изд. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 11.07.2017).
3. Чачугиев М.Ч., Соколов М.М. Регионы, экономика и управление : учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2001. 271 с.

Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект №15-14-7-6 «Человеческий капитал северного региона: возможности расширенного воспроизводства среднего класса».

Е.Н. Тимушев,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар

СЦЕНАРИИ ИЗМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ МЕЖБЮДЖЕТНОГО ВЫРАВНИВАНИЯ (ПО ДАННЫМ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Введение

В бюджетной системе Республики Коми при межбюджетном выравнивании используется методика распределения трансфертов с абсолютным выравниванием бюджетной обеспеченности (БО) части бюджетов. Недостатки данной методики:

1) полное выравнивание БО бюджетов нижней части упорядоченного ряда (отсутствие сохранения дифференциации бюджетов);

2) величина дотаций зависит и прямо пропорциональна таким показателям, как численность населения и степень дифференциации БО наименее состоятельных бюджетов, и её вычисление требует применения процедур, более сложных по сравнению с распределением пропорционально отставанию от критерия выравнивания.

Более эффективный способ распределения нецелевых выравнивающих трансфертов – пропорциональное сокращение разрыва между величинами БО. При двух-этапной методике распределения, одним из основных вопросов становится пропорция распределения объёма Фонда выравнивания между двумя этапами.

Теоретический контекст поиска пропорции распределения объёма Фонда

Сохранение положительных фискальных стимулов и требование прогрессивности распределения* требует введения диапазона $D(T1)_{\min} < D(T1)^1 < D(T1)_{\max}$, при котором величина Фонда, распределяемая на первом этапе $D(T1)^1$, определяется расчётным способом.

Определение *максимальной доли объёма Фонда* $D(T1)_{\max}$ обусловлено тем, что при превышении некоторого порога будет нарушено требование сохранения рангов бюджета до и после выравнивания. Подобная ситуация является источником негативных фискальных стимулов, возникающих из-за изменения относительного положения бюджетов после выделения трансферта [2, с. 95; 1, с. 90–91]. Установление *минимальной доли объёма Фонда* $D(T1)_{\min}$, подлежащей распределению на первом этапе, диктуется принципом увеличения дотаций для наименее обеспечен-

* подразумевает большее сокращение разрыва величин БО бюджетов.

ных бюджетов при замене *пропорциональной методикой методике с абсолютным выравниванием*.

Если значительно упростить расчёты и привязать определение минимальной доли $D(T1)_{min}$ к первому этапу распределения, величина доли Фонда выравнивания, распределяемой на первом этапе, должна удовлетворять следующим условиям:

$$\left\{ \begin{array}{l} D(T1)_{min}^1 < D(T1)^1 < D(T1)_{max}^1 \\ BO^0(2)_i < BO^1(2)_i \end{array} \right. \leftrightarrow \left\{ \begin{array}{l} D(T1)_{max}^1 : BO^1(1)_i < BO^1(1)_j \\ D(T1)_{min}^1 : BO^0(1)_i < BO^1(1)_j \\ BO^0(2)_i < BO^1(2)_i \end{array} \right. \quad (1)$$

где $BO^1(1)_i$ – бюджетная обеспеченность *i*-го бюджета после первого этапа распределения по пропорциональной методике,

$BO^1(1)_j$ – бюджетная обеспеченность *j*-го бюджета (BO_j взято как критерий выравнивания данного этапа) после первого этапа распределения по пропорциональной методике,

$BO^0(1)_i$ – бюджетная обеспеченность *i*-го бюджета после первого этапа распределения по методике с абсолютным выравниванием,

$BO^0(2)_i$ – бюджетная обеспеченность *i*-го бюджета по итогам распределения по методике с абсолютным выравниванием,

$BO^1(2)_i$ – бюджетная обеспеченность *i*-го бюджета по итогам распределения по пропорциональной методике,

Два варианта расчёта доли Фонда на первом этапе распределения по предлагаемой пропорциональной методике

Для учёта неравенства $BO^0(2)_i < BO^1(2)_i$ (второе неравенство в (1)) можно предложить использовать один из двух способов расчёта (см. табл. 1).

Расчёт доли Фонда, распределяемой на первом этапе, важен с точки зрения степени прогрессивности выравнивания БО. Чем больше её величина, тем сильнее происходит сближение удельных доходов бюджетов-получателей.

Определение доли фонда по методике *с рассчитываемой долей фонда первого этапа*, происходит путём перебора целых значений, и для её расчета необходимо знать как величину БО бюджета с её минимальным значением после распределения по действующей методике ($BO^0(2)_i$), так и по новой методике ($BO^1(2)_i$) для каждого варианта $D(T1)$. Последнее производится автоматически при использовании электронных таблиц.

Два варианта предлагаемой методики распределения дотаций на выравнивание в зависимости от определения величины доли фонда на первом этапе $D(T1)$

Наименование методики	Обозначение	Способ расчёта доли фонда первого этапа
Методика с рассчитываемой долей фонда первого этапа	$D(T1)^1$ (рассчит.)	$\Leftrightarrow \begin{cases} D(T1)_{\min} < D(T1)^1 < D(T1)_{\max} \\ D(T1)^1 : BO^1(2)_1 > BO^0(2)_1 \\ D(T1)^1 - \text{целые доли, с округлением вверх} \end{cases}$
Методика с автоматической долей фонда первого этапа	$D(T1)^1$ (автом.)	$\Leftrightarrow \begin{cases} D(T1)_{\min} < D(T1)^1 < D(T1)_{\max} \\ D(T1)^1 = \max \left\{ D(T1)_{\min}^1 \right\} \\ D(T1)^1 < 100\% \\ D(T1)^1 - \text{целые доли, с округлением вверх} \end{cases}$

Источник: составлено автором.

Методика с автоматической долей фонда первого этапа не предполагает перебора, и не требует применения прежней методики.

Выведение формул расчёта пропорции распределения

Требование сохранения рангов бюджетов до и после распределения означает непревышение бюджетной обеспеченности любого i -го бюджета аналогичного показателя j -го бюджета, взятого как критерий выравнивания:

$$\frac{\left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i} \right) * N(ИБР)_i * D(T1) * V}{\sum_k^n \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k} \right) * N(ИБР)_k} + НП_i < \frac{НП_j}{N(ИБР)_j * \frac{НП}{N}} \quad (2)$$

где $НП_j$ и $НП$ – налоговый потенциал j -го бюджета и сумма налоговых потенциалов всех бюджетов-получателей,

j – номер бюджета, чей уровень БО выбран в качестве критерия выравнивания.

$N(ИБР)$ – численность населения территории, соответствующей i -му бюджету, с учётом индекса бюджетных расходов,

N – общее количество жителей территорий, чьи бюджеты участвуют в распределении,

$$k \in N, k = \{1 : m\}$$

Преобразование (2) относительно $D(T1)$ даёт неравенство:

$$D(T1)^1 < \frac{(НП_j * N(ИБР)_i - N(ИБР)_j * НП_i) * \sum_k^j \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k} \right) * N(ИБР)_k}{N(ИБР)_j * \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i} \right) * N(ИБР)_i * V} \quad (3)$$

Итоговая формула для определения $D(T1)_{max}$:

$$D(T1)^1 < D(T1)_{max}^1 = \frac{\sum_k^j \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k} \right) * N(ИБР)_k}{V} \quad (4)$$

Бюджетную обеспеченность i -го бюджета после первого этапа по действующей методике можно вычислить следующим образом:

$$BO(1)_i^0 = \frac{\left(\frac{НП_m}{N(ИБР)_m} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i} \right) * N(ИБР)_i * D(T1)^0 * V}{\sum_k^m \left(\frac{НП_m}{N(ИБР)_m} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k} \right) * N(ИБР)_k} + НП_i \quad (5)$$

Бюджетная обеспеченность i -го бюджета после первого этапа по предлагаемой методике:

$$BO(1)_i^1 = \frac{\left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i} \right) * N(ИБР)_i * D(T1)^1 * V}{\sum_k^j \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k} \right) * N(ИБР)_k} + НП_i \quad (6)$$

Решение неравенства в (1) для нахождения $D(T1)_{min}$ предполагает решение следующего неравенства относительно $D(T1)^1$:

$$\frac{\left(\frac{НП_m}{N(ИБР)_m} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i}\right) * N(ИБР)_i * D(T1)^0 * V}{\sum_k^m \left(\frac{НП_m}{N(ИБР)_m} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k}\right) * N(ИБР)_k} + НП_i < \frac{\left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i}\right) * N(ИБР)_i * D(T1)^1 * V}{\sum_k^j \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k}\right) * N(ИБР)_k} + НП_i$$

$$\frac{НП}{N(ИБР)_i * N} < \frac{НП}{N(ИБР)_i * N}$$

Итоговая формула для определения $D(T1)_{min}$:

$$D(T1)^1 > D(T1)_{min}^1 = D(T1)^0 * \frac{\left(\frac{НП_m}{N(ИБР)_m} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i}\right) * \left[\sum_k^j \left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k}\right) * N(ИБР)_k\right]}{\left(\frac{НП_j}{N(ИБР)_j} - \frac{НП_i}{N(ИБР)_i}\right) * \left[\sum_k^m \left(\frac{НП_m}{N(ИБР)_m} - \frac{НП_k}{N(ИБР)_k}\right) * N(ИБР)_k\right]} \quad (8)$$

Применение расчётов на данных бюджетной системы Республики Коми

По величине БО до межбюджетного выравнивания местные бюджеты Республики Коми можно разделить на три группы: десять бюджетов с малым уровнем величины бюджетной обеспеченности (первая группа), шесть – со средним (вторая группа) и четыре бюджета с высокой величиной БО (третья группа) (см. рис. 1).

В состав **первой группы**, характеризующихся относительно низкой величиной бюджетной обеспеченности, входят районы, располагающиеся на северо-западе (Усть-Цилемский, Удорский и Ижемский) и юго-востоке республики (с Троицко-Печорского на юго-востоке вплоть до Прилузского на юге). Менее обеспеченные бюджеты первой группы постепенно сокращают свой разрыв от лидера первой группы – бюджета Сыктывдинского района; таким образом, её плотность увеличивается. **Во второй группе** БО бюджетов Печоры и Инты за 2007–2015 гг. увеличилась, Сосногорска – уменьшилась, бюджетов районов – Княжпогостского, Усть-Вымского и Вуктыла – не изменилась. **Третью группу** бюджетов, которую образуют бюджеты – лидеры по налоговому потенциалу, составляют фонды общественных финансов промышленно развитых территорий Республики Коми – городских округов Воркута, Сыктывкар, Ухта и Усинск. За 2008–2015 гг. их ранги не изменились.

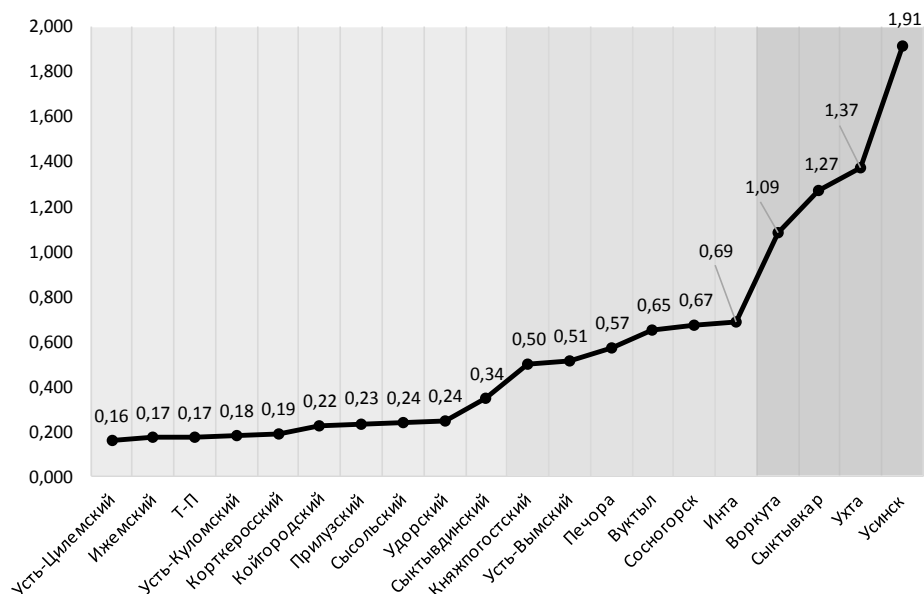

Рисунок 1. Средняя величина бюджетной обеспеченности местных бюджетов до распределения дотаций за 2007–2015 гг.

Источник: расчеты автора.

Примечание: Три вида фона, на котором располагается линия, – предлагаемая группировка бюджетов в зависимости от величины BO_0 .

Прирост величин бюджетной обеспеченности по *пропорциональной методике* по сравнению с действующей *методикой с абсолютным выравниванием* зависит от способа расчёта долей фонда в рамках предлагаемой методики (см. рис. 2) и составляет до 3% с рассчитываемой долей фонда первого этапа ($D(T1)^1(рассчит.)$) (5–6% с автоматической долей фонда первого этапа ($D(T1)^1(автом.)$)) для бюджетов первой группы и от 6–8% (8–9%) – для бюджетов второй группы. Сокращение величин БО для третьей группы бюджетов составляет 4–6% (7–9%) по двум способам расчёта долей фонда по новой методике соответственно.

Прирост удельных величин дотаций, выделяемых по предлагаемой методике, по сравнению с действующей методикой может достигать 10% для бюджетов первой группы и 10–20% – для второй. Методика с рассчитываемой долей фонда первого этапа $D(T1)^1(рассчит.)$ уменьшает дотации для бюджетов третьей группы в существенно меньшей степени, чем с автоматической долей фонда первого этапа ($D(T1)^1(автом.)$), за счёт меньшей суммы дотаций для менее обеспеченных бюджетов.

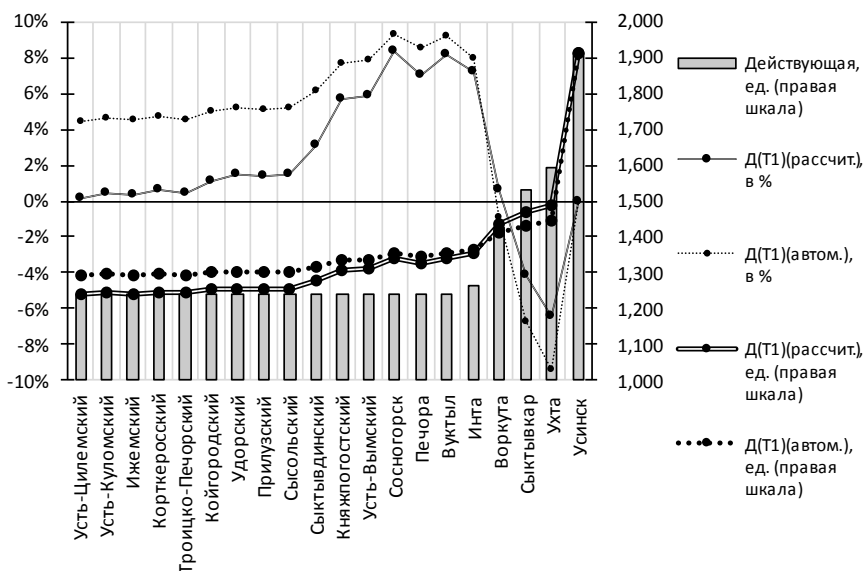

Рисунок 2. Величина бюджетной обеспеченности местных бюджетов Республики Коми после распределения по действующей и предлагаемой методикам (правая шкала), в ед. и изменение БО после применения предлагаемой методики, в % от результатов по действующей (левая шкала), в среднем за 2007–2015 гг.

Источник: расчёты автора.

Примечания: Д(Т1)(рассчит.) – предлагаемая методика с рассчитываемой долей фонда первого этапа: величина БО, в ед. и изменение БО по сравнению с действующей методикой, в %.

Д(Т1)(автом.) – предлагаемая методика с автоматической долей фонда первого этапа: величина БО, в ед. и изменение БО по сравнению с действующей методикой, в %.

Средняя величина удельных доходов после распределения дотаций выше при использовании методики с автоматической долей фонда первого этапа ($D(T1)^1(автом.)$). Величины **медианы** как до выравнивания, так и после меньше средней (вне зависимости от методики распределения), что подтверждает тезис о том, что в верхней части бюджетов разброс больше, чем в нижней части (более обеспеченные бюджеты более дифференцированы). Большие величины средней и медианы для каждого из способа расчёта долей Фонда в рамках предлагаемой методики в сравнении с действующей, говорят об их более прогрессивном характере, при этом по новой методике медианы более приближены к соответствующим средним величинам, и наибольшее соответствие достигается при методике с автоматической долей фонда первого этапа ($D(T1)^1(автом.)$). В пользу данной методики как о более выравнивающем способе распределения дотаций говорит и минимальное значение **коэффициента вариации**. Наименьшие **коэффициенты асимметрии** (минимальный разброс удельных доходов выше средней величины) и **эксцесса** (большая плотность бюджетов по признаку удельных доходов) при методике с ав-

томатической долей фонда первого этапа подтверждают её более выравнивающие свойства.

Заключение

Применение методики с автоматической долей фонда первого этапа $(D(TI))^1(автом.)$ увеличит дотации бюджетам с удельными доходами на уровнях ниже среднего и среднем, в основном за счёт бюджета городского округа Ухта. Альтернативный вариант изменения действующей методики – предлагаемая методика с рассчитываемой долей фонда первого этапа $(D(TI))^1(рассчит.)$, – смягчит последствия её изменения для бюджетов Сыктывкара и Ухты, направив меньшую величину дотаций «средним» и почти не изменив положение наименее состоятельных бюджетов.

Применение методики с рассчитываемой долей фонда первого этапа $D(TI)^1(рассчит.)$ предпочтительнее методики с автоматической долей $D(TI)^1(автом.)$ с точки зрения смягчения негативных последствий изменения действующей методики для наиболее обеспеченных бюджетов. С другой стороны, методика с автоматической долей $D(TI)^1(автом.)$ предполагает более прогрессивное сближение удельных доходов бюджетов и более простой расчёт пропорций распределения объёма Фонда выравнивания между двумя этапами.

1. Дерюгин А.Н. Законодательные проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований // Финансовый журнал. 2014. № 2. С. 87–98.
2. Трунин И., Катамадзе А., Назаров В. Межбюджетные отношения и субнациональные финансы // Российская экономика в 2004 году. Тенденции и перспективы. Вып. 26. М.: ИЭП им. Е.Т. Гайдара, 2005. С. 75–146.

С.А. Ткачев,

*к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления
Коми республиканская академия государственной службы и управления,
г. Сыктывкар*

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

Партнерство государственных и муниципальных органов власти с представителями бизнес-структур в настоящее время становится основой для достижения стабильных и устойчивых темпов роста и развития экономики регионов. Рассмотрение региона в качестве целостной системы, функциональными и значимыми эле-

ментами которой являются предпринимательские бизнес-структуры, даст возможность определить направления влияния этих структур на его развитие и функционирование в целом. При этом взаимовлияние региона и бизнес-структур, осуществляющих свою деятельность на его территории, представляется очевидным. Взаимовыгода появится, если отдельные бизнес-структуры (малый, средний и крупный бизнес) как элементы системы «регион» будут осуществлять свою деятельность, ориентируясь на цели данной системы, учитывая свою включенность в социально-экономические проблемы региона [9].

По состоянию на начало 2017 г. в России на разных стадиях реализации находилось 193 проекта государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) регионального уровня¹, объем привлеченных частных инвестиций по ним составлял 1038,6 млрд руб. [1]. В 53 субъектах Российской Федерации реализуется по крайней мере один проект (по данным на начало 2016 г. – в 42). Только в 7 субъектах не реализуется ни одного проекта (2016 г. – 13) [1]. Общая динамика роста количества проектов ГЧП, реализуемых на федеральном, региональном, местном уровнях, весьма позитивна. Так, по состоянию на начало 2017 года в Российской Федерации прошли стадию принятия решения о реализации 2446 инфраструктурных проектов, предусматривающих привлечение частных инвестиций на принципах ГЧП. По данным на начало 2016 г. таких проектов было 873 [1]. Общий объем инвестиционных обязательств по заключенным соглашениям составляет 2040 млрд руб., из них частных инвестиций – 1336 млрд руб. (65,4%) [1].

Вышеизложенное на первый взгляд свидетельствует о бурном развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации и является следствием результативной государственной политики по созданию условий для сближения власти и бизнеса в вопросах решения общественно-значимых задач на взаимовыгодных условиях.

Однако, более детальный анализ не позволяет сделать оптимистичные выводы относительно эффективного развития ГЧП на региональном уровне. Из 2246 проектов 2200 реализуются в форме концессии, большая часть из них – проекты муниципального уровня в сфере ЖКХ, реализация которых стала возможной благодаря действиям Минстроя России в рамках Стратегии реформирования ЖКХ. На региональном же уровне соглашения о ГЧП используются в большей степени в социальной сфере (здравоохранение, образование) и на сегодня насчитывают 70 проектов, заключенных в рамках регионального законодательства, то есть до вступления в силу федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о ГЧП). На сегодняшний день, на региональном уровне не реализуется ни одного проекта в рамках этого закона, несмотря на то, что прошло почти два года с момента начала его действия (с 01.01.2016) [1].

¹ Проекты ГЧП, прошедшие стадию коммерческого закрытия (подписания соглашения / договора).

Более позитивна ситуация с реализацией концессионных соглашений, но это лишь одна из многочисленных форм государственно-частного партнерства, которая имеет определенные ограничения и не применима в целом ряде отраслей общественной инфраструктуры, развитие которых жизненно важно для многих регионов.

Тем не менее ситуация в сфере ГЧП в регионах России очень разная. Есть регионы-лидеры, которые весьма успешно применяют данный инструмент для развития общественно-значимой инфраструктуры (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Самарская область, Новосибирская область и ряд других). Есть отстающие регионы, в которых развитие ГЧП отсутствует как таковое и не реализуется ни одного проекта.

Оценить эту ситуацию призван формируемый ежегодно Рейтинг уровня развития государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. Методика расчета данного рейтинга утверждена Приказом Минэкономразвития России от 15.05.2014 № 266, а его результаты (выражаемые в % от «эталонного», 100%-го показателя) наглядно демонстрируют состояние дел в данной сфере в различных регионах. В таблице 1 приведены данные рейтинга лидирующих и отстающих субъектов Российской Федерации по уровню развития ГЧП за последние три года.

Таблица 1

**Рейтинг регионов Российской Федерации по уровню развития
государственно-частного партнерства***

Субъект Российской Федерации	Позиция в рейтинге			Показатель уровня развития ГЧП			Целевой уровень развития ГЧП на конец 2016 г. (Распоряжение Правительства РФ № 570-р)
	По итогам 2016 г.	По итогам 2015 г.	По итогам 2014 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
Москва	1	1	3	90,1%	60,2%	63,8%	75,0%
Московская обл.	2-3	8	9	82,7%	47,9%	56,6%	55,0%
Самарская обл.	2-3	3	7	82,7%	59,6%	59,6%	62,5%
Новосибирская обл.	4	4	4	72,5%	57,4%	61,9%	67,0%
Санкт-Петербург	5	2	1	70,2%	59,9%	69,2%	80,0%
Нижегородская обл.	6	5	5	69,4%	53,6%	61,5%	69,0%
Респ. Башкортостан	7	11	11	67,7%	41,2%	54,3%	54,2%
Респ. Татарстан	8	10	2	66,1%	43,0%	66,7%	66,0%
Ленинградская обл.	9	7	6	65,3%	48,4%	60,2%	57,8%
Ульяновская обл.	10	9	12	63,7%	44,6%	52,5%	51,5%
Республика Коми	53-54	37	23	25,9%	26,0%	45,4%	49,8%
Респ. Хакасия	76	77	51	10,5%	7,8%	31,1%	39,1%
Респ. Тыва	77	70	49	10,0%	10,3%	31,2%	38,8%
Респ. Калмыкия	78	73	76	9,0%	9,0%	19,6%	32,0%
Севастополь	79	79	81	8,1%	5,7%	12,4%	35,0%

1	2	3	4	5	6	7	8
Тверская обл.	80	75	42	7,8%	8,3%	33,6%	35,0%
Респ. Адыгея	81	81	84	6,0%	4,5%	8,8%	26,0%
Респ. Ингушетия	82	80	85	4,5%	5,0%	6,2%	26,0%
Чеченская Респ.	83	82	80	3,0%	2,1%	13,2%	26,0%
Карачаево-Черкесская Респ.	84	83	83	1,5%	1,8%	10,0%	32,0%
Респ. Северная Осетия – Алания	85	85	75	1,5%	0,0%	19,9%	34,9%

* Составлено автором по: «Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства» // АНО «Национальный Центр ГЧП». – <http://www.pppcenter.ru/assets/files/rayting>

Как видно из табл. 1, уровень развития ГЧП в большинстве субъектов Российской Федерации, за исключением тех, которые лидируют в Рейтинге, явно не соответствует требуемому, более того, ежегодно положение дел в данной сфере в ряде из них ухудшается. Между тем Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.04.2014 № 570-р утвержден перечень показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности [5], среди которых в том числе показатель – «Уровень развития ГЧП в субъекте» (последний столбец в табл. 1). Следовательно, значение этого показателя не только определяет положение дел в сфере ГЧП, но и влияет на общую оценку деятельности руководителей регионов.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 10.04.2014 № 570-р для каждого субъекта Федерации предусмотрены плановые показатели повышения уровня развития ГЧП до 2018 г. В таблице 2 приведены сведения по данному показателю для Республики Коми.

Таблица 2

Показатели уровня развития ГЧП в Республике Коми в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.04.2014 № 570-р, %*

Значение уровня развития ГЧП	Год			
	2014	2015	2016	2017
Плановое	25,3	35,8	49,8	63,8
Фактическое	45,4	26,0	25,9	-

* Составлено автором по составлена по: «Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства» // АНО «Национальный Центр ГЧП». – <http://www.pppcenter.ru/assets/files/rayting>; Об утверждении перечней показателей оценки эффективности деятельности и методик определения целевых значений показателей оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (до 2018

года): *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.04.2014 № 570-р // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 16. – ст. 1906;*

Как видно из таблицы, общий уровень развития ГЧП в Республике Коми снизился и отстает от планового показателя. Такая тенденция не может восприниматься положительно и требует принятия соответствующих мер.

Для повышения уровня развития ГЧП в регионе необходимо воздействовать на соответствующие элементы, формирующие этот уровень. Такими элементами являются составляющие рейтинга, оценка которых определяет итоговое значение для каждого региона и соответственно – его положение по отношению к другим субъектам Федерации.

В соответствии с методикой расчета уровня развития сферы государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации (утв. Приказом Министерства экономического развития России от 15.05.2014 №266) значение этого показателя определяется на основе совокупной оценки следующих составляющих:

- развитие институциональной среды субъекта Российской Федерации в сфере государственно-частного партнерства (вес – 0,03);
- нормативно-правовое обеспечение сферы государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации (вес – 0,03);
- опыт реализации проектов государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации (вес – 0,04) [4].

Как видно, наиболее весомым критерием из используемых для расчета рейтинга является опыт реализации проектов ГЧП в регионе. Однако нельзя не согласиться с тем, что количество и качество реализуемых проектов напрямую зависит от условий, которые созданы в субъекте Российской Федерации для привлечения частных инвестиций в проекты, защиты прав инвесторов и качественного взаимодействия общественной и частной стороны в ходе реализации проекта. Таким образом, рост этого показателя является следствием достижения в регионе высокого уровня развития институциональной среды в сфере ГЧП и развитости нормативно-правовой базы в данной области.

Можно также небезосновательно предположить, что между этими двумя критериями также существует тесная взаимосвязь. Создание всех необходимых элементов институциональной среды в субъекте Российской Федерации само по себе не является гарантией их успешного системного функционирования, если такое функционирование не регламентировано качественной нормативно-правовой базой.

В Республике Коми наиболее «слабым» звеном в этой цепочке показателей является опыт реализации проектов в сфере ГЧП (как и в большинстве субъектов Федерации, находящихся во второй половине Рейтинга). На сегодняшний день в Реестре проектов ГЧП, информация по которым представлена на Инвестиционном портале Республики Коми как о действующих, фактически на инвестиционной или эксплуатационной стадии находится только 3 [3], что явно недостаточно с учетом растущей год от года потребности в развитии общественно-значимой инфраструк-

туры. Одной из важнейших причин такого положения является недостаточно высокий уровень «работоспособности» региональной институциональной среды в сфере ГЧП. В соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 15.05.2014 № 266 институциональную среду субъекта Федерации в сфере ГЧП формируют следующие составляющие:

а) наличие уполномоченного органа в сфере государственно-частного партнерства, в том числе концессионных соглашений;

б) наличие специализированной структуры, ответственной за сопровождение проектов государственно-частного партнерства;

в) наличие специалистов, имеющих соответствующую квалификацию в сфере государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации;

г) наличие межведомственного органа, ответственного за рассмотрение инициируемых проектов государственно-частного партнерства и выработку политики в сфере государственно-частного партнерства;

д) наличие единого органа, ответственного за подготовку и проведение конкурсного отбора частного партнера (концессионера);

е) учет механизмов в сфере государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации, в том числе концессионных соглашений, в документах целеполагания субъекта Российской Федерации;

ж) учет механизмов в сфере государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации, в том числе концессионных соглашений, при разработке и согласовании документов планирования и программирования субъекта Российской Федерации;

з) наличие специализированного информационного ресурса субъекта Российской Федерации в сфере государственно-частного партнерства в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или раздела на официальном сайте региона, органа власти (уполномоченного органа) или инвестиционном портале субъекта Российской Федерации.

и) наличие в открытом доступе перечня объектов, в отношении которых планируется заключение соглашений в субъекте Российской Федерации о государственно-частном партнерстве, концессионных соглашений.

к) наличие налоговых льгот и иных мер поддержки частных партнеров [4].

В Республике Коми в целом большая часть элементов институциональной среды в той или иной мере сформирована. Так, Стратегией социально-экономического развития Республики Коми до 2020 г. ГЧП предусматривается как один из основных механизмов ее реализации. В главе IV Стратегии указано, что важным условием успешной ее реализации является комплексное, системное, синхронное и ответственное сотрудничество государства и предпринимательского сообщества на принципах государственно-частного партнерства в практической реализации наиболее значимых для развития республики инвестиционных проектов [8]. В большей части государственных программ Республики Коми также предусмотрено использование механизма ГЧП при их реализации. Создан уполномоченный орган

в сфере ГЧП (в настоящее время – Министерство развития промышленности, транспорта и энергетики Республики Коми). Информация о развитии сферы ГЧП и о проектах ГЧП размещается на Инвестиционном портале Республики Коми. Действует рабочая группа по вопросам развития механизмов ГЧП при реализации инфраструктурных проектов в Республике Коми и т.д.

Однако, наличие упомянутых элементов не способствует росту количества проектов ГЧП в Республике Коми. На наш взгляд, основной причиной такого положения является отсутствие регламентированного порядка взаимодействия элементов институциональной среды на разных стадиях разработки и реализации проектов ГЧП.

Такая ситуация характерна не только для Республики Коми, но и для многих других субъектов Федерации. Экспертами отмечается, что дальнейший рост среднего уровня развития ГЧП в регионах России в сложившихся экономических условиях возможен в том числе путем внедрения в регионах системного подхода к управлению проектами ГЧП, за счет регламентации процессов на каждом этапе от инициирования до мониторинга и контроля за ходом исполнения, и внедрения принципов проектного управления в работу соответствующих структур [7].

По итогам обсуждения перспектив развития ГЧП в регионах России на Международном инвестиционном форуме «Сочи-2015», в связи с принятием федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были выработаны рекомендации субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям по формированию нормативно-правовых и иных условий для эффективной реализации проектов ГЧП, среди которых одной из важнейших признавалась необходимость принятия нормативно-правовых актов, регламентирующих межведомственное взаимодействие органов власти на различных этапах рассмотрения реализации проектов ГЧП [2, с. 31].

Также в Рекомендациях по реализации проектов государственно-частного партнерства, подготовленных Министерством экономического развития России в целях обеспечения методического содействия органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления в данной сфере в сентябре 2016 г., в качестве одной из важнейших мер, которые должны быть предприняты субъектами Российской Федерации для успешной реализации проектов ГЧП подчеркивается необходимость установления на региональном уровне порядка межведомственного взаимодействия на этапе разработки и рассмотрения предложения о реализации проекта ГЧП, а также при организации конкурсных процедур для отбора частного партнера и осуществления контроля за исполнением соглашения о ГЧП [6, с. 14].

Наличие нормативно-правовых актов, регламентирующих межведомственное взаимодействие органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на различных стадиях рассмотрения и реализации проектов ГЧП, позволяет успеш-

но решать ряд задач. Среди них: четкое разделение полномочий различных органов власти в части инициирования, оценки эффективности, признания целесообразности проекта ГЧП; наделение отдельных органов специальными полномочиями, необходимыми для успешного запуска и реализации проекта ГЧП (например, Министерства финансов региона – полномочиями в сфере предоставления бюджетных ресурсов, необходимых для софинансирования инвестиций и/или компенсации эксплуатационных расходов частного партнера; министерства имущества региона – полномочиями в сфере предоставления земельных участков для реализации проекта и т.д.); увязка всех мероприятий по рассмотрению и согласованию документов проекта с законодательно установленными сроками многое другое.

В Республике Коми, несмотря на в целом позитивные предпосылки успешного функционирования институциональной среды в сфере ГЧП, отсутствие документов, регламентирующих межведомственное взаимодействие органов исполнительной власти, существенно снижает ее возможности в части создания необходимых условий для реализации проектов ГЧП. Между тем в большей части субъектов Российской Федерации, находящихся в верхней части Рейтинга регионов по уровню развития ГЧП, такие документы разработаны, приняты и успешно применяются на практике, что неизбежно отражается на росте качества институциональной среды и, как следствие – росте числа реализуемых проектов ГЧП.

В связи с этим разработка и принятие таких документов в Республике Коми представляется в качестве одной из первоочередных задач по развитию сферы ГЧП в регионе.

1. Единая информационная система государственно-частного партнерства в РФ. URL: <http://pppi.ru/>.

2. Закон о государственно-частном партнерстве: руководство по применению: Специальное издание к Международному инвестиционному форуму «Сочи-2015». URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/Zakon-Block_28-09-2015_v01.pdf

3. Инвестиционный портал Республики Коми. URL: <http://invest.rkomi.ru/>.

4. Об утверждении методики расчета значений показателей оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности, в отношении которых Минэкономразвития России является федеральным органом исполнительной власти, ответственным за предоставление информации о достигнутых значениях показателей: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 15.05.2014 № 266. URL: http://www.pppi.ru/sites/default/files/ob_utverzhdenii_metodiki_rascheta_znacheniy_pokazateley.pdf.

5. Об утверждении перечней показателей оценки эффективности деятельности и методик определения целевых значений показателей оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (до 2018 года): Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.04.2014 № 570-п // Собр. законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1906.

6. Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства. Лучшие практики. М.: Мин-во экономического развития Российской Федерации. 2016. 164 с. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/support/20160829>

7. Рынок государственно-частного партнерства в России: проблемы и перспективы развития. Исследование IPT Group. URL: <http://iptg.ru/IPT.pdf>

8. Стратегия социально-экономического развития Республики Коми до 2020 года (утв. Постановлением Правительства Республики Коми от 27.03.2006 № 45 (в ред. Постановления Правительства РК от 17.01.2017 № 7)) // Официальный портал Республики Коми. URL: <http://rkomi.ru/>.

9. Шихвердиев А.П., Михальченкова Н.А., Оганезова Н.А., Ткачев С.А. Формирование национальной инновационной системы социально-экономического развития региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 2. С. 93–119.

В.В. Товмасын,

старший преподаватель

Сыктывкарский государственный университет имени Путьирима Сорокина,

г. Сыктывкар

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

Введение

В последние годы многие научные статьи начинаются со справедливого утверждения, что Россия без развития в режиме инновационной социально-ориентированной экономики не сможет быть конкурентоспособной и обеспечить лидирующие позиции в мировом хозяйстве. При этом упускается из виду, что переход к инновационной экономике увеличивает риски нарушений воспроизводства по всем его направлениям. В связи с этим становится актуальной проблема финансовой безопасности, поскольку в денежной экономике финансовые ресурсы являются первичным источником для инновационного воспроизводства как вещественного, так и человеческого капитала.

Республика Коми теряет человеческий капитал, прежде всего за счет миграции. С 1987 года наблюдается отрицательное сальдо миграции с весьма неблагоприятной возрастной структурой потоков убытия. И хотя с 2011 года по настоящее время наблюдается естественный прирост населения, миграционная убыль оказывается в несколько раз больше. Численность населения снизилась с 1251 тыс. чел (по переписи на 12 января 1989 года) до 901189 чел (по переписи на 14 октября 2010 г.). По

* Данная статья написана при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

данным Госкомстата, к 1 января 2017 года население Республики Коми составило 850 554 чел. [11]. При этом Республика теряет наиболее мобильное население трудоспособного возраста. Доля лиц данного возраста в общей миграционной убыли составляла почти 80%. Каждый четвертый мигрант трудоспособного возраста, покинувший республику имеет высшее и незаконченное высшее профессиональное образование, каждый третий – среднее профессиональное образование [14].

В этих условиях вопрос о взаимосвязи между финансовой (экономической) безопасностью и воспроизводством человеческого капитала в Республике Коми очень важен, так как очевидно, что в настоящее время районный коэффициент, стажевые надбавки за работу в северных условиях и другие льготы уже не так привлекательны, как раньше. Для определенной части людей, которые покидают РК, эти льготы не обеспечивают тот уровень финансовой (экономической) безопасности и независимости, ради которого человек согласен проживать в суровых климатических условиях. В советское время о тех людях, которые приезжали жить и работать в северные регионы страны, говорили, что они поехали «за длинным рублем». И хотя этот стереотип преувеличивал реальное влияние денежных надбавок и компенсаций на благосостояние жителей республики, доля истины в нем была, так как человек, благодаря большому денежному доходу чувствовал себя в большей финансовой безопасности, чем в южных регионах. Особенно актуален вопрос финансовой безопасности для воспроизводства человеческого капитала предпринимателей, так как негативное влияние природных и институциональных условий для них государством не компенсируется.

Однако проблема финансовой безопасности личности является недостаточно разработанной как теоретически, так и практически. Более глубоко исследованы финансовая безопасность государства и крупных компаний. Причины такого положения помогает прояснить эволюция финансовой науки и практики и зависимость роли финансовой безопасности в воспроизводстве человеческого капитала от характера экономической системы.

Цель данной статьи – обосновать гипотезу, что в настоящее время финансовая безопасность личности становится все более значимым фактором воспроизводства человеческого капитала, предложить показатель финансовой безопасности личности, не требующий больших дополнительных затрат на его мониторинг.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить сущность и виды финансовой безопасности.
2. Раскрыть методологические подходы к анализу финансовой безопасности личности, проследить изменение взаимосвязи между финансовой безопасностью и воспроизводством человеческого капитала.
3. Проанализировать основные законодательные акты о безопасности и выявить место финансовой безопасности личности в них.
4. Предложить такой показатель финансовой безопасности личности, использование которого связано с минимальными транзакционными издержками и кото-

рый может использоваться на микроуровне применительно к конкретным личностям.

Методы исследования: дискриптивный, метод сравнительного анализа, историко-генетический, методы институционального анализа.

1. Сущность, виды финансовой безопасности

В отечественной науке безопасность является предметом разных наук – философии, права, экономики, экологии, социологии, политологии, демографии и др. Вопросы финансовой и экономической безопасности в большей степени рассматриваются в рамках экономики и права.

А.В. Захаров определяет безопасность как научную категорию, отражающую состояние сложных систем, их возможность нормально функционировать в социокультурном пространстве, воспроизводя себя, сохраняя при этом константные характеристики [1].

Финансовая безопасность тесно связана с экономической безопасностью, поэтому различие в подходах к определению экономической безопасности сказывается на понимании и финансовой безопасности. Описание теорий экономической безопасности имеется в статье А.П. Шихвердиева и Н.А. Оганезовой [13].

На наш взгляд, разграничение финансовой и экономической безопасности, очевидно, зависит от понимания роли денег и финансовой сферы в экономике. Это тема отдельного исследования.

Е.В. Каранина указывает, что финансовую безопасность можно квалифицировать и как состояние, и как процесс, и как разноуровневую категорию и, наконец, как многофакторную категорию [5].

Виды финансовой безопасности с точки зрения её составляющих и её уровней показаны в таб. 1

Таблица 1

Виды финансовой безопасности

Основные виды финансовой безопасности с точки зрения составляющих национальной безопасности	Виды финансовой безопасности с точки зрения её уровней
Бюджетная безопасность	Финансовая безопасность государства
Налоговая безопасность	Финансовая безопасность региона
Безопасность кредитно-банковской системы	Финансовая безопасность сферы (комплекса, кластера)
Безопасность финансово-денежного обращения	Финансовая безопасность отрасли
Инвестиционная безопасность	Финансовая безопасность хозяйствующего субъекта
Валютная безопасность	Финансовая безопасность домашнего хозяйства
Безопасность фондового, страхового рынка	Финансовая безопасность личности

Источник: составлено автором статьи

Специфика содержания финансовой безопасности с точки зрения её уровней зависит от особенностей интересов субъекта на каждом уровне и от механизмов обеспечения их устойчивости и сбалансированности в соответствии с объективными законами и этическими нормами. Все виды и уровни финансовой безопасности связаны между собой. Поэтому возникает вопрос о том, как должна распределяться ответственность между обществом и индивидом за его финансовую безопасность.

С позиции методологического индивидуализма финансовая безопасность обеспечивается прежде всего рациональным поведением индивида. Для обеспечения достаточного уровня самозащиты человек должен обладать определенным количеством знаний в области трудовых отношений, пенсионной системы, кредитования, инвестирования, защиты авторских прав, страхования, прав потребителя и т.д. Должен уметь собирать и анализировать финансовую информацию, уметь принимать верные финансовые решения, не быть противником риска. Короче говоря, должен быть финансовым гением! Качество человеческого капитала будет определять уровень финансовой безопасности или её полное отсутствие. С позиций методологического индивидуализма финансовая безопасность личности представлена в таблице 2.

Таблица 2

Характеристика уровней финансовой безопасности личности

<i>Характеристика уровня финансовой безопасности</i>	<i>Уровни финансовой безопасности</i>	<i>Уровни экономической безопасности</i>
Доходы меньше расходов Активы меньше пассивов Нет резервного фонда Нет защиты дохода	Признаки банкротства, отсутствие финансовой и экономической безопасности	Долги, обнищание, ухудшение качества жизни, снижение уровня жизни
Доходы равны расходам Активы равны пассивам Резервного дохода нет Защиты дохода нет	Финансовое равновесие – зона неприемлемого финансового риска	Привычный уровень жизни поддерживается лишь при условии абсолютной стабильности, неуверенность в будущем вызывает постоянный стресс
Доходы больше расходов Активы больше или равны пассивам Есть резервный фонд Есть защита дохода	Финансовая стабильность – первый уровень финансовой безопасности	Уровень экономической безопасности, позволяющий поддерживать привычный уровень жизни на протяжении 6–12 месяцев при потере постоянного источника доходов
Доходы больше расходов Активы больше пассивов Есть резерв и защита дохода Есть капитал, который формирует пассивный доход	Финансовая независимость-второй уровень финансовой безопасности	Уровень экономической безопасности, при котором существует несколько источников дохода, потребляется меньшая часть дохода, поэтому при сокращении дохода привычный уровень жизни может сохраняться достаточно долго, пока управление финансами не восстановит прежний уровень дохода

Источник: составлено автором статьи.

Такой подход предполагает свободу выбора, независимость в принятии решений и полную финансовую и экономическую ответственность.

Но в отношении с такими субъектами, как государство, банк, небанковская финансовая организация, отдельный человек является априори слабой стороной. Каким бы финансово грамотным ни был отдельный человек, если он не имеет власти в финансовых структурах, асимметрия информации и оппортунистическое поведение институциональных субъектов ставит под удар его финансовую безопасность.

Конечно, по таким направлениям, как социальная защита, пенсионное страхование и т.д. государство сделало немало с точки зрения финансового обеспечения личности. Однако финансовая безопасность личности зависит не только от *гарантированности* денежного дохода, но и от *величины* текущего дохода, сбережений, личного вещественного богатства, широты возможностей реализации человеческого капитала.

Абсолютную финансовую безопасность никто не может обеспечить, так как существует неопределенность будущего. Если есть возможность хотя бы частично снизить негативное влияние неопределенности, то политика безопасности должна строиться, прежде всего, на анализе рисков.

Для человека, работающего по найму, существует только социальный риск, связанный с потерей работы, болезнью, потерей трудоспособности вследствие старости. Зарплата должна обеспечивать воспроизводство человеческого капитала. Карл Маркс разработал категорию стоимости рабочей силы, которая служит ориентиром для оценки финансового обеспечения воспроизводства рабочей силы.

Для целей обеспечения финансовой безопасности личности как условия воспроизводства человеческого капитала следует использовать в первую очередь методологию К. Маркса, а не метод Джоргенсона–Фраумени [4], поскольку с помощью последнего человеческий капитал оценивается как *запас*, а не *поток*. По разным причинам человеческий капитал как *запас* может вообще какое-то время не использоваться, поэтому личность, имеющая большой запас человеческого капитала, может оказаться в зоне неприемлемого финансового риска.

Прожиточный минимум, который ежеквартально рассчитывается и официально утверждается в каждом субъекте РФ и пока в основном используется для борьбы с бедностью, можно использовать как базу для расчета уровней потоков доходов и расходов, соответствующих условиям финансовой безопасности. Более правильно использовать расчет МПБ (минимального потребительского бюджета). Однако МПБ, предложенный в Указе Президента РФ от 02.02.1992 № 210 «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации», так и не был введен в практику из-за кризисного состояния экономики. «Тучные» 2000-е годы, однако, не переломили ситуацию. Наступили новые кризисные времена. Видимо, для простых людей «кризис справедливости» и «кризис совести» у так называемой элиты не закончится никогда.

В современных условиях в качестве условий воспроизводства человеческого капитала, как правило, рассматриваются инвестиции со стороны индивида и общества по различным направлениям: на сохранение и укрепление здоровья, на образование, в культуру, на социальную защиту и т.д. При этом частные инвестиции отождествляются с рыночными, а государственные – с нерыночными. На самом деле и частные, и государственные инвестиции могут быть рыночными и нерыночными. Важным источником частных инвестиций являются личные сбережения.

37% российских вкладов приходится на Москву, где проживает только 8 % населения России. Среди субъектов Федерации Республика Коми заняла 19 место по вкладам на душу населения в 2016 году. При этом доля вкладов РК в общем объеме российских вкладов практически совпадает с долей населения РК в общей численности населения РФ. В Чечне и Ингушетии на среднего гражданина приходится меньше 10 тысяч рублей вкладов [10]. Однако необходимо выяснить влияние религиозного мировоззрения на сберегательное поведение населения этих республик. [12]. Очевидно, такой показатель, как доля вкладов на душу населения не может быть нормативом не только в силу труднопреодолимой дифференциации субъектов РФ. Решения о вкладах принимаются на уровне домашнего хозяйства.

2. Финансовая безопасность и законодательство о безопасности

Вопросы финансовой безопасности как экономической и правовой категории и теоретически, и практически в основном разработаны для таких субъектов частного права как банки, страховые организации, другие коммерческие и некоммерческие организации производственной и социальной сферы. Главной целью финансовой безопасности предприятия является обеспечение его финансовой устойчивости, которая поставлена в зависимость от эффективности финансового управления предприятием.

Финансовая устойчивость в данном случае определяется как «такое состояние финансов, при котором предприятие способно стабильно развиваться, сохраняя свою финансовую безопасность в условиях дополнительного уровня риска» [9].

Что касается законодательной базы, то, как отмечает Кучеров И.И., финансовая безопасность как правовая категория до настоящего времени легального определения и закрепления в российском законодательстве не получила в отличие от Франции, где в 2003 году был принят законодательный акт «О финансовой безопасности», который предусмотрел ряд дополнительных мер по обеспечению безопасности в финансовой сфере [7]. Тем не менее можно вести речь о финансовой безопасности в составе национальной безопасности, на что указывает содержание документов по национальной безопасности, которые коротко называются «Стратегия - 2020» и «Стратегии-2030». В них используются такие понятия, как «устойчивость финансово-банковской системы», совершенствование «финансового сектора услуг», «национальных инвестиционных и финансовых институтов», «устойчивость и защищенность национальной финансовой системы», «сохранение финансо-

вой стабильности» и т.д. Причем в «Стратегии национальной безопасности – 2030» финансовой безопасности уделено гораздо больше внимания и даже сказано о повышении финансовой устойчивости обязательного медицинского страхования.

Интересы личности, права и свободы граждан, уровень и качество их жизни вынесены на первое место при определении самих понятий национальных интересов и национальной безопасности. Однако в перечне основных показателей состояния национальной безопасности отсутствуют показатели, которые можно было бы адресно использовать к каждой отдельной личности или домохозяйству. Такие показатели, как уровень безработицы, ВВП на душу населения, децильный коэффициент, удовлетворенность граждан степенью защищённости своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов и т.п. являются макроэкономическими показателями и не могут быть редуцированы на микроуровень, тем более применены к конкретной личности.

Объясняется это тем, что фактически Закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» в действующей редакции от 05.10.2015., который является основным законом для разработки Стратегии национальной безопасности, базируется на традиционной концепции безопасности, в которой субъектом, объектом признаётся государство, а угрозы носят традиционный военно-политический характер. Этот закон совершенно справедливо критикуют с точки зрения не только отсутствия необходимых дефиниций, но и неопределённости базовой концепции безопасности. Российское законодательство о безопасности построено на необходимости защиты от несистемных угроз, то есть разовых воздействий (войны, конфликты, правонарушения) и очень фрагментарно защищает от системных угроз, например, таких как неэффективность государственного управления, социальное неравенство, деградация или отсутствие инфраструктуры [2, 3].

На наш взгляд, отсутствие базовых показателей, по которым можно было бы судить о финансовой (экономической) безопасности конкретной личности, свидетельствует о том, что декларируемая безопасность личности интересует государство не как самоцель, а как средство обеспечения государственной безопасности. Это означает, что концепция национальной безопасности построена на методологии холизма, которая означает, что институты первичны, а индивиды – вторичны. При таком подходе нарушения прав и незащищённость экономических интересов отдельных граждан начинают интересовать государство лишь тогда, когда количество этих нарушений набирает критическую массу.

3. Влияние эволюции финансовой науки на финансовую безопасность личности как объект исследования

В древнем мире, как отмечает В. Ковалёв, вместо финансового права было финансовое насилие [6, с. 59], поэтому финансовая наука древности, по оценке финансиста и экономиста Павла Петровича Гензеля (1878–1949), представляла собой науку «о тех хитроумных, подчас бессовестных способах, которыми в порядке

частно-правовых отношений присваиваются в пользу государства имущество жителей» [6].

Н. Макиавелли выражал сомнение в самой возможности существования финансовой науки, потому что, «если все сводится лишь к известному навыку и ловкости в обирании граждан», а неопровержимых истин не установлено, то нет и самой науки. [6, с. 63].

В последние десятилетия стало актуальным такое направление как поведенческие финансы. Началом развития считается работа Д. Канемана и А. Тверски «Теория перспектив: анализ принятия решения в условиях риска» (1979), которые совместно с В. Смитом получили Нобелевскую премию по экономике 2002 г. за применение психологической методике в экономических науках, в особенности при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости.

Р.Р. Мавлютов отмечает влияние теории поведенческих финансов на предмет исследования финансовой науки. В поведенческих финансах смещаются акценты с объектного ракурса финансовых отношений на особенности конкретного субъекта этих отношений – человека. Институциональный подход закрепил в финансовой науке индивидуальный уровень финансовых отношений, рассматривая финансы через поведение отдельного человека, выступающего самостоятельным субъектом этих отношений. С позиции институционалистов, вся совокупность финансовых отношений закладывается на микроэкономическом уровне, то есть определяется деятельностью индивидов. При этом конечной целью, пишет Р.Р. Мавлютов, является увеличение человеческого капитала и благосостояние каждого человека [8].

Следует уточнить, на наш взгляд, что конечной целью является увеличение *своего собственного* человеческого капитала и *своего* благосостояния, а у некоторой части населения целью является только увеличения своего благосостояния. Также следует отметить, что интеграция идей поведенческой теории происходит и на макроуровне для того, чтобы установить теоретическое соответствие между микро- и макроэкономическими моделями и устранить противоречия между экономической теорией и хозяйственной практикой. В результате теперь поведенческие принципы, а не только принципы максимизации целевой функции претендуют на роль микроэкономических основ функций потребления и сбережения. Например, попытку индивида застраховаться от негативных шоков в виде превентивного накопления богатства можно рассматривать как добровольное ограничение ликвидности.

Насколько новые достижения в развитии экономической теории и финансовой науке отвечают запросам российской экономики?

4. Зависимость роли финансовой безопасности в воспроизводстве человеческого капитала от характера экономической системы

П.П. Гензель детально рассмотрел экономику России до и после Октябрьской революции 1917 г., показал несоответствие между новой ценовой политикой и по-

литикой в области заработной платы. Он отмечал, что средняя заработная плата рабочих и служащих стала ниже прожиточного минимума [6]. Тем не менее в советской экономике вопрос о финансовой безопасности личности или домашнего хозяйства не мог быть актуальным по разным причинам.

В первые годы советской власти считалось, что товарно-денежные отношения должны отмереть, а нэп – это временное отступление. Политика индустриализации требовала ограничений личного потребления. Личное подсобное хозяйство позволяло выдерживать эти ограничения.

В начале 60-х годов XX века с внедрением принципов хозрасчета, принципа материальной заинтересованности в оплате труда, роль финансовых отношений, казалось бы, должна увеличиться. Однако, во-первых, согласно идеологии, каждый гражданин являлся собственником как всех средств производства, так и созданного продукта. В соответствии с принципом распределения по труду и социального обеспечения каждый получал гарантированную долю общественного продукта. В таких отношениях финансы выполняют обслуживающую (техническую) функцию. Во-вторых, существенная часть благ из так называемых общественных фондов потребления поступала населению бесплатно или по заниженным ценам. В-третьих, участие населения в финансовых отношениях было ограничено и институционально, и количественно. Частной собственности на средства производства не существовало, на праве личной собственности граждане владели только предметами потребления. В период «развитого социализма», т.е. 70–80-х годах XX века, налоги с населения составляли небольшую и постоянную долю в пределах 8–10% от общей суммы доходов госбюджета СССР. Потребительский кредит не мог быть широко распространен по той простой причине, что в условиях дефицита торговые организации в нем не были заинтересованы, кроме того, оплата кредита оформлялась автоматически до выдачи зарплаты на руки.

Таким образом, многих видов финансового риска в легальном пространстве просто не существовало, потому что либо операции были запрещены (например, купля-продажа валюты для физических лиц), либо отсутствовали институты и инструменты, порождающие эти виды финансовых рисков (например, акции, фондовые биржи). Даже для предприятий «финансового риска как риска, обусловленного структурой источников финансирования» [6, с. 255], фактически не существовало, так как не было института банкротства.

Казалось бы, финансовый риск, связанный с покупательной способностью денег, должен был существовать, поскольку оплата труда осуществлялась в основном в денежной форме (в настоящее время ст.131 Трудового кодекса ограничивает размер неденежной формы заработной платы 20% от начисленной месячной заработной платы). Однако, из-за фиксированных цен инфляция была подавленной, проявлялась она через вымывание дешёвого ассортимента и через повышение транзакционных издержек, связанных с поиском доступа к товару. Если «блатные» связи были налажены, то инвестиции в создании сети личных связей минимизировали этот вид финансового риска. Если же по каким-то причинам блат не помогал, то

возникал так называемый «денежный навес», который проблему финансовой безопасности превращал в проблему экономической безопасности. Поэтому в отношении семьи и индивида проблема финансовой (экономической) безопасности решалась через систему общественных фондов потребления и систему социального обеспечения (страхования). Е.В. Каранина рассматривает социальное страхование как способ защиты от финансовых рисков: «Социальное страхование – это способ защиты работающих граждан от ряда рисков, которые связаны с потерей работы, трудоспособности и иных доходов» [5].

С переходом к рыночной экономике ситуация изменилась. Основная характеристика сектора «домашнее хозяйство» в условиях рыночной экономики состоит в том, что этот сектор является основным потребителем рыночных и нерыночных продуктов и услуг и собственником факторов производства. Расширились права и свободы граждан, они все больше втягиваются в финансовые, в кредитные отношения, сокращается доля бесплатных благ. Условием воспроизводства человеческого капитала все больше становится персональная обеспеченность финансовыми ресурсами.

Падение цен на нефть в последнее время снизило рентную составляющую в бюджете страны и субъектов РФ, усилило конкуренцию за ресурсы, за бюджетное финансирование. Традиционные меры безопасности, доставшиеся в наследство от социалистической системы, оказались недостаточными для адекватного ответа на вызовы экономики, в которой принципы конкурентной борьбы являются легитимными.

Расширились возможности, а значит, расширились и риски, и ответственность. Для того, чтобы человек взял ответственность, нужно создать условия, чтобы эта ответственность была посильной.

Выводы и предложения

1. Развитие экономической науки и экономики Российской Федерации и её субъектов таково, что возникает возможность и необходимость поиска качественно новых механизмов, институтов, факторов обеспечения финансовой безопасности личности (семьи), обеспечивающей соответствующее новым условиям воспроизводство человеческого капитала.

2. Можно предложить установить уровень финансовой безопасности в зависимости от кратного прожиточного минимума, который использовать при принятии решений, например, по поводу отмены индексации пенсий работающим пенсионерам, по поводу оценки социальной ответственности бизнеса, по поводу налогообложения малого бизнеса и т.д. Показатель доли населения с доходом ниже кратного прожиточного минимума включить в перечень показателей национальной безопасности.

3. Необходимо обратить внимание на качество, ассортимент и надёжность страховых услуг в регионе. Без них обеспечить финансовую безопасность личности и при этом сохранить свободу финансовых отношений невозможно.

4. Властная элита на разных уровнях должна осознать, что бесконечно длящийся кризис справедливости, подрывающий финансовую и экономическую безопасность личности, угрожает национальной безопасности больше, чем американские санкции.

1. Захаров А.В. Безопасность как фактор социоприродного воспроизводства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. 2015. URL: <http://www.cheloveknauka.com> (дата обращения: 29.06.2017).

2. Калинина Л.Е. Институциональное совершенствование безопасности в системе административного права // Административное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 207–210.

3. Калюжный А.Н. Федеральный закон «О безопасности»: итоги реализации и перспективы развития // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 7–10.

4. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 76 с.

5. Каранина Е.В. Финансовая безопасность (на уровне государства, региона, организации и личности): монография. Киров: ФГБОУ ВО «ВятГУ», 2015. 239 с.

6. Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Изд-во Проспект. 2016. 1104 с.

7. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и её правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 69–79.

8. Мавлютов Р.Р. Финансы домашних хозяйств: учебное пособие. Волгоград: ВолгГАСУ, 2016.

9. Пименов Н.А. Финансовая устойчивость и безопасность хозяйствующих субъектов // Налоги. 2012. № 41. С. 18–22.

10. Рейтинг уровня сбережений в регионах России в 2016 году. URL: <http://www.vklader.ru> (дата обращения: 30.06.2017).

11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Официальный сайт. URL: <http://www.komi.gks.ru> (Дата обращения: 30.06.2017).

12. Товмасын В.В., Тюрнин В.А. Этические финансы и их роль в воспроизводстве человеческого капитала // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 3. С. 60–67.

13. Шихвердиев А.П., Оганезова Н.А. Современные аспекты экономической безопасности региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. № 3. С. 60–67.

14. Юсупова И.В. Анализ показателей безработицы и состояние сферы занятости населения в Республике Коми // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: сборник докладов по материалам IX Всероссийской научно-практической интернет-конференции. Кн.1. Петрозаводск: ПетрГУ.2012. URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=421> (Дата обращения: 30.06.2017).

Е.А. Трушкова,

к.э.н., м.н.с.,

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,

г. Екатеринбург;

Л.В. Воронина,

к.э.н., н.с.,

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики

имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук,

г. Архангельск

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПОДХОДА К РАЗВИТИЮ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

Предпринимательство играет важную роль не только в развитии региона, но и страны в целом. По данным экспертов, в некоторых развитых странах на долю малого и среднего бизнеса приходится 60–70% ВВП [6]. Кроме того, предпринимательство – это обеспечение занятости населения, развитие социальной инфраструктуры и множество других аспектов развития. К примеру, доля сектора малого и среднего предпринимательства в ВВП Канады и Японии составляет 57%, Германии – 49%, в общем показателе занятости населения колеблется от 47% – Канады, до 77% – Японии [8]. Однако, в отличие от общемировых тенденций, анализ показателей развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и их вклада в достижение экономических целей и задач выявил существенное отставание по некоторым показателям. Малый и средний бизнес развивается по-прежнему медленно и его вклад в ВВП страны не превышает 21% [14]. В данной сфере, по данным Федеральной службы государственной статистики, работают 25% от общей численности занятых в экономике. Необходимо правильно и адекватно оценить те проблемы и факторы, которые способствуют или, наоборот, препятствуют развитию малого и среднего бизнеса. Среди большого количества принимаемых государством мер поддержки предпринимательства и формирования благоприятного предпринимательского климата, считаем важным выделить программно-целевой подход, развитие которого актуализировано принятием в 2012 году Программы Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов, а также принятием в 2014 году федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Преимущественно это связано с внедрением системы результативно-ориентированного управления, консолидацией усилий органов власти и имеющихся ресурсов, в целях достижения

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-32-01281 «Управление ценностно-ориентированными факторами развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях».

приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов, в том числе, и в отношении малого и среднего предпринимательства. В соответствии с принятыми нормативными документами, государственные программы, разрабатываемые на государственном и региональном уровне, становятся ключевыми инструментами реализации программно-целевого подхода, что закрепило повсеместный переход на программное бюджетирование [9, 16].

Программно-целевой подход является одним из методов стратегического планирования социально-экономического развития [5, 17], в том числе и предпринимательства, что прежде всего позволяет сформировать долгосрочные приоритетные цели активного развития системы малого и среднего предпринимательства, выбора методов их достижения в рамках национального правового поля и институциональных ограничений национальной экономической системы [1]; наладить устойчивые внутренние связи на основе вовлечения участников малого и среднего предпринимательства в инновационные процессы, диверсифицирующие занятость и повышающие уровень воспроизводственной сбалансированности, а также создающие в регионе почву для модернизационного прорыва мезоэкономики [7]; дает возможность оказания значительного воздействия на формирование развития региона, поскольку позволяет идентифицировать приоритеты, обеспечивающие выполнение основных задач регионального управления; обеспечивает возможность внесения оперативных изменений с учетом малого и среднего предпринимательства [10].

Между тем согласимся с авторами, что «проекция» методов стратегического планирования на начало государственной политики в сфере малого и среднего бизнеса или, что равнозначно, интеграция этой политики в вертикаль организационно-правовых форм и институтов стратегического планирования потребует от нашей науки в ближайшее время значительных теоретико-методологических и методических продвижений [2].

В данной работе поставлена задача оценки согласованности нормативно-правовой базы программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства на примере Архангельской области, являющейся типичным северным регионом, территория которого полностью относится к районам Крайнего Севера и приравненным к ним областям [11]. Для достижения поставленной задачи необходимо также проведение анализа имеющихся программ развития на предмет отражения в них блока предпринимательства в регионе.

На начальном этапе исследования рассмотрим, как развивалась сфера малого и микропредпринимательства в Архангельской области (без учета Ненецкого автономного округа) в 2007–2017 годах. Из-за отсутствия части показателей по средним предприятиям данная сфера предпринимательства не рассматривается. Одним из основных показателей развития малого предпринимательства (с учетом микропредприятий) является число субъектов малого и микропредпринимательства. Данный показатель оказывает влияние на изменение других социально-экономических составляющих предпринимательской деятельности таких как: численность занятых, оборот организаций, средняя заработная плата работников и другие.

Анализ таблицы 1 позволяет сделать вывод о снижении в Архангельской области значений всех основных показателей, характеризующих развитие сферы малого и микропредпринимательства, на начало 2017 года.

Таблица 1

Показатели развития малого и микропредпринимательства в Архангельской области с 2007 по 2017 гг., на начало года [13]

	2007	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015	2017
Количество малых и микропредприятий, тысяч	5,2	6,4	8,7	10,9	12,3	13,9	16,9	14,2	14,2
Среднесписочная численность работников малых и микропредприятий (без внешних совместителей), тыс. человек	54,7	65	63,1	57,1	71,8	67,2	63,5	64,2	60
Оборот малых и микропредприятий, млрд. рублей	113,6	146,7	147,0	134,6	182,3	109,0	175,7	166,7	153,8
Инвестиции в основной капитал малых и микропредприятий, млн. рублей	...	...	1928,6	789,4	1224,9	2032,6	1727,9	1751,1	1651

Несмотря на незначительное сокращение количества малых и микропредприятий в Архангельской области, отмечается резкое снижение по значению среднесписочной численности работников в малом и микропредпринимательстве – на 16,4%, что, без сомнения, негативно сказывается на сфере занятости региона.

По итогам расчета объема инвестиций в основной капитал малых и микропредприятий Архангельской области, с учетом инфляции в стране, наблюдается тенденция к снижению данного показателя с начала 2013 года (на начало 2017 года составил 1651 млн рублей, что на 18,8% ниже значения 2013 года).

Стоит отметить, что на начало 2017 года деятельность более 50% малых и микропредприятий северного региона сосредоточена в сфере услуг (операции с недвижимым имуществом, торговля и другое) (рисунок 1). Доля предприятий в таких видах деятельности, как обрабатывающие производства, строительство, транспорт и связь не превышает 13%.

На развитие предпринимательской деятельности непосредственное влияние оказывает нормативно-правовая база поддержки в данной сфере.

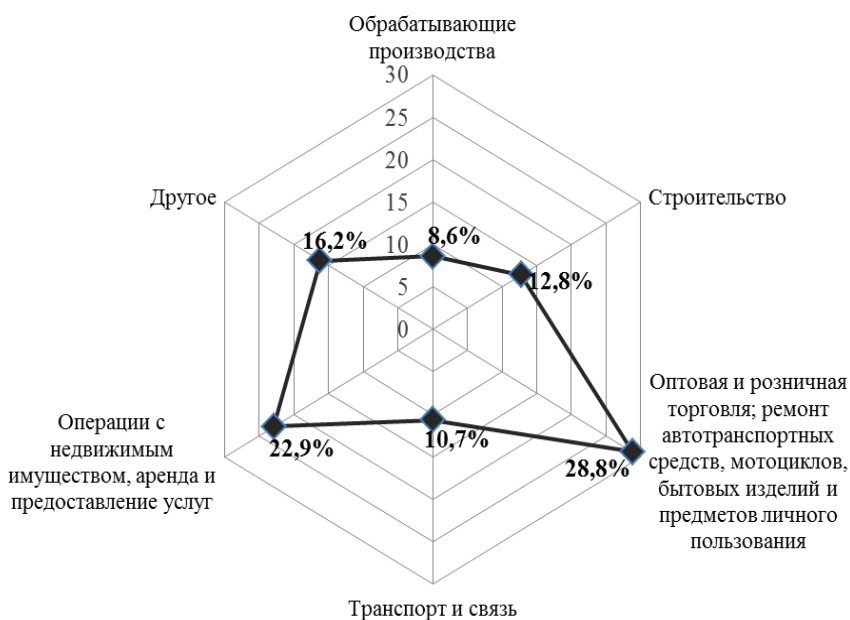

Рисунок 1. Распределение малых и микропредприятий по видам экономической деятельности в Архангельской области на начало 2017 года [13]

Что касается Архангельской области, то в регионе действует закон «О развитии малого и среднего предпринимательства» [12], разработанный взамен ранее существовавшего областного закона «О государственной поддержке малого предпринимательства в Архангельской области» (утр. силу на основании областного закона Архангельской области от 29 октября 2010 года № 209-16-ОЗ). Помимо этого нормативно-правовую базу поддержки развития малого и среднего предпринимательства в регионе составляет Стратегия социально-экономического развития на перспективу до 2030 года [15]. Также на начало 2017 года в Архангельской области разработаны 22 государственные программы по различным сферам жизнедеятельности региона [13], однако отдельной государственной программы по развитию предпринимательской деятельности в регионе нет. Помимо этого в регионе реализуются 4 региональные программы, в том числе 1 адресная. В Архангельской области, как и во многих регионах, сфера предпринимательства отражена в государственной программе, посвященной экономическому развитию, – государственной программе Архангельской области «Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области (2014–2020 годы)». Проведем сравнительный анализ нормативно-правовых документов программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства по критериям, обозначенным в таблице 2.

Сравнительный анализ нормативно-правовых документов программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства по ключевым критериям

<i>Критерии сравнения</i>	<i>Закон «О развитии МСП»</i>	<i>Стратегия развития 2030</i>	<i>Государственная программа</i>	<i>Подпрограмма</i>
Цель развития (с учетом МСП)	-	+	+	+
Задачи развития с учетом МСП	-	-	+	+
Направления развития МСП	-	+	+	+
Ожидаемые результаты по развитию МСП	-	-	+	+
Формы, условия и порядок поддержки МСП	+	-	+	+
Целевые показатели (индикаторы) с учетом МСП	-	-	+	+

Анализ нормативно-правовых актов реализации программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства выявил следующие особенности.

1. Региональный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства» содержит целый ряд концептуальных положений, регламентирующих функции и полномочия органов исполнительной власти Архангельской области по координации, контролю, поддержке и реализации государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства.

Заметим, что региональный закон согласован по формам, условиям и порядку поддержки малого и среднего предпринимательства и коррелируется с государственной программой. Помимо этого основные формы поддержки, указанные в региональном законодательстве, выработаны в соответствии с положениями Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [14] и ориентированы (ст. 6) на финансовую, имущественную, информационную, консультационную поддержку таких субъектов и организаций, поддержку в области подготовки и дополнительного профессионального образования их работников, поддержку в области инноваций и промышленного производства, ремесленничества, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в Архангельской области, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в Архангельской области, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность [3]. Однако закон «О развитии малого и среднего предпринимательства» не содержит ключевые цели и направления предпринимательства, в то время как целью ранее действовавшего областного закона «О государственной поддержке развития малого и среднего предпринимательства» было обеспечение и защита прав граждан в сфере малого

предпринимательства, инициативное использование человеческого потенциала и собственности для осуществления производственной и иной, не запрещенной законодательством РФ деятельности, направленной на удовлетворение потребностей физических и юридических лиц, получение прибыли, создание новых рабочих мест, укрепление налоговой базы бюджета. Таким образом, закон задает общую цель, которая будет конкретизироваться в стратегиях и государственных программах развития региона.

2. В целях стратегии регионального развития и государственной программы раскрыта экономическая компонента МСП («формирование в области эффективной, динамично растущей и сбалансированной экономики, в том числе и за счет создания «благоприятных условий для ведения бизнеса», «создание условий для устойчивого роста экономики Архангельской области»). Данные цели декомпозируются на цели второго уровня в подпрограмме государственной программы «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Архангельской области» и ориентированы на «увеличение доли субъектов малого и среднего предпринимательства в экономике Архангельской области».

3. Задачи, поставленные в государственной программе, являются целью подпрограммы, что соответствует вертикали организационно-правовой структуры реализации программно-целевого подхода. Наиболее полно задачи развития МСП раскрыты в подпрограмме и направлены на: пропаганду предпринимательства; обеспечение доступности инфраструктуры поддержки МСП, повышение доступности финансовых ресурсов для МСП; стимулирование развития субъектов МСП.

4. Цели стратегии социально-экономического развития, хотя и ориентированы на создание «благоприятных условий для ведения бизнеса», однако в индикаторах показатели достижения цели по предпринимательству не обнаружены, что в целом снижает результативность реализации стратегии развития региона. Что касается государственной программы и подпрограммы, то показатели государственной программы дублируются в подпрограмме развития МСП (количество субъектов МСП, в расчете на 1 тыс. человек населения региона; получивших государственную поддержку (ежегодно); количество вновь созданных рабочих мест в секторе МСП; объем средств областного и федерального бюджетов, направленных на государственную поддержку, в расчете на 1 жителя; доля городских округов и муниципальных районов Архангельской области, имеющих программы развития и поддержки).

Таким образом, нормативно-правовые документы программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства сравнимы только по видам поддержки (областные законы и госпрограмма), с одной стороны, с другой стороны – по целям и направлениям развития (стратегии, госпрограммы, подпрограммы). Структурная связь выявлена между государственной программой и подпрограммой, и частично со стратегией развития. В целом анализируемые нормативно-правовые документы не коррелируются по задачам, ожидаемым результатам,

направлениям развития МСП и результирующим показателям (исключение составляют государственная программа и подпрограмма).

В контексте анализа нормативно-правовых актов реализации программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства следует отметить, что существуют и другие государственные программы социально-экономического развития, которые тем или иным образом затрагивают вопросы малых форм предпринимательской деятельности. Рассмотрим их в таблице 3 в соответствии с ключевыми федеральными направлениями реализации государственных программ.

Таблица 3

Контексты упоминания предпринимательства в государственных программах развития Архангельской области

Стратегическая цель: <i>формирование в области эффективной, динамично растущей и сбалансированной экономики</i>					
Подцель: <i>создание благоприятных условий для ведения бизнеса</i>					
1. Направление «Инновационное развитие и модернизация экономики»					
Государственные программы	цель	задачи	ожидаемые результаты	мероприятия	индикаторы
Развитие торговли в Архангельской области (2014 – 2020 годы)	+		+	+	+
Развитие с/х и регулирования рынков с/х продукции, сырья и продовольствия в Архангельской области на 2013 – 2020 годы	+	+		+	+
Экономическое развитие и инвестиционная деятельность в Архангельской области (2014 – 2020 годы)	+	+	+	+	+
2. Направление «Новое качество жизни»					
Патриотическое воспитание, развитие физической культуры, спорта, туризма и повышение эффективности реализации молодежной политики в Архангельской области (2014 – 2020 годы)				+	+
Культура русского Севера (2013 – 2020 годы)»					+
Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Архангельской области в 2014-2019 годах		+		+	
Количество упоминаний	3	3	2	5	5

Исходя из таблицы 3, можно сделать вывод о том, что практически все указанные программы содержат показатели и мероприятия (27%), касающиеся предпри-

нимательства. Меньшее количество анализируемых программ содержат упоминания сферы предпринимательства в целях (16%), задачах (16%) и ожидаемых результатах (12%). Большинство упоминаний содержатся в государственных программах, реализуемых в рамках федерального направления «Инновационное развитие и модернизация экономики».

Таким образом, из вышесказанного следует, что в Архангельской области в настоящее время сформирована нормативно-правовая база реализации программно-целевого механизма развития малого и среднего предпринимательства. Исходя из проведенного анализа, авторами установлено, что порядка 28% от всех реализуемых в Архангельской области государственных программ содержат цели, задачи, показатели, мероприятия и ожидаемые результаты, ориентированные на развитие предпринимательства в регионе. Однако, на наш взгляд, сохраняются проблемы развития сферы малого и среднего предпринимательства в регионе. Это объясняется тем, что, в Стратегии развития области, как важнейшем концептуальном документе, задающем цели, задачи и направления социально-экономического развития субъекта, включая и предпринимательство, не содержатся показатели и индикаторы достижения целей и задач в отношении малых форм предпринимательской деятельности. Поскольку стратегия является «видением» территориального развития, то она должна быть ориентирована на все сферы жизнедеятельности региона. Помимо этого, на наш взгляд, имеется ряд проблем и в части разработки программ поддержки и развития малого и среднего предпринимательства. Так, часто достижение количественных показателей развития малого и среднего предпринимательства превалирует над качественными характеристиками, что также можем увидеть в государственных программах. Еще одним важным моментом является то, что программы развития субъектами Федерации делаются «под копирку» программ федерального значения, и не отражают специфику северности территории региона.

1. Блинов А.О., Бухтиярова Т.И. Государственная стратегия управления развитием малого и среднего предпринимательства // Социум и власть. 2016. № 4. С. 108–113.
2. Бухвальд Е.М., Виленский А.В., Малыгина И.В. Стратегическое планирование и новые подходы к политике развития и поддержки малого и среднего предпринимательства // Интеллект, инновации, инвестиции. 2015. № 1. С. 31–39.
3. Воронина Л.В., Шеломенцев А.Г., Исаева Е.Д. Сравнительные оценки программ развития и поддержки предпринимательства в северных регионах России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 8. С. 894–900.
4. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
5. Илинбаева Е.А. Государственная политика развития малого и среднего предпринимательства: стратегический и программный подходы // Стратегическое и проектное управление: сборник статей. Пермь: Пермский государственный научно-исследовательский университет. 2016. С. 117–126.

6. Исследование потребностей малых и средних предприятий, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, в продуктах кредитования // Аналитический Центр ОАО «МСП Банк» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mspbank.ru/userfiles/files/researches/22-05-2014_ved-spros.pdf.
7. Колесниченко Е.А., Смольянинова Е.Г. Стратегия развития предпринимательства на региональном уровне: тенденции реализации // Социально-экономические явления и процессы. № 5–6. 2011. С. 122–126.
8. Комплекс мер по поддержке малого и среднего бизнеса представлен Президенту России // Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/34841/>.
9. Кулаков Д.Н., Мусин Д.С. Подходы к оценке эффективности бюджетных расходов на реализацию государственных программ // Финансы. 2015. № 10. С. 14–20.
10. Медков А.Д. Формирование механизма стратегического управления малым и средним предпринимательством на региональном уровне // Российское предпринимательство. № 13 (259). 2014. С. 145–154.
11. О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10.11.1967 г. №1029 (вместе с Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10.02.1960 г. и от 26.09.1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и областях): постановление Совмина СССР от 03.01.1983 № 12 (ред. от 03.03.2012) // СП СССР. 1983. № 5. Ст. 21.
12. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2016): федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
13. Перечень государственных программ Архангельской области, утв. распоряжением Правительства Архангельской области от 22.12. 2015 г. № 468-рп (в ред. от 17.01.2017 № 7-рп) // Сайт Правительства Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/-azmpccrc>.
14. Смагина В.В., Манохин А.Ю. Основные подходы к формированию стратегии развития малого и среднего предпринимательства в современной России // Вестник Тамбовского университета. № 3 (59). 2008. С. 57–62.
15. Стратегия социально-экономического развития на перспективу до 2030 года: одобрена распоряжением администрации Архангельской области от 16.12.2008 № 278-ра/48. URL: <https://dvinaland.ru/-60u098rc>.
16. Тютюнник И.Г. Совершенствование государственных программ как основного инструмента повышения эффективности бюджетных расходов // Экономические стратегии. 2016. № 5. С. 154–159.
17. Худякова Т.С., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В. Реализация программно-целевого подхода к развитию малого и среднего предпринимательства региона // Управление. № 6. 2016. С. 48–55.

*Л.Г. Уляшева,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
г. Сыктывкар*

РАЗВИТИЕ УЧЕТА ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Проводимые исследования показывают, что лесозаготовительная отрасль, являющаяся основой всего лесопромышленного комплекса и выступающая единственным поставщиком сырья для производственной деятельности всех остальных отраслей ЛПК (деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и лесохимической), находится в крайне неблагоприятном финансовом состоянии как на общероссийском, так и на региональном уровне. Условия этой неблагоприятной экономической ситуации, сложившейся в отрасли, побуждают менеджмент лесозаготовительных предприятий искать новые подходы к управлению имеющимися в распоряжении ресурсами. Однако для достижения в управлении ресурсами устойчиво-положительного финансового результата в долгосрочной перспективе необходимо принимать оптимальные решения не только на основе грамотно подобранных методов управления, но и на основе обоснованных для этого правил бухгалтерского учета, поскольку достижение желаемого результата возможно только на комплексном их применении.

В хозяйственный процесс любого коммерческого предприятия с целью преобразования для достижения, как правило, положительных финансовых результатов, а также для решения других всевозможных задач вовлечены разнообразные по своему предназначению ресурсы. Их традиционная экономическая классификация предполагает выделение в составе используемого организацией потенциала таких структурных составляющих, как природные, материальные, трудовые и финансовые ресурсы. Все ресурсы, появляющиеся у предприятия, должны быть отражены в активе его баланса. Это напрямую следует из принципов МСФО [1]. Активы по МСФО – это ресурсы, контролируемые компанией в результате событий прошлых периодов, от которых компания ожидает экономической выгоды в будущем. Согласно МСФО, для того, чтобы актив был признан в бухгалтерском балансе, необходимо следующее:

- 1) он должен обладать стоимостью или оценкой, которую можно надёжно измерить;
- 2) должна существовать вероятность притока экономических выгод в будущем.

Однако это используемое в настоящее время и в бухгалтерской практике российских компаний указанное «международное» определение активов, по мнению С.А. Николаевой и С.В. Шебека [2], с которым мы полностью согласны, уже давно требует уточнения. Это связано с тем, что оно не позволяет показывать в учете и,

соответственно, в отчетности многие ресурсы как объекты управления. Это приводит к замедлению развития предприятия, поскольку в результате такого ограничивающего подхода (обязательное соблюдение критериев контролируемости и будущей выгодности) отсутствует возможность должного использования некоторых видов ресурсов для достижения желаемой инвестиционной привлекательности и конкурентных преимуществ. Стратегически верным можно считать следующее определение ресурсов: «Ресурсы – это всё, что может использоваться предприятием для достижения своих целей», потому что всё то, что используется, обязательно контролируется в момент его использования, а целью организации не всегда служит получение выгоды.

Данный подход полностью гармонирует с положениями ресурсной теории (RBV), постепенно заменяющей в настоящий период развития экономики теорию собственности и логически связанной с идеей достоверности учета и отчетности. Согласно RBV, любая организация – это совокупность различных производительных ресурсов. Следовательно, и активы должны рассматриваться уже не как капитализируемые затраты или имущество собственника, а как:

- контролируемые ресурсы, приносящие экономическую выгоду в будущем (при применении действующей методологии, носящей жестко-ограничивающий характер);
- всевозможные ресурсы, представляющие для предприятия потенциальную ценность для достижения своих целей (при развитии более «свободной» методологии учета ресурсов).

Наиболее ярко жестко-ограничивающий характер действующей методологии проявляется в добывающих отраслях экономики, в частности в лесозаготовках, которые для своего успешного функционирования привлекают помимо привычных материальных, трудовых и финансовых ресурсов, т.е. ресурсов, созданных трудом человека, ещё и ресурсы природы.

Природные экономические ресурсы, в принципе, могут участвовать в хозяйственной деятельности любого предприятия. Как правило, они выступают в качестве операционной основы производства, т.е. представляют собой непосредственную территорию, на которой размещены производственные сооружения. В сельском хозяйстве они являются объектами производственной деятельности. А в добывающей промышленности природные богатства всегда выступали источником сырья, которое составляло вещественную основу готовой продукции.

Несмотря на то, что добываемые природные ресурсы на стадии приобретения поступают в распоряжение организации, используются в процессе производства, из них или с их помощью создаются новые продукты, которые в процессе продажи меняют свою натуральную форму на денежную, учет их запасов, как отмечает Е.В. Морозова, «пока находится вне сферы регулирования ПБУ» [3]. Такое положение может иметь объяснение как с позиции сохранения за государством права собственности на имеющиеся в стране природные ресурсы, так и с позиции отсутствия методики оценки предоставленных для извлечения запасов, созданных при-

родой. Но в связи с тем, что для освоения природных ресурсов по различным договорным формам природопользования они передаются в распоряжение предприятиям и изымаемая часть становится их собственностью, то, соответственно, методология учета данного вида ресурсов требует своего дальнейшего развития.

При появлении природных ресурсов в распоряжении предприятия российским бухгалтерским законодательством предлагается воспользоваться нормами ПБУ 6/01 «Учет основных средств» (далее – ПБУ 6/01). Именно в этом положении в п. 5 встречается данное словосочетание в следующей редакции: «В составе основных средств учитываются также: капитальные вложения на коренное улучшение земель (осушительные, оросительные и другие мелиоративные работы); капитальные вложения в арендованные объекты основных средств; земельные участки, **объекты природопользования** (вода, недра и другие **природные ресурсы**)» [4]. В п. 17 этого же ПБУ прописывается, что объекты природопользования не подлежат амортизации, поскольку их потребительские свойства с течением времени не изменяются.

В таком виде данную формулировку можно признать не совсем корректной и очень общей, поскольку как природопользование, так и сами природные ресурсы бывают различных видов. Официальное определение понятия «природные ресурсы» дано в федеральном законе № 7 – ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. [5] Данная дефиниция определяется в качестве компонентов природной среды, природных объектов и природно-антропогенных объектов, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

Сопоставление данного определения с обозначенным в этом же законе определением природной среды позволяет сделать вывод, что это та же самая природа, но уже представляющая потребительский интерес для человека.

Определение природопользованию в законе не содержится, но обозначено то, что считается использованием природных ресурсов. Полагаем, что эти понятия должны быть синонимичны. Этот вывод позволяет заключить, что объектом природопользования может являться любая часть природы, т.е. эксплуатироваться, вовлекаться в хозяйственный оборот и подвергаться различным видам воздействия могут как компоненты природной среды, так природные и природно-антропогенные объекты.

Но природопользование может осуществляться как без изъятия природных ресурсов, так и с их изъятием. Первый вариант характерен для всех видов деятельности, кроме добывающей отрасли. Второй в обязательном порядке присутствует при добыче полезных ископаемых. В результате вышеуказанные требования ПБУ 6/01 становятся сложны для практической реализации на предприятиях данного вида деятельности, в том числе на лесозаготовительных. Непонятно, как добываемые лесные ресурсы при их использовании должны переносить свою стоимость на вновь производимый продукт, если они вещественно составляют его основу, но должны признаваться не в качестве запасов, а в качестве основных средств, причем исключенных из состава амортизируемого имущества?

На наш взгляд, основным различием между двумя вариантами природопользования, являющимся существенным с точки зрения их влияния на учет, является тот факт, что природопользование без изъятия природных ресурсов позволяет им остаться недвижимыми объектами, а вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов с их изъятием по своему характеру переводит их часть, подлежащую изъятию, в движимые вещи.

Для обоснования квалификации в учете природных ресурсов при различных видах природопользования целесообразно провести сравнение предъявляемых критериев к основным средствам и материально-производственным запасам как к активам, подлежащим отражению в балансе предприятия. Результаты сравнения представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Проверка выполнимости критериев на признание природных ресурсов и объектов природопользования объектами основных средств

<i>Критерии для признания активов</i>	<i>Объекты учета</i>	
	<i>Объект природопользования без изъятия природных ресурсов</i>	<i>Изымаемые природные ресурсы</i>
Объект предназначен для использования в производстве продукции, при выполнении работ или оказании услуг, для управленческих нужд организации либо для предоставления организацией за плату во временное владение и пользование или во временное пользование	«+»	«+/-»
Объект предназначен для использования в течение длительного времени, т.е. срока продолжительностью свыше 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев	«+»	«-»
Организация не предполагает последующую перепродажу данного объекта	«+»	«+»
Объект способен приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем	«+»	«+»

Поскольку ПБУ 6/01 требует одновременного выполнения всех указанных условий для признания актива (ресурса) в качестве основного средства, то по данным таблицы однозначно и уверенно им можно признать лишь объект природопользования без его частичного изъятия из природной среды. По изымаемым природным ресурсам перечень критериев полностью применен с положительным эффектом быть не может.

Данные таблицы 2 показывают, что изымаемые природные ресурсы по двум из трёх вариантов признания активов в качестве материально-производственных запасов могут быть признаны таковыми.

Проверка применимости критериев на признание природных ресурсов и объектов природопользования материально-производственными запасами

<i>Критерии для признания активов</i>	<i>Объекты учета</i>	
	<i>Объект природопользования без изъятия природных ресурсов</i>	<i>Изымаемые природные ресурсы</i>
используются в качестве сырья, материалов и т.п. при производстве продукции, предназначенной для продажи (выполнения работ, оказания услуг)	«-»	«+»
предназначены для продажи	«-»	«-»
используются для управленческих нужд организации	«-»	«+»

Отсюда следует вывод, что к квалификации природных ресурсов как к объектам различного природопользования в момент их поступления в распоряжение предприятия должен применяться дифференцированный подход. В зависимости от варианта их эксплуатации для организации учета объектов природопользования должны применяться не только нормы ПБУ 6/01, но и нормы ПБУ 5/01 [6]. Однако это тоже не представляется возможным, поскольку в отличие от обычных материальных ресурсов, созданных трудом человека и хранящихся на складе, природные ресурсы являются сырьем, созданным природой и хранящимся в естественных природных условиях. Специального стандарта по учету запасов природных ресурсов, предоставленных добывающим предприятиям для изъятия, как в системе нормативного регулирования российского бухгалтерского учета, так и в международной практике пока не разработано.

Получается, что поскольку лесной участок для лесозаготовки в настоящее время, согласно положениям Лесного кодекса РФ [7], можно получить только на условиях долгосрочной аренды, то он в силу специфики своего получения согласно ПБУ 6/01 должен числиться у предприятия за балансом как арендованное основное средство. В результате такого «узкого» бухгалтерского подхода к отражению используемых природных ресурсов информация по вовлекаемым в процесс добычи лесным ресурсам в учете и отчетности добывающих лесозаготовительных компаний полностью отсутствует.

Методическими рекомендациями (инструкцией) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции ЛПК [8] для отражения в балансовом учете разработана только методика учета платы за лес, которая предусматривает учет годовой платы за аренду лесов в составе расходов будущих периодов. Это тоже не позволяет ни менеджерам предприятия в учете, ни внешним пользователям в отчетности увидеть размер используемого актива, приносящего основной доход. В этом отношении положения отраслевой инструкции можно признать «устаревшими», поскольку они не отвечают требованиям существенно изменившихся со времени ее разработки условий хозяйствования. Для целей формирования правдивой и

полезной для принятия решений информации плату за древесину, отпускаемую на корню, следует признавать в учете не просто платой за пользование лесом – она должна выступать в качестве затрат на приобретение лесных ресурсов и своим размером призвана формировать фактическую себестоимостью приобретаемого (заготавливаемого) лесного сырья.

Такого же мнения придерживаются Е.В. Морозова и И.В. Шувалова. Е.В. Морозова предлагает квалифицировать лесные ресурсы как самостоятельный вид внеоборотных активов и учитывать их на свободном счете 06 «Запасы природных ресурсов». На нем предполагается отражать как первоначальную стоимость лесного участка в размере причитающихся платежей за осуществляемую лесозаготовку, так и процесс истощения лесных запасов на сумму фактической заготовки леса [3]. Такое предложение было выработано на основании того, что освоение природных ресурсов требует длительного срока и у них имеются общие с основными средствами свойства. Однако, несмотря на наше согласие с тем, что запасы лесных ресурсов, предоставленные государством лесозаготовителям для изъятия, необходимо признать активами предприятия, мы не можем полностью разделить данную точку зрения. Считаем, что длительным сроком использования обладает выделенный под лесозаготовку лесной фонд, а лес, расположенный на указанной в документах лесной площади, следует квалифицировать как сырье, пусть и носящее специфический характер в силу того, что хранится оно не на складе, а в лесу в первозданном виде. На наш взгляд, при квалификации объекта учета в указанном случае не была учтена такая отличительная черта внеоборотных активов как возможность функционирования этой части предприятия длительное время именно в неизменном виде, поскольку сами деревья под воздействием человека в технологическом процессе меняют свою внешнюю форму. Кроме того, свою стоимость на стоимость вновь выпускаемой продукции они переносят полностью (в размере платы за древесину). Это тоже характеризует их исключительно как оборотные, а не внеоборотные активы, которые переносят свою стоимость на вновь изготавливаемый продукт в течение длительного времени частями.

Также мы согласны с мнением В.Н. Петрова, что в случае использования лесных участков для заготовки древесины по договору аренды правильнее говорить об имущественном займе в виде лесного участка [9]. Соответственно, объект, который появляется у лесозаготовителя, которым он пользуется и который подлежит возврату исходя из условий договора, должен быть отражен на его балансе однозначно, но в качестве оборотного актива. Такая ситуация, которая была описана Шумиловой и которая наблюдается в повсеместном практическом применении на предприятиях, не позволяет пользователям учетных и отчетных данных реально и качественно оценить ресурсы, находящиеся в распоряжении организации. По сути, получается, что «переданный лесным хозяйством в эксплуатацию лесосечный фонд как стоимость сырья не включается в себестоимость продукции, однако в составе статей калькуляции присутствует такая специфическая статья, как «плата за древесину, отпускаемую на корню» [10].

Как вариант выхода из возникшей проблемной ситуации и устранения пробела в отраслевом учете нами положительно оценивается предложение И.В. Шуваловой, предлагающей приобретение лесных насаждений отражать по дебету счета 10 «Материалы» в разрезе субсчетов «Деловая древесина» и «Дровяная древесина» в корреспонденции с кредитом счета 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками». Затем, по мере рубки, суммы платы (в размере арендных платежей, приходящихся на заготовленный объем) включать в затраты лесозаготовительного производства проводкой по дебету счета 20 «Основное производство» в корреспонденции с субсчетами к счету 10 «Материалы» [11]. Однако полагаем, что отражение на одном бухгалтерском счете сырья, созданного природой, хранящегося в естественных природных условиях и поступивших в распоряжение организации по договору аренды, совместно с теми материалами, которые созданы человеческим трудом, хранятся на складе и поступили на предприятие согласно договорным отношениям, имеющим совершенно иной характер, будет некорректно.

Считаем, что плата за лес, несмотря на то, что она имеет характер арендных платежей, на лесозаготовительных предприятиях может являться достаточно надежным вариантом оценки лесных ресурсов, по которой их запасы, подлежащие изъятию, в момент ресурсообеспечения на стадии их приобретения должны быть признаны в качестве оборотного актива. Учет этих активов необходимо организовать на отдельном бухгалтерском счете как учет специфического вида запасов – природного сырья.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В хозяйственном процессе добывающих предприятий используются не только традиционные для всех видов экономической деятельности ресурсы (материальные, трудовые и финансовые), но и носящие специфический характер и являющиеся продуктами природы. Считаем, что к их учету не может быть применимо общее правило признания природных ресурсов объектами основных средств, прописанное в ПБУ 6/01.

2. В момент ресурсообеспечения квалификацию объектов природопользования необходимо производить в зависимости от вида хозяйственного воздействия на природу – с изъятием природных ресурсов или без изъятия. К учету объектов природопользования на добывающих предприятиях, в том числе лесозаготовительных, чья деятельность предполагает обязательное изъятие из природы природных ресурсов, не могут быть полностью применимы правила ПБУ 6/01, поскольку изымаемые природные ресурсы в большей степени удовлетворяют критериям их признания в качестве МПЗ, нежели в качестве основных средств. Однако прямое применение норм ПБУ 5/01 к квалификации, оценке и учету предоставленных для изъятия запасов природных ресурсов тоже не представляется возможным, поскольку в отличие от обычных материальных ресурсов, созданных трудом человека и хранящихся на складе предприятия, природные ресурсы являются сырьем, созданным природой и хранящимся в естественных природных условиях. В результате информация по вовлекаемым в процесс добычи природным ресурсам в учете и отчетности добывающих

компаний почти полностью отсутствует. Только на забалансовом счете числится взятый в аренду лесной участок, на котором осуществляется лесозаготовка.

3. Считаем, что уплачиваемая лесозаготовительными предприятиями плата за лес, отпускаемый на корню для целей лесозаготовок, является достаточно надежным вариантом оценки в момент ресурсообеспечения на стадии приобретения запасов природных ресурсов, подлежащих изъятию из природы, поэтому они по этой стоимости должны быть признаны в качестве оборотного актива. Учет данных активов необходимо организовать на отдельном бухгалтерском счете как учет специфического вида запасов – природного сырья.

4. Нарращивание функционального потенциала управления добывающим предприятием требует развития методологии учета объектов природопользования в сторону дифференцированного подхода в отражении различных их видов в зависимости от варианта природопользования. Такой подход позволит заметно повысить качество и уровень управления лесозаготовительной деятельностью, т.к. приведет к формированию более правдивой и точной информации о вовлеченных в процесс добычи и подлежащих изъятию природных ресурсов. Организация отдельного учета добываемого лесного сырья на балансе предприятия будет способствовать, на наш взгляд, и преодолению таких экономических проблем лесной отрасли, которые обозначены А.П. Шихвердиевым и Н.А. Оганезовой [12] как некомплексный подход к освоению сырьевых ресурсов и низкий уровень использования отходов. Ведь в данном случае в учете появляется «реальный» объект управления по сравнению с ныне действующим вариантом отражения лесных участков за балансом и арендной платы за них. Это обеспечит принятие управленческих решений в русле современной парадигмы управления в целом, и устойчивого управления лесами в частности, что одновременно повлечет за собой и улучшение финансовых результатов работы предприятий этой отрасли. Кроме того, появление в балансе стоимости природного сырья, увеличивая показатели имеющихся в распоряжении оборотных средств, должно повысить конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность лесозаготовительных предприятий.

1. Грюнинг Х. ван, Козн М. Международные стандарты финансовой отчетности. М: Весь мир, 2004. 334 с.

2. Шебек С.В., Николаева С.А. Управленческий учет. Мифы и легенды. М.: Аудиторско-консалтинговая фирма «ЦБА», 2004. 288 с.

3. Морозова Е.В. Учет природопользования в лесозаготовках: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. СПб., 2009. 164 с.

4. Положение по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» (ПБУ 6/01): приказ : [утв. МФ РФ 30.03.2001 г. № 26н] // СПС «Консультант Плюс» : Законодательство.

5. Об охране окружающей среды: федеральный закон : [принят ГД РФ 20.12.2001 г. № 7 – ФЗ] // СПС «Консультант Плюс» : Законодательство.

6. Положение по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» (ПБУ 5/01): приказ : [утв. МФ РФ 09.06.2001 № 44н] // СПС «Консультант Плюс» : Законодательство.

7. Лесной кодекс РФ: федеральный закон : [принят ГД РФ 04.12.2006 г. № 201 – ФЗ : с изм. и доп.] // СПС «Консультант Плюс» : Законодательство.

8. Отраслевые особенности состава затрат, включаемых в себестоимость продукции на предприятиях лесопромышленного комплекса: [утв. 19.10.1994 г.] вместе с Методическими рекомендациями (Инструкцией) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса [Электронный ресурс] : [утв. Минэкономки РФ 16.07.1999 г.] // СПС «Консультант Плюс» : Законодательство.

9. Петров Н.В. Частная собственность на леса в России // Лесное хозяйство. 2004. № 6. С. 14–16.

10. Шумилова Е.А. Организация учета затрат на лесозаготовительных предприятиях: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. СПб., 2004. 156 с.

11. Шувалова И.В. Консультационно-аналитический центр по бухгалтерскому учету и налогообложению // Консультация эксперта. 2006. СПС «КонсультантПлюс»: Финансовые консультации.

12. Шихвердиев А.П., Оганезова Н.А. Механизмы формирования устойчивого развития лесной отрасли региона (на примере Республики Коми) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2014. № 2. URL: <http://vestnik-ku.ru/>

В.В. Фаузер,

д.э.н., профессор,

заведующий лабораторией демографии и социального управления;

Т.С. Лыткина,

к.соц.н., старший научный сотрудник лаборатории демографии

и социального управления;

А.В. Смирнов,

к.э.н., научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления;

Г.Н. Фаузер,

научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления,

Институт социально-экономических

и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

г. Сыктывкар

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Миллиарды людей на планете продолжают прозябать в нищете и лишены возможности вести достойную жизнь. Усиливается неравенство внутри стран и между ними. Существуют огромные диспропорции в распределении возможностей, богатства и власти. Одной из ключевых проблем остается гендерное неравенство. Серьезную обеспокоенность вызывает безработица, особенно среди молодежи. Одной из наиболее серьезных проблем нашего времени является изменение климата, и

негативные последствия этого явления подрывают способность всех стран достичь устойчивого развития. Под угрозой находится существование многих сообществ и биологических систем жизнеобеспечения на планете.

Учитывая глобальные угрозы и вызовы, главы государств и правительств и высокие представители, собравшись в центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 25–27 сентября 2015 г., решили принять новые глобальные цели в области устойчивого развития (УР). Участники Ассамблеи утвердили всеобъемлющий, рассчитанный на перспективу и предусматривающий учет интересов людей, набор универсальных и ориентированных на преобразование целей и задач. Все преисполнены решимости добиваться устойчивого развития в трех его компонентах – экономическом, социальном и экологическом – сбалансированным и комплексным образом.

Принятая повестка дня – это план действий для людей, планеты и процветания. Она направлена на укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы. Признается, что ликвидация нищеты во всех ее формах и проявлениях, включая крайнюю нищету, является важнейшей глобальной задачей и одним из необходимых условий устойчивого развития [6, с. 3/44].

В статье раскрывается концепция устойчивого развития, приводятся показатели по оценке УР, представлены первые результаты исследования по оценке устойчивого развития северных регионов России на основе демографических показателей.

Концепция устойчивого развития

В конце 1960-х гг. промышленно развитые страны столкнулись с проблемами, которые невозможно было решить в рамках старой модели развития. Темпы использования человечеством важнейших видов природных ресурсов, нерациональная структура производства и потребления привели к образованию многих видов загрязнения окружающей среды, которые превышали допустимые пределы.

Одними из первых на эти проблемы обратили внимание члены Римского клуба, объединяющего выдающихся ученых, бизнесменов и государственных деятелей, которые в 1972 г. подготовили доклад «Пределы роста». Доклад вызвал сенсацию. Авторы исследования пришли к выводу, что, если существующие тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет.

Однако эти тенденции можно изменить и создать условия экономической и экологической стабильности, которая сохранится и в далеком будущем. Экономика должна удовлетворять потребности людей, но ее рост должен вписываться в пределы экологических возможностей планеты. Вместо хаотичного беспредельного роста необходимо сбалансированное устойчивое развитие цивилизации.

Основные подходы, определившие необходимость создания концепции устойчивого развития, были заложены в 1972 г. на Стокгольмской конференции по окружающей среде – первой всемирной встрече по проблемам экологии [1].

Концепция «устойчивого (sustainability) общества» впервые была сформулирована в 1974 г. в документах Всемирного совета церквей как ответ на появление в развивающихся странах идей о преувеличенности опасений относительно проблем состояния окружающей среды в условиях, когда огромная часть человечества живет в условиях нищеты, голода, болезней [12].

Концепция устойчивого развития вышла на международную арену после опубликования в 1987 г. Доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию Организации Объединенных Наций (ООН) «Наше общее будущее» (WCED, 1987). Этот доклад часто называют докладом Брундтланд по имени Гру Харлем Брундтланд – председателя комиссии. Он был очень важен для расширения концепции устойчивого развития за пределы вопросов охраны окружающей среды и **для включения социальных аспектов** на национальном и международном уровне. В нем впервые появилась базовая формулировка «устойчивое развитие – это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В докладе содержится ключевая идея устойчивого развития – как баланса между поколениями.

В докладе комиссии Брундтланд озвучена концепция устойчивого развития, а конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) и в Йоханнесбурге (2002) придали мощный импульс проведению оценки устойчивого развития. Организация Объединенных Наций создала Комиссию по устойчивому развитию (КУР ООН) в начале 1990-х гг., а в 1993 г. комиссией был предложен первый набор показателей устойчивого развития [7, с. 12]. Рио-92 принято считать отправной точкой по изучению и оценке устойчивого развития в планетарном масштабе.

Россия поддержала принятые документы. В 1996 г. Президент России подписал Указ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». В ней устойчивое развитие сводится к сбалансированному решению социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. Отмечается необходимость реализации комплекса мер, направленных на сохранение жизни и здоровья человека, решение демографических проблем. Признается, что переход к устойчивому развитию России возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов [4].

В контексте всех принятых документов устойчивое развитие следует понимать не как конечную цель, а как динамический процесс адаптации, познания и деятельности. Это процесс выявления, изучения и использования взаимосвязей – прежде всего тех, которые существуют между экономикой, обществом и природной средой.

Показатели, характеризующие устойчивое развитие

Измерение устойчивого развития после публикации доклада комиссии Брундтланд и Встречи на высшем уровне «Планета Земля» в Рио в 1992 г. развивалось по трем основным направлениям: комплексные показатели, наборы показателей и са-

теллитные счета (спутниковые счета – инструмент дополнительного анализа отдельных важных аспектов экономического и социального развития общества на основе подходов системы национальных счетов).

Комплексные показатели, разработанные в 1990-х гг. рядом экономистов, опирались на результаты работы, начатой в 1960-х и 1970-х гг., сюда относятся такие показатели, как индекс устойчивого экономического благосостояния (Cobb, 1989), подлинный индикатор прогресса (Cobb et al., 1995), индекс экономического благосостояния (Osberg and Sharp, 2002), истинные сбережения (Pearce and Atkinson, 1993), показатель устойчивых чистых выгод (Lawn and Sanders, 1999).

В этот период появились и другие комплексные показатели. Самый наглядный пример – индекс развития человека (ИРЧ), который ежегодно публикуется Программой развития ООН (ПРООН) и рассчитывается как средневзвешенное значение показателей, характеризующих экономику, образование и здоровье (ПРООН, разные годы). Существуют показатели, которые приобрели известность в 1990-е и 2000-е гг. и основаны на измерении субъективного благополучия людей. Эти показатели рассчитываются на основе оценок самих людей удовлетворенностью своей жизнью или оценок их чувств по поводу недавних эпизодов своей жизни (Kahneman and Kruger, 2006) [7, с. 12-13].

Однако при всей комплексности измерения устойчивого развития, на наш взгляд, недостаточно полно были представлены показатели по оценке демографических процессов, они были явно «однобокими» и не отражали все стороны демографической динамики. Наиболее широко демографические показатели представлены Организацией экономического сотрудничества и развития – 11 единиц, сформированных на основе системы глобальных показателей ООН [13, с. 24]. На два показателя меньше использует Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств – 9 [5]. И всего шесть показателей рекомендовала Конференция европейских статистиков по измерению устойчивого развития [7, с. 83–85] (табл. 1).

Таблица 1

Демографические показатели измерения устойчивого развития, рекомендованные международными организациями под эгидой ООН

<i>Организация экономического сотрудничества и развития*</i>		<i>Рекомендации Конференции европейских статистиков по измерению устойчивого развития</i>
<i>показатели рождаемости</i>	<i>показатели смертности</i>	
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1. Родившихся с низким весом	1. Коэффициент материнской смертности	1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
2. Рождаемость среди подростков (в возрасте от 10 до 14 лет и в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в данной возрастной группе	2. Смертность детей в возрасте до пяти лет 3. Неонатальная смертность	2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении 3. Коэффициент смертности от самоубийств

1	2	3
	4. Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний 5. Смертность от самоубийств 6. Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий 7. Смертность от неумышленного отравления 8. Смертность, связанная с загрязнением атмосферного воздуха 9. Смертность, связанная с небезопасной водой, санитарией или отсутствием гигиены	4. Миграция человеческого капитала 5. Процент смертности в результате насилия/убийства 6. Численность населения

* Перечень показателей Целей устойчивого развития для регионов СНГ включает все демографические показатели ОЭСР, кроме: родившихся с низким весом; смертность, связанная с загрязнением атмосферного воздуха; смертность, связанная с небезопасной водой, санитарией или отсутствием гигиены. Дополнительно учитывается доля женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет), чьи потребности по планированию семьи удовлетворяются современными методами

Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России

В свое время проблема устойчивого развития с точки зрения сохранения территорий Севера для будущих поколений и создания комфортных условий проживания была рассмотрена в [3; 11]. В последние годы, с осознанием ключевой роли человеческого потенциала в развитии стран, наряду с экологическими и экономическими аспектами усилилось внимание и к социальным. Относительно северных и арктических регионов можно выделить две работы по социальной устойчивости [2; 8]. В них достаточно подробно описана история развития категории «социальная устойчивость», дается набор показателей по ее оценке. Социальную устойчивость регионов авторы кратко определяют как «качество общества» и предлагают оценивать на основе интегральных индексов уровня устойчивости по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения», «качество городской среды», «уровень жизни населения», «демографическое развитие».

Бесспорным является послыл, что экономическое благополучие России обеспечивается устойчивым развитием северных регионов. Чтобы и в обозримой перспективе эта роль сохранялась, необходимо иметь здесь достаточными демографический и трудовой потенциалы [9]. Для их поддержания демографические процессы должны иметь позитивную динамику во времени, а показатели, по их оценке, на

текущий момент должны быть выше/или ниже общероссийских показателей в зависимости от оцениваемого явления.

Для оценки устойчивого развития северных территорий нами выбрано 12 демографических показателей, которые, на наш взгляд, характеризуют устойчивое (или не устойчивое) развитие регионов и по которым имеется доступная статистика. За эталон возьмем значение показателя по России, знак «+» означает, что показатель по северному региону лучше, знак «=» означает, что оно равно ему, отсутствие знака – что показатель хуже [10] (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение демографических показателей северных регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, с Российской Федерацией*

Регионы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Сумма положительных оценок
Республика Карелия					=								0
Архангельская область					+								1
Мурманская область			+					+	+	+			4
Магаданская область			+				+	+	+	+			5
Камчатский край		=	+	+	+			+	+	+			6
Ненецкий АО		+	+	+	+				+	+			6
Республика Саха (Якутия)		+	+	+	+				+	+			6
Республика Коми		+	+	+	+			+	+	+			7
Сахалинская область		+		+	+		+	+	+	+			7
Чукотский АО		+	+	+	+			+	+	+			7
Республика Тыва	+	+	+	+	+		+		+	+			8
Ямало-Ненецкий АО	+	+	+	+	+	+		+	+	+			9
Ханты-Мансийский АО-Югра	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	10

* ранжировано по убыванию оценок
+ показатель лучше по сравнению с РФ

Опишем демографические показатели по оценке устойчивого развития северных регионов России, табл. 2.

1) – динамика численности населения. За последние 27 лет (1990–2017 гг.) численность населения России сократилась на 0,6% (на 2,2% без учета Республики Крым и г. Севастополь). В северных регионах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, уменьшилась с 9731 до 7862 тыс. человек, т.е. убыль населения составила 1 млн. 869 тыс. человек – за счет превышения миграционного оттока (2 млн. 233 тыс. человек) над естественным приростом (364 тыс. человек). Численность населения в 2017 г. по отношению к 1990 г. составила по России 99,4%, а по северным регионам – 80,8%. В трех регионах произошло увеличение численности населения – в Ханты-

Мансийском АО (129,9%), в Ямало-Ненецком АО (109,6%) и в Республике Тыва (101,9%); у остальных регионов снижение было больше, чем по России в целом. Сокращение численности населения на Севере происходило более быстрыми темпами, чем по стране в целом, что ведет к обезлюдению территории, снижению людности поселений, уменьшению ресурсов труда. Такая динамика численности населения не способствует устойчивому развитию Севера России.

2) – *общий коэффициент рождаемости* в 2016 г. по России составлял 12,9‰, в четырех регионах его величина была ниже общероссийского уровня, в одном соответствовала ему, а три имели расширенное воспроизводство населения (16‰ и выше).

3) – *общий коэффициент смертности* в 2016 г. по России составлял 12,9‰, в трех регионах смертность была выше, а в Республике Карелия выше допустимого уровня – 14,8‰ (14,0‰).

4) – *общий коэффициент естественного прироста* в 2016 г. в девяти регионах был выше общероссийского и имел положительную величину, четыре – отрицательную величину – признаки депопуляции.

5) – *суммарный коэффициент рождаемости* в 2016 г. по России составлял 1,76, что ниже простого замещения поколений (2,1-2,2). В 10 регионах он был выше общероссийского уровня, а в шести из них было расширенное воспроизводство.

6) – *ожидаемая продолжительность жизни* в 2016 г. для обоих полов составила 71,87 лет. Только в Ханты-Мансийском АО-Югра и Ямало-Ненецком АО она была выше, чем в России (ВОЗ рекомендовала достичь ОПЖ в 75 лет к 2015 г.).

7) – *заболеваемость населения* (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) в 2014 г. по России составила 787,1 случая на 1000 человек. В десяти регионах она была значительно выше, чем по России. И только в трех: в Республике Тыва, Магаданской и Сахалинской обл. она была ниже российского уровня. Как предположение – это можно объяснить тем, что здесь хуже представлены медицинская инфраструктура и первичная диагностика.

8) – *численность лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами*, в расчете на 10 тыс. человек в 2014 г. по России составил 61,8, в пяти субъектах он превышал это значение. В остальных восьми значительно ниже. Рекордно низким он был в Ямало-Ненецком АО – 28,8 и Мурманской обл. – 36,2.

9) – *доля населения старше трудоспособного возраста* в 2017 г. по стране составляла 25,0%. В целом по северным субъектам она значительно ниже. Только в двух она выше: в Республике Карелия – 26,6 и Архангельской обл. – 25,8%.

10) – *коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста* в 2017 г. по России составил 441 (на 1000 трудоспособных). Только в Республике Карелия и Архангельской обл. эта нагрузка была выше.

11) – *население в возрасте 16 лет и более, состоящие в незарегистрированном браке*. По этому показателю все северные регионы характеризуются повышенной неустойчивостью. Так если в 2010 г. по России на 1000 человек приходилось 84 «сожителя», то в Республике Тыва – 187, в Магаданской и Сахалинской обл. – по 141 «сожителю».

12) – коэффициент миграционного прироста в 2016 г. по России составлял 1,8‰, и только в Ханты-Мансийском АО он был положительный и выше (2,4‰).

Теперь все северные регионы можно проранжировать по числу набранных положительных оценок. Мы предложили шкалу, позволяющую сгруппировать все регионы в четыре группы по степени устойчивого развития на основе демографических показателей: критическая, низкая, средняя и высокая (табл. 3).

Таблица 3

Ранжирование северных регионов России по степени устойчивого развития (по 12 демографическим показателям, количество положительных оценок)

<i>Степень устойчивого развития</i>	<i>Регионы</i>
1–3 критическая	Республика Карелия Архангельская область
4–6 низкая	Мурманская область Магаданская область Камчатский край Ненецкий АО Республика Саха (Якутия)
7–9 средняя	Республика Коми Сахалинская область Чукотский АО Республика Тыва Ямало-Ненецкий АО
10–12 высокая	Ханты-Мансийский АО – Югра

Группа с критической устойчивостью по демографическим показателям имеет все рассматриваемые показатели хуже по сравнению с РФ, за исключением суммарного коэффициента рождаемости. Группа с низкой устойчивостью объединяет регионы, имеющие коэффициент смертности, долю населения старше трудоспособного возраста, коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста с ожидаемой продолжительностью жизни ниже среднероссийского уровня и миграционной убылью населения. Средняя группа включает показатели низкой группы и дополнительно – коэффициент рождаемости, коэффициент естественного прироста и суммарный коэффициент рождаемости выше среднероссийского уровня. Наивысшую на Севере устойчивость Ханты-Мансийскому АО обеспечивают все показатели, за исключением двух.

Пространственный анализ показывает, что более высокие показатели устойчивого развития демонстрируют регионы, экономическое освоение которых происходило позднее. Самая низкая устойчивость зафиксирована на давно обжитых территориях Русского Севера, а наивысшая – в Западной Сибири, активное освоение которой пришлось на последнюю четверть XX в., что позволило, сохранив высокие показатели рождаемости, сформировать достаточно молодой возрастной состав. Высокая доходность добывающих отраслей Западной Сибири сдерживает миграционный отток из этих регионов и позволяет достигнуть уровня жизни, необходимого для долголетия.

Все больше стран мира, независимо от экономического потенциала, численности населения и занимаемой площади, присоединяются к целям устойчивого развития. Среди наиболее важных целей политики регионального развития – повышение благосостояния, а также уровня жизни во всех типах регионов. В повестке 2030 (после 2015 г.) подчеркивался глобальный характер современного развития, и многие вопросы развития (глобальное изменение климата, здравоохранение, миграция и т.д.) были сформулированы как глобальные проблемы, требующие глобальных ответных мер. С 2015 г. страны всего мира начали строить свои планы работ по мониторингу целей устойчивого развития и стремиться достичь целевых значений системы показателей. Так же поступила и Россия.

Степень устойчивого развития северных территорий мы предложили оценить с использованием демографических показателей. Это первый опыт, предстоит разработать интегральный показатель, позволяющий раскрыть влияние демографических факторов на устойчивое развитие регионов Российского Севера.

1. Андрианов В.Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) // Общество и экономика. 2005. № 4. С. 3–47.
2. Корчак Е.А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни населения регионов Севера России // Эко. 2016. № 3. С. 80–95.
3. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 177 с.
4. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : Указ Президента Российской Федерации №440 от 1 апреля 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития для региона СНГ. По итогам обследования мнения статистических служб стран СНГ. Статкомитет СНГ, Проект. URL: <http://www.cisstat.com/sdgs/CIS-SDG%20001%20indicators%20list%2025-11-2016%20rus.pdf> (дата обращения: 1.11.2017)
6. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 3.11.2017)
7. Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2014. 208 с. URL: http://www.cisstat.com/sdgs/ECE_CES_31_Rus.pdf (дата обращения: 6.11.2017)
8. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения / Л.А. Рябова, Е.Е. Торопушина, Е.А. Корчак и др. // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276-294.
9. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. 2014. №4. С. 69–80.
10. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические аспекты устойчивого развития северных территорий // Новые подходы и методы управления устойчивым социально-

экономическим развитием регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 октября 2017 г., ИПРЭ РАН. СПб.: ГУАП, 2017. С. 229–234.

11. Фаузер В.В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук. М., 1996. 328 с.

12. Флуд Н.А. Как измерить «устойчивость развития»? // Вопросы статистики. 2006. № 10. С. 19–29.

13. Measuring distance to the SDG targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017. URL: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf> (дата обращения: 11.10.2017)

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.).

В.Ф. Фомина,

к.т.н., старший научный сотрудник,

Институт социально-экономических

и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар;

А.В. Фомин,

к.э.н., заместитель начальника планово-экономического отдела,

ОАО «Сыктывкарский Водоканал»,

г. Сыктывкар

НА ПУТИ К «ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ»: ВНЕДРЕНИЕ СТАНДАРТОВ НДТ (НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)

Конференция ООН по устойчивому развитию («Рио+20»), состоявшаяся в 2012 года в Рио-де-Жанейро, подвела итоги двадцатилетнего периода предпринимаемых попыток перехода человечества от традиционного типа развития к устойчивому развитию. В докладах «Рио+20» и заключительном документе «Будущее, которое мы хотим» (2012) отмечается, что основой перехода к устойчивому развитию является формирование «зеленой экономики». Переход к ней в разных странах может происходить по-разному, каждая страна может выбирать свой подход в соответствии с национальными планами, стратегиями и приоритетами устойчивого развития. По определению, данному в докладах Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), «зеленая экономика» определяется как экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость при существенном снижении рисков деградации окружающей среды. Состояние достигнутого баланса основных составляющих «зеленой экономики» изображено на рисунке [2]. Оно должно быть «приемлемым» для экономики, «справедливым» в социальном измерении, «допустимым» для окружающей среды в соответствии с принципами «зеленой экономики» и устойчивого развития [19].

Рисунок 1. Баланс основных составляющих «зеленой экономики» [1]

Базовыми принципами «зеленой экономики» и устойчивого развития являются эффективное использование природных ресурсов, сохранение и увеличение природного капитала, уменьшение загрязнения, низкие углеродные выбросы, предотвращение утраты экосистемных услуг и биоразнообразия, рост доходов и благосостояния населения [3]. Необходимость новой парадигмы развития, способной обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу, осознается и в России [20]. Можно отметить, что большинство намеченных целей в основных концептуальных документах развития страны во многом корреспондируют с целями перехода к «зеленой экономике» и устойчивому развитию.

Принятые *основы государственной политики* в области экологического развития Российской Федерации до 2030 г. по новому ставят вопросы в отношении к экологии [14]. Стратегической целью государственной политики является обеспечение экологически ориентированного роста экономики, предотвращение и снижение негативного воздействия на природную среду, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений. Научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства признано основным принципом политики экологического развития в России.

2–4 декабря 2013 г. в Москве состоялся IV Всероссийский съезд по охране окружающей среды. По его итогам принята Резолюция, одобряющая «Декларацию о внедрении принципов «зеленой экономики» в Российской Федерации». Правительству РФ предложено разработать Концепцию и План действий по переходу Российской Федерации к «зеленой экономике». Под «зеленой экономикой» здесь понимается успешная экономика, обеспечивающая:

- высокий уровень качества жизни населения, основанный на создании безопасной для здоровья окружающей среды;
- высокие темпы развития отраслей, являющихся стратегическими для национальной экономики;
- бережное и рациональное использование природных ресурсов в интересах будущих поколений;
- выполнение страной международных экологических обязательств.

В «Декларации о внедрении принципов “зеленой экономики” в РФ» модернизация экономики с использованием наиболее эффективных технологий отмечена как одно из основных направлений государственной политики по переходу к «зеленой» экономике. Проведение широкомасштабной технологической и инфраструктурной модернизации открывает возможности применения совершенно новых решений в экономике [5].

Таким образом, сегодня актуален поиск пути обеспечения потребностей людей такими действиями, которые не могли бы навредить природе и сосуществовали бы в гармонии с ней. Для этого нужны знания и опыт по реализации идей «озеленения», но более всего необходимы регламенты и стандарты, принятые государством по вопросам разумного природопользования [21]. В этом направлении в настоящее время осуществляется политика перехода на так называемые стандарты НДТ (наилучшие доступные технологии). В первую очередь на эти стандарты должны перейти промышленные предприятия, которые оказывают значительное негативное воздействие на окружающую среду (НВОС).

Законодательному обеспечению перехода России к устойчивому развитию, в том числе к наилучшим доступным технологиям, был посвящен III Российский промышленно-экологический Форум «РосПромЭко-2015». Актуальность темы Форума обусловлена необходимостью экологической модернизации российской экономики в связи с внесением изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты РФ, предусматривающие введение технологического нормирования на основе НДТ и гармонизацию с нормами международного права. Обсуждались цели процесса перехода на принципы НДТ и внедрения современных технологий в промышленном секторе, а также представленные результаты первого этапа разработки информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям. В рамках Форума состоялась выставка «Наилучшие доступные технологии в обеспечение устойчивого развития», призванная показать инновационные отечественные и зарубежные разработки в области предупреждения и сокращения негативных воздействий на окружающую среду.

Нормативно-правовая база для перехода на НДТ. С 1 января 2015 года вступил в действие Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 219-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10], заложивший основу для перехода к технологическо-

му нормированию в области охраны окружающей среды на основе наилучших доступных технологий. Такое нормирование на основе НДТ успешно применяется в европейских странах (Best Available Technologies – BAT) [1].

Согласно внесенным изменениям, в настоящее время определение НДТ в российских законодательных актах и утвержденном стандарте [9] близко к принятому в ЕС и других странах. Определение НДТ дано в табл. 1, в ней же приведены другие нововведения понятийного аппарата охраны окружающей среды: технологические нормативы, технологические показатели, комплексное экологическое разрешение, временно разрешенные выбросы (сбросы), объект, оказывающий НВОС (негативное воздействие на окружающую среду), категории объектов НВОС.

Таблица 1

**Новации в понятийном аппарате охраны окружающей среды, введенные
ФЗ № 219 от 21 июля 2014 г.**

<i>Понятие</i> 1	<i>Определение</i> 2
Наилучшая доступная технология (НДТ)	– технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды, при условии наличия технической возможности ее применения.
Технологические показатели	– показатели концентрации загрязняющих веществ, объема и (или) массы выбросов, сбросов загрязняющих веществ, образования отходов производства и потребления, потребления воды и использования энергетических ресурсов в расчете на единицу времени или единицу производимой продукции (товара), выполняемой работы, оказываемой услуги.
Технологические нормативы	– нормативы выбросов, сбросов загрязняющих веществ, нормативы допустимых физических воздействий, которые устанавливаются с применением технологических показателей.
Объект, оказывающий негативное воздействие на окружающую среду (НВОС)	– объект капитального строительства и (или) другой объект, а также их совокупность, объединенные единым назначением и (или) неразрывно связанные физически или технологически и расположенные в пределах одного или нескольких земельных участков.
Категории объектов, оказывающих НВОС:	
- I категория	– объекты со <i>значительным НВОС</i> , которые относятся к области применения наилучших доступных технологий;
- II категория	– объекты с <i>умеренным НВОС</i> ;
- III категория	– объекты с <i>незначительным НВОС</i> ;
- IV категория	– объекты с <i>минимальным НВОС</i> .

1	2
Комплексное экологическое разрешение (КЭР)	– документ, который выдается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, осуществляющим хозяйственную и (или) иную деятельность на объекте, оказывающем негативное воздействие на окружающую среду, и содержит требования, обязательные для выполнения в области охраны окружающей среды.
Временно разрешенные выбросы, сбросы	– объем или масса химических веществ либо смеси химических веществ, микроорганизмов, иных веществ, разрешенные для выброса, сброса и устанавливаемые в целях достижения нормативов допустимых выбросов, сбросов на период выполнения плана мероприятий по охране окружающей среды (или достижения технологических нормативов на период реализации программы повышения экологической эффективности).

Согласно определению в табл.1, технология НДТ должна удовлетворять критерию «наилучшая», что означает соответствие ее современному уровню достижений науки и техники, целям охраны окружающей среды, а также отвечать критерию «доступная», определяющему технические и экономические возможности ее внедрения. Поэтому выбор наилучшей технологии (процесса, способа, метода, оборудования) целесообразно осуществлять как по эколого-технологическим критериям, так и по экономическим. При этом рекомендуется рассматривать соответствие технологии следующим критериям и их сочетанию [18]:

- наименьший уровень НВОС в расчете на единицу времени или объема производимой продукции (товара), выполняемой работы, оказываемой услуги либо другие показатели, предусмотренные международными договорами Российской Федерации;

- экономическая эффективность внедрения и эксплуатации;
- применение ресурсо- и энергосберегающих методов;
- период внедрения;
- промышленное внедрение на двух и более объектах НВОС в России.

Использование критериев НДТ позволяет из перечня альтернативных технологий выбрать не только лучшую с точки зрения охраны окружающей среды, но и экономически эффективную и доступную технологию.

В соответствии с положениями закона все объекты, оказывающие НВОС, разделены на четыре категории в зависимости от их степени экологической опасности. Критерии, на основании которых осуществляется отнесение объектов НВОС к объектам I, II, III и IV категорий, установлены Правительством РФ. При установлении критериев учитывалось [6, 11]:

- уровень воздействия на окружающую среду видов хозяйственной и (или) иной деятельности (отрасль, часть отрасли, производство);
- уровень токсичности, канцерогенные и мутагенные свойства загрязняющих веществ, содержащихся в выбросах, сбросах загрязняющих веществ, а также классы опасности отходов производства и потребления;
- классификация промышленных объектов и производств, их мощности;
- особенности осуществления деятельности в области использования атомной энергии.

К объектам *I категории* отнесены объекты по добыче и переработке полезных ископаемых, предприятия органического и неорганического синтеза, по производству пестицидов и минеральных удобрений и др. (без указания мощностей). В зависимости от производственной мощности объекты энергетики, металлургии, по обработке и утилизации отходов, очистки сточных вод, предприятия текстильной, кожевенной, целлюлозно-бумажной, пищевой, свиноводческой и птицеводческой отраслей, мясокомбинаты, производство оксида магния могут быть отнесены к *I* или *II категории*.

К *II категории* также отнесены объекты атомной промышленности, магистральные трубопроводы (газовые и нефтяные), крупные аэродромы, морские и крупные внутренние водные порты и др.

В перечень объектов *III категории* попадают те объекты, что указаны в перечнях *I* и *II* категорий, но при более низких производственных мощностях.

Категория IV включает объекты, на которых выбросы стационарных источников не превышают 10 тонн в год при условии, что в их составе отсутствуют вещества *I* и *II* классов опасности и радиоактивные вещества. Одновременно с этим отсутствуют сбросы загрязняющих веществ (ЗВ) в составе сточных вод в централизованные системы водоотведения (за исключением сбросов ЗВ бытовых сточных вод), а также отсутствуют сбросы ЗВ в окружающую среду. К этой категории относятся объекты энергетики тепловой мощностью оборудования менее 2 Гкал/час при потреблении газообразного топлива, а также объекты, предназначенные исключительно для исследований, разработок и испытаний новой продукции и процессов (предприятия опытного производства, научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро) при соответствии их критериев сбросов и выбросов ЗВ условиям, рассмотренным выше.

Объекты *I* категории в первую очередь должны осуществить переход на наилучшие доступные технологии, разработать и утвердить технологические нормативы.

Масштабы предстоящих преобразований определяются перечнем мер, утвержденных Распоряжением Правительства от 19.03.2014 г. № 398-р о комплексе мер, направленных на отказ от использования устаревших и неэффективных технологий, а также законом от 21.07. 2014 г. № 219-ФЗ О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Феде-

рации». Далее для реализации «Комплекса мер» и в развитие закона № 219 издается целый ряд законодательных и нормативных актов, постановлений и распоряжений, стандартов, в том числе:

- распоряжение № 2178-р о поэтапном графике создания в 2015-2017 гг. отраслевых справочников НДТ [17];

- постановление № 1458 о порядке определения технологии в качестве наилучшей доступной технологии, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по НДТ [12];

- распоряжение № 2674 о перечне областей применения наилучших доступных технологий [16];

- ФЗ о промышленной политике [13], согласно закону предусматривается поддержка научно-технической и инновационной деятельности промышленных предприятий, в том числе путем стимулирования использования наилучших доступных технологий;

- ФЗ о стандартизации [15], который включил информационно-технические справочники по НДТ в правоприменительную практику, придав им статус документов национальной системы стандартизации;

- методические рекомендации по определению технологии в качестве наилучшей доступной технологии, утвержденные Минпромторгом в соответствии с перечисленными выше нормативно-правовыми документами [7].

Таким образом, приняты ключевые документы, в соответствии с которыми проводится активная подготовка к переходу на технологическое нормирование. В соответствии с распоряжением № 398-р утвержден комплекс мер, направленных на отказ от использования устаревших и неэффективных технологий. Разработан план по переходу на принципы НДТ, в соответствии с которым осуществляется разработка правовой базы по технологическому нормированию на принципах НДТ в промышленности. Минпромторгом разработан проект реализации концепции перехода на принципы НДТ и внедрения современных технологий в промышленном секторе РФ (2015 г.). Осуществляется разработка мер государственной поддержки внедрения НДТ и стимулирования производства современного технического оборудования в РФ, отвечающего принципам НДТ. Идет подготовка по реализации пилотных проектов внедрения НДТ в субъектах РФ и других мероприятиях.

Создание отраслевых справочников НДТ осуществляется поэтапно, согласно графику, утвержденному распоряжением Правительства от 31.10.2014 г. № 2178-р, с учетом перечня областей применения наилучших доступных технологий, а также приоритетов развития промышленности. В 2015 г. разработано 10 первоочередных справочников НДТ, в 2016 – еще 13, а к концу 2017 г. общее количество их должно составить 51. Информационно-технические справочники по НДТ предназначены прежде всего предприятиям, отнесенным к объектам I категории экологической опасности, которые обязаны получить комплексное экологическое разрешение. Эти справочники разрабатываются для конкретной области применения [4].

В соответствии с Постановлением № 1458 ответственность за разработку справочников НДТ возложена на Росстандарт. Для обеспечения этой деятельности создано Бюро НДТ, Технический комитет по стандартизации (ТК 113) и технические рабочие группы (ТРГ), которые занимаются непосредственно разработкой справочников НДТ. Число рабочих технических групп соответствует количеству справочников.

Согласно положениям стандарта [8] справочник должен содержать следующие разделы: Общая информация о рассматриваемой отрасли промышленности; Описание применяемых в настоящее время технологий (процессов, технических способов, методов, оборудования); Показатели текущих уровней эмиссии, а также их параметры ресурсо- и энергоэффективности, экологической и экономической результативности; Определение наилучших доступных технологий (в соответствии с методическими рекомендациями); Наилучшие доступные технологии (перечень НДТ, позволяющих сократить эмиссии в окружающую среду, потребление сырья, воды, энергии и снизить образование отходов; ограничения применимости НДТ: а) использование при модернизации б) внедрение только на новом предприятии); Экономические аспекты реализации наилучших доступных технологий (капитальные и эксплуатационные затраты на единицу выпускаемой продукции); Перспективные технологии (которые находятся на стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ или опытно-промышленного внедрения, позволяющие повысить эффективность производства и сократить эмиссии в окружающую среду; приводятся сроки коммерческой доступности).

В соответствии с терминологией данного стандарта информационно-технические справочники по наилучшим доступным технологиям в зависимости от назначения разделяются на отраслевые («вертикальные») и межотраслевые («горизонтальные»). Количество отраслевых справочников НДТ – 40. Это, например, ИТС НДТ «Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона», «Очистка сточных вод с использованием централизованных систем водоотведения поселений, городских округов» и др. Межотраслевых справочников НДТ – 11: «Очистка сточных вод при производстве продукции (товаров), выполнении работ и оказания услуг на крупных предприятиях»; «Очистка выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух при производстве продукции (товаров), выполнении работ и оказания услуг на крупных предприятиях»; «Утилизация и обезвреживание отходов (кроме обезвреживания термическим способом (сжигание отходов))»; «Размещение отходов производства и потребления»; «Промышленные системы охлаждения»; «Общие принципы производственного экологического контроля»; «Повышение энергетической эффективности при осуществлении хозяйственной или иной деятельности»; «Обработка поверхностей, предметов или продукции органическими растворителями»; «Обработка поверхностей металлов и пластмасс с использованием электролитических или химических процессов»; «Сокращение выбросов загрязняющих веществ, сбросов загрязняющих веществ при хранении и складировании

товаров (грузов)»; «Сжигание топлива на крупных установках в целях производства энергии».

Из перечисленных названий справочников следует, что отраслевые справочники НДТ применимы только в одной определенной отрасли, а межотраслевые справочники НДТ представляют технологии и процессы, которые нацелены на контроль уровня внешних эффектов и они рекомендуются к применению во всех отраслях.

Механизм технологического регулирования воздействия на окружающую среду основан на дифференцированном подходе к объектам НВОС. В соответствии с положениями ФЗ № 219 предусматриваются следующие меры государственного регулирования в зависимости от категории экологической опасности объекта: – экологическая экспертиза; – учет объектов НВОС; – комплексное экологическое разрешение (КЭР), декларация, отчетность об объемах воздействия; – производственный экологический контроль (ПЭК); – экологический надзор; – плата за негативное воздействие на окружающую среду; – экономическое стимулирование экологической модернизации (табл. 2).

Таблица 2

Меры государственного регулирования в зависимости от категории объекта

<i>I категория – значительное воздействие</i>	<i>II категория – умеренное воздействие</i>	<i>III категория – незначительное воздействие</i>	<i>IV категория – минимальное воздействие</i>
Государственная экологическая экспертиза	-	-	-
Постановка объектов на государственный учет			
Нормирование на принципах НДТ (КЭР)	Декларирование объемов воздействия	Отчетность об объемах воздействия	-
Проведение первичного учета и производственного экологического контроля (дифференциация по категориям объектов)			
Оснащение стационарных источников приборами непрерывного контроля	-	-	-
Отчетность о выполнении планов мероприятий по охране окружающей среды/ программ повышения экологической эффективности (внедрения НДТ)			-
Федеральный государственный надзор	Региональный государственный надзор		Внеплановые проверки

С 1 декабря 2016 г. введена государственная информационная система учета объектов НВОС, предусматривающая регистрацию и в виде электронных документов. Государственный учет ведется в форме государственного реестра федерального или регионального уровней. Объекту НВОС присваивается категория и документально подтверждается свидетельством о постановке объекта на государственный учет свидетельство, в нем будет указан уровень поднадзорности (федеральный

или региональный). В настоящее время регистрация объектов не завершена (принято заявлений в электронном виде около 340 тыс., выдано свидетельств около 90 тыс.), но можно считать, что подготовительный процесс перехода на стандарты НДТ начался. Учет объектов НВОС и ведение реестра позволит упорядочить информацию о предприятиях и о мероприятиях, направленных на снижение негативного воздействия, а также обеспечить разделение предприятий на категории. Заявитель представляет информацию, касающуюся массы выбросов, сбросов и размещения отходов, которая будет открыто публиковаться на официальном сайте Росприроднадзора. Вся информация будет храниться в электронном виде, ее обновление будет проходить ежегодно, а срок хранения составит не менее десяти лет.

Выводы. В настоящее время в России разработана нормативно-правовая база, обеспечивающая промышленным предприятиям переход на технологическое нормирование на принципах наилучших доступных технологий. Этот принцип успешно применяется в европейских странах. Для его адаптации к российским условиям потребовалось создание отечественных информационно-технических справочников НДТ, которые являются документами национальной системы стандартизации. Создана структура по управлению процессами внедрения стандартов НДТ, что позволяет выстраивать систему государственного регулирования воздействия на окружающую среду на основе технологического нормирования. Осуществление полномасштабного внедрения наилучших доступных технологий – НДТ станет существенным вкладом в «зеленое» и более устойчивое развитие страны.

1. Багринцева К.А. Общие черты и различия Директивы «О комплексном предотвращении и контроле загрязнения окружающей среды» (IPPC) и Директивы «О промышленных сбросах/выбросах» (IED): учебно-методический материал по НДТ / под ред. Д.О. Скобелева. Ч. 2. М.: АСМС, 2016. С. 7–11.
2. Бобылев С., Перелет Р. Устойчивое развитие и «зеленая» экономика в России: актуальная ситуация, проблемы и перспективы. URL: https://ecodelo.org/rossiyskaya_federaciya/27342ustoychivoe_razvitie_i_zelenaya_ekonomika_v_rossii_aktualnaya_situaciya (дата обращения: 05.06.2017).
3. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Новые цели для новой экономики // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 6–14.
4. Гусева Т.В., Бегак М.В., Молчанова Я.П. Принципы создания и перспективы применения информационно-технических справочников НДТ // Компетентность. 2015. №5. С. 8–18.
5. Егорова М.С. Технологические изменения как необходимое условие перехода к «зеленой экономике» // Креативная экономика. 2015. Т. 9. № 3 С. 297–312.
6. Критерии отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий. Утв. 28 сентября 2015 г. N 1029.
7. Методические рекомендации по определению технологии в качестве НДТ (утв. Минпромторга РФ 31.03.2015 № 665).

8. Наилучшие доступные технологии. Структура информационно-технического справочника: ГОСТ Р 56 828.14-2016. М.: Стандартинформ, 2016. (дата введения в действие с 1 июля 2017 г.).

9. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения с датой введения в действие с 1 июля 2017 г. Утв. Приказом Росстандарта от 26.10.2016 № 1519-ст «Об утверждении национального стандарта РФ»: ГОСТ 56828.15-2016.

10. О внесении изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Утв. 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ.

11. О комплексном предотвращении и контроле загрязнений: Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 15.01.2008 № 2008/1/ЕС и приложение 1 к Модельному закону «О предотвращении и комплексном контроле загрязнений окружающей среды» (принят в г. Санкт-Петербурге 25.11.2008 Постановлением № 31-8 на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

12. О порядке определения технологии в качестве наилучшей доступной технологии, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям (в ред. от 09.09.2015 № 954, от 28.12.2016 № 1508): Постановление Правительства РФ от 23.12.2014 № 1458.

13. О промышленной политике в Российской Федерации. Утв. 31.12.2014 № 488-ФЗ.

14. О стандартизации в Российской Федерации. Утв. 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

15. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждены Президентом РФ 30.04.2012.

16. Перечень областей применения наилучших доступных технологий: Распоряжение Правительства от 24.12.2014 № 2674 (ред. 07.07.2016).

17. Поэтапный график создания в 2015–2017 гг. отраслевых справочников НДТ: Приложение к распоряжению Правительства РФ от 31.10.2014 № 2178-р

18. Правила определения технологии в качестве наилучшей доступной технологии, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям. Утв. Постановления Пр-ва РФ от 23.12.2014 N 1458 (ред. от 28.12.2016).

19. Преобразование мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция / Генеральная Ассамблея ООН, 25.09.2015. URL: <http://undocs.org/A/RES/70/1>.

20. Родионова И.А., Липина С.А. Зеленая экономика в России: модель и прогнозы развития // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (ч. 24). С. 5462–5466.

21. Чуркин Н.Т. Экологические аспекты «зеленых» технологий / Российский промышленно-экологический форум «РосПромЭко». 6–7 апреля 2017 г., Москва. URL: <http://www.rospromeco.com/expertnoe-mnenie/28-analytic/expertnoe-mnenie/374-ekologicheskie-aspekty-zelenykh-tekhnologij> (дата обращения: 10.06.2017).

*А.И. Чужмаров,
к.э.н., проректор по образовательной и научной деятельности
Коми республиканская академия государственной службы и управления,
доцент кафедры банковского дела
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина;
А.А. Чужмарова,
аспирант
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар*

РОЛЬ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА В РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СУБАРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Арктика является уникальной территорией с большим экономическим потенциалом. Вопросы развития Арктической зоны являются одними из самых актуальных и перспективных. Арктика с ее уникальной природой и колоссальным экономическим потенциалом находится в зоне постоянного внимания научного сообщества.

В настоящее время в научном сообществе идет активное обсуждение проблем реализации положений государственной политики РФ в Арктике, включая «проблемы малонаселенных, слабо освоенных отдаленных территорий» [5] Европейской зоны Российской Арктики, определенных Указом Президента РФ № 296 от 2 мая 2014 г. (в редакции от 27.06.2017 г. № 287).

В соответствии с методологией комплексного районирования Севера, разработанной коллективом ученых Кольского НЦ РАН, Института географии РАН и Института труда Минтруда России, основным критерием районирования определена дискомфортность жизнедеятельности населения и выделено три зоны дискомфорта: абсолютно дискомфортная, экстремально дискомфортная и дискомфортная [2].

В современном российском законодательстве Север определяется как «высокоширотная часть территории России, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями, обуславливающими повышенные затраты на производство продукции и жизнеобеспечение населения» [1].

Вместе с тем в этих условиях общая задача для России – это устойчивое и поэтапное развитие Арктической зоны, наращивание усилий по ответственному освоению ее ресурсов при условии бережного отношения и сохранения уникальной экосистемы Арктики.

Ответственный подход к развитию территорий российской Арктики, освоению природно-ресурсной базы обуславливает необходимость создания условий для сбалансированного функционирования социально-экономических систем. При этом под сбалансированным функционированием надо понимать освоение территорий

российской Арктики не только для производства и прибыли, но и для повышения уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера с учетом их интересов и потребностей.

Организационно-экономический механизм развития Европейской зоны Российской Арктики, под которым понимается совокупность участников, взаимодействие которых формируется на организационных принципах и в соответствии с алгоритмом, адаптированным для решения поставленных задач, с использованием инновационных подходов к модернизации экономики, будет способствовать укреплению стратегических позиций России, обеспечению национальной и экономической безопасности, защищенности и благополучия населения, проживающего в субарктических регионах. В этой связи тема исследования является междисциплинарной, актуальной, своевременной.

В настоящее время при безусловности приоритета задач освоения территорий Российской Арктики, обладающих огромным природно-ресурсным потенциалом, вовлечения их в хозяйственный оборот страны, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется формированию инфраструктуры, способной обеспечить стабильность и надежность реализации государственной политики в Арктике, включая освоение минерально-сырьевых ресурсов, развитие транспортной сети, развитие предпринимательства.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным отмечена важность выстраивания новых маршрутов доставки энергоресурсов с использованием возможностей Северного морского пути. Вместе с тем для комплексного освоения Европейской зоны российской Арктики целесообразно развитие наземной транспортной инфраструктуры, в частности строительство «Белкомура», «Карскомура» и «Баренцкомура», автодорог до Нарьян-Мара, Воркуты. Кроме того, не останавливаясь на достигнутом, целесообразно рассмотреть вопросы проведения изысканий и проектирования комплексного широтного транспортного коридора, на первом этапе от Воркуты до Норильска, с отворотом на п-ов Ямал, а в последующем до Магадана, что обеспечит создание круглогодичной транспортной инфраструктуры на территории Арктической зоны в Сибири. Применение известных в мировой и российской практике уникальных инновационных технологий строительства автомобильных и железных дорог, их адаптация к условиям вечной мерзлоты окажет огромное влияние на освоение и экономическое развитие территорий российской Арктики, будет способствовать возникновению новых точек роста, новых производств, новых рабочих мест и, соответственно, налоговых поступлений в бюджет.

Кроме того, говоря о развитии территорий российской Арктики в целях освоения природных ресурсов, нельзя игнорировать территории субарктической зоны, т.е. территории, приравненные к районам Крайнего Севера, которые могут и должны стать опорными зонами в целях реализации государственной политики освоения Арктики.

В настоящее время субарктические регионы, расположенные в частности, на территории Европейской зоны российской Арктики, нуждаются в государственной

поддержке, которая с использованием институтов «частно-государственного партнерства»[3] (далее по тексту – ЧГП) во взаимодействии с активным частным бизнесом будет способствовать развитию предпринимательства в субарктических регионах, в целях формирования и обеспечения устойчивого функционирования инфраструктуры. Это обусловило неизбежность поиска оптимальных механизмов предоставления, защиты и реализации национальных интересов данного субрегиона.

Первые шаги в данном направлении уже сделаны. В частности, Коми республиканской академии государственной службы и управления удалось организовать успешную практику диалога органов власти, бизнеса, представителей общественности и ученых в рамках научной площадки, посвященной проблемам управления Арктическими территориями.

Хозяйственное партнерство государства и бизнеса в процессе реализации государственной политики освоения Арктики позволит привлечь в государственный сектор экономики дополнительные ресурсы, а объединение ресурсов и потенциалов двух хозяйствующих субъектов: с одной стороны государства в форме гарантий и определенных преференций и льгот, с другой – бизнеса в виде привлечения инвестиций и внедрения инноваций, а также применения современных методов хозяйствования и менеджмента, позволит обеспечить сбалансированную поступательность в освоении на первом этапе территорий Европейской зоны российской Арктики.

Для обеспечения сбалансированности и поступательности освоения территорий Европейской зоны российской Арктики целесообразно использовать апробированный в условиях северных регионов инструментарий: «системные инструменты федерального уровня, системные инструменты регионального уровня, частные инструменты регулирования на федеральном и региональном уровнях» [3].

Так могут быть использованы следующие системные инструменты федерального и регионального уровней, адаптированные к экстремальным зонам дискомфортности, в частности механизмы поддержки на региональном и федеральном уровнях развития арктического предпринимательства, ориентированного на поиск, тиражирование и адаптацию новых уникальных технологий, внедрение и реализация на практике которых возможна и наиболее эффективна с использованием природно-ресурсного потенциала Арктики как одного из наиболее востребованных направлений.

Кроме того, как один из системных инструментов можно рассматривать предлагаемое учеными «совершенствование российской модели налогового федерализма, которое позволит решить проблемы экономического развития территорий Европейской зоны Российской Арктики, повысить уровень налоговых доходов региональных и местных бюджетов» [4].

Также из числа системных инструментов могут быть использованы целевые программы (в т.ч. ведомственные) развития отраслей промышленного комплекса, налоговое регулирование (для регионального уровня в пределах полномочий органов власти субъекта федерации); государственное участие в инновационных проек-

тах в рамках частно-государственного партнерства; государственный контроль; кредитная политика.

Из разряда *частных инструментов регулирования* (в сфере частно-государственного партнерства) наиболее привлекательно, на наш взгляд, использование таких как, заключение контрактов на выполнение социально значимых проектов (работ) по реализации проектов инфраструктурного обеспечения сети строящихся и проектируемых автомобильных дорог; реализации проекта Арктической оптоволоконной линии связи; перспективного использования территорий Европейской зоны российской Арктики в целях познавательного и научного туризма.

От характера и масштабов частно-государственного партнерства зависит выбор инструментария. На первом этапе освоения территорий Европейской зоны российской Арктики нам представляется целесообразным в целях развития предпринимательства внедрение в практику наиболее апробированного и распространенного вида частно-государственного партнерства, как «локальное» [3], которое будет формироваться для реализации проекта в рамках одного конкретного объекта предпринимательской деятельности.

Это обусловлено рядом факторов, в частности, возможностью привлечения инвесторов, располагающих относительно ограниченными финансовыми ресурсами, что важно для предпринимательской среды; «прозрачностью» инвестиционной привлекательности проекта, позволяющей рассчитать относительно реальные и, как правило, относительно минимальные, сроки окупаемости проекта, и спрогнозировать перспективы дальнейшего развития; отсутствием необходимости государственного софинансирования проекта, так как участие государства предполагается только в виде преференций для субъектов малого и среднего предпринимательства, работающих на территории арктических регионов, например в виде безвозмездного выделения земельных участков в пользование на длительные (до 99 лет) сроки, а также льготного налогообложения в части региональных налогов.

Так, например, строительство автомобильных дорог в суровых условиях Арктики должно, на наш взгляд, сразу планироваться с учетом их инфраструктурного обеспечения, с обустройством объектов инфраструктуры по мере ввода в эксплуатацию участков дорог.

С учетом суровых природно-климатических условий и отсутствия населенных пунктов объекты инфраструктурного обеспечения должны стать опорными комплексами и размещаться на расстоянии не более 50–70 км друг от друга по всей протяженности дороги. Основой таких комплексов могут и должны стать автозаправочные станции (далее – АЗС) крупных компаний, уже осуществляющих свою деятельность в субарктических районах Европейской зоны российской Арктики.

В свою очередь, вокруг АЗС на условиях частно-государственного партнерства целесообразно размещение объектов автономного электроснабжения опорного комплекса, общественного питания, санитарных зон, помещений для отдыха водителей и пассажиров (мотели), помещений для размещения и обогрева людей, оборудованных по примеру залов ожидания на вокзалах с размещением в них меди-

цинских и аптечных пунктов, на случай возникновения чрезвычайных ситуаций на дороге, а также инфраструктурных объектов для стоянки, технического обслуживания и ремонта автотранспорта (автостоянки, шиномонтажные мастерские и др.).

На начальном этапе формирования и размещения таких опорных комплексов целесообразно использование условно-мобильных помещений модульного типа, аналогичных используемым в настоящее время РАО «Газпром», для размещения персонала строящегося газопровода, что не требует значительных затрат на возведение объектов капитального строительства и значительно удешевляет стоимость проектов для участников частно-государственного партнерства.

Работа обслуживающего персонала опорных комплексов, в том числе частных охранных структур, обеспечение работы которых возлагается на инвестора, должна быть организована исключительно вахтовым методом, что должно находить отражение в соглашении о частно-государственном партнерстве. Данное положение соглашения исключит даже в далекой перспективе необходимость вложений бюджетных средств в обустройство объектов социальной сферы. Периодичность смены персонала определяется инвестором-участником ЧГП самостоятельно, с учетом специфики работы персонала и условий временного проживания на объекте.

Кроме того, такие опорные комплексы могут использоваться государством для размещения на прилегающей к ним территории опорных пунктов дислокации групп региональных спасательных отрядов, подразделений МЧС, полиции, временных (полевых) баз Арктической группировки сухопутных сил Российской армии (по необходимости, в целях обеспечения национальной безопасности в приграничной зоне), а также сезонных баз дислокации снегоуборочной техники и обслуживающего персонала дорожных служб.

Территории, прилегающие к опорным комплексам, также могут использоваться в качестве узловых пунктов для размещения технологического оборудования и персонала в рамках реализации проекта Арктической оптико-волоконной линии связи, а также стать базовыми отправными и резервными пунктами на маршрутах познавательного и научного туризма территорий Европейской зоны российской Арктики.

Реализация предлагаемых нами проектов для развития малого и среднего предпринимательства на территориях субъектов Федерации Европейской зоны российской Арктики вследствие «экстремально дискомфортных» [2] условий жизнедеятельности возможна, на наш взгляд, исключительно в рамках соглашений частно-государственного партнерства, позволяющих обеспечить определенные государственные гарантии для функционирования объектов предпринимательства.

1. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера / Утв. Постановлением Правительства РФ от 7.03.2000 № 198.

2. Районирование Севера России / науч. рук. Г.П. Лузин. Апатиты: Кольский НЦ РАН, 1993. С. 103.

3. Чужмаров А.И. Развитие частно-государственного партнерства в условиях Севера / под общ. ред. д.э.н., профессора В.В. Фаузера. М.: Экон-Информ, 2012. 178 с. (Б-ка менеджера; вып. 22).

4. Чужмарова С.И. Методология формирования и реализации налоговой политики в северных регионах России: монография / под ред. д.э.н., профессора А.Г. Шеломенцева, д.э.н., профессора В.В. Фаузера. М.: Экон-Информ, 2014. 385 с.

5. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В. Инновационные формы развития слабоосвоенных территорий // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования СГУ. 2012. № 2. С. 141–153. URL: <http://www.vestnik-ku.ru/>

А.Г. Шеломенцев,
д.э.н., профессор, руководитель,
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаврова РАН,
г. Архангельск;
Е.А. Трушкова,
к.э.н., м.н.с.,
Институт экономики Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИЙ–2030: МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Актуальность исследования существующей практики разработки стратегий субъектов Российской Федерации обусловлена следующими факторами.

Во-первых, федеративное устройство страны во многом определило необходимость формирования системы регионального планирования. Отдельные элементы стратегического планирования закладывались еще в 1920-е гг. Политико-экономическая трансформация 1990-х годов закономерно повлекла за собой изменения российской системы планирования регионального социально-экономического развития. В частности, сократился масштаб планирования регионального развития на федеральном уровне. Оно не утратило своей значимости, но изменилось по своему содержанию. Также учет средовых факторов повлек за собой изменения в самом долгосрочном планировании, ориентированном только на внутренние ресурсы системы.

Во-вторых, реформа государственного управления и бюджетной сферы на принципах New Public Management и самое важное – принятие в 2014 году Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» актуализировали научные исследования по данной проблематике, в том числе и в направлении развития регионального стратегического планирования.

В связи с этим возникла необходимость разработки региональных стратегий развития на перспективу до 2030 года, задачи новой как для региональной науки, так и для практической плановой деятельности.

Содержание данной работы специфицировано *целями исследования*, которое ориентировано на определение основных методологических подходов к разработке стратегий социально-экономического развития в период нового этапа развития стратегического планирования субъектов федерации, обусловленного интеграцией стратегического планирования и бюджетирования. Для этого авторами проведен межрегиональный анализ стратегий в разрезе сроков принятия, институционального статуса, основных подходов и параметров реализации.

Информационную базу исследования составили официальные сайты исполнительных и законодательных органов власти, в которых в открытом доступе размещены стратегии социально-экономического развития субъектов РФ.

Ключевые *методы* исследования можно выделить по этапам исследования:

- 1) при систематизации и обобщении стратегий были применены методы контент-анализа текстов документов и их институциональный анализ;
- 2) при проведении межрегионального анализа были использованы методы агрегирования и типологизации основных подходов к обоснованию целей, задач, приоритетов, а также направлений, механизмов и инструментов их реализации, параметров стратегий.

Важно отметить, при рассмотрении стратегий развития авторами сделан акцент не на содержательном анализе, а на структурных аспектах целеполагания, представления перспектив регионального развития, а также предлагаемых механизмов и инструментов их достижения, которые в большей степени отражают методологический подход к разработке данного вида документов, как инструментов долгосрочного планирования.

Основная часть

Принятие закона о стратегическом планировании на федеральном уровне внесло свои коррективы в региональную нормотворческую деятельность.

Во-первых, активизировалась работа по утверждению аналогичных законов в регионах. Многие регионы, ранее принявшие такие законы, были вынуждены их пересмотреть и переутвердить с учетом положений федерального закона.

Во-вторых, характерной чертой нового этапа эволюции регионального планирования является разработка стратегий социально-экономического развития регионов – Стратегий–2030.

Между тем не менее важным является то, что разработка региональных стратегий стартовала в отсутствие:

- во-первых, федеральной стратегии развития до 2030 года;
- во-вторых, единого методического обеспечения, закреплявшего структуру, содержание и прочие моменты региональных стратегий.

В этих условиях регионы были вынуждены проявлять инициативу и творчество, что впоследствии привело не только к неравномерности процесса разработки

институционального обеспечения стратегического планирования субъектов Федерации, но и к заметной разнице процессов разработки самих Стратегий–2030.

Первоначально контрольный срок принятия стратегий для всех регионов был обозначен на 1 января 2017 года, поскольку ранее предполагалось, что Министерство экономического развития Российской Федерации представит стратегию социально-экономического развития России до 2030 года в марте 2016 года. Однако документ не был подготовлен.

Отсутствие же указанных выше документов на федеральном уровне существенно затормозило процессы в регионах. В результате по состоянию на начало 2017 года количество регионов, утвердивших стратегии–2030, составило не более 25–30% от общего числа субъектов федерации.

Позднее было принято решение, которое предусматривало перенос срока разработки документов стратегического планирования с 1 января 2017 года на 1 января 2019 года. Данная необходимость связана с тем, что до декабря 2017 года будет разработана стратегия социально-экономического развития России, которая станет одним из основных целеполагающих документов, и до 1 января 2019 года подготовлены учитывающие ее положения документы стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней.

В конечном счете разработка в новый установленный срок – до конца 2017 года федеральной Стратегии–2030 может внести существенные коррективы в ранее принятые региональные стратегии и другие документы стратегического планирования. Всем участникам предположительно будет предоставлен один год для приведения всех действующих документов в соответствие с федеральной стратегией и принятия недостающих.

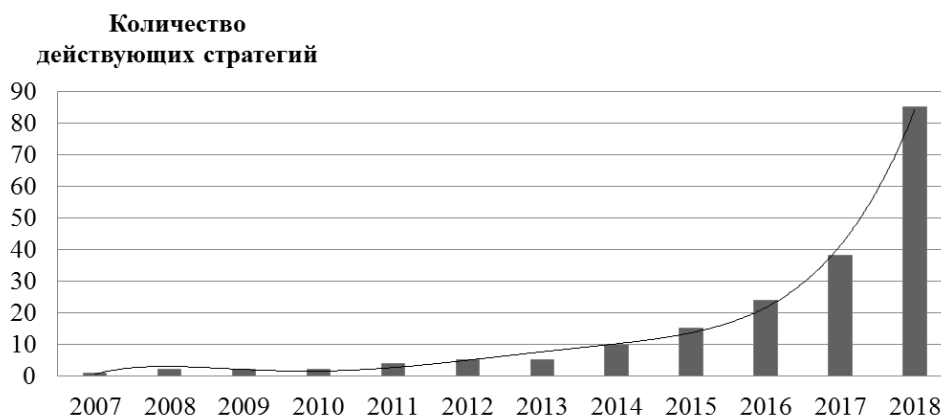

Рисунок 1. Утвержденные стратегии регионального развития на период до 2030 года

На рис. 1 отражено текущее состояние и даны определенные прогнозные оценки количества действующих стратегий социально-экономического развития субъек-

ектов федерации, охватывающих период до 2030 года. Из рисунка видно, что процесс разработки и утверждения стратегий–2030 развития ускорился после 2014 года, а его завершение можно с высокой долей вероятности спрогнозировать на конец 2018 года.

Сбор и обобщение стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации

По состоянию на начало 2017 года все субъекты Федерации имеют принятые стратегии социально-экономического развития. С начала 2000-х годов регионами последовательно разрабатывались стратегии на перспективу до 2020, 2025 и 2030 годов. На начало 2017 г. в 36% регионов действуют стратегии–2020, в 26% – стратегии–2025 и 2028, в 38% – стратегии–2030 (табл. 1). Следует отметить, что наименьший удельный вес субъектов Федерации, в которых действуют еще стратегии–2020, относятся к Центральному (67%), Южному (50%) и Уральскому (50%) федеральным округам (рис. 2). Стратегии–2025 являются действующими в Северо-Кавказском (57%) и Дальневосточном (56%) федеральных округах. Наибольший удельный вес принятых стратегий 2030 можно отметить в Северо-Западном (55%), Приволжском (50%), и Уральском (50%) федеральных округах.

В настоящее время в 32 из 85 регионов разработаны и приняты стратегии–2030. В 29 регионах стратегии размещены на официальных сайтах органов власти. Они и стали предметом последующего анализа.

Таблица 1

Количество субъектов Федерации, имеющих принятые стратегии

Наименование федерального округа	Количество субъектов Федерации	Стратегии 2020		Стратегии 2025		Стратегии 2030	
		Кол-во	Уд. вес, %	Кол-во	Уд. вес, %	Кол-во	Уд. вес, %
Центральный ФО	18	12	66,7	4	22,2	2	11,1
Северо-Западный ФО	11	5	45,5	-	0,0	6	54,5
Южный ФО	8	4	50,0	1	12,5	3	37,5
Северо-Кавказский ФО	7	-	0,0	4	57,1	3	42,9
Приволжский ФО	14	4	28,6	3	21,4	7	50,0
Уральский ФО	6	3	50,0	-	0,0	3	50,0
Сибирский ФО	12	2	16,7	5	41,7	5	41,7
Дальневосточный ФО	9	1	11,1	5	55,6	3	33,3
Итого:	85	31	36,5	22	25,9	32	37,6

Такая неравномерность разработки стратегий обусловлена отсутствием: во-первых, строгого требования со стороны федеральных органов власти, которыми до настоящего времени не утверждена стратегия развития России;

во-вторых, динамично-меняющимися условиями, в частности макроэкономическими (изменением валютного курса рубля, санкциями и т.п.);

в-третьих, ходом административной и бюджетной реформ, реализация которых непосредственно связана со становлением системы стратегического планирования в регионах;

в-четвертых, отсутствием утвержденных методических рекомендаций по разработке региональных стратегий.

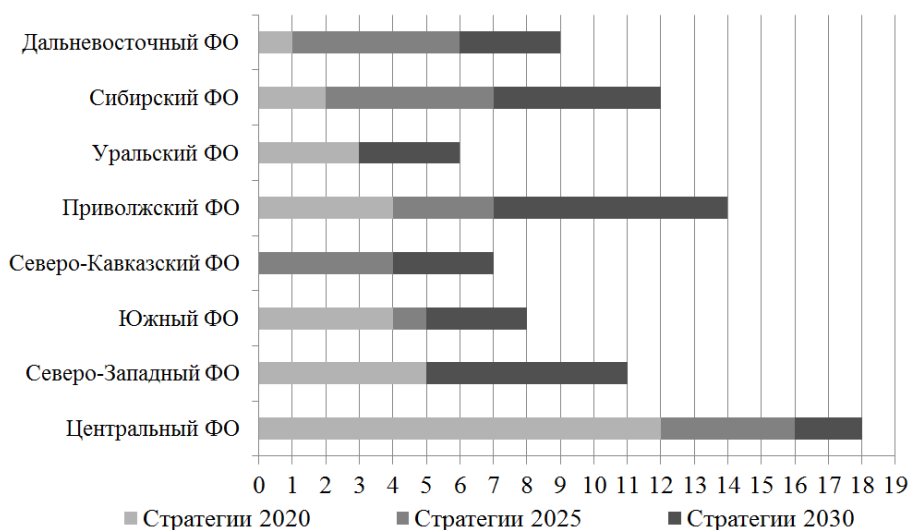

Рисунок 2 – Состояние разработки стратегий социально-экономического развития по субъектам Федерации

Объем стратегий социально-экономического развития по субъектам Федерации

Объем стратегий социально-экономического развития по субъектам Федерации колеблется очень значительно (рис. 3). Наименьшие по объему стратегии имеют Кабардино-Балкария, Свердловская область и Чукотский автономный округ – до 27–36 страниц, а в диапазоне 450–470 страниц – Самарская область и Республика Ингушетия. Средний объем стратегии по регионам составляет порядка 160 страниц. При этом порядка 10 стратегий имеют стратегии объемом менее 100 страниц, 10 стратегий – от 100 до 200 страниц, 6 – от 200 до 300 страниц, 3 стратегии более 300 страниц. Такой разброс в объемах стратегических документов наглядно свидетельствует об отсутствии единого подхода к их разработке и, как следствие, различном их статусе и роли в стратегическом планировании регионов.

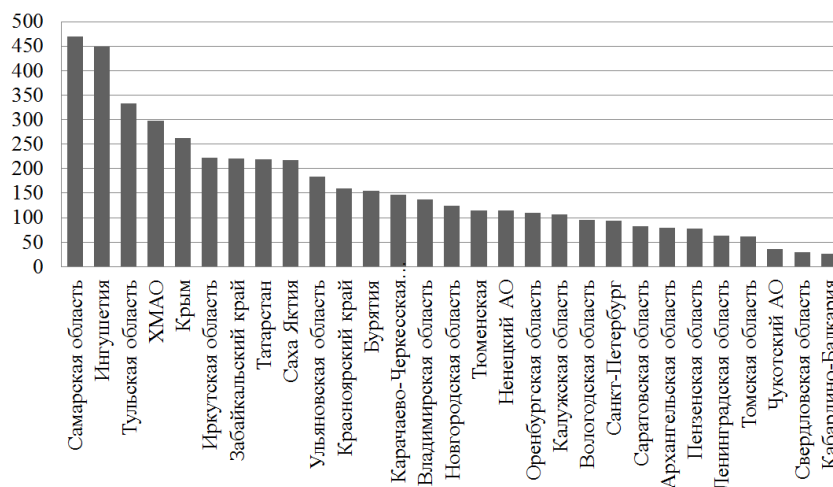

Рисунок 3. Объем стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации 2030, страниц

Сроки разработки и принятия стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации

Стратегии социально-экономического развития разрабатывались и принимались субъектами Федерации с 2007 г. Тогда первыми были приняты стратегии Пензенской области и Кабардино-Балкарской республики. И с 2013 г. этот процесс постепенно охватывает все большее количество регионов. К примеру, если в 2014 г. было принято только три стратегии, то в 2016 г. уже шесть. Между тем активность регионов с 2014 года возросла. Это связано с новым этапом реализации бюджетной и административной реформ, в частности с переходом на государственные программы, которые по планируемым результатам, критериям и показателям должны увязываться со стратегиями развития регионов. Наглядно информация представлена на рис. 4.

Как показывает практика, сроки принятия стратегий регионального развития определялись рядом факторов:

во-первых, активностью, ментальностью и квалификацией руководителей субъектов Федерации, в том числе их пониманием значимости стратегического планирования как инструмента государственного управления;

во-вторых, отсутствием строгих сроков разработки стратегий федеральными органами власти для субъектов Федерации;

в-третьих, общими темпами реализации бюджетной и административной реформ, а позже внедрения стратегического планирования.

В целом общий тренд принятия стратегий имеет вид гиперболы, отражающей устойчивый рост количества ежегодно принятых стратегий регионами России. В связи с этим в 2017 г. следует ожидать рекордного количества принятых стратегий.

Так, только за первый квартал уже разработано и принято три стратегии (Крымом, Саратовской и Иркутской областями).

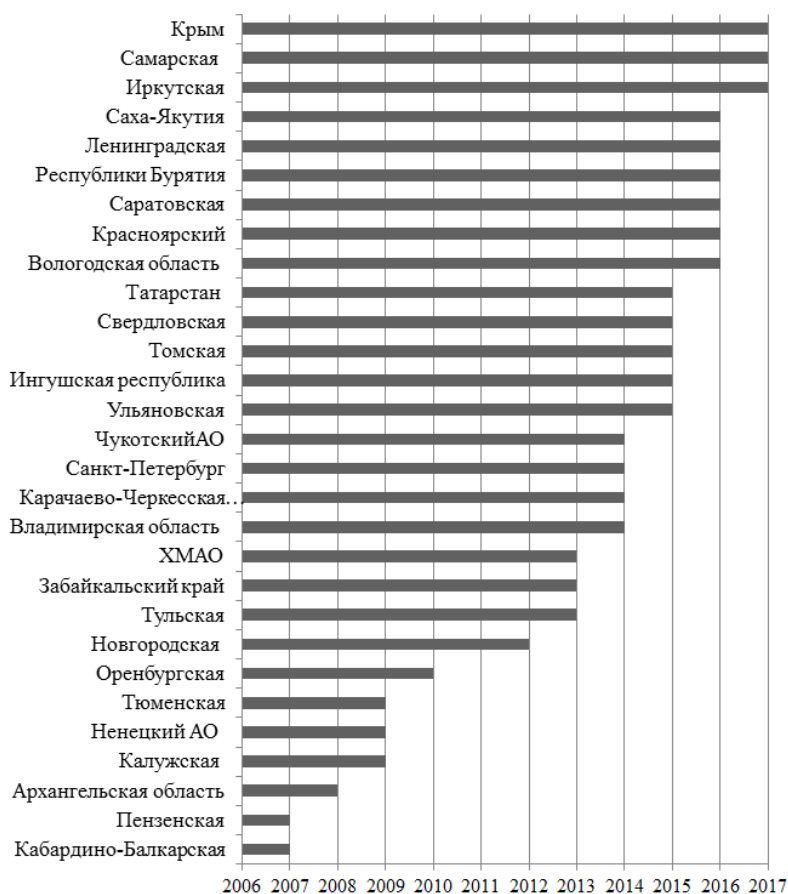

Рисунок 4. Временные ряды принятия стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации

Правовой статус стратегий развития субъектов Федерации

Согласно п.6 ст. 32 Федерального закона от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации утверждается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации [1].

Данная норма федерального закона впоследствии с учетом указанных альтернатив была закреплена в соответствующих положениях законов о стратегическом планировании, принятых субъектами Федерации, а также привела к формированию

трех основных институциональных моделей стратегий социально-экономического развития регионов России (рис. 5).

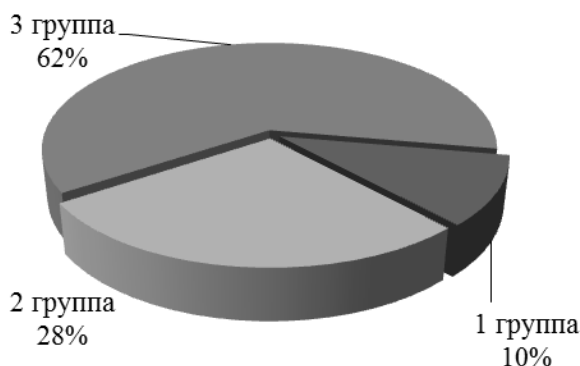

Рисунок 5. Институциональные модели стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации

К первой группе, составляющей около 10% от всего количества, относятся стратегии, утвержденные губернаторами и главами администраций регионов (Стратегии Архангельской и Владимирской областей, а также Республики Бурятия).

Ко второй группе, составляющей около 30%, относятся стратегии, утвержденные законодательным органом власти и имеющие статус законов субъектов Федерации. К ним относятся стратегии Свердловской, Ленинградской, Томской, Новгородской, Пензенской и Красноярской областей, а также республик Крым и Татарстан. При этом на долю третьей, самой большой, группы приходится около 60% всех стратегий.

В большинстве регионов (третьей группе) (62%) стратегии социально-экономического развития имеют статус закона субъекта Федерации.

Фактически место и роль стратегии в системе инструментов стратегического планирования экономики региона определены ее институциональным статусом, который также отражает существующую специфику организационной культуры исполнительных и законодательных органов власти и характер их взаимодействия. Институциональный статус имеет значение при разработке и утверждении государственных программ субъектов Федерации, в частности, их вертикальной увязки с целями, задачами и приоритетами регионального развития, критериями и показателями оценки их достижения, а также механизмов распределения имеющихся в распоряжении исполнительных органов власти ресурсов.

Однако, исходя из практики, в подавляющем большинстве регионов стратегия социально-экономического развития остается в основном декларативным документом, в котором руководство субъектов федерации демонстрирует не столько реальные перспективы территорий, сколько общий политический кругозор и преданность федеральным приоритетам. И впоследствии отклонения от утвержденных стратегий, как правило, объясняются дефицитом финансовых ресурсов и макроэко-

номическими факторами. Между тем это должно стать предметом серьезного социально-экономического анализа.

Анализ содержания стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации

В соответствии с п. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации содержит:

- оценку достигнутых целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;
- приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономической политики субъекта Российской Федерации;
- показатели достижения целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, сроки и этапы реализации стратегии;
- ожидаемые результаты реализации стратегии;
- оценку финансовых ресурсов, необходимых для реализации стратегии;
- информацию о государственных программах субъекта Российской Федерации, утверждаемых в целях реализации стратегии;
- иные положения, определяемые законами субъекта Российской Федерации.

Данный закон – это единственный правовой акт, в котором содержатся хоть какие-то требования к разработке стратегии регионов, поскольку методические рекомендации так и не были утверждены. Сложившееся обстоятельство закономерно привело к существенным различиям в подходах, на которые в большинстве случаев интуитивно опираются органы власти субъектов федерации.

На основе проведенного контент-анализа стратегий субъектов федерации были сделаны следующие выводы:

1. Оценка достигнутых целей социально-экономического развития присутствует только в 40% региональных стратегиях. При этом в 70% стратегий регионов присутствует раздел по анализу социально-экономического развития регионов, в котором представляются сведения о ситуации в основных сферах (уровень жизни, промышленность, инфраструктура, социальная сфера и т.п.), факторах развития (Иркутская и Оренбургская области), макроэкономических условий (республики Бурятия, Татарстан, Карачаево-Черкессия, Саха-Якутия, Ленинградская и Оренбургская области). В этом плане следует отметить достаточно редкие случаи, когда в стратегию включается анализ муниципальных образований (Иркутская область и Крым), диагностика отраслевых кластеров и аспекты пространственного развития (Саратовская область). Около 30% регионов формулируют проблемы социально-экономического развития, на решение которых должна быть направлена стратегия.

Особенностями стратегий–2030 стали разделы, посвященные вопросам оценки региональной конкурентоспособности. Так, например, в стратегиях республик Са-

ха-Якутия, Кабардино-Балкария, а также Калужской области приводится SWOT-анализ конкурентных преимуществ и слабых сторон. В стратегиях Архангельской области и Республики Ингушетия отражены их конкурентные преимущества.

2. Приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономической политики субъекта Российской Федерации

Стратегические цели и задачи социально-экономического развития регионов как основополагающие элементы долгосрочного планирования определены во всех стратегиях. Несмотря на обязательность, стратегические приоритеты обоснованы в половине стратегий, а основные направления в 44% стратегий субъектов Федерации. В стратегии Красноярского края содержатся целевые ориентиры, Республики Татарстан – ценности, Республики Ингушетия – стратегическое дерево целей, Оренбургской области – общеэкономические ориентиры, Саратовской области и Республики Саха – приоритетные кластеры и сегменты экономики.

Следует отметить, что в некоторых стратегиях присутствует современная терминология, касающаяся регионального развития. В частности, в 45% регионов сформулирована миссия, видение-прогноз, стратегический замысел, стратегические вызовы, отражающие попытку представить перспективное будущее региона с самых широких позиций его роли в России в контексте глобальных и национальных тенденций.

3. Ожидаемые результаты реализации стратегии

В половине стратегий субъектов Федерации приводится характеристика ожидаемых результатов, основных этапов и условий их достижения. Особо следует отметить, что почти в 70% стратегий используется сценарный подход. Сценарии каждый регион обосновывает самостоятельно, в большинстве случаев по аналогии со стратегией–2020: инновационный и сырьевой, оптимистический и пессимистический и т.п. В стратегии Республики Кабардино-Балкария определяются опорные стратегии регионального развития.

4. Показатели достижения целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, сроки и этапы реализации стратегии

Практически во всех стратегиях определены показатели их достижения, при этом в 65% стратегий они разделены по этапам. В половине стратегий показатели привязаны к стратегическим целям и задачам; в 15% стратегий показатели увязаны с приоритетами и направлениями их реализации; в 10% – с проектами и мероприятиями. В целом необходимо отметить, что в 80% стратегий показатели не увязаны с показателями достижения государственных программ и показателями оценки результативности деятельности исполнительных органов власти, в том числе и губернаторов. Как правило, показатели формируются с точки зрения обеспечения удобства отчетности исполнительных органов власти.

Особо следует отметить, что внешние и внутренние риски реализации стратегии и достижения результатов отражены лишь в 20% стратегий. К примеру, наиболее подробно они представлены в стратегиях Владимирской, Ленинградской и

Оренбургской областей, Забайкальского края и Республики Бурятия. В стратегии Владимирской области выделяются социальные и транспортные риски.

5. Оценка финансовых ресурсов, необходимых для реализации стратегии

В одной трети стратегий регионов содержится обоснование потребностей в финансовых ресурсах. Отсутствие этого раздела в большинстве стратегий свидетельствует об их декларационном политическом характере. Относительно подробная оценка финансовых ресурсов, бюджетных возможностей и существующих в этом плане ограничений присутствует в стратегиях Владимирской, Самарской, Свердловской и Томской областей, а также республик Кабардино-Балкария, Ингушетия, Крым, а также Саха-Якутия.

В ряде региональных стратегий более детально прописаны инвестиции в развитие территорий и реализации стратегических проектов (Самарская, Саратовская и Ульяновская области, а также Республика Татарстан), а также формирование инвестиционного климата (Ненецкий АО). Однако результаты реализации заявленных проектов часто не увязаны с целями, задачами и направлениями стратегий.

Особо следует отметить включение в отдельные региональные стратегии в качестве самостоятельных направлений их реализации инвестиционные и финансовые стратегии (Саха-Якутия, Самарская, Саратовская и Тульская и др. области).

При этом отсутствие обеспеченности трудовыми, природными, производственными и другими видами ресурсов существенно снижают обоснованность региональных стратегий. К примеру, прогноз и учет демографической ситуации можно встретить лишь в отдельных стратегических документах, в частности, в Иркутской области и Республике Крым.

6. Информация о государственных программах субъекта Российской Федерации, утверждаемых в целях реализации стратегии

Значимость стратегий для системы стратегического планирования и управления регионами исключительно высокая, так как в соответствии с п. 4 ст. 32 Федерального закона от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации является основой для разработки государственных программ субъекта Российской Федерации, схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации [1]. Однако анализ показал, что информация о государственных программах присутствует только в 10% региональных стратегий. В качестве примеров наличия сведений о государственных программах и их увязки со стратегическими целями, задачами и приоритетами можно привести стратегии Вологодской, Иркутской и Ульяновской областей.

7. Пространственное развитие субъектов Федерации

Примерно в 50% региональных стратегий субъектов Федерации уделено место пространственному развитию территорий субъектов Федерации. В частности, общие вопросы политики пространственного развития проработаны в стратегиях Рес-

публики Саха-Якутия, Саратовской, Самарской, Тюменской и Оренбургской областей. Особо следует отметить проработку вопросов пространственной организации, комплексного развития территорий, создание инновационной инфраструктуры и формирования кластеров в стратегии Калужской области. При этом в стратегии Иркутской области большое внимание уделено проблемам развития моногородов, сельских территорий, формирования агломерации «Байкальский луч». В стратегиях Ненецкого автономного округа, Республики Саха-Якутия, Калужской и Оренбургской областях особое внимание уделено вопросам развития транспортной, энергетической, промышленной, информационной и социальной инфраструктуры. В стратегии Республики Крым проведена синхронизация стратегии и схемы территориального планирования.

8. Инструменты и механизмы реализации региональных стратегий

В 80% стратегий субъектов Федерации содержится материал об инструментах и механизмах их реализации. Следует отметить большую его разнородность и глубину. В качестве основных инструментов и механизмов реализации стратегии представлены внедрение проектного управления (Ленинградская область), мониторинг достижения целей и задач (республики Крым и Татарстан, Томская, Тульская и Тюменская и др. области), формирование институтов развития, повышение эффективности государственного управления (Оренбургская и Самарская области) и др.

Особо следует отметить в качестве инструментов регионального развития включение в стратегии укрупнение регионов (Ненецкий АО), расширение межрегиональных связей (Тюменская область), развитие внешнеэкономических связей и международное сотрудничество (Пензенская и Тюменская области, Саха-Якутия). В Ульяновской области уделяется внимание общественным инициативам в управлении региональным развитием.

Основные модели стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации

Анализ стратегий социально-экономического развития–2030 субъектов Федерации позволил нам выделить следующие три основные модели: стратегии национальных регионов: республик и автономных округов; стратегии удаленных от центра сырьевых регионов; стратегии экономически развитых регионов.

Основными признаками формирования групп явились: особенности формулировок целей и задач, отражение различных аспектов пространственного развития, применение специфических инструментов достижения поставленных результатов.

К *национальным стратегиям* отнесены стратегические документы, принятые в республиках Ингушетия, Бурятия, Башкортостан, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, а также в Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах.

Следует отметить, что относящимися к этой группе субъектами Федерации стратегии разрабатывались в течение всего рассматриваемого интервала времени (от 2007 года – (стратегия Кабардино-Балкарской Республики) до 2016 года), а так-

же продолжают разрабатываться (например, проект Республики Башкортостан). Также в значительной мере они различаются и по объему: если стратегия Чукотского АО представлена на 37 страницах, то проект Республики Ингушетия занимает около 450 страниц.

Кроме того, большинство стратегий социально-экономического развития были утверждены решениями исполнительных органов власти субъектов Федерации. Исключения здесь составляет Республика Татарстан, где «Стратегия социально-экономического развития ...» имеет статус закона.

Несмотря на то что экономика большинства этих регионов носит сырьевой характер, их национально-культурные ценности и традиции, по существу, конкурируют по значимости в общественном сознании населения, что и находит свое отражение в стратегических документах.

При этом в качестве структурных особенностей стратегий регионов этой группы можно отметить следующие.

Во-первых, в целом для них характерны социальные и национально-культурные акценты целеполагания развития. Это касается миссии региона, стратегических приоритетов, основных социальных и экономических результатов и этапов их реализации. Так, в элементах целеполагания в качестве приоритетов развития регионов этой группы присутствуют: «повышение качества жизни», «безопасность граждан», «единство многонационального народа», «формирование гармонично-развитого человека», «гармоничное развитие личности», «развитие человеческого капитала».

Более того, большинство стратегий республик и автономных округов в качестве самостоятельных разделов включают социальные блоки: «Человеческий капитал» и «Развитие человеческого капитала» (ХМАО, Республика Татарстан, Республика Бурятия, Республика Ингушетия, Республика Саха (Якутия)), «Уровень и качество жизни» (Карачаево-Черкесская Республика).

Во-вторых, в связи с тем, что экономика большинства республик и автономных округов опирается на сырьевые отрасли, в качестве сценариев ими рассматриваются инерционный, базовый и оптимистический. Кроме того, предусматривается переход сырьевой отрасли на инновационный путь развития (ХМАО), в качестве альтернативы сырьевой зависимости – отраслевая диверсификация (Ненецкий АО), привлечение инвестиций (Карачаево-Черкесская Республика, Ненецкий АО, Республика Ингушетия и др.), а также развитие туризма, малого предпринимательства, в том числе с выделением этнической специфики, и т.п.

В-третьих, в большинстве стратегий уделяется особое внимание конкурентоспособности регионов, которая оценивается с позиций обеспеченности региона природными ресурсами, качеством человеческого капитала, географо-экономического положения, эффективностью функционирования отраслей экономики, результативности государственного управления. Практически во всех стратегиях этим вопросам посвящены самостоятельные разделы: «Конкурентные позиции Республики» (Республика Татарстан), «Конкурентоспособная экономика» (Респуб-

лика Саха (Якутия)), «Конкурентоспособность экономики» (ХМАО), «Анализ конкурентных преимуществ и конкурентных позиций» (Республики Бурятия), «Оценка уровня конкуренции региона» (Республика Ингушетия).

В-пятых, в качестве фактора, определяющего социально-экономическое развитие республик и обеспечения качества жизни населения, рассматривается экология, которая представлена в контексте: обеспечения устойчивого развития республики (ХМАО), экологической политики (Республика Саха (Якутия), обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности (Карачаево-Черкесская Республика), эффективного использования природных ресурсов (Республика Татарстан), сохранение естественной природной среды и соблюдение всех экологических норм (Чукотский АО), обеспечение рационального природопользования (Республика Бурятия).

В-шестых, в части территориального развития особо можно отметить отсутствие единого подхода и выделить стратегию Республики Татарстан, в которой представлены концепция пространственного развития, стратегию Ненецкого АО, в которой отражено объединение Ненецкого автономного округа с Архангельской областью, проект стратегии Республики Бурятия, где содержатся основные направления территориального развития региона.

К стратегиям *удаленных от центра сырьевых регионов* относятся стратегии Архангельской, Иркутской, Томской и Тюменской областей, Забайкальского, Красноярского, Камчатского, Хабаровского краев.

Стратегии субъектов Федерации этой группы разрабатывались в течение всего рассматриваемого интервала времени (от 2008 года – Архангельская область до проектов ряда региона 2017 года). Также в значительной мере они различаются и по объему: если стратегия Архангельской области представлена на 79 страницах, то Иркутской – более 200 стр.

Кроме того, большинство стратегий социально-экономического развития были утверждены решениями исполнительных органов власти субъектов Федерации. Исключение из общего правила – Томская область, где стратегия утверждена законодательным органом – региональной Думой.

Основными чертами стратегий регионов этой группы являются следующие.

Во-первых, присутствие в числе приоритетов стратегического развития наряду с традиционными направлениями (развитие человеческого капитала, повышение качества жизни и благосостояния населения региона) развитие сырьевых отраслей и диверсификация промышленности (Забайкальский край, Архангельская область, Красноярский край и др.), создание высокотехнологичных производств и технологическое перевооружение отраслей промышленности (Томская область), улучшение инвестиционного климата, развитие науки.

Во-вторых, в качестве основных сценариев социально-экономического развития в большинстве регионов рассматриваются сценарии: консервативный (индустриальный) и инновационный (постиндустриальный); базовый и оптимистический. При этом основным критерием их выделения, по существу, является страте-

гия промышленного развития базовых отраслей промышленности региона, в том числе сохранение существующей отраслевой структуры, ее диверсификация, а также модернизация ключевых предприятий региона. В стратегиях отдельных регионов особое внимание уделено рискам, которые условно разделены на внешние и внутренние (Забайкальский край и др.). В Иркутской области наряду с прочими анализируются риски возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В-третьих, во всех стратегиях значительное внимание уделяется вопросам экологии. Так, в Иркутской области «забота об экологии» является одним из приоритетов социально-экономической политики, включая формирование эффективной, конкурентоспособной и экологически ориентированной модели развития, обеспечение экологически безопасного обращения с отходами, сохранение естественных экологических систем, охрана озера Байкал и защита Байкальской природной территории. В Забайкальском крае акцент сделан на развитии рационального природопользования и особо охраняемых природных территорий; в Красноярском крае – на обеспечении благоприятной окружающей среды и экологической безопасности населения, в Томской области – на рациональном использовании природных ресурсов и повышении качества окружающей среды.

В-четвертых, стратегии этой группы отличает более глубокая проработка вопросов территориального развития, включая развитие муниципальных образований, в том числе моногородов, развитие «опорных территорий» (Иркутская область); формирование кластеров и зон опережающего развития (Забайкальский край); агломерационной политики (Томская область).

Стратегии *промышленно развитых регионов* отличаются большим разнообразием структуры и содержания основных разделов стратегических документов субъектов Федерации.

При этом к основным особенностям этой самой многочисленной группы стратегий можно отнести следующие.

Во-первых, большое разнообразие стратегических целей, задач и приоритетов, в числе которых присутствуют наряду с качеством жизни, повышением конкурентоспособности, инновациями и модернизацией отраслей экономики: формирование транзитных узлов (Владимирская область), эффективное государственное управление (Владимирская, Тульская, Тюменская и Ленинградская области), развитие институтов гражданского общества (Санкт-Петербург, Саратовская и Пензенская области), обеспечение комфортной социальной и экологической среды (Владимирская, Оренбургская и Ульяновская области, Санкт-Петербург).

Во-вторых, сценарии развития субъекты этой группы формируют с большей креативностью по сравнению с другими. Так, кроме традиционных инерционных и инновационных сценариев можно встретить: во Владимирской и Вологодской областях – «целевой сценарий»; в Калужской области – сценарии «внешние тождества», «флагманские проекты» и «многофокусное развитие»; в Ульяновской области – сценарии: «высокие технологии и креативный класс» и «модернизация про-

мышленности»; в Тульской области – сценарии «интеллектуальная индустриализация» и «масштабный рост»; в Новгородской области – сценарии, опирающиеся на «планировочные узлы» и «планировочные оси» и сценарий «свободной самоорганизации расселения» и т.п. Однако в содержательном плане эти сценарии мало чем отличаются от базовых, инерционных и инновационных второй группы стратегий.

Во-третьих, в большинстве регионов особое место занимает развитие человеческого капитала. В частности, в стратегии Владимирской области он рассматривается с позиции эффективного использования и «улучшения параметров за счет позитивных преобразований в социальной и демографической сферах», в Вологодской области – в контексте «формирования пространства для жизни», в Калужской и Пензенской областях – в части занятости и образа жизни, а также инвестиций в развитие образования, здравоохранения, жилищного сектора; в Тюменской области – в качестве цели социальной политики, улучшения качества жизни и здоровья её населения.

В-четвертых, как и в предыдущей группе, в стратегиях этой группы обозначены вопросы конкурентоспособности, экологии и рационального природопользования, территориального развития.

Выводы. На основании проведенного институционального анализа, а также типологизации основных подходов к разработке стратегий социально-экономического развития регионов на перспективу до 2030 года, в части обоснования целей, задач, приоритетов, направлений, механизмов и инструментов реализации, ключевых параметров можно сделать следующие выводы:

во-первых, разброс в объемах стратегических документов, свидетельствующий об отсутствии единого методологического и методического подхода к разработке региональных стратегий развития и отсутствия главного документа – Стратегии–2030 Российской Федерации;

во-вторых, анализ динамики принятия стратегий развития регионами показал, что большее количество документов было разработано в 2016 году. Это обусловлено сроками, поставленными перед регионами;

в-третьих, в подавляющем большинстве регионов стратегия социально-экономического развития утверждена законом субъекта Федерации. Это во многом определяет следование федеральным приоритетам, соответствия им в части институционального статуса при распределении финансовых ресурсов;

в-четвертых, анализ содержания стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации по ключевым параметрам показал существенные различия в подходах, на которые в большинстве случаев интуитивно опираются органы власти субъектов Федерации. На основании результатов анализа также были выявлены три основные региональные модели стратегий социально-экономического развития (стратегии национальных регионов: республик и автономных округов; стратегии удаленных от центра сырьевых регионов; стратегии экономических развитых регионов), выделяемые по признакам – постановки стратегических целей и

задач, приоритетов, раскрытием пространственных особенностей развития, а также набором специфических инструментов достижения поставленных результатов.

Таким образом, можно заключить, что частью регионов стратегии–2030 были приняты ранее, некоторыми после принятия федерального закона, но в условиях отсутствия национальной стратегии развития, необходимых методических документов перед региональными органами власти будут стоять все новые задачи, как в части разработки стратегий–2030, так и их актуализации.

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014 г. № 26. Ст. 3378

*М.А. Шишкина,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

ИЗМЕРЕНИЕ ФАКТОРОВ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РОЖДАЕМОСТИ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Уровень рождаемости территории определяется двумя факторами – возрастной структурой и особенностями репродуктивного поведения населения. На разных этапах демографического развития воздействие двух данных факторов может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на рождаемость. Наличие благоприятной возрастной структуры обуславливает позитивные тренды в рождаемости ввиду большой численности населения в активных репродуктивных возрастах. Усиление поведенческой компоненты в рождаемости может быть вызвано изменениями в репродуктивном поведении населения под воздействием неких социально-экономических факторов. Данные изменения могут привести к уплотнению календаря рождений, откладыванию реализации репродуктивных планов на более поздние сроки в календаре рождений, росту или снижению самих репродуктивных установок.

Рассмотренные в статье северные регионы России значительно различаются по характеру протекания процессов естественного воспроизводства населения. В ряде территорий: в республиках Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областях, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях, как и в целом по стране, с начала 1990-х годов развернулась депопуляция населения. В результате характерных для 2000-х годов встречных благоприятных тенденций рождаемости и смертности в Камчатском крае естественная убыль сменилась положительным

естественным приростом еще в 2007 г., в Республике Коми и Мурманской области – в 2011 г., в Магаданской области, так же, как и в России, в 2013 г., в Сахалинской области – в 2014 г. В Республике Карелия и Архангельской области депопуляция сохраняется до сих пор. В Карелии как ввиду более высокого, чем в среднем по России, уровня смертности, так и низкой рождаемости, в Архангельской области – преимущественно из-за низкой рождаемости.

В республиках Тыва и Саха (Якутия), Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах в период общероссийской депопуляции и по настоящее время наблюдается положительный естественный прирост.

В данной статье осуществляется измерение факторов детерминации современных тенденций рождаемости в северных регионах России за период 1999–2015 гг. Точка отсчета выбрана не случайно – для страны и для большинства регионов с проблемой низкой рождаемости это тот год, когда ее показатель достиг минимального значения.

Суммарный коэффициент рождаемости, рассчитываемый на основе повозрастных коэффициентов, возрастал в исследуемый период, особенно устойчивое увеличение наблюдалось с 2007 г. Рост рождаемости происходил в пределах суженного типа воспроизводства в целом по России, а также в Республике Карелия, Архангельской, Мурманской, Магаданской, Сахалинской областях, Камчатском крае (табл. 1).

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в северных регионах России, 1999-2015 гг.

	1999	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
Российская Федерация	1,16	1,29	1,57	1,58	1,69	1,71	1,75	1,78
Республика Карелия	1,12	1,30	1,58	1,60	1,71	1,65	1,74	1,77
Республика Коми	1,17	1,37	1,64	1,71	1,88	1,97	2,02	2,00
Архангельская область	1,18	1,36	1,63	1,63	1,76	1,80	1,84	1,85
Ненецкий АО	1,69	1,81	2,11	2,01	2,35	2,31	2,42	2,58
Мурманская область	1,06	1,25	1,49	1,49	1,57	1,62	1,65	1,71
Ханты-Мансийский АО	1,29	1,51	1,81	1,84	2,02	2,05	2,09	2,07
Ямало-Ненецкий АО	1,44	1,57	1,79	1,84	2,05	2,09	2,19	2,19
Республика Тыва	1,86	2,15	3,03	3,25	3,35	3,42	3,49	3,39
Республика Саха (Якутия)	1,71	1,73	2,00	2,06	2,17	2,17	2,25	2,19
Камчатский край	1,21	1,41	1,51	1,61	1,73	1,77	1,85	1,89

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Магаданская область	1,21	1,36	1,44	1,48	1,65	1,69	1,66	1,66
Сахалинская область	1,13	1,43	1,56	1,57	1,71	1,81	1,96	2,02
Чукотский АО	1,41	1,91	1,89	1,81	1,97	1,91	2,04	2,10

В 2014–2015 гг. в Республике Коми, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах суммарный коэффициент рождаемости приблизился к границе нормы, приемлемой для замещения поколений, но не достиг ее. В Ямало-Ненецком АО в этот период уровень СКР соответствовал простому, а в Ненецком АО – расширенному режиму воспроизводства. В Республике Саха (Якутия) в 2012–2015 гг. также рождаемость находилась на уровне простого воспроизводства. Самая высокая рождаемость в Республике Тыва, где за рассматриваемый период она соответствовала с 2002 по 2006 г. простому и с 2007 по 2015 гг. расширенному воспроизводству населения.

Для выявления причин, обусловивших благоприятные сдвиги и определения будущих тенденций в области рождаемости, воспользуемся частным случаем индексного метода – методом прямой стандартизации. *Стандартизация демографических коэффициентов* – это приведение сравниваемых сложных явлений к сопоставимой форме путем преобразования одного из составляющих эти явления рядов элементов к единому стандарту [8, с. 50]. В данной статье будет применена прямая стандартизация – когда за стандарт принимают возрастную структуру населения за определенный год.

Расчет индекса возрастного коэффициента рождаемости (стандартизованного коэффициента рождаемости) производится через прямой метод стандартизации:

$$I_{\text{ВКР}} = \frac{\sum \text{ВКР}_1 \times D_0}{\sum \text{ВКР}_0 \times D_0}$$

С разложением индекса динамики специального коэффициента рождаемости на компоненты – фактор интенсивности и фактор структуры населения:

$$I_{\text{СпецКР}} = I_{\text{ВКР}} \times I_{\text{СТРУКТ}} = \frac{\sum \text{ВКР}_1 \times D_0}{\sum \text{ВКР}_0 \times D_0} \times \frac{\sum \text{ВКР}_1 \times D_1}{\sum \text{ВКР}_1 \times D_0},$$

где: $I_{\text{ВКР}}$ – индекс возрастного коэффициента рождаемости; $I_{\text{СпецКР}}$ – индекс специального коэффициента рождаемости; $I_{\text{СТРУКТ}}$ – индекс возрастной структуры женщин репродуктивного возраста (15-49 лет); ВКР – возрастные коэффициенты рождаемости; Д – структура населения женщин репродуктивного возраста (в %).

Использование индексного метода и метода стандартизации применяется в научных трудах А.Г. Волкова [1, с. 52], А.А. Еремина [2], О.Д. Захаровой [3],

Н.В. Зверевой и В.Н. Архангельского [4], О.В. Кучмаевой [5], Л.А. Поповой [6], Л.Л. Рыбаковского [7], Н.В. Старковой [9], А.А. Шабуновой и О.Н. Калачиковой [10], а также других ученых.

Применение данного метода в ходе исследования факторов детерминации современных тенденций рождаемости в северных регионах России позволило получить ряд следующих результатов.

Вклад фактора интенсивности был максимален сразу после активизации демографической политики в начале 2000-х годов и ее усиления региональными мерами во втором десятилетии 2000-х годов. Средний за 2007–2015 гг. вклад фактора интенсивности в формирование динамики специального коэффициента рождаемости ($C_{\text{пец}KP}$) был выше вклада фактора возрастной структуры во всех северных регионах России (табл. 2).

Таблица 2

Роль вклада фактора возрастной структуры и интенсивности рождаемости в формировании динамики ее специального коэффициента в северных регионах России, среднее значение за 2007–2015 гг., в %

	<i>Изменение $C_{\text{пец}KP}$</i>	<i>Вклад фактора интенсивности рождаемости в изменение $C_{\text{пец}KP}$</i>	<i>Вклад фактора возрастной структуры в изменение $C_{\text{пец}KP}$</i>
Российская Федерация	4,19	3,48	0,67
Республика Карелия	3,93	3,51	0,39
Республика Коми	4,11	4,45	-0,33
Архангельская область	4,35	4,34	-0,01
Ненецкий АО	4,62	5,22	-0,57
Мурманская обл.	2,85	3,74	-0,86
Ханты-Мансийский АО	3,97	3,61	0,34
Ямало-Ненецкий АО	3,89	4,43	-0,52
Республика Тыва	4,43	5,52	-1,08
Республика Саха (Якутия)	3,47	2,62	0,82
Камчатский край	3,20	3,29	-0,05
Магаданская обл.	2,99	2,93	0,17
Сахалинская обл.	4,03	4,40	-0,40
Чукотский АО	0,76	1,99	-1,18

Рост возрастных коэффициентов рождаемости происходил во всех возрастных группах, кроме группы 15–19 лет. Однако после введения новых мер демографической политики рождаемость существенно увеличивалась в некоторые годы и в этой группе в ряде регионов: Ненецком АО, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском АО и особенно существенно – в Республике Тыва. В большинстве северных регионов России прирост в среднем значении возрастных коэффициентов рождаемости в 2007–2015 гг. по сравнению с 1999–2006 гг. был максимален в группах женщин 35–39 и 40–44 года (табл. 3).

Средние возрастные коэффициенты рождаемости в группах женщин 25–29, 30–34, 35–39 и 40–44 лет в 1999–2006 и 2007–2015 гг. в северных регионах России

	25–29 года		30–34 года		35–39 лет		40–44 года	
	1999–2006	2007–2015	1999–2006	2007–2015	1999–2006	2007–2015	1999–2006	2007–2015
Российская Федерация	73,9	101,2	41,4	69,6	15,1	32,0	2,7	6,3
Республика Карелия	75,5	102,4	41,7	71,4	13,9	31,6	2,0	5,5
Республика Коми	74,9	106,9	42,2	71,5	14,6	32,4	2,2	5,8
Архангельская область	77,3	104,2	41,6	71,6	14,2	31,2	1,9	5,4
Ненецкий АО	100,5	115,8	55,9	78,5	25,5	39,9	5,7	8,1
Мурманская обл.	72,7	96,6	39,8	65,9	13,2	28,3	1,9	4,6
Ханты-Мансийский АО	85,5	116,5	50,6	80,2	17,9	35,9	3,0	6,7
Ямало-Ненецкий АО	85,7	113,5	53,2	75,8	20,8	35,6	4,3	7,3
Республика Тыва	113,8	159,7	74,0	109,6	37,2	60,6	8,6	15,3
Республика Саха (Якутия)	94,9	116,7	61,8	83,4	30,9	44,6	7,1	10,7
Камчатский край	74,3	97,3	45,1	68,0	18,5	33,2	3,0	7,1
Магаданская обл.	74,3	89,9	44,7	62,4	17,0	31,7	3,1	5,8
Сахалинская обл.	72,3	98,1	42,0	66,5	15,4	32,0	2,4	6,0
Чукотский АО	82,8	99,1	57,2	65,7	25,0	33,2	7,3	7,2

Данный факт свидетельствует о создавшихся условиях для данных групп женщин реализовать вторые и последующие рождения, удовлетворить потребность в детях в более полном объеме, а также о пересмотре самих репродуктивных установок. В плане возрастов, на которые пришлось максимальные темпы прироста возрастных коэффициентов рождаемости, от общей ситуации несколько отличаются Республика Тыва и Чукотский АО. Кроме средних и старших репродуктивных возрастов, в Республике Тыва максимальный прирост был зафиксирован в группах женщин 15–19 лет, в Чукотском АО – в группе 25–29 лет.

Математическая мода рождений все еще приходится на группу женщин 20–24 года в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, республиках Тыва и Саха (Якутия), Сахалинской области. Поскольку большинство рождений в этих регионах в период 2007–2015 гг. приходилось на данную группу, очевидно, в ней в период стимулирования рождаемости происходили не только первые, но и последующие рождения.

Метод прямой стандартизации и разложения прироста специального коэффициента рождаемости на компоненты позволил выявить не только то, что после

2010 г. началось отрицательное воздействие фактора возрастной структуры на рождаемость, но и установить точное время запуска данной тенденции. Так, в целом по России фактор возрастной структуры вносит отрицательный вклад в формирование специального коэффициента рождаемости в 2014–2015 гг.

Данный процесс был запущен раньше, чем в целом по России во всех северных регионах: с 2013 г. – в Республике Саха (Якутия), с 2012 г. – в Республике Карелия, Мурманской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, с 2011 г. – в Республике Коми, Архангельской области, Ненецком АО, Камчатском крае. Всех раньше эта проблема затронула Республику Тыва и Магаданскую область (с 2010 г.), Сахалинскую область (с 2009 г.), Чукотский АО (с 2008 г.). Следовательно, в этот период именно за счет интенсивности удалось продлить благоприятные тренды в рождаемости. Везде особенно существенным является сокращение численности женщин в первых трех группах репродуктивных возрастов (15–19, 20–24 и 25–29 лет).

Абсолютное число рождений, которое прямым образом зависит от возрастной структуры населения, в 2010–2015 гг. во всех северных регионах в отдельные годы приобретало отрицательные темпы прироста (таблица 4).

Таблица 4

Абсолютное число родившихся в северных регионах России, человек, 2009–2015 гг.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация*	1761,69	1788,95	1796,63	1902,08	1895,82	1942,68	1940,58
Республика Карелия	7884	7792	7720	8027	7553	7816	7726
Республика Коми	11868	11648	11720	12418	12436	12291	11789
Архангельская область	15499	15466	14930	15478	15305	15005	14662
Ненецкий АО	695	699	641	738	705	727	767
Мурманская обл.	9074	9320	9068	9240	9210	9017	9111
Ханты-Мансийский АО	23840	25089	25393	27812	27770	27676	26864
Ямало-Ненецкий АО	8216	8263	8258	9070	8955	9140	8913
Республика Тыва	8242	8262	8478	8266	8111	7921	7492
Республика Саха (Якутия)	15970	16109	16402	16998	16704	17010	16345
Камчатский край	4074	3880	3996	4182	4160	4206	4150
Магаданская обл.	1960	1807	1800	1929	1905	1817	1751
Сахалинская обл.	6196	6016	5865	6274	6354	6657	6675
Чукотский АО	695	746	688	711	662	690	685

*- для Российской Федерации данные приведены в тыс. человек.

Помимо того, что фактор возрастной структуры теперь играет отрицательную роль, в отличие от страны в целом, где все еще стабильна благоприятная динамика

$S_{\text{пец}} \text{КР}$, в северных регионах России (в одних чаще, в других реже) в отдельные годы уже наблюдается отрицательная динамика специального коэффициента рождаемости, а также индекса ее интенсивности.

Таким образом, исследование позволило выявить существенное увеличение интенсивности рождаемости в северных регионах России в период современной государственной демографической политики, развернувшейся в середине 2000-х годов, усиленной впоследствии региональными мерами. До начала второго десятилетия 2000-х годов также формированию благоприятных трендов в рождаемости способствовала возрастная структура населения. В отличие от России в целом, в северных регионах уже проявляют себя отрицательные темпы прироста специального коэффициента рождаемости, наряду с возрастной структурой, в некоторые годы и интенсивность рождаемости негативно воздействует на его динамику. Снижение интенсивности рождаемости вполне ожидаемый процесс, поскольку вслед за введением новых мер демографической политики следовал резкий рост рождаемости. Результатом данного процесса стало преждевременное исчерпание итоговой плодovitости значительной доли населения в репродуктивных возрастах. С демографической точки зрения, неравномерность в календаре рождений чревата неблагоприятными последствиями для демографического развития. Однако такая реакция населения отражает востребованность среди населения наличия сильной семейной политики в государстве. При оценке результативности действующих мер демографической политики целесообразно сосредоточиться на том, что многие семьи в этот период в более полном объеме смогли реализовать потребность в детях, получив при этом экономическую поддержку от государства, которая позволила в той или иной степени улучшить качество жизни.

1. Волков А.Г. Избранные демографические труды: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 567 с.
2. Еремин А.А. Динамика и тенденции рождаемости в Алтайском крае на современном этапе // Известия Алтайского государственного университета. № 3. С. 114–118.
3. Захарова О.Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М.: ИС РАН, 1993.
4. Зверева Н.В, Архангельский В.Н. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости // Федерализм. 2010. №2 (58). С. 69–84.
5. Кучмаева О.В. Возможности статистики в оценке эффективности социальных проектов // Статистика и экономика. 2010. № 5. С. 96–103.
6. Попова Л.А. Демографическое развитие семьи в Республике Коми. Сыктывкар, 1998. 26 с.
7. Рыбаковский Л.Л. Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 23–30.
8. Рыбаковский О.Л, Таюнова О.А. О некоторых аспектах демографического анализа // Народонаселение. 2014. № 1. С. 44–53.

9. Старкова Н.В. Возрастная структура населения и повозрастная интенсивность рождений как факторы изменения уровня рождаемости в Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2008. № 3. С. 98–106.

10. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. К оценке эффективности стимулирования рождаемости (на материалах Вологодской области) // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. Т. 1. 2015. С. 377–384.

Работа подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.).

А.П. Шихвердиев,
д.э.н., профессор, академик РАЕН,
зав. кафедрой экономической теории и корпоративного управления
института менеджмента и предпринимательства,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорочкина,
г. Сыктывкар

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ РИСКАМИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО УРОВНЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

Динамичное и эффективное развитие инвестиционной деятельности является необходимым условием стабильного функционирования и развития экономики Российского Севера. В современных условиях для решения задач подъема региональной экономики на долгосрочную перспективу и обеспечения экономического роста необходимо создание благоприятного инвестиционного климата, способного создать условия для осуществления инвестиционной деятельности, снизить риски инвестиционных вложений, облегчить привлечение дополнительных инвестиций, аккумулируя финансовые ресурсы.

В целях реализации положений Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года и Стратегии экономического и социального развития Республики Коми, формирование и поддержание благоприятного инвестиционного климата через повышение инвестиционного потенциала и снижение инвестиционных рисков является приоритетным направлением развития инвестиционной сферы северного региона. Это позволит создать условия и предпосылки для накопления и использования инвестиционного потенциала, обеспечивающего устойчивый экономический рост на основе прогрессивных структурных сдвигов.

Россия является страной с высоким уровнем риска ведения предпринимательской деятельности по сравнению с ведущими развитыми странами мира. Обеспе-

чить эффективное управление предпринимательскими рисками возможно путем совершенствования корпоративного управления как одного из институциональных условий экономического роста. В настоящее время низкий уровень корпоративного управления и недостаточная инвестиционная активность организаций, является одной из фундаментальных проблем качественного экономического развития России, а особенно ее северных территорий, характеризующихся дополнительными рисками.

В связи с этим требуется обоснование взаимосвязи состояния инвестиционного климата северного региона с эффективностью управления предпринимательскими рисками и надлежащим уровнем корпоративного управления. Необходимо определение закономерностей в процессе управления предпринимательскими рисками с учетом концептуальной универсальности эффективного корпоративного управления. Требуется разработка механизмов эффективного управления предпринимательскими рисками и повышения уровня корпоративного управления для обеспечения благоприятного инвестиционного климата в условиях севера с использованием механизма государственно-частного партнерства.

Современное состояние отечественной экономической науки характеризуется отсутствием целостной теории управления рисками. Это положение справедливо и применительно к мировой экономической науке, что, в частности, связано с жесткой ориентацией западных теоретических разработок в области управления рисками на инструменты фондовых рынков. Начало теоретическим разработкам в этой области положили работы Г. Марковица, У. Шарпа, Д. Литтнера и Я. Моссина по равновесной теории портфеля и ценовой модели фондового рынка, опубликованные в 50–60-х годах XX века. Среди теоретических разработок по управлению рисками финансового инвестирования необходимо также отметить работы П. Бернштейна, Дж. Фон Неймана, Л.Г. Дугласа, М. Фридмана, Л. Сэведжа и ряда других исследователей. В отечественной науке теоретическая база управления указанными рисками развивается в работах Д.Г. Голембиовского, М.А. Рогова, А.С. Долматова, Ю.С. Касымова, Р. Мельникова, О.А. Кандинской, А.А. Лобанова, А.А. Первозванского, Т.Н. Первозванской и др.

Характерной особенностью большинства разработок в этой области является применение гипотезы о возможности безрисковых инвестиций и использовании доходности этих инвестиций в качестве базы при оценке рисков финансового инвестирования.

Другим активно развивающимся направлением современного риск-менеджмента является развитие теории и методологии риск-менеджмента в области управления кредитными рисками и формирования кредитных рейтингов. Это направление, в частности, развито в работах Д. Маршалла, С. Венкатармана, С. Холтдорфа, М. Рудолфа, А. Лукаса, Т. Боллерслева, Дж. Бароне-Адези, Р. Энгля, Ю.А. Соколова, Н.А. Амосовой, П.П. Ковалёва, С. Смирнова, А. Скворцова, Н.Ю. Ситниковой, Е. Дзигоевой, Е.Д. Соложенцева, П. Зангари, Г. Гуптона и А. Ли и др.

Однако проработанные в теории риск-менеджмента финансового инвестирования и кредитования методы управления рисками не ориентированы на управление хозяйственными, операционными, репутационными и другими предпринимательскими рисками предприятий, порождающими финансовые риски, и не могут служить основой управления рисками хозяйствующего субъекта.

В этой связи можно констатировать слабую изученность вопроса о взаимосвязи между улучшением качества управления рисками на предприятии и повышением их инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности, а также отсутствие единой методики, модели комплексного управления предпринимательскими рисками хозяйствующего субъекта, что обуславливает необходимость и актуальность проведения исследования в данной области.

В результате необходимо установление взаимосвязи состояния инвестиционного климата северного региона и эффективности управления предпринимательскими рисками с учетом концептуальной универсальности эффективного корпоративного управления и современных механизмов государственно-частного партнерства является перспективным и достаточно новым направлением в научных исследованиях.

Требуется разработка комплексной теоретической модели оптимального управления предпринимательскими рисками и повышения уровня корпоративного управления для обеспечения благоприятного инвестиционного климата в условиях севера с использованием механизма государственно-частного партнерства на уровне мировых стандартов (международных принципов корпоративного управления – принципов ОЭСР и международных стандартов управления рисками – COSO, FERMA, ISO и др.

Безусловно, организация системы эффективного корпоративного управления связана с определенными издержками, в т.ч. и затратами на привлечение специалистов. Однако выгоды от создания такой системы существенно превышают затраты. Это становится очевидным, если при расчете экономической эффективности принять во внимание убытки, с которыми могут столкнуться: инвесторы – в результате потери вложенного капитала, работники фирм – из-за сокращения рабочих мест и потери пенсионных отчислений, местное население – в случае краха компаний.

Несмотря на достигнутые успехи в реализации корпоративного управления в России, нельзя не признавать, что существуют серьезные проблемы при его применении в отдельных компаниях северных регионов. Это связано как с неэффективностью внутренних механизмов контроля, так и недостаточностью внешнего контроля за деятельностью акционерных обществ. В связи с этим в любой корпорации возникает конфликт интересов: с одной стороны – собственников, целью которых является максимизация дохода на вложенный капитал, с другой – менеджеров, преследующих множество локальных целей, среди которых максимизация прибыли управляемой ими корпорации находится отнюдь не на первом месте. Поэтому одной из ключевых задач развития и совершенствования корпоративного управления в России является формирование независимых и ответственных советов директо-

ров, что является во многом эффективным методом контроля деятельности компаний [1].

Задачи повышения качества корпоративного управления должны решаться и рассматриваться в глобальных масштабах, учитывая их важность для мировой экономики. Везде в мире эти вопросы находятся в центре внимания, поскольку являются центральными вопросами функционирования рыночной экономики, обеспечения экономического роста и стабильности финансовых рынков.

В настоящее время Россия должна определить и решить вопросы, каким образом совершенствовать законодательство по корпоративному управлению, поскольку вопросы корпоративного управления являются чрезвычайно важными для инвесторов и для привлечения капитала в экономику страны.

Система надлежащего корпоративного управления нужна прежде всего открытым акционерным обществам с большим количеством акционеров, ведущим бизнес в отраслях с высокими темпами роста, и заинтересованности в мобилизации внешних финансовых ресурсов на рынке капиталов. Однако ее полезность несомненна для компаний с незначительным числом акционеров, а также для компаний, действующих в отраслях со средними и низкими темпами роста. Внедрение такой системы позволяет оптимизировать внутренние бизнес-процессы и предотвратить возникновение конфликтов, организовав должным образом отношения компаний с собственниками, кредиторами, потенциальными инвесторами, поставщиками, потребителями, сотрудниками, представителями государственных органов и общественных организаций.

Основные принципы эффективного корпоративного управления:

1. Права акционеров: система корпоративного управления должна защищать права владельцев акций и обеспечивать равное отношение ко всем владельцам акций, включая мелких и иностранных акционеров.

2. Деятельность совета директоров: совет директоров обязан обеспечить стратегическое руководство бизнесом, осуществлять эффективный контроль над работой менеджеров и отчитываться перед акционерами и компанией в целом.

3. Раскрытие информации и прозрачность: система корпоративного управления должна обеспечивать своевременное раскрытие достоверной информации обо всех существенных аспектах функционирования корпорации, включая сведения о финансовом положении, результатах и перспективах деятельности, составе собственников и структуре управления.

4. Соблюдение интересов иных заинтересованных сторон и корпоративная социальная ответственность (трудовые конфликты, социальные проекты для персонала и местного населения, экологичность).

Следовательно, модель эффективного корпоративного управления для эффективного управления предпринимательскими рисками должна соответствовать следующим критериям:

- соблюдение прав акционеров, инвесторов и заинтересованных сторон;
- четкое разделение полномочий и ответственности между органами управления;

- наличие эффективного наблюдательного органа (структура совета директоров, наличие работоспособных комитетов, отсутствие конфликта интересов и др.);
- выстроенная система управленческой отчетности для наблюдательного органа;
- формализованная и прозрачная политика и процедура назначения / переизбрания директоров;
- формализованная и прозрачная политика и процедура вознаграждения директоров и руководителей компании;
- информационная открытость для акционеров и заинтересованных сторон, включая социальную ответственность;
- прозрачная дивидендная политика;
- наличие эффективных систем внутреннего контроля и аудита.

Органы управления компанией при эффективном корпоративном управлении также должны отвечать определенным требованиям. Необходимо соблюдать четкую иерархию уровней управления и подотчетности. Типовая схема органов управления представлена на рис. 1 [1].

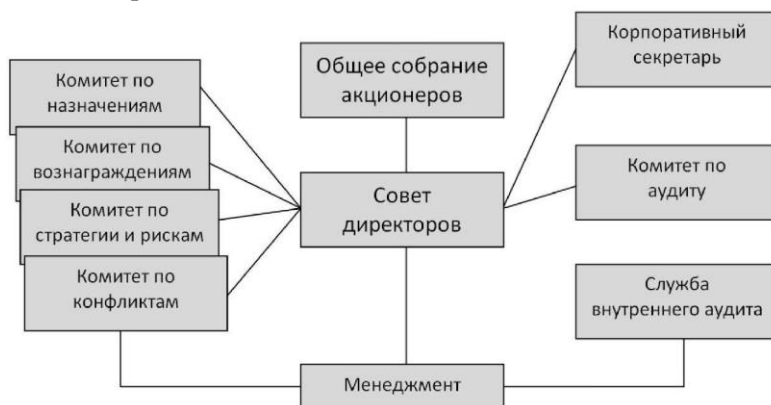

Рис. 1. Типовая схема органов управления компанией

Эффективное корпоративное управление обеспечивает компании следующие конкурентные преимущества:

1. Облегчение доступа к рынку капиталов.
 - Практика корпоративного управления – один из важнейших факторов, определяющих способность компаний выйти на внутренние и внешние рынки капиталов.
 - Реализация принципов надлежащего корпоративного управления обеспечивает необходимый уровень защиты прав инвесторов, поэтому они воспринимают эффективно управляемые компании как дружественные и способные обеспечить приемлемый уровень доходности вложений.
2. Снижение стоимости капитала.
 - Акционерные общества, которые придерживаются высоких стандартов корпоративного управления, могут добиться уменьшения стоимости внешних финансовых ресурсов и, следовательно, снижения стоимости капитала в целом.

- Стоимость капитала зависит от уровня риска, присваиваемого компании инвесторами: чем выше риск, тем больше стоимость капитала.

3. Содействие росту эффективности.

- Соблюдение стандартов корпоративного управления помогает усовершенствовать процесс принятия решений, способных оказать существенное влияние на эффективность финансово-хозяйственной деятельности общества на всех уровнях.

- Качественное корпоративное управление упорядочивает все происходящие в компании бизнес-процессы, что способствует росту оборота и прибыли при одновременном снижении объема требуемых капиталовложений.

- Надлежащее корпоративное управление строится на принципах прозрачности, доступности, оперативности, регулярности, полноты и достоверности информации на всех уровнях. Если прозрачность увеличивается, инвесторы получают возможность проникнуть в суть бизнес-операций. Даже если информация, исходящая от повысившей свою прозрачность компании, оказывается негативной, акционеры выигрывают от сокращения риска неопределенности. Таким образом, формируются стимулы к проведению советом директоров систематического анализа и оценки рисков.

4. Улучшение репутации.

- У компаний, соблюдающих права акционеров и кредиторов и обеспечивающих финансовую прозрачность и подотчетность, будет формироваться репутация ревностных хранителей интересов инвесторов. В результате такие компании смогут стать достойными «корпоративными гражданами» и пользоваться большим доверием общественности.

Одним из элементов, повышающих уровень корпоративного управления компаний, является выделение управления стоимостью компании в обособленный вид деятельности с соответствующими методами, процедурами, последовательностью.

На базе Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина нами организован и проведен ряд исследований состояния корпоративного управления, инвестиционного климата и управления предпринимательскими рисками на примере Республики Коми.

В целях анализа практики управления рисками в компаниях северного региона и выявления стратегических рисков, мешающих успешному функционированию хозяйствующих субъектов, проведено исследование «Анализ системы управления рисками в компаниях Республики Коми», по итогам которого выявлены основные риски, сдерживающие успешное развитие компаний, и предложены механизмы их устранения или минимизации.

Ранее также разработаны новые методы повышения эффективности управления государственной собственностью в акционерных обществах с долей государственного капитала для повышения их инвестиционной привлекательности.

Разработана оригинальная концепция становления и развития высокорискованного (венчурного) инвестирования на Российском Севере и механизм его государственной поддержки.

Разработан практический механизм по внедрению контроллинга в систему управления на промышленных предприятиях, упорядоченного по массиву функционально-целевых процессов в целях снижения инвестиционных рисков.

Подготовлена оригинальная схема повышения социальной ответственности бизнеса как фактора повышения эффективности корпоративного управления и инвестиционной привлекательности региона.

Получены конкретные представления об идео- и формообразующей сущности надлежащего корпоративного управления и его детерминации в системе эффективного управления предпринимательскими рисками. Установлены теоретические аспекты взаимосвязи природы инвестиционного климата с высоким уровнем корпоративного управления и управления предпринимательскими рисками.

Предложены механизмы повышения эффективности управления предпринимательскими рисками с использованием совершенной модели корпоративного управления мирового уровня, позволяющей активизировать инвестиционную деятельность, обеспечить благоприятный инвестиционный климат, экономическую безопасность и качественный экономический рост в условиях Севера.

Начата разработка теоретического и практического инструментария эффективного государственного управления инвестиционными процессами, активизации государственной поддержки субъектов инвестиционной деятельности, развития инвестиционной инфраструктуры Севера, создания и распространения ее новых институциональных форм, позволяющих обеспечить привлечение средств в долгосрочные инвестиционные проекты и приоритетные направления развития экономики.

Сформулированы фундаментальные постулаты развития государственно-частного партнерства в условиях Севера с учетом эффективного мирового опыта в целях управления инвестиционными рисками в условиях глобализации с учетом специфики современных вызовов и рисков.

Сделан вывод о том, что обеспечение благоприятного инвестиционного климата северного региона возможно путем эффективного управления предпринимательскими рисками хозяйствующих субъектов, что, в свою очередь, достигается в высококачественной модели корпоративного управления мирового уровня, обеспечивающей инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность предпринимательских структур.

Для обеспечения устойчивого развития экономики Российского Севера, на наш взгляд, необходимо продолжение исследований, в ходе которых следует провести анализ степени благоприятности инвестиционного климата в условиях Севера. На основе проведенного институционального анализа необходимо детально изучить основные факторы, определяющие состояние инвестиционного климата в северных регионах.

В дальнейшем требуется провести анализ основных причин неэффективности управления рисками и низкой конкурентоспособности компаний северных регионов. Планируется проведение комплексного исследования промышленных предприятий, работающих в условиях Российского Севера, состояния инвестиционной привлекательности и активности в целях дальнейшего установления взаимосвязей с уровнем корпоративного управления.

Необходимо продолжение исследования уровня корпоративного управления на предприятиях Республики Коми, его соответствия требованиям международных стандартов, инвестиционной привлекательности и инновационной активности компаний северных регионов, определения рейтинга корпоративного управления на основе проведенного корпоративного аудита с использованием существующих и авторских методик.

В основу исследования может быть положена оценка соответствия практики корпоративного управления в компаниях критериям методики Национального рейтинга корпоративного управления «РИД – Эксперт РА», модернизированной нами с учетом условий Севера.

В качестве основополагающего механизма управления предпринимательскими рисками в условиях повышенных рисков Севера возможно предложить использовать механизм государственно-частного партнерства. Для этого требуется провести фундаментальный анализ уровня государственно-частного партнерства в северном регионе (на примере Республики Коми). Определить социально-экономическое содержание и принципы стратегического государственно-частного партнерства как системы социально-экономических отношений в специфических условиях Севера и социально-экономические факторы развития стратегического государственно-частного партнерства организаций промышленности и органов государственной власти северных регионов.

Необходимо теоретическое обоснование и экспериментальная оценка комплексной теоретической модели и действенного механизма управления предпринимательскими рисками, позволяющего повысить уровень инвестиционного климата и конкурентоспособность отечественных компаний в условиях глобализации и специфики современных вызовов и рисков Российского Севера.

1. Современные механизмы эффективного управления компаниями / [А.П. Шихвердиев, А.А. Вишняков и др.]; под общ. ред. А.П. Шихвердиева. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2011. 304 с. Гос.рег. № 0321103130. Информрегистр от «21» ноября 2011 г.

Научное издание

**Моделирование сценариев устойчивого развития
северных регионов России в современных условиях**

Международная научно-практическая конференция

(24–25 ноября 2017 г.)

Сборник статей

Ответственный редактор А.П. Шихвердиев

Редактор Л.Н. Руденко
Корректор Р.П. Попова
Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой
Технический редактор Т.В. Матвеева
Выпускающий редактор Л.В. Гудырева

Подписано в печать 25.12.2017. Дата выхода в свет 29.12.2017.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 60x84/16.

Усл. п. л. 25,8. Уч.-изд. 20,0.

Заказ № 279. Тираж 300 экз.

Адрес типографии

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25